

Главный редактор:

Тимирязов В.Г., ректор Института экономики, управления и права (г. Казань), профессор

Заместитель главного редактора:

Бикеев И.И., проректор Института экономики, управления и права (г. Казань)
по научной работе, доцент

Редакционная коллегия:

Рабинович Л.М., заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук, куратор направления экономических наук (г. Казань)
Малков В.П., заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, куратор направления юридических наук (г. Казань)
Абузярова Н.А., доктор юридических наук (г. Казань)
Агеев Ш.Р., доктор экономических наук (г. Казань)
Алпатов Э.С., доктор экономических наук (г. Казань)
Арутюнян Ю.В., член-корреспондент РАН, доктор социологических наук (г. Москва)
Архипов А.Н., доктор экономических наук (г. Москва)
Безверхов А.Г., доктор юридических наук (г. Самара)
Буздалов И.Н., доктор экономических наук (г. Москва)
Булатов А.Е., доктор экономических наук (г. Москва)
Быков В.М., доктор юридических наук (г. Казань)
Демченко С.Г., доктор экономических наук, (г. Казань)
Дуюнов В.К., доктор юридических наук (г. Самара)
Епихин А.Ю., доктор юридических наук (г. Казань)
Железнов Б.Л., доктор юридических наук (г. Казань)
Иванцова Н.В., доктор юридических наук (г. Чебоксары)
Ильенкова С.Д., доктор экономических наук (г. Москва)
Ильин С.С., доктор экономических наук (г. Москва)
Кабанов П.А., доктор юридических наук (г. Казань)
Клемин А.В., доктор юридических наук (г. Казань)
Кочетов Э.Г., доктор экономических наук (г. Москва)
Крамин Т.В., доктор экономических наук (г. Казань)
Кругликов Л.Л., доктор юридических наук (г. Ярославль)
Кураков Л.П., доктор экономических наук (г. Чебоксары)
Курманов М.М., кандидат юридических наук (г. Казань)
Кучуков Р.А., доктор экономических наук (г. Москва)
Лазарев В.В., доктор юридических наук (г. Москва)
Лазарева В.А., доктор юридических наук (г. Самара)
Левченко О.В., доктор юридических наук (г. Оренбург)
Мальгин В.А., доктор экономических наук (г. Казань)
Мокичев С.В., доктор экономических наук (г. Казань)
Ольков С.Г., доктор юридических наук (г. Казань)
Орлов С.Л., доктор экономических наук (г. Казань)
Саттарова Н.А., доктор юридических наук (г. Казань)
Сафиуллин Л.Н., доктор экономических наук (г. Казань)
Соколинский В.М., доктор экономических наук, (г. Москва)
Фазылов Р.Р., кандидат юридических наук (г. Казань)
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук (г. Казань)
Филиппов Н.К., доктор юридических наук (г. Чебоксары)
Хабриева М.Н., доктор экономических наук (г. Казань)
Шейфер С.А., доктор юридических наук (г. Самара)
Шабанова Л.Б., доктор экономических наук (г. Казань)
Юнусов А.А., доктор юридических наук (г. Казань)
Ярандайкин Р.С., доктор юридических наук (г. Чебоксары)

Ответственный секретарь:

Дарчинова Г.Я.

Учредитель –

**частное
образовательное
учреждение
«Институт экономики,
управления и права
(г. Казань)»**

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42,
Институт экономики,
управления и права

Тел. (843) 231-92-90,
293-08-57.

E-mail: apel@ieml.ru

Адрес

**представительства
в Кыргызстане:**
714018, Кыргызстан,
г. Ош, ул. Исанова, 79,
Киргизско-Узбекский
университет

Тел.: (996-3222) 53352,
57055

Факс: (996-3222) 54542,
57055

E-mail: kuu@oshmail.kg
pauka_kuu@mail.ru
mra58@mail.ru

Подписка

на журнал
по Объединенному
каталогу «Пресса России».

Наш индекс – 86303

Редактор:

Аршинова К.В.

Корректор:

Короткова Н.Н.

Компьютерная**верстка:**

Каримова С.А.

Переводчик:

канд. пед. наук,
член Гильдии
переводчиков РТ
Беляева Е.Н.

Chief Editor:

Timiryasov V.G., the Rector of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan), professor

Vice Chief Editor:

Bikeev I.I., Pro-rector of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan) for supervising scientific work, assistant professor

Editorial board:

Rabinovich L.M., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Science (Economics), Adviser on Economic Sciences (Kazan)

Malkov V.P., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Adviser on Sciences of Law (Kazan)

Abuzyarova N.A., Doctor of Science (Law) (Kazan)

Ageev Sh.R., Doctor of Science (Economics) (Kazan)

Alpatova E.S., Doctor of Science (Economics) (Kazan)

Arutyunyan Ju.V., corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Science (Sociology) (Moscow)

Arkhipov A.N., Doctor of Science (Economics) (Moscow)

Bezverkhov A.G., Doctor of Science (Law) (Samara)

Buzdalov I.N., Doctor of Science (Economics) (Moscow)

Bulatov A.E., Doctor of Science (Economics) (Moscow)

Bykov V.M., Doctor of Science (Law) (Samara)

Demchenko S.G., Doctor of Science (Economics) (Kazan)

Duyunov B.K., Doctor of Science (Law) (Samara)

Epikhin A.Yu., Doctor of Science (Law) (Kazan)

Zheleznov B.L., Doctor of Science (Law) (Kazan)

Ivantsova N.V., Doctor of Science (Law) (Cheboksary)

Ilyenkova S.D., Doctor of Science (Economics) (Moscow)

Ilyin S.S., Doctor of Science (Economics) (Moscow)

Kabanov P.A., Doctor of Science (Law) (Kazan)

Klemin A.V., Doctor of Science (Law) (Kazan)

Kochetov E.G., Doctor of Science (Economics) (Moscow)

Kramin T.V., Doctor of Science (Economics) (Kazan)

Kruglikov L.L., Doctor of Science (Law) (Yaroslavl)

Kurakov L.P., Doctor of Science (Economics) (Cheboksary)

Kurmanov M.M., PhD (Economics) (Kazan)

Kuchukov R.A., Doctor of Science (Economics) (Moscow)

Lazarev V.V., Doctor of Science (Law) (Moscow)

Lazareva V.A., Doctor of Science (Law) (Samara)

Levchenko O.V., Doctor of Science (Law) (Volgograd)

Mal'gin V.A., Doctor of Science (Economics) (Kazan)

Mokichev S.V., Doctor of Science (Economics) (Kazan)

Ol'kov S.G., Doctor of Science (Law) (Kazan)

Orlov S.L., Doctor of Science (Economics) (Kazan)

Sattarova N.A., Doctor of Science (Law) (Kazan)

Safullin L.N., Doctor of Science (Economics) (Kazan)

Sokolinskiy V.M., Doctor of Science (Economics) (Moscow)

Fazylov R.R., PhD (Law) (Kazan)

Fatkudinov Z.M., Doctor of Science (Law) (Kazan)

Filippov N.K., Doctor of Science (Law) (Cheboksary)

Habrieva M.N., Doctor of Science (Economics) (Kazan)

Tsagarelli Ju.A., Doctor of Science (Psychology) (Kazan)

Shabanova L.B., Doctor of Science (Economics) (Kazan)

Sheifer S.A., Doctor of Science (Law) (Samara)

Junusov A.A., PhD (Law) (Kazan)

Jarandajkin R.S., Doctor of Science (Law) (Cheboksary)

Executive secretary:

Darchinova G.Ja.

Founder –

**Private educational establishment
«Institute of Economics,
Management and Law
(Kazan)»**

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya St.,
Institute of Economics,
Management and Law
(Kazan)

Tel. (843) 231-92-90,
293-08-57.

E-mail: apel@ieml.ru

**Kyrgyzstan office's
address:**

714018, Kyrgyzstan,
Osh, 79 Issanov St.

Tel.: (996-3222) 53352,
57055

Fax: (996-3222) 54542,
57055

E-mail: kuu@oshmail.kg

Subscription for journal
through the United Catalogue
«Press of Russia»

Our index - 86303

Editor:

Arshinova K.V.

Proofreader:

Korotkova N.N.

Computer lead out:

Karimova S.A.

Translator:

PhD (Pedagogics),
member of the Republic
of Tatarstan Translators' Guild
Belyaeva E.N.

The Journal is registered by the Federal Supervising Service on observance of Laws in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage. Registration certificate: ПИ № ФС77-26203 of November 16, 2006. Distribution area: Russian Federation

Format 60*84/8. Circulation 1000 copies
Signed for printing 12.09.09. Order №

© Publishing House «Poznanie», 2009

Printed at printing house «PIK «Dom pechati» LLC
420126, Kazan, 12a F. Amirhan Av.

No part of this publication may be reprinted without the reference to this Journal.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

Содержание

Экономическая теория		Уголовное право и криминология	
Э.С. Алтамова. От кризиса до кризиса: рост без развития.....5		А.Р. Зартдинова. Об уголовно-наказуемых формах нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ.....123	
В.А. Мальгин, Л.Р. Каменских. Трансформация институтов в современных условиях.....12		П.А. Кабанов, М.М. Садеев. Жертвы коррупции в Республике Татарстан: анализ виктимологической статистики за 2008 год.....129	
Экономика и управление народным хозяйством		В.А. Кондрашина. Неоднократность – признак состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ.....132	
К.А. Григорян. Адаптация экономики Республики Татарстан к изменению внешних торгово-экономических связей.....18		У.Т. Сайгитов, Э.К. Тамаев. Предмет незаконного получения кредита.....136	
С.Г. Демченко, Г.Р. Сибеева. Инновационный базис предпринимательства.....22		Э.К. Тамаев. К вопросу об объекте незаконного получения кредита.....143	
Р.З. Закиров. Инструментарий ценообразования оператора сотовой связи.....33		В.Н. Тищенко. Признаки объективного в динамике современной преступности в Российской Федерации.....148	
А.Р. Идрисова. Инновирование государственного управления: клиентоориентированные технологии.....38		V.N. Tishchenko. Signs of the objective in the dynamics of modern crime in Russian Federation (пер. с рус.).....155	
И.С. Кабиров. Статистический учет в туризме.....43		М.М. Юсупов. К вопросу об определении объекта незаконного отмывания (легализации) преступно нажитых средств.....161	
К.С. Лисенкова. Роль управления человеческим капиталом в деятельности предприятия.....48		Международное право	
Д.В. Манушин. Принципы, этапы и функции анализа финансового состояния организаций.....53		М.В. Скирда. К вопросу о роли стандартов ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию.....165	
А.В. Михалицын, М.Ю. Шабанов. Прогнозирование объема продаж лизинговых компаний на рынке грузовых автотранспортных средств Приволжского федерального округа РФ.....60		Административное право; финансовое право	
А.Ф. Набиуллин, С.Х. Файзуллина. Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации.....67		Г.А. Мустафина. Этические принципы и правовые вопросы взаимоотношения врача и пациента.....174	
Е.А. Петрова. Сущностная характеристика корпорации и корпоративного управления в постиндустриальной экономике.....74		Н.А. Самтарова. Некоторые правовые аспекты аудита бюджета.....182	
Д.А. Сергеев. Основные направления государственной поддержки nanoиндустрии на современном этапе.....85		Отзывы и рецензии	
Финансы, денежное обращение и кредит		А.Ю. Етихин. Отзыв официального оппонента на диссертацию А.А. Сычева "Дифференциация уголовно-процессуальной формы производства по делам несовершеннолетних".....186	
И.М. Абдульманов. Значение и перспективы повышения эффективности казначейской системы исполнения бюджета.....89		И.С. Скифский. Рецензия на учебное пособие доктора юридических наук, профессора С.Г. Олькова "Аналитическая криминология": курс лекций.....190	
Теория и история права и государства		Аннотации материалов и статей на английском языке.....196	
А.В. Скоробогатов. Политическая теория в законодательстве России на рубеже XVIII-XIX вв.95		Указатель материалов, опубликованных в журнале "Актуальные проблемы экономики и права" в первой половине 2009 года.....204	
А.А. Юсупов. Проблемы единства понимания юридического процесса и юридической процедуры.....107		Правила для авторов журнала "Актуальные проблемы экономики и права"208	
Конституционное право; муниципальное право		Требования к оформлению рукописей.....209	
В.М. Захаров. К вопросу о "представительных" и "непосредственных" полномочиях местного самоуправления.....115		Условия подписки на журнал "Актуальные проблемы экономики и права"209	
		Правила для авторов журнала "Актуальные проблемы экономики и права" (на англ. яз.)210	
		Требования к оформлению рукописей (на англ. яз.)211	
		Условия подписки на журнал "Актуальные проблемы экономики и права" (на англ. яз.)211	

Contents

Economics

- E.S. Alpatova.* From crisis to crisis: growth without development.....5
V.A. Mal'gin, L.R. Kamenskikh. Institutions' transformations under the modern conditions.....12

Economics and national economy management

- K.A. Grigoryan.* The tatarstan economy adaptation to the changes in external trade and economic links.....18
S.G. Demchenko, G.R. Sibayeva. Innovative basis of entrepreneurship.....22
R.Z. Zakirov. Price-forming tools of a cellular communication operator.....33
A.R. Idrisova. Innovation of state government: client-oriented technologies.....38
I.S. Kabirov. Statistical record keeping in tourism.....43
K.S. Lisenkova. The role of human capital management in the functioning of an enterprise.....48
D.V. Manushin. Forming of principles, functions and stages of organizations financial condition analysis.....53
A.V. Mikhailitsin, M. Yu. Shabanov. Predicting of the leasing companies sales in the trucks market in the Volga federal district of Russian Federation.....60
A.F. Nabiullin, S.Kh. Faizullina. Strategy of railway transport development under the economic reforms.....67
E.A. Petrova. Essential characteristic of a corporation and corporal management in post-industrial economy.....74
D.A. Sergeev. The main directions of state support for nano-industry under the modern conditions.....85

Finances, currency, credit

- I.M. Abdulmanov.* Significance and prospects of increasing the efficiency of the treasury system of budget execution.....89

The theory and the history of law and state

- A.V. Skorobogatov.* Political theory in the Russian legislation on the verge of 18th-19th cc.95
A.A. Yusupov. Issues of united interpretation of the juridical process and juridical procedure.....107

Constitutional law; municipal law

- V.M. Zakharov.* On the issue of "representative" and "direct" authority of the local self-government.....115

Criminal law and criminology

- A.R. Zartdinova.* Peculiarities of criminal liability for the violation of environmental protection rules depending on the type of executed works.....123
P.A. Kabanov, M.M. Sadeyev. Victims of corruption in tatarstan republic: analyses of victimological statistics of 2008.....129
V.A. Kondrashina. Reiteration as a feature of corpus delicti specified in article 180 of the russian criminal code.....132
U.T. Saigitov, E.K. Tatayev. The subject of illegal credit taking.....136
E.K. Tatayev. On the issue of the subject of illegal credit taking.....143
V.N. Tishchenko. Signs of the objective in the dynamic of modern crime in Russian Federation.....148
V.N. Tishchenko. Signs of the objective in the dynamic of modern crime in Russian Federation (translated from Russian).....155
M.M. Yusupov. On the issue of defining the object of illegal laundering of criminally obtained assets.....161

International law

- M.V. Skirda.* To the issue of the role of UNO standards in crime prevention and criminal justice.....165

Administrative law, finance law

- G.A. Mustafina.* Ethic principles and legal issues of interaction between a doctor and a patient.....174
N.A. Sattarova. Some legal aspects of budget audit.....182

Reviews and recensions

- A. Yu. Epikhin.* Review of an official opponent to candidate's thesis by A.A. Sychyov "Differentiation of the criminal-procedural form of process in cases of juvenile delinquency".....186
I.S. Skifskiy. Review of a textbook by doctor of science (law), professor S.G. Ol'kov "Analytical criminology: a course of lecturers".....190

Annotations of the articles of the issue196

Index of articles published in "Actual Problems

of Economics and Law" during the first half of 2009.....204

Regulations to the authors of "Actual Problems of Economics and Law" journal.....208

Regulations to the authors of "Actual Problems of Economics and Law" journal.....209

The requirements to manuscript appearance Conditions to the assignment to "Actual Problems of Economics and Law" journal.....209

Regulations to the authors of "Actual Problems of Economics and Law" journal (in English)210

The requirements to manuscript appearance (in English)211

Conditions to the assignment to "Actual Problems of Economics and Law" journal (in English)211

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 338.2

Э.С. АЛПАТОВА,

доктор экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: office@chl.ieml.ru

ОТ КРИЗИСА ДО КРИЗИСА: РОСТ БЕЗ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается положение России на мировом рынке, начиная с 1997 г. по настоящее время. Показано отличие воспроизводственной ситуации в России от аналогичной ситуации в большинстве развитых стран.

Очередной виток циклического экономического развития, захлестнувший Россию, в очередной раз показал игнорирование уроков кризиса 1998 г. и обнажил ошибочность проводимого в целом экономического курса в России. Хотя в оценках экономической политики со стороны правительства и первых лиц государства и присутствует некоторая доля самокритики (без чего было бы совсем неприлично в сложившейся ситуации), все же в их сообщениях преобладает самоуспокоенность и стремление к успокоению народа, плохо скрываемые попытки переложить ответственность за неуправляемое развитие событий на субъектов мировой экономики, прежде всего, Америку. Между тем передовой научной общественностью страны [1-6] давно и настойчиво высказывались предложения о необходимости смены прежней экономической политики, а с наступлением кризиса акцент делается на признании внутренних глубинных системных причин наступившего кризиса.

В связи с этим все чаще звучат призывы [2, 5] отказаться от политики либеральных реформ, которую, по мысли радикально настроенных политиков и экономистов, экономический блок правительства до сих пор отстаивал.

Можно понять психологическую реакцию людей, раздраженных лукавой практикой реализации этих реформ, которые в сознании не только обычного человека, но и ученого-профессионала жестко сопряжены с понятием "либерализм" и негативно персонифицированы.

Лечение любой болезни требует точной диагностики, что, в свою очередь, предполагает уточнение содержательного смысла главной категории и степени соответствия проводимой экономической политики этому смыслу. Либеральная стратегия экономического роста подразумевает налаженную систему гарантий обеспечения гражданских прав и свобод, четко работающую судебную систему, спецификацию прав собственности, механизм реализации провозглашенных институций. Существует определенный разрыв между политическими декларациями (и заявлениями экономистов от правительства), с одной стороны, и реальным содержанием практического результата – с другой. В конфетной обертке вместо сладкого продукта может оказаться совсем другая субстанция. Поэтому внешне экономическая политика, казалось бы, ориентирована на последовательное снижение экономической роли государства (один из упреков, предъявляемых реформаторам), на

самом деле эта политика все больше увеличивает возможности государства в управлении экономикой, в том числе в ручном режиме со ссылкой на кризис. Следствием этого не могут быть сужение возможностей реализации экономической активности населения (исчезновение "челночного бизнеса", сокращение доли малого и среднего предпринимательства, забалтывание его проблем и пр.) и, в конечном счете, управленческая импотенция в сочетании с социальной апатией. Даже самые хорошие решения властвующих экономических структур, пройдя через горнило чиновничье-аппаратной бюрократии, искажают свою первоначально задуманную конфигурацию вплоть до полной неузнаваемости.

С формальной точки зрения макроэкономические показатели выглядят неплохо. Действительно, в 1999-2002 гг. ВВП увеличивался в среднем на 6,7% в год, в 2003-2007 гг. – на 7% в год, и только в 2008 г. ВВП вследствие кризиса

и падения мировых цен на нефть вырос на меньшую величину – 6%. Динамично росли и улучшались и другие макроэкономические показатели, о чем свидетельствуют данные табл. 1.

Таким образом, формально неплохие макроэкономические показатели позволили сторонникам проводимой экономической политики выдвинуть тезис о наличии в стране экономического роста, который субъекты экономического реформирования ставили себе в заслугу. Между тем показатели развития российской экономики скрывают неиспользованные возможности: природная рента, формировавшаяся за счет экспорта энергоносителей и сырьевых товаров, была использована не для структурной перестройки экономики на новой технологической основе, а для погашения внешнего долга, накопления стабилизационного фонда и вывоза капитала за рубеж. Не случайно период 2000-2008 гг. в экономической литературе справедливо называют периодом упущенных возмож-

Таблица 1

**Темпы прироста основных показателей экономического и социального развития РФ
(в % к предыдущему году) [7]**

Показатель	Годы													2008 г. в % к	
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	1990	1999	
	Валовой внутренний продукт	0,9	-4,9	5,4	10,0	5,1	4,7	7,3	7,1	6,2	6,7	8,1	6,0	109,5	182,1
Объем промышленной продукции	2,0	-5,2	11,0	11,9	4,9	3,7	7,0	6,1	4,0	3,9	6,3	2,0	82,4	163,5	
Инвестиции в основной капитал	-5,0	-12,0	5,3	17,4	10,0	2,8	12,5	10,9	10,5	11,0	21,1	13,4	66,7	301,8	
Продукция сельского хозяйства	1,5	-3,2	4,1	7,7	7,5	1,5	1,3	1,6	2,0	2,4	3,3	10,0	85,5	147,5	
Реальные денежные доходы населения	6,0	-16,0	-12,0	12,0	8,7	11,1	15,1	8,4	8,8	9,0	10,7	4,0	82,1	252,2	
Индекс потребительских цен (инфляция) – прирост в декабре текущего года по отношению к декабрю предыдущего года	11,0	84,4	36,3	20,2	18,6	15,1	12,0	11,7	10,9	9,0	11,9	13,4	-	-	

ностей: благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура не была использована для вывода России на траекторию быстрого и устойчивого социально-экономического развития. По росту промышленного и сельскохозяйственного производства, инвестициям и реальным доходам мы не смогли достичь уровня указанных показателей в "дориночном" 1990 г.

На рис. 1, 2 показаны динамика валового внутреннего продукта, промышленного производства, инвестиций и реальных доходов на душу населения в 1989-2007 гг. Из них явственно следует, что так называемый социально-экономический подъем за последние 10 лет имеет

началом нижнюю точку спада, выразившуюся в кризисе 1998 г., и представляет собой процесс восстановления докризисных показателей.

Рост экономики в постдефолтовский (1998 г.) период был также обусловлен эффектом импортозамещения в связи со стихийной девальвацией отечественной валюты, носившим, однако, краткосрочный и неустойчивый характер и исчерпавшим себя по мере адаптации к мировым ценам на основе нового валютного курса. Только в 1999-2000 гг. объем промышленной продукции прирастал темпами выше темпов прироста ВВП. Во все остальные годы межкризисного десятилетия темпы увеличения ВВП опе-

Рис. 1. Динамика ВВП и промышленного производства за период 1991-2007 гг.

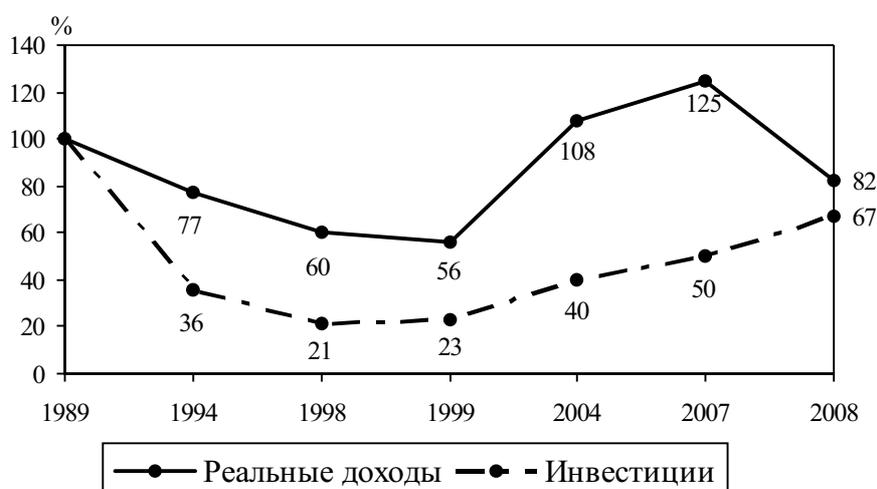

Рис. 2. Динамика инвестиций и реальных доходов на душу населения в 1989-2007 гг.

режали темпы роста промышленного производства, что само по себе, по справедливому замечанию А. Амосова, ставит под сомнение факт наличия в России экономического роста [8, с. 4]. Кроме того, еще одной негативной чертой фактора импортозамещения на основе девальвации национальной валюты явилось снижение реальных доходов населения, в силу чего он не может быть отнесен к качественным источникам роста.

Первичным, основным среди факторов прироста ВВП был рост цен на экспортные ресурсы. По данным Всемирного банка, ежегодный прирост ВВП связан на 70% с конъюнктурными внешнеэкономическими факторами, обусловленными влиянием роста экспортных цен и дополнительного притока валюты в страну. Это означает, что из 7% экономического роста примерно 4% приходится на влияние внешнеэкономических факторов и только 3% из ежегодного прироста ВВП достигается за счет внутренних источников и факторов. Россия, по сути, живет в рентной, а не производительной экономике.

Главным двигателем социально-экономического развития страны за счет собственных сил и средств являются инвестиции в основной капитал. Абсолютно недостаточные темпы роста инвестиций в основной капитал (рис. 3) в нашей стране, в результате чего наблюдается катастрофическое технико-технологическое отставание России от развитых стран, являются одной из причин сдерживания экономического

развития. За 90-е гг. объемы капитальных вложений в основные фонды снизились в 5 раз, а машины и оборудование – активная часть этих фондов – почти не обновлялись. Для поддержания конкурентоспособности отечественной продукции они подлежат замене каждые 7-8 лет, вместо этого в России средний возраст машин и оборудования составляет 18-19 лет, а зачастую и больше вплоть до полного физического износа (о моральном старении речи даже не возникает). Согласно официальной статистике, исходящей из установленных норм и сроков амортизации, степень износа основных фондов в промышленности в 2006 г. составила 45,4% при среднем возрасте оборудования – 23,5 года. Нацеленность предпринимателей на скорое обогащение в ущерб технологическому обновлению, господство неформальных правил привели к систематическому нецелевому использованию амортизационных отчислений, следствием которого стало дряхление материально-технической базы производства.

Исследователями доказана неразрывная связь между нормой инвестиций в основной капитал (их долей в ВВП) и темпом экономического развития страны. Для поддержания роста ВВП за счет собственных сил и средств на 5-7% в год России необходимо иметь норму инвестиций не менее 30-35%, вместо этого она составляет 17% (для сравнения: в Еврозоне – 20%, США – 18%, Южной Корее – 30% и т.д. при качественно отличающихся характеристиках экономического роста).

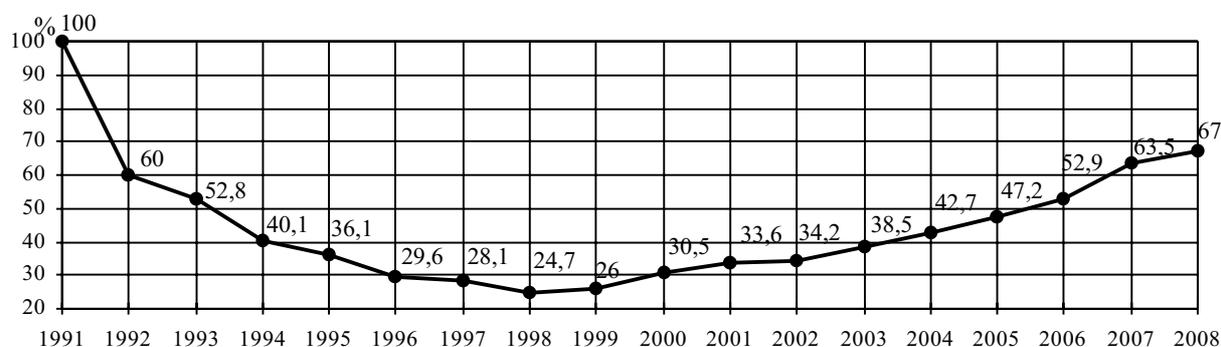

Рис. 3. Индексы динамики инвестиций в основной капитал РФ, в % к 1991 г.

Помимо добывающих, рост ВВП происходит в основном за счет традиционных отраслей с низкой наукоемкостью, что свидетельствует о крайне низком качестве экономического роста в нашей стране. Доля российской наукоемкой продукции на мировом рынке составляет всего 1%, в то время как доля США – 36%, Японии – 30%, Китая – 6% (это при том, что в России в 5 раз больше ученых на тысячу населения, чем в Китае и в 2,5 раза больше выпускников инженерных специальностей).

Потенциал высокотехнологичных отраслей (авиационной, радиотехнической, средств связи, электронной, ракетно-космической, оборонной), обеспечивающий инновационную направленность экономического развития, используется недостаточно (на 15-20%), что приводит к деградации этого комплекса. Доля продукции отраслей с высокой степенью переработки составляет всего 5%.

Как правило, предприниматели проявляют мало заинтересованности в развитии научного знания, поскольку оно не приносит мгновенного экономического эффекта, а вложения в науку являются высокорискованными. При этом государство не стимулирует предпринимательский класс делать инвестиции в научные разработки, не говоря уже о стимулировании ученых-исследователей к получению результата мирового уровня или даже его превосходящего.

Все вышеизложенное показывает, что устоявшиеся теоретические модели циклического развития не могут быть механически перенесены в российское экономическое пространство, где количественные показатели довольно часто не коррелируют адекватно с качественными. Характерной закономерностью экономических циклов согласно научным постулатам является массовое обновление основного капитала на новой технологической основе в фазе оживления и подъема, подготовленное в период понижательного тренда. В этом состоит главный позитивный результат стадии подъема, придающий поступательный импульс всему социально-экономическому развитию на новой качественной основе. У нас в стране так называемая фаза подъема обошлась в основном без мас-

совых технологических обновлений (базовые предприятия продолжали работать на старом оборудовании и использовать старые технологии), и, таким образом, экономический рост не сопровождался развитием. Поскольку экономический рост – категория воспроизводственного характера, можно констатировать, что воспроизводственная ситуация в России существенно отличается от большинства развитых стран мира, что в силу инерционности экономической практики способствует в перспективе формированию тупиковой воспроизводственной модели.

Сложившаяся еще в советское время сырьевая направленность отечественной экономики на мировом рынке, усугубившись в постсоветский период на фоне позитивной конъюнктуры, рискует превратиться в генетическое заболевание, а не кратковременное свойство транзитивной среды. В связи с этим попытки найти причины финансово-экономического кризиса только вне пределов родного отечества хороши для политиков, но не подходят для экономической науки ввиду их логической несообразности (*post hoc, ergo propter hoc*) и неконструктивности. На наш взгляд, не совсем верно воспринимать докризисную экономическую политику (по выражению К. Хубиева, "политику примитивного накопительства" [5, с. 47]) как проявление рачительности предусмотрительного хозяина. В экономическом поведении субъектов на мировом рынке, скорее всего, нет злонамеренного стремления превратить Россию в третьесортную державу – источник сырьевых ресурсов и рынок сбыта готовой продукции, – как считают многие политики, ученые и обыватели. Просто у этих стран (как и у нас!) есть собственные национальные интересы, в том числе, экономические, и если поведение каких-то субъектов в качестве экспортеров сырья устраивает самих экспортеров, то, собственно, почему бы и нет? Ведь, в конце концов, политические решения относительно направлений расходования "золотого нефтяного дождя" принимались не за океаном и не в Западной Европе, а нашей же правящей политической элитой.

Логично предположить, что накопления пришлись бы очень кстати в сфере технико-тех-

нологического обновления, основанного на ресурсо- и энергосберегающих технологиях и способствующего росту конкурентоспособности и эффективности отечественной экономики. Мировая практика свидетельствует, что не только накопленные, но и заимствованные средства, потраченные на эти цели, способны дать значительный макроэкономический эффект и обеспечить преодоление стадийного разрыва. Тем более что, согласно данным опроса, проведенного в 2005 г. международным консалтинговым агентством THE PBN Company, только 3% зарубежных инвесторов испытывают интерес к России как месту проведения научных исследований, технологического сотрудничества и инновационной деятельности. 79% зарубежных инвесторов рассматривают Россию в качестве рынка сбыта товаров и услуг [9, с. 7].

Особенно очевидной неотложная необходимость инновационного развития становится в ситуации кризисной фазы экономического цикла, так как и теоретически, и практически обоснована и доказана эффективность упреждающего инновационного развития как способа перехода к повышательной волне цикла. Недостаточно только мистической веры и громких заклинаний со стороны высшего топ-менеджмента страны о том, что мы непременно выйдем из данного кризиса еще более окрепшими. По нашему убеждению, этого не произойдет, если мы по-прежнему будем оставаться в рамках существующей экономической практики, имманентно отвергающей инновационное развитие. Главным фактором обеспечения инновационного вектора может быть наличие политической воли, оформленной в грамотных управленческих технологиях.

Экономическое развитие страны также тормозится сложившимся в России состоянием социальной сферы, в частности, уровнем социального неравенства. Хотя реальные доходы на душу населения существенно превзошли уровень 1989 г. (примерно на 25%, см. рис. 2), а численность населения с доходами ниже прожиточного минимума ежегодно сокращалась, эти процессы нельзя рассматривать в качестве положительных сдвигов в социальной политике. Этот

рост достигается главным образом за счет обогащения богатых и среднеобеспеченных слоев населения. Децильные показатели дифференциации доходов между богатыми и бедными выросли: в советское время этот разрыв был равен 3, в 1991 г. – 4,5, на сегодняшний день он достигает 15 (по данным Всемирного банка – 20). Если ориентироваться на показатель относительной бедности (люди с доходом ниже 60% от среднедушевого дохода в стране), применяемый в зарубежной практике, в состав бедных попадает половина населения нашей страны.

В развитых странах при определении индекса социального развития в качестве важнейшего показателя учитываются не только реальные доходы, но и качественные показатели: средняя продолжительность жизни населения, депопуляция (разница между числом умерших и родившихся в стране), уровень образования, качество медицинского обслуживания, обеспеченность жильем, качество экологической среды. Так, по уровню образования мы сейчас занимаем примерно 30-е место в мире, а по средней продолжительности жизни уступаем не только развитым странам, но и почти всем развивающимся странам, не входя в первые 100 стран мира.

Крайне низкой продолжает оставаться конкурентоспособность отечественной продукции, о чем свидетельствует быстрый рост импорта, подавляющий развитие многих отраслей в России.

Таким образом, с грустью приходится констатировать, что прошедшие двадцать лет мало что изменили в положении России на мировом рынке: она до сих пор остается поставщиком ресурсов и потребителем готовой продукции, особенно высокотехнологичных отраслей. Некоторые исследователи отмечают, что в нашей стране сложилась парадоксальная модель сырьевой экономики, управляемой ценами мировых сырьевых бирж [10, с. 62], и экспортноориентированная модель роста, давно исчерпавшая себя с точки зрения сформулированных правительством амбициозных стратегических целей.

На наш взгляд, в настоящее время от регулятора требуется максимально точная и объек-

тивная оценка не просто ситуации, а модели развития и определение вектора социально-экономической эволюции с учетом новейших тенденций в мировой экономической науке и практике.

Список литературы

1. Аганбегян А. Социально-экономическое развитие России: стратегия роста и возможности инвестиционного обеспечения // Общество и экономика. – 2008. – № 1. – С. 18-41.
2. Глазьев С. Перспективы социально-экономического развития России // Экономист. – 2009. – № 1. – С. 3-18.
3. Полтерович В., Попов В. Эволюционная теория экономической политики // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 4-22.
4. Примаков Е. По следам удач и упущений // Экономика и жизнь. – 2008. – № 2. – С. 1, 4.

5. Хубиев К. Особенности российского экономического цикла // Экономист. – 2009. – № 3. – С. 38-49.

6. Шашитко А., Афонцев С., Плаксин С. Структурные альтернативы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. – 2008. – № 1. – С. 71-86.

7. Российский статистический ежегодник. 2009: стат. сб. / Росстат. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2009. – 826 с.

8. Амосов А. Об условиях развития народного хозяйства в 2005-2007 гг. // Экономист. – 2004. – № 6. – С. 3-6.

9. Сорокин Д.Е. Семь лет прошло: что впереди? // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2008. – № 4(79). – С. 3-11.

10. Цветков В. Иллюзия благополучия парадоксальной экономики. Год 2007 // Общество и экономика. – 2008. – № 2. – С. 47-63.

В редакцию материал поступил 13.08.09.

Ключевые слова: экономическая политика, кризис, макроэкономический показатель, ВВП, индекс социального развития.

УДК 330:347.23

В.А. МАЛЬГИН,
доктор экономических наук, профессор,

Л.Р. КАМЕНСКИХ,
аспирант

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье показывается роль институционализма в объяснении особенностей современного развития экономики, анализируются формальные и неформальные институты, формирующиеся в России. Авторы выявляют основные черты институтов, указывают на необходимость усиления стабильности институтов в условиях экономического кризиса. Особый акцент в статье делается на укрепление институтов правового государства и прав собственности.

В последнее десятилетие существенно возрос интерес ученых-экономистов к институциональной теории. Это объясняется тем, что далеко не все социально-экономические проблемы сегодня можно решить с помощью только рыночных институтов. Ныне многие российские и зарубежные ученые используют идеи институционализма для объяснения особенностей современного развития экономики на основе институционального подхода, представленного в концептуальных работах ряда известных зарубежных экономистов. Среди них можно выделить таких, как Р. Мюрдель, Д. Бьюкенен, Р. Коуз, Д. Норт и др. Необходимы такие институциональные механизмы, которые бы обеспечивали эффективную реализацию рыночных отношений. Решить эту проблему – важнейшая задача национальной инновационной системы как одной из составляющих государственной политики. Именно она должна стимулировать экономические институты, повышать эффективность политических структур, поддерживать социальные организации, активизировать научные исследования и т.п.

В институтах институционалисты видят основу для объяснения происходящего в современной экономике, в частности, в экономиках

переходного периода. Они должны создать такие зоны доверия, действуя в которых человек может значительно сэкономить на транзакционных издержках и использовать эти средства для инвестиций в производство. В максимизации экономики и состоит, в основном, проблема эффективности институтов.

Для того, чтобы понять суть институционализма в целом и транзакционных издержек в частности, необходимо рассмотреть понятие "институт". Среди ученых-экономистов нет однозначного толкования последнего. Американский экономист Т. Веблен понимал под институтами привычки и стереотипы мышления, разделяемые большим числом членов общества, привычный образ мысли, руководствуясь которыми живут люди [1]. Институты, по его мнению, первоначально возникают на базе человеческих инстинктов и простейших потребностей. Они есть результаты процессов, происшедших в прошлом, и приспособлены к обстоятельствам прошлого. Отсюда следует, что данные институты не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени, а потому обновление привычных способов мышления и общепринятого поведения необходимо в соответствии с законами эволюции.

Достаточно развернутое определение института дает К. Менар: "Под институтом мы понимаем действующую в исторических условиях совокупность социально-экономических правил, над которыми индивиды или группы индивидов в основном не властны как в краткосрочном, так и в среднесрочном плане. С экономической точки зрения эти правила нацелены на то, чтобы определить условия, в рамках которых может осуществляться индивидуальный или коллективный выбор размещения и использования ресурсов" [2]. В своих работах Менар показывает различия между институтами, рынками и организациями. Они, по его мнению, заключаются в том, что институты не представляют собой механизмы координации, и способствуют определению общественно-исторических условий, при которых могут учреждаться эти механизмы. Есть и другие точки зрения.

Разброс мнений по определению понятия "институт" во многом связан с тем, что "каждый исследователь по своему представляет институт, рынок и организацию, соответственно, и определяет их в целях анализа. На таких определениях базируются выводы, качество которых во многом зависит от точности и полноты определения" [3]. Так, например, лишь небольшая часть институционалистов, следуя Ойкену, делают попытку вывести определение из проводимого анализа действительности, а не до него. Однако при таком подходе возникает немало трудностей. В реальной жизни намного легче сначала задаться чем-либо, а потом проверять, насколько точно это положение отражает действительность и дает возможность проводить более качественный анализ. Данный способ часто бывает недостаточно продуктивным и создает лишь впечатление четких построений. Об этом говорят многие выводы и положения ряда исследователей, которые оказываются весьма далекими от реальной жизни.

Экономические институты чрезвычайно разнообразны. Они не всегда поддаются точному определению, измерению, не выступают в форме конкретных экономических параметров. Однако, как показывает опыт, каждой экономической модели отвечает свой собственный на-

бор институциональных ограничений. Институты не столько ограничивают, сколько направляют, облегчают и поощряют человеческую деятельность. Хотя институты могут стареть, приобретая "архаичный" и "церемониальный" характер". В целом они создают ту социальную ткань, без которой деятельность человека и функционирование общества невозможны. Им присущи следующие основные черты: а) обеспечение предсказуемости результатов определенной совокупности действий, тем самым привнесение в экономическую деятельность большей устойчивости; б) сокращение трансакционных затрат, то есть затрат на поиск информации, ее обработку, оценку и специфическую защиту того или иного контракта; в) исследование благодаря свойственному им процессу передачи информации, или обучения; г) наличие системы стимулов, позитивных (вознаграждение за следование определенным правилам) и негативных (наказания, которого люди ожидают за нарушение определенных правил); д) обеспечение свободы и безопасности действий индивида в определенных рамках [4].

Институты выступают своего рода "правилами игры" для "актеров", то есть индивидуальных предпринимателей, фирм и объединений, общественных организаций и граждан. Они формируют связи между людьми, стирают различия в индивидуальном поведении и, что самое главное, делают поведение индивида понятным и предсказуемым для других. Если кто-то из них направляет свои усилия на непродуктивную деятельность, то это значит, что именно такую деятельность поощряет созданная система институциональных ограничителей и вытекающая из нее система стимулов. В качестве таких ограничителей могут выступать: структура налогов, акты государственного регулирования: законы и т.п. Именно они определяют конкретную политику фирм, граждан и общественных организаций, то есть определяют конкретные проявления их экономического поведения.

Таким образом, в качестве институтов нами понимаются наиболее существенные и устойчивые социальные отношения, нормы и прави-

ла человеческого поведения в экономической, социальной и любой другой сферах. Они определяют стимулы и границы выбора.

В качестве наиболее значимых и всеобъемлющих экономических институтов выступают: права человека (их можно подразделить на права личности и права коллективной организации); права собственности, определяющие базовую структуру стимулов той или иной экономической системы; договор (контракт) как институт сделки – основной формы экономического взаимодействия.

Законы, правила и нормы формируют ограничительные рамки, стабильную среду для развития институтов рынка и взаимодействия экономических субъектов. Так, например, за поставку товара бизнесмен ожидает получить материальный эквивалент или, к примеру, государственная власть, способствуя развитию той или иной отрасли, рассчитывает, впоследствии, на получение от нее налогов в бюджет и т.д. Однако само по себе существование правил недостаточно для возникновения взаимодействия, необходимо, чтобы они соблюдались членами общества. Соблюдение "правил игры" является общеобязательным для всех экономических агентов и способствует предсказуемости их деятельности.

К тому же должен быть создан действующий механизм контроля за соблюдением правил и предусмотрены определенные санкции за их нарушение. Только при наличии слаженности всех обозначенных составляющих в обществе формируется адекватная среда, способствующая развитию и полноценной реализации взаимодействия. Значение институтов в рыночной экономике Р. Коуз показал в своей Нобелевской лекции: "Никакая мало-мальски осмысленная рыночная экономика невозможна без соответствующих институтов" [5].

В условиях экономического кризиса особенно остро ощущаются недостатки стабильных институтов не только формальных, но и неформальных. Субъективность же институциональных преобразований не создает достаточных условий для формирования и поиска приоритетных форм развития отношений рыночной экономи-

ки. Это обусловлено рядом факторов, в частности, консерватизмом законодательной базы. Сегодня, например, отсутствуют многие эффективные законы, которые бы способствовали укреплению и повышению эффективности государственной власти и предпринимательства. Поэтому нередко ограничениями выступают универсальные и одномоментные решения органов власти, а также "пожелания" влиятельных политиков и чиновников. Расчеты показывают, что "замороженный" из-за избыточных административных барьеров или отсутствия должных рыночных институтов потенциал роста российской экономики достигает более 5-7% ВВП. Одной из причин этого является и низкий уровень конкуренции вследствие высоких издержек входа на рынок, а также более низкая конкурентоспособность российской экономики по сравнению с более дерегулируемыми странами.

Экономические институты, обуславливающие эффективность любой экономической системы, включают в себя, как нами уже подчеркивалось, помимо формального права, большое количество неформальных правил, обычаев, традиций. Они пронизывают всю современную экономику. К ним относятся: этика бизнеса, трудовая этика, престижность предпринимательства, политическая активность и др. Данные институты проявляются как средство координации устойчиво повторяющихся форм человеческого взаимодействия и являются: а) предложением, развитием и модернизацией формальных правил; б) социально санкционированными нормами поведения; в) внутренними, обязательными для выполнения стандартами поведения.

Много внимания неформальным правилам придают современные институционалисты, и именно с этой точки зрения они объясняют реформируемость экономики, степень эффективности одного и того же экономического института в разных странах. Неформальные правила связаны с действием неэкономических факторов, выражающих условия каждой страны – исторических, политических, географических и др.

Становление и вызревание неформальных ограничений представляет собой длительный

процесс. Их выработка осуществляется самими экономическими субъектами как результат их приспособления к изменившейся институциональной структуре. Отсюда выводится противоречивость переходного периода, состоящая "... не столько в отсутствии законодательных рыночных норм и соответствующих структур, сколько в неэффективности, а в ряде случаев и невозможности безусловного следования таким нормам" [6, с. 109]. Субъекты бизнеса "прямо сопротивляются, казалось бы разумным требованиям властей и придерживаются правил и норм поведения, плохо согласующихся с новыми рыночными институтами" [6, с. 109]. Действительно, требования формальных институтов соблюдаются лишь в той степени, в которой они не противоречат сложившимся интересам бизнеса.

Рассогласование формальных и неформальных институтов преодолевается достаточно сложно и постепенно, по мере отбора и накопления бизнесменами оптимальных в условиях изменяющейся внешней среды способов поведения, закрепляемых в новых рутинках. Способствование скорейшему осуществлению этого процесса должна демонстрировать власть. Мы убеждены в необходимости процесса институционализации неформальных правил под эгидой государственной власти.

Институты не являются чем-то заданным. Они подвержены эволюции. Эволюция институтов широко рассматривается в экономической теории. При этом используется термин "экономический метаболизм". Этот подход впервые использовал А. Маршалл, подчеркивая связь упорядочения экономических процессов (хозяйственной сферы) и живой природы. Подобную аналогию в XVIII веке проводили известные экономисты Т. Мальтус, Б. Манувиль, Д. Юм и др. Практики подтвердили возможность использования подобных аналогий, так как общество и экономика создаются людьми, которые подсознательно формируют структуры, подобные своей собственной организации.

Однако это совсем не означает, что между биологическими и экономическими процессами нет принципиальной разницы. В отличие

от биологических организмов, где основные параметры организма устанавливаются генетически, в экономике параметры динамизма и устойчивости системы возникают в процессе эволюции институтов и рыночных механизмов. Кроме того, если в биологических системах эти параметры не меняются на протяжении всей жизни организма, то в экономических системах они могут периодически пересматриваться и корректироваться по мере развития производительных сил, производственных отношений, научно-технической революции и т.п.

Об этом свидетельствует и опыт России. Как известно, переход к экономике рыночного типа потребовал создания или импортирования значительного числа новых институтов, а также модернизации традиционных. Институты здесь оказывали и оказывают существенное влияние на ситуацию с неравенством и бедностью. Поэтому их роль в этом отношении не менее значима, чем роль экономических факторов.

Институциональные преобразования подразумевают одновременное изменение формальных и неформальных норм. При этом, как показывает опыт строительства рыночной экономики в России, если формальные нормы можно изменить достаточно быстро, одномоментно (принятие законодательных актов), то неформальные, которые придают устойчивость официальным нормам и являются, таким образом, их "ядром", значительно сложнее поддаются изменениям, адаптируются к новым "правилам игры".

Для современной России, осуществляющей крупные институциональные преобразования, характерен ряд особенностей в формировании институциональной среды. Они следующие:

- а) негативистский тип создания большинства институтов, которые строились по принципу "от противного", отвергая имевшиеся институты целиком и полностью;
- б) "кризисный стиль" институционального развития;
- в) упор на импортирование институтов;
- г) неравномерность и несогласованность институциональных преобразований в разных сферах общественно-экономической деятельности;

д) широкое распространение неформальных институтов в связи с неспособностью социальных институтов осуществлять регулирование значительного количества институциональных пустот. Более того, формальные и неформальные институты здесь во многом не дополняют друг друга, а, скорее, наоборот, – попытки внедрения формальных регуляторов приводили и приводят к активизации нестандартных моделей, расширению их ассортимента. Скрытые контракты, различные неформальные договоренности между самими субъектами и с властными органами существуют параллельно рынку, являются предметом двухсторонних и многосторонних торгов.

Характерным примером такого положения является история приватизации, в ходе которой изначально прозрачные и единые правила в итоге были заменены разного рода схемами (залоговые аукционы). На организационном уровне это проявляется в корпоративном секторе: крупные корпорации – это организации кланового типа с неясной структурой и зоной ответственности, находящиеся в сложной взаимосвязи с государственными органами.

Центральным моментом стратегии институциональных преобразований может и должно стать создание системы институтов власти и механизмов государственного экономического регулирования. Приоритетом на этом направлении выступает обеспечение способности власти выработать и проводить в жизнь политику согласования общих интересов. Однако здесь нельзя допустить спонтанной селекции институтов. Эволюционная теория говорит о том, что в этом случае происходит отбор далеко не всегда оптимальных вариантов институтов. Многие из них могут даже противоречить интересам общества. А это приводит к сокращению объемов производства, снижению качества продуктов и услуг, падению качества жизни населения и т.д.

Именно слабость институтов правового государства, незавершенность процесса передела собственности, доминирование исполнительных органов над другими ветвями власти сегодня не способствуют формированию общественного консенсуса и соответственно ослабляют возможности государства в правовом ре-

гулировании экономики. А это еще раз подчеркивает необходимость дальнейшей модернизации институциональной среды, которая обеспечивала бы подотчетность создаваемых институтов всем слоям общества.

В процессе создания новых и модернизации старых институтов в России важно учитывать национальную ментальность, которая формировалась веками. Для нее характерна специфика сознания населения, складывающаяся исторически и проявляющаяся в нормах и установках, а также в поведении населения. Исходя из разделяемых ими ценностей, люди либо принимают, либо отвергают новые социальные нормы. Не случайно, что в процессе преобразования российской экономики "произошло столкновение новых формальных правил со старыми неформальными правилами, и новых неформальных правил со старыми формальными" [7]. Это привело к тому, что неформальные отношения стали превалировать над формальными. Старые институты были быстро разрушены, а новые еще не созданы. Данная ситуация способствовала заполнению образовавшейся ниши неформальными отношениями. Однако они еще не отвечали отношениям чисто рыночного хозяйства, поскольку несли на себе социокультурный отпечаток предшествующего развития. Замещение институциональных пустот неформальными институтами привело к более значительным издержкам, чем смена одного формального института другим таким же.

Строительство эффективной экономической системы в России требует создания адекватных современному уровню технологического и экономического развития институтов. При этом важно учитывать и отрицательное воздействие на экономику разразившегося мирового экономического кризиса. Действие последнего еще долго будет оказывать воздействие на социально-экономическое развитие страны. В период рыночной трансформации экономики важным моментом является институализация процесса принятия государством общеэкономических стратегических решений с четким определением конечных целей, приоритетов, последовательности этапов. Одновременно необходимо

институциональное оформление механизма "самоочищения" системы общественных производственных отношений, механизма стимулирования конкуренции и увеличения прибыли. По "теории порядка" В. Ванберга, это достигается путем установления жестких правовых рамок, ограничивающих монополизацию и "нечестную конкуренцию" в целом.

Таким образом, анализ функционирования институтов в России говорит о том, что прежде всего необходимо укрепить институты правового государства, добиться реализации основного конституционного принципа, согласно которому единственным источником власти в России является ее народ. Большое значение имеет дальнейшее укрепление прав собственности. Институциональная среда должна обеспечивать подотчетность создаваемых институтов всем слоям общества и, прежде всего, среднему классу, составляющему сердцевину эффективно действующих демократических и прозрачных институтов.

Список литературы

1. Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984.
2. Менар К. Экономика организаций. – М.: Инфра-М, 1996.
3. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: к новой теории передаточного механизма в макроэкономике. Кн. 1: Институциональная теория. Методологический эскиз. – М.: ЗАО "Изд-во экономика", 2007.
4. Экономика, основанная на знаниях: учеб. пособие / под общ. ред. А.Л. Гапоненко. – М., 2006. – С. 291.
5. Коуз Р. Нобелевская лекция "Институциональная структура производства". Природа фирмы. – М.: Дело, 2002.
6. Дерябина М. Институциональные аспекты пост-социалистического переходного периода // Вопросы экономики. – 2001. – № 2.
7. Нуриев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008.
8. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. – М., 2004.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – Фонд экономической книги "Начала", 1997.

В редакцию материал поступил 25.08.09.

Ключевые слова: институционализм, институт, формальные и неформальные институты, институциональные преобразования.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 332.12(2Рос.Тат)

К.А. ГРИГОРЯН,

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

АДАПТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН К ИЗМЕНЕНИЮ ВНЕШНИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

В статье рассматриваются вопросы устойчивого развития региона на примере Республики Татарстан с учетом особенностей регионального промышленного комплекса. Подчеркивается, что в Республике Татарстан имеется значительный потенциал повышения устойчивости региональной экономики к изменению внешних торгово-экономических связей, что зависит в немалой степени от региональной политики, проводимой органами исполнительной и законодательной власти.

В условиях кризиса, главной задачей экономической политики республики должна стать задача повышения адаптационного потенциала к изменению внешних торгово-экономических связей, поскольку наличие и уровень такого потенциала является базовым условием устойчивого и поступательного развития региона.

Решение данной задачи напрямую связано с достижением и поддержанием рациональной структуры регионального промышленного комплекса (далее – РПК) – главного звена экономики Республики Татарстан.

Считаю, что рациональность сложившейся структуры отраслей специализации РПК должна оцениваться не сравнением с какой-то идеальной структурой, достигнутой каким-то регионом или страной в целом, а исходя из внутренних возможностей и потребностей конкретного региона.

При этом необходимо учитывать глубокие преобразования, происходящие в стране, наибо-

лее важным из которых является усиление роли региональных бюджетов в обеспечении социально-экономического развития территорий.

В связи с этим, в настоящее время рациональной можно считать такую структуру РПК, которая обеспечивает условия для устойчивого и поступательного развития региона как основы повышения доходов населения и стабильного наполнения регионального бюджета финансовыми средствами, достаточными для выполнения администрацией региона своих обязательств.

Для оценки адаптационного потенциала Республики Татарстан к изменению внешних торгово-экономических связей автором был проведен анализ эффективности сложившейся структуры РПК. Получены следующие выводы:

Во-первых, сложившаяся в рассматриваемый период структура промышленного комплекса республики не является рациональной, и выражается это в следующем.

В отраслях специализации республики – топливной и нефтехимической промышленности – колебание прибыли определяется одними и теми же факторами, связанными с внешнеэкономической конъюнктурой. При этом данные колебания не компенсируются другими отраслями промышленности, развитие которых не зависит от указанных выше факторов. Это свидетельствует о высокой зависимости промышленности РТ от внешних, неконтролируемых на региональном уровне факторов и о том, что ее структура не обеспечивает устойчивое и поступательное развитие республики.

Во-вторых, производства, работающие на местный потребительский рынок республики, развиваются более низкими темпами, чем растет внутренний спрос домохозяйств. То есть наблюдается отставание в развитии обслуживающих (местных) производств, что говорит о низком уровне комплексности республиканской промышленности.

Для изменения ситуации необходимо опережающими темпами развивать производства, эффективность и устойчивость функционирования которых определяются внутренними по отношению к республике факторами.

К их числу можно отнести:

- производства, развитие которых замыкается в пределах республики.

Сюда относятся местные производства, работающие на внутренний рынок и обеспечивающие комплексное развитие республиканской промышленности, укрепление кооперационных связей;

- производства, имеющие устойчивые рынки сбыта за пределами страны.

В эту группу войдут уникальные высокотехнологичные производства, в том числе на основе нанотехнологий, выпускающие конечную продукцию (средства производства и потребительские товары), имеющую широкий рынок сбыта и устойчивую ценовую конъюнктуру за пределами Российской Федерации. Соответственно, определяющим критерием отнесения этих производств к числу приоритетных является конкурентоспособность выпускаемой продукции на внешнем рынке;

- производства, приоритетные для страны в целом и не требующие специальных мер государственного протекционизма: перспективы их развития определяются наличием внутреннего платежеспособного потребительского и инвестиционного спроса.

При этом к числу первоочередных мер антикризисного характера следует отнести повышение интенсивности кооперационных связей республиканских товаропроизводителей. В первую очередь это относится к ведущим предприятиям Татарстана.

В качестве примера можно привести Казанское предприятие ЗАО "КВАРТ", являющееся одним из лидеров в своей отрасли.

На протяжении 2005-2008 гг., данное предприятие динамично развивалось и наращивало объемы производства. Индекс промышленного производства за четыре года составил 135%, что существенно выше темпов развития в отрасли. За 2008 г. ЗАО "КВАРТ" произвело около 6% всего объема резинотехнической продукции России, увеличив долю присутствия на рынке РТИ Российской Федерации на 1,0%.

ЗАО "КВАРТ" является одним из крупных поставщиков резиновых технических изделий для предприятий нефтегазового комплекса, а по некоторым видам изделий – и единственным изготовителем в России и странах СНГ. Для предприятий нефтегазохимического комплекса ЗАО "КВАРТ" поставляет рукава для бурения диаметрами от 38 до 150 мм, рассчитанные на давление от 150 до 350 атмосфер, рукава общепромышленного назначения.

В 2007 г. было освоено изготовление резиновых элементов к пакерам 5- и 6-дюймовым для ОАО "Татнефть", которые до настоящего времени поставлялись из Америки. Сейчас специалисты завода ведут разработки по рукавам высокого давления для добычи вязких, тяжелых битумных нефтей.

В то же время отмечается недостаточное развитие системы внутриреспубликанской кооперации. По оценкам руководства завода, потребность в резиновых технических изделиях таких крупных предприятий республики, как ОАО "Татнефть", ОАО "Нижнекамскнефтехим",

ОАО "Оргсинтез", ОАО "Нижекамскшина", составляет более 30,0 млн рублей в год, фактические заказы – не более 10 млн рублей.

В последние годы жесткая конкуренция, сложившаяся на рынке РТИ, еще более усилилась с поступлением на рынок рукавов импортного производства, особенно китайского (не всегда лучшего по качеству, но привлекательного своей дешевизной), что привело к падению объемов поставок предприятиям нефтегазового комплекса.

Специалистами ЗАО "КВАРТ" была разработана программа внедрения принципиально новой конструкции рукавов, позволяющей значительно снизить материальные затраты и в то же время обеспечивающей лучшие технические и эксплуатационные свойства рукавов.

Недостаточно стабильно в плане сотрудничества складываются отношения с ОАО "Татнефть", где отбор поставщиков происходит на тендерной основе, но позиции общепромышленного назначения заказываются у торговых посредников, собирающих ассортимент по различным заводам РТИ, в том числе в Китае. В то же время ЗАО "КВАРТ" имеет возможность обеспечить поставку полного пакета по оптимальным ценам и гарантированного качества. В данном случае принцип внутриреспубликанской кооперации работает не в полной мере.

По-прежнему актуальным для ЗАО "КВАРТ" является проект по производству рукавов высокого давления для сельскохозяйственных и строительных машин и механизмов. В настоящее время эта техника и, соответственно, запасные части комплектуются и завозятся иностранными машиностроительными компаниями. Организация производства современных рукавов высокого давления, соответствующих международным стандартам, позволит решить вопросы импортозамещения, а также выйти на зарубежные рынки с конкурентоспособной продукцией. Для реализации этого проекта потребуются инвестиции в размере 129,8 млн руб. Количество вновь создаваемых рабочих мест – 31.

Учитывая сложившуюся в экономике республики ситуацию, можно с уверенностью утверждать, что с государственной поддержкой

развития именно таких предприятий, как ЗАО "КВАРТ", связано повышение устойчивости экономики Татарстана к внешним кризисам.

Кроме этого, в срочном порядке необходимо восстанавливать традиционные, существовавшие ранее цепочки производственного взаимодействия. Проблема очевидна – в девяностые годы многие предприятия республики переживали непростые времена. Часть из них прошла через процедуру банкротства, смену собственника. В последние годы, в период стабильности, ситуация здесь несколько улучшилась, появились положительные признаки и примеры экономического роста. Тем не менее, существовавшие ранее проблемы не прошли для таких предприятий бесследно. Выражается это в том, что даже в рамках республики они потеряли важные заказы, многие ниши уже заняты производителями из других российских регионов.

В качестве примера можно привести предприятие ООО "Чистопольский судоремонтный завод".

ООО "Чистопольский СРЗ", образованный на базе-площадке старейшего предприятия на реке Каме – Чистопольского судоремонтного завода им. 25-летия ТАССР, является членом ассоциации "Росречпром".

Тесное сотрудничество с научными и проектными организациями НПО "Судоремонт" (Нижний Новгород), ФГУП "Зеленодольское ЦПКБ" и НПЦ "Речпорт" дало заводу возможность строить новые суда, более 40 лет выпускать сменно-запасные части для отечественных и импортных дизелей, сменно-запасные части насосов и качалок, свыше 15 лет – сами насосы ЦНС, производить модернизацию, капитальный, средний и текущий ремонт речных судов, изготавливать сварные металлоконструкции.

Для внутриреспубликанской кооперации ООО "ЧСРЗ" может выполнять работы:

1. Судоремонт и судостроение:
 - ремонт технологического и пассажирского флота;
 - модернизацию речных судов;
 - строительство маломерного флота;
 - обновление и строительство с использованием элементов эксплуатировавшихся судов;
 - отстой судов в акватории;

- ремонт судов на слипе;
- ремонт судового радиооборудования и локаторов;
- хозяйственно-техническое обслуживание судов в навигационный период.

2. Машиностроение:

- литье чугунное СЧ 18-25, ВЧ 30-50 в землю, кокиль, центробежным способом;
- литье цветное (бронза, латунь);
- сменно-запасные части судовых дизелей отечественного производства (2Ч, 4Ч, 6Ч 12/14, 6Ч 18/22, импортного НВД 26/18-А2, А3, гильзы, поршни, головки цилиндров, насосы охлаждения, ВГШ);
- грейферы к кранам г/п 5-16 т для леса и ПГС;
- НЦК и запчасти к ним (ЗК9-6К8).

3. Прочие работы:

- производство сварных металлоконструкций;
- сварочные операции с использованием полуавтоматической и ручной сварки (в том числе наплавки);
- использование причальной стенки длиной 160 м с порталным краном г/п 15 т под склад-накопитель;
- производство и продажа кислорода;
- токарные операции на станках 16 К20, 163, 165 на валовом станке деталей длиной до 8000 мм, карусельном станке деталей Ф200 мм, фрезерные, строгальные, расточные, долбежные операции;
- трубопроводные работы;
- заготовительно-кузнечные операции по производству заготовок на молотах;
- термическая обработка деталей;
- распиловка леса;
- обстройка помещений судов;
- изготовление судовой мебели.

До начала 2000-х гг. завод поставлял для ОАО "Татнефть":

- насосы ЦНС (Н) 38-300;
- запчасти насосов ЦНС 38-300 (кронштейны задний и передний, крышки всасывания и

нагнетания, аппарат направляющий и корпус, крылачи, вал);

- запчасти качалок СК6 и СК8 корпуса и крышки опорного подшипника и пальца кривошипа.

В сложные для предприятия времена завод потерял эти заказы. Основные конкуренты – Ясногорский, Димитровградский, Воткинский машиностроительные заводы.

В настоящее время завод в состоянии возобновить эти поставки, имеется возможность производства 120-150 насосов в год, что обеспечивает создание 20 новых рабочих мест.

- Установки "Волна" и "Волна-2" для проточной промывки труб от асфальтно-парафиновых отложений и других промысловых загрязнений с поверхностей скважинного оборудования (труб, штанг, насосов и др.).

Конкуренты – предприятия Перми и Самары.

Ориентировочная стоимость:

- "Волна" – 3,5 млн руб.
- "Волна-2" – 4,5 млн руб.

Капитальный ремонт установок (производится до настоящего времени). Сведений о конкурентах нет.

Ориентировочная стоимость капитального ремонта:

- "Волна" – 2,1 млн руб.;
- "Волна-2" – 2,85 млн руб.

Сегодня, завод в состоянии обеспечить годовой выпуск новых 3-5 единиц данного оборудования; капитальный ремонт 4-6 единиц. Это позволит создать 12 новых рабочих мест.

Эти примеры указывают на наличие в Республике Татарстан потенциала для повышения устойчивости экономики к изменению внешних торгово-экономических связей, эффективная реализация которого в сложившихся условиях во многом связана с усилением мер государственной антикризисной политики поддержки приоритетных производств.

В редакцию материал поступил 10.07.09.

Ключевые слова: адаптационный потенциал, развитие региона, региональный промышленный комплекс, создание новых рабочих мест.

УДК 334.01

С.Г. ДЕМЧЕНКО,

доктор экономических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань),

Г.Р. СИБАЕВА,

старший преподаватель

Камская государственная инженерно-экономическая академия (ИНЭКА),

г. Набережные Челны

ИННОВАЦИОННЫЙ БАЗИС ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается взаимосвязь предпринимательства и инноваций. Показано, что инновации являются органической сущностью предприятий бизнеса, придерживающихся предпринимательского стиля поведения. Производится анализ инновационной активности промышленных предприятий России и отмечается необходимость российскому бизнесу преодолеть отставание от западных стран в области инновационной активности.

Предпринимательство, по нашему мнению, – это инновационный рискованный бизнес, движимый инициативой людей для лучшего удовлетворения запросов потребителей и получения высоких доходов. Впервые этот тезис опубликован нами в совместном труде [1, с. 113]. В настоящей статье внимание концентрируется на инновационной составляющей предпринимательского бизнеса.

Новизна нашего определения, заключается в том, что в отличие от некоторых точек зрения, мы не отделяем предпринимательство от бизнеса. Бизнес – это дело (например, производство продукции, услуг, продажа), а предпринимательство – это характеристика данного дела. То есть, определение того, как это дело осуществляется: инициативно, инновационно, рискованно или, напротив, рутинно, обыденно, без риска. Предпринимательство не может рассматриваться как некоторая параллельная с бизнесом деятельность. Это сам бизнес, характеризующийся определенными особенностями, что показано на разработанной нами схеме (рис. 1). В выдвинутой нами концепции бизнес подразделяется на два типа: предпринимательский и рутинный.

Предпринимательский тип бизнеса опирается на нововведения, инновации, новшества. Новшества, характеризующие предпринимательский тип бизнеса и направленные на максимизацию прибыли, всегда связаны с повышенной степенью риска, в то время, как рутинный тип бизнеса связан с меньшей степенью риска, так как повторяет достигнутое.

Инициативный, рискованный, предпринимательский бизнес нацелен на достижение конкурентных преимуществ на рынке за счет лучшего удовлетворения выявленных или ожидаемых запросов потребителей, в то время, как рутинный бизнес ориентирован на поставку традиционной продукции на известные рынки.

Мы далеки от утверждения того, что предпринимательский бизнес это всегда хорошо, а рутинный бизнес плохо. Эти два типа бизнеса взаимно дополняют друг друга. В рамках предпринимательства бизнес создает новый или улучшенный продукт и новые рынки. В рамках рутинного бизнеса осуществляется насыщение рынка товарами определенного типа с использованием технических и организационно-управленческих решений, созданных в рамках предпринимательства и инноваций. По мере

Рис. 1. Характеристики бизнеса

насыщения рынка определенным типом товаров происходит падение спроса и снижение прибыльности фирм, придерживающихся рутинного образа поведения. Тогда востребованным становится предпринимательство, чтобы вновь создавать нечто новое. На этот момент указывает И. Ансофф, который справедливо утверждает, что "частота возникновения проблем выживания определяется периодом жизненного цикла используемой технологии и спроса на их продукцию" [2, с. 236].

Инновации, являясь одной из форм проявления предпринимательства, вызывают необходимость рассмотреть эту категорию более подробно. "Инновация" – от англ. "innovation", эквивалентного русскому "нововведение". Наряду с указанными выше категориями используются схожие наименования: новация, новизна, новшество.

Новация (от позднелатинского *novatio* – обновление, изменение): что-либо новое, только что входящее в обиход, новшество.

Новизна: характеристика, показывающая, что в продукте, процессе, методе присутствует новшество.

Новшество – что-либо новое, только что входящее в обиход, новация.

Инновации реализуются в процесс инновационной деятельности (ИД).

Не видим большого смысла искать между данными категориями содержательного различия. Указанные понятия содержат одинаковую смысловую нагрузку и могут использоваться на равных основаниях. Более плодотворным, с нашей точки зрения, является поиск организационно-экономических условий для реализации инноваций. Инновация – это любой созидательный, связанный с риском процесс, с помощью которого новые идеи, ценности, стандарты, методы, процедуры получают воплощение в виде определенного результата.

Для анализа позиций различных авторов нами систематизированы классификации нововведений (инноваций) из различных литературных источников (табл. 1).

Таблица 1

Классификация нововведений

Автор	Классификационные признаки и их содержание
Р.Р. Фатхутдинов [3]	<ol style="list-style-type: none"> 1. Уровень новизны новшества: <ul style="list-style-type: none"> – радикальные (внедрение открытий, изобретений, патентов), ординарные (ноу-хау, рационализаторские предложения). 2. Стадия жизненного цикла товара: <ul style="list-style-type: none"> – стратегический маркетинг, НИОКР, подготовка производства, производство, сырье. 3. Масштаб новизны инновации (новшества): <ul style="list-style-type: none"> – в мировом масштабе (открытия, изобретения, патенты), в стране, в отрасли, для фирмы. 4. Отрасль народного хозяйства: <ul style="list-style-type: none"> – в сфере науки, в сфере образования, в социальной сфере, в материальном производстве. 5. Сфера применения инновации (новшества): <ul style="list-style-type: none"> – для внутреннего применения (внутри фирмы), для накопления на фирме, для продажи. 6. Частота применения инноваций: <ul style="list-style-type: none"> – разовые, повторяющиеся (диффузия). 7. Форма новшества – основа инновации: <ul style="list-style-type: none"> – открытия, изобретения, патенты, рационализаторские предложения, ноу-хау, товарные знаки, торговые марки, эмблемы, новые документы, описывающие технологические, производственные, управленческие процессы, конструкции, структуры, методы. 8. Вид эффекта, полученного в результате внедрения инновации: <ul style="list-style-type: none"> – научно-технический, социальный, экономический, экономический (коммерческий), интегральный. 9. Подсистема системы менеджмента: <ul style="list-style-type: none"> – целевая подсистема, обеспечивающие подсистемы, управляемая подсистема, управляющая подсистема.
С.Д. Ильенкова [4]	<ol style="list-style-type: none"> 1. В зависимости от технологических параметров: <ul style="list-style-type: none"> – процессные, продуктовые. 2. По типу новизны для рынка: <ul style="list-style-type: none"> – новые для отрасли в мире, новые для отрасли в стране, новые для данного предприятия. 3. По месту в системе (на предприятии, в фирме): <ul style="list-style-type: none"> – инновации на входе (изменения в выборе и использовании сырья, материалов, машин и оборудования, информации и др.); – инновации на выходе (изделия, услуги, технологии, информация и др.); – инновации системной структуры (управленческой, производственной, технологической). 4. По глубине вносимых изменений: <ul style="list-style-type: none"> – радикальные (базовые), улучшающие, модификационные (частные).
Г.С. Гамидов и др. [5]	<ol style="list-style-type: none"> 1. По степени значимости в экономическом развитии: <ul style="list-style-type: none"> – интегрирующие, базисные, улучшающие. 2. По направленности результатов и по сфере приложений: <ul style="list-style-type: none"> – инновации как научный инструментарий, продуктовые, рыночные, инновации-процессы. 3. По характеру удовлетворяемых потребностей: <ul style="list-style-type: none"> – ориентированные на существующие потребности, ориентированные на формирование новых потребностей. 4. По причинам возникновения: <ul style="list-style-type: none"> – реактивные, стратегические. 5. По степени новизны: <ul style="list-style-type: none"> – радикальные, инкрементальные, по технологическим параметрам, по типу новизны для рынка. 6. По функциональному назначению и области применения: <ul style="list-style-type: none"> – технические, технологические, информационные, социальные.

Продолжение табл. 1

Автор	Классификационные признаки и их содержание
П.Н. Завлин и др. [6]	<ol style="list-style-type: none"> 1. По значимости: – базисные, улучшающие, псевдоинновации. 2. По направленности: – замещающие, рационализирующие, расширяющие. 3. По отраслевой структуре жизненного цикла: – отрасль потребления, отрасль внедрения, отрасль возникновения. 4. По глубине изменения: – новый вариант, новое поколение, новый вид, новый род, регенерирование начальных способов, изменение количества, перегруппировка, адаптивные изменения. 5. По отношению к разработке: – инновации, разработанные силами данного предприятия, внешними силами. 6. По масштабам распространения: – для создания новой отрасли, применение во всех отраслях. 7. По роли в процессе производства: – основные (продуктовые и технологические), дополняющие (продуктовые и технологические). 8. По характеру удовлетворяемых потребностей: – существующие потребности, новые потребности. 9. По степени новизны: – на основе нового научного открытия, на основе нового способа применения к давно открытым явлениям. 10. По времени выхода на рынок: – инновации-лидеры, инновации-последователи. 11. По причинам возникновения: – стратегические, реактивные. 12. По предмету и сфере приложения: – научно-технические, социально-культурные. Продукты (новые продукты, новые материалы); рынки (новые сферы применения, новые рынки); процессы (производство, управление и администрирование).

В приведенных в табл. 1 точках зрения российских ученых хотя и нет указания на прямую связь инноваций и предпринимательства, косвенно ее можно проследить. Например, Г.С. Гамидов и П.Н. Завлин отмечают инновации, ориентированные на формирование новых потребностей, инновации-лидеры, инновации-последователи, новые продукты, новые материалы, новые сферы применения, новые рынки.

Инновация по Й. Шумпетеру – это новая научно-организационная комбинация производственных факторов, мотивированная предпринимательским духом [7]. Развивая идеи великого представителя австрийской школы экономистов Й. Шумпетера и с учетом определения предпринимательства, данного нами выше, выскажем суждение, что инновации являются неотъемлемой сущностью предпринимательства. Мы придерживаемся позиции, что предпринимательство и инновации – это две взаи-

мосвязанные категории. Где есть предпринимательство, там есть инновации. Предпринимательство невозможно, с нашей точки зрения, без инноваций и наоборот.

Главной функцией инновационной деятельности является функция изменений, приводящая к некоторому положительному результату. С помощью изменений предприятие утверждает свое место в бизнесе и предпринимательское право конкурировать на рынке, наряду с другими предприятиями, рассчитывая на успех.

Инновации призваны за счет выпуска принципиально новых или улучшенных продуктов, более совершенной технологии, новых форм организации и управления придать предприятию предпринимательский характер для улучшения или укрепления результатов бизнеса, включая финансовые результаты, динамику продаж, долю рынка, удовлетворенность потребителей.

На основании обобщения обширного материала отметим, что в самом общем виде понятие инновация обозначает:

1) новый или улучшенный продукт (товары или услуги), возникающий как конечный результат инновационной деятельности и реализуемый на рынке;

2) новые или усовершенствованные технологические процессы (применение более совершенных способов) для производства продукции или услуг, используемые в практической деятельности и являющиеся результатом научных исследований и разработок, либо иных научно-технических достижений;

3) новые или усовершенствованные методы организации и управления, связанные с процессами оптимальной организации производства, транспорта, сбыта и снабжения;

4) новые знания, полученные как результат интеллектуальной (научно-технической) деятельности, доведенные до стадии коммерческой или некоммерческой реализации;

5) процесс создания (исследования, разработки, коммерциализации, распространения) новшества.

Из приведенных определений вытекает, что инновация рассматривается и как инновационный процесс, и как результат инновационного процесса.

Инновации имеют место практически во всех сферах деятельности: производственной, организационной, финансовой, научно-исследовательской, учебной, социальной (улучшение условий труда, решение проблем здравоохранения, образования, культуры) и других. Они касаются любых усовершенствований, обеспечивающих экономию затрат, повышения качества, имиджа, улучшения обслуживания потребителей, увеличения объемов продаж и прибыли или создающих условия для подобных эффектов.

В отчетности Росстата под инновационной деятельностью понимается вид деятельности, связанный с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений) в новые или усовершенствованные продукты или услуги, внедренные на рынке, в новые или усовершенствованные технологические процессы, использованные в практической деятельности. Инновационная деятельность предполагает целый комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, которые в своей совокупности приводят к инновациям. Росстат выделяет технологические, маркетинговые и организационные инновации. В вышеназванном источнике находим пояснения к трем типам инноваций: "Технологические инновации представляют собой конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта или услуги, внедренных на рынке, нового или усовершенствованного процесса или способа производства (передачи) услуг, используемых в практической деятельности" [8, с. 632].

Удельный вес предприятий промышленного производства, осуществлявших технологические инновации, приведен в табл. 2.

Как следует из табл. 2, в 2007 г. эта доля составила 9,4%. Много это или мало, можно судить по показателю удельного веса предприятий промышленного производства в международном сравнении. На рис. 2 приведены данные некоторых зарубежных стран по инновационной активности.

Диаграмма на рис. 2 наглядно демонстрирует отставание по показателю удельного веса предприятий промышленного производства, осуществлявших технологические инновации в Российской Федерации. Следует заметить,

Таблица 2

Удельный вес предприятий промышленного производства, осуществлявших технологические инновации в Российской Федерации [8, с. 625]

Показатель	Годы									
	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	
Удельный вес (%)	5,5	10,6	9,6	9,8	10,3	10,5	9,3	9,4	9,4	

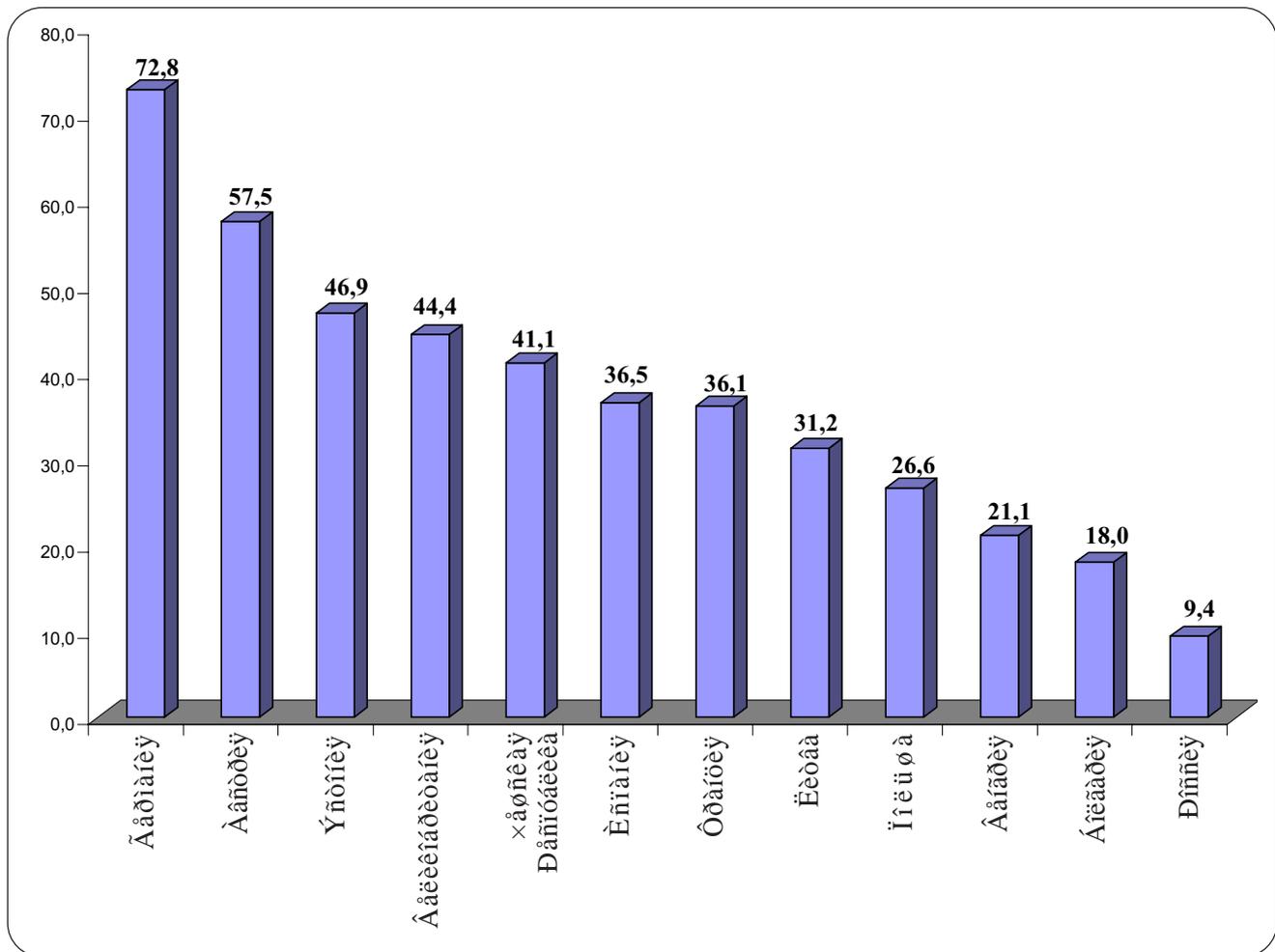

Рис. 2. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций промышленного производства¹

что отставание имеет место не только от развитых западных стран, таких как Германия, Австрия, Франция, но и от бывших соратников по социалистическому лагерю и от стран, два десятка лет назад бывших с Россией единым государством. Подобное отставание вызвано, очевидно, недостаточным финансированием (табл. 3).

Анализ зарубежной практики поддержки инновационной активности предприятий для обеспечения лидирующих позиций, на наш взгляд, может быть использован российским правительством.

Например, политика правительства США в области НИОКР и инноваций стала важнейшим фактором обеспечения конкурентоспособности

Таблица 3

Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг), %

Показатель	Годы									
	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	
Интенсивность затрат на технологические инновации, %	0,9	1,4	1,4	1,8	1,6	1,5	1,2	1,4	1,2	

¹ Россия и страны мира. – 2008. – URL: <http://www.gks.ru>

страны. Поддержка осуществляется в разнообразных формах создания научно-технологической инфраструктуры: прямое финансирование исследований, налоговые кредиты и льготное налогообложение корпораций, осуществляющих программы НИОКР, информационная поддержка, защита интеллектуальной собственности и другие.

В табл. 4 приведена динамика удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в Российской Федерации. Из табл. 4 следует, что за двенадцать лет по сравнению с 1995 г. в российской экономике не произошло качественного изменения в сторону выпуска инновационных товаров. В 2007 удельный вес инновационных товаров составил 5,5%, что по сравнению с 1995 г. (4,7%) близко к статистической погрешности.

Ниже, в табл. 5 показан удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг предприятий промышленного производства в разрезе видов деятельности и секторов экономики.

Из табл. 5 следует, что наиболее активны в инновациях среднетехнологичные отрасли высокого уровня – 14,1% и высокотехнологичные отрасли – 10,4%. Напротив, низкую активность показывает добывающее производство – 2,8% и производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 0,4%.

В четвертом столбце табл. 5 приведен рассчитанный нами удельный вес новых для рынка инновационных товаров, работ, услуг в объеме отгруженных товаров, выполненных

Таблица 4

**Динамика удельного веса инновационных товаров, работ, услуг
в Российской Федерации [8, с. 625]**

Показатель	Годы									
	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	
Удельный вес инновационных товаров (%)	4,7	4,4	4,2	4,3	4,7	5,4	5,0	5,5	5,5	

Таблица 5

**Удельный вес новых для рынка инновационных товаров, работ, услуг
в объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг в Российской Федерации (в %)²**

Виды деятельности и сектора экономики	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	Удельный вес новых для рынка инновационных товаров, работ, услуг в объеме инновационных товаров, работ, услуг	Удельный вес новых для рынка инновационных товаров, работ, услуг в объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (в %)
1	2	3	4
Всего	5,5	10,3	0,57
Добывающие производства	2,8	0,2	0,01
Обрабатывающие производства	7,5	11,9	0,89
Высокотехнологичные отрасли	10,4	23,2	2,41
Среднетехнологичные отрасли высокого уровня	14,1	8,6	1,21
Среднетехнологичные отрасли низкого уровня	5,6	6,9	0,39
Низкотехнологичные отрасли	3,9	13,6	0,53
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,4	1,4	0,01

² Источник: Доклад «Инновационное развитие – основа модернизации экономики России». – URL: <http://www.inno-expert.ru>

работ, услуг, % по формуле: $\frac{\text{столбец 2} \times \text{столбец 3}}{100}$.

Расчеты показали, что наиболее активны высокотехнологичные отрасли. Там удельный вес составил 2,41%. Если эти показатели сохранятся в будущем, то высокотехнологичным отраслям России потребуется 41,5 года, чтобы полностью обновить выпускаемую на рынок продукцию ($100/2,41 = 41,49$). Обрабатывающим производствам при темпах обновления 0,89% в год потребуется для полного обновления 112 лет ($100/0,89 = 112,35$).

Как положительное, следует отметить, что в статистическую отчетность в настоящее время включаются не только технико-технологические инновации, а также маркетинговые и организационные.

Маркетинговые инновации представлены на рис. 3. Как следует из диаграммы, предприятия более активны в осуществлении маркетинговых

инноваций, чем при осуществлении технологических инноваций. Очевидное объяснение такому феномену кроется в том, что на их осуществление требуется меньше финансовых ресурсов.

Российские предприятия активны при проведении организационных инноваций (рис. 4).

"Организационные инновации – это реализованные новые методы ведения бизнеса, организации рабочих мест или организации внешних связей. Направлены на повышение эффективности деятельности организации за счет снижения административных и транзакционных издержек, совершенствования рабочих мест (рабочего времени) и тем самым повышения производительности труда, путем получения доступа к отсутствующим на рынке активам" [8, с. 632].

Наибольшая доля в организационных инновациях приходится на внедрение современных методов управления на основе информацион-

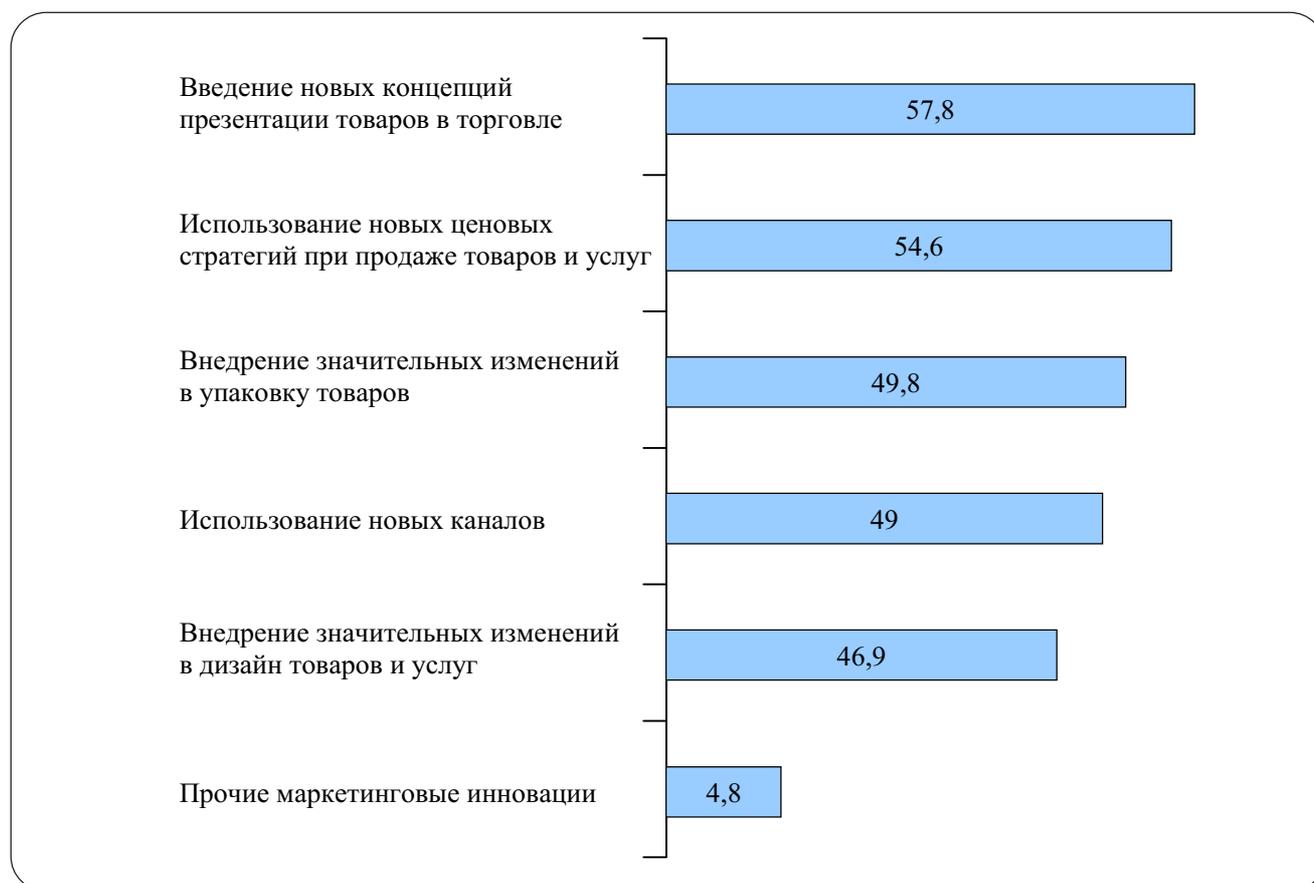

Рис. 3. Удельный вес организаций, осуществлявших отдельные виды маркетинговых инноваций в общем числе организаций, имевших готовые маркетинговые инновации в течение последних трех лет, в 2007 г. (в %) [8, с. 630]

Рис. 4. Удельный вес организаций, осуществлявших отдельные виды организационных инноваций в общем числе организаций, имевших организационные инновации в течение последних трех лет, по видам экономической деятельности в 2007 г. (в %) [8, с. 629]

ных технологий, реализацию мер по развитию персонала, применение современных систем контроля качества, сертификации товаров, работ, услуг. Наименьшая доля в организационных инновациях приходится на внедрение корпоративных систем управления знаниями и создание технологических и инжиниринговых центров, малых инновационных предприятий.

Следует обратить внимание, что, несмотря на определенную активность российских предприятий, осуществляющих инновации, они, по мнению предприятий, не стали основанием для улучшения дел (табл. 6).

Из общего числа инновационно-активных организаций промышленности 66,2% указали, что инновации не повлияли на сокращение зат-

рат на заработную плату; 51,3% – на сокращение материальных и энергозатрат; 44,9% – на расширение рынков сбыта; 33,1% – на улучшение качества товаров, работ, услуг.

Мнения опрошенных руководителей российских предприятий подчеркивают недооценку ими значения инноваций. В то же время на мировых рынках господствуют предприятия, обновляющие свою технологию и продукцию. Как отмечает В.В. Гончаров, количество видов, типов исполнения и типоразмеров изготавливаемых изделий в странах с развитой рыночной экономикой в последнее время удваивается каждые 8-10 лет. Увеличивается доля изделий, со сроком изготовления менее 5 лет, и сокращается доля изделий, со сроком изготовления более 10 лет [9, с. 72].

Таблица 6

Удельный вес организаций, оценивших воздействие результатов инновационной деятельности на развитие организации, в общем числе инновационно-активных организаций промышленности в 2007 г. без учета малого предпринимательства (в %)³

Результаты инновационной деятельности	Степень воздействия результатов инновационной деятельности на развитие производства			
	высокая	средняя	низкая	отсутствовала
Расширение ассортимента товаров, работ, услуг	38,7	38,6	10,5	31,9
Расширение рынков сбыта:	26,0	35,4	13,3	44,9
в России	29,7	36,9	14,3	38,8
в странах СНГ	8,7	18,1	19,0	74,0
в странах ЕС, Исландии, Лихтенштейн, Норвегии, Швейцарии	1,5	3,9	9,7	104,6
в США и Канаде	1,1	2,9	8,6	107,1
в других странах	2,9	7,4	11,4	98,1
Улучшение качества товаров, работ, услуг	37,6	40,1	9,0	33,1
Увеличение занятости	12,4	33,1	26,4	47,9
Повышение гибкости производства	18,8	35,3	17,7	47,9
Рост производственных мощностей	25,2	30,3	16,8	47,4
Сокращение затрат на заработную плату	5,0	21,2	27,3	66,2
Сокращение материальных и энергозатрат	14,5	31,3	22,6	51,3
Снижение загрязнения окружающей среды	11,7	29,7	23,7	54,7
Обеспечение соответствия современным техническим регламентам, правилам и стандартам	33,2	38,0	13,2	35,4

³ Источник: Промышленность России 2008. – URL: <http://www.gks.ru>

Российскому бизнесу, в первую очередь крупному, недостает предпринимательской активности при осуществлении инновационных проектов, обновлении продукции и технологий. Обновляемость, выраженная в виде доли новой продукции в общем объеме продаж, срок выпуска или жизни продукции, время реагирования производства на выявленную потребность рынка и тому подобное, нами рассматриваются как важнейшие факторные показатели предпринимательской активности.

Список литературы

1. Демченко С.Г., Сибяева Г.Р. Предпринимательство и бизнес: общность и различие // Экономический вестник Татарстана. – 2009. – № 2. – С. 110-114.

2. Ансофф И. Стратегическое управление: пер. с англ. – М.: Экономика, 1989. – 519 с.

3. Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент: учебник. – 2-е изд. – М.: ЗАО Бизнес-школа "Интел-Синтез", 2000. – 624 с.

4. Инновационный менеджмент: учебник / под ред. С.Д. Ильенковой. – М.: Юнити, 1997. – 311 с.

5. Гамидов Г.С. и др. Основы инноватики и инновационной деятельности – СПб.: Политехника, 2000. – 323 с.

6. Основы инновационного менеджмента: теория и практика: учеб. пособие / под ред. П.Н. Завлина и др. – М.: ОАО "НПО "Издательство "Экономика", 2000. – 475 с.

7. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.

8. Российский статистический ежегодник. 2008: стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – 847 с.

9. Гончаров В.В. Руководство для высшего управленческого персонала. В 2 т. Т. 1. – М.: МНИИПУ, 1998. – 818 с.; Т. 2. – 784 с.

В редакцию материал поступил 01.09.09.

Ключевые слова: инновации, технологические инновации, маркетинговые инновации, нововведения, новации, предпринимательство, бизнес.

УДК 339.138:621.3

Р.З. ЗАКИРОВ,
коммерческий директор

Татарстанский филиал ОАО "Мобильные телесистемы"

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ ОПЕРАТОРА СОТОВОЙ СВЯЗИ

При расчете цен на услуги оператор сотовой связи пользуется рядом инструментов, в том числе профилем абонента и средней ценой минуты разговоров. В статье дано описание этих инструментов, предлагается механизм их применения. Анализируются особенности их применения на рынке телекоммуникационных услуг.

Ценообразование является одной из важнейших составляющих маркетинговой деятельности компании. От того, насколько правильно будут установлены цены на продукты или услуги, выпускаемые предприятием, насколько эти цены будут приняты рынком, будут способствовать росту продаж и выручки компании, а с другой стороны – удовлетворять само предприятие с точки зрения рентабельности деятельности, – зависит успешность бизнеса на рынке.

При расчете цен на услуги оператор сотовой связи пользуется такими инструментами, как профиль абонента и средняя цена минуты.

Профиль абонента характеризует усредненную структуру звонков абонента.

Обычно абонент, пользуясь услугами связи, совершает звонки разного рода. Эти звонки абонента можно классифицировать по нескольким признакам:

- в зависимости от способа звонка: входящие и исходящие;
- в зависимости от направления звонка: звонок на городские (стационарные) телефоны, звонок на мобильные телефоны своего оператора, звонок на мобильные телефоны "чужого" оператора, междугородний звонок и др.;
- в зависимости от длительности одного звонка;
- в зависимости от времени звонка и др.

В каждой группе у абонента присутствует некое распределение звонков разного признака. Например, абонент имеет разное количество

входящих и исходящих звонков, разное количество звонков по направлениям. Усредненная структура звонков или процентное распределение звонков в группе в соответствии с признаком и является профилем абонента.

В соответствии с классификацией звонков профиль абонента бывает нескольких видов:

- профиль абонента по способу и направлениям звонка, который показывает, звонки какого направления в среднем совершает абонент;
- профиль абонента по длительности звонка, который показывает, звонки какой длительности в среднем совершает абонент;
- профиль абонента по времени звонка, который показывает, в какое время абонент в среднем совершает звонки и др.

В зависимости от исследуемой выборки профиль абонента подразделяется на следующие виды:

- профиль конкретного абонента, который характеризует структуру звонков конкретного абонента;
- профиль тарифного плана, который характеризует структуру звонков всех абонентов, находящихся на определенном тарифном плане;
- общий профиль абонента оператора, который характеризует структуру звонков всех абонентов по всем тарифным планам.

В качестве примера рассмотрим профиль абонента по способу и направлению звонка по виртуальному тарифному плану "Универсальный" (табл. 1). Параметры тарифа мы будем ис-

Таблица 1
Профиль абонента по способу
и направлению звонков по тарифному плану
"Универсальный"

Направление звонка	Доля, % от общего числа
Исходящий на мобильные своего оператора	34,8%
Исходящий на городские (стационарные) телефоны	2,7%
Исходящий на мобильные телефоны «чужого» оператора	8,4%
<hr/>	
Входящий с мобильных своего оператора	35,2%
Входящий с городских (стационарных) телефонов	2,3%
Входящий с мобильных телефонов «чужого» оператора	16,6%
<hr/>	
ИТОГО	100%

пользовать в качестве примера и в дальнейших расчетах.

Средняя цена минуты характеризует среднюю стоимость услуг оператора в разрезе одной минуты звонка в зависимости от профиля абонента.

Как правило, тарифы оператора сотовой связи дифференцированы в зависимости от направления звонка – на каждое направление устанавливается своя цена.

Например, тарифный план "Универсальный" может выглядеть следующим образом (табл. 2).

Таблица 2
Параметры тарифного плана
"Универсальный"

Направление звонка	Стоимость звонка, у.е.
Исходящий на мобильные своего оператора	0,12
Исходящий на городские (стационарные) телефоны	0,3
Исходящий на мобильные телефоны "чужого" оператора	0,3
<hr/>	
Входящий с мобильных своего оператора	0
Входящий с городских (стационарных) телефонов	0,3
Входящий с мобильных телефонов "чужого" оператора	0

Для удобства расчетов отделу маркетинга предприятия необходимо по тарифному плану иметь одну цифру, характеризующую среднюю стоимость тарифного плана для абонента и величину выручки, получаемую предприятием. Показатель "Средняя цена минуты" как раз и является инструментом, решающим эту задачу.

Для расчета средней цены минуты используется профиль абонента. Расчет ведется по следующей формуле:

$$P = \sum d_i \times p_i, \quad (1)$$

где P – средняя цена минуты; d_i – доля звонка по направлению i в соответствии с профилем абонента; p_i – стоимость звонка по направлению i в соответствии с тарифным планом.

Так же, как и профиль абонента, показатель "Средняя цена минуты" может иметь следующие разновидности:

- средняя цена минуты конкретного абонента – характеризует средние затраты конкретного абонента на одну минуту звонка и выручку оператора на минуту звонка, получаемую с определенного абонента;

- средняя цена минуты тарифного плана – характеризует средние затраты всех абонентов определенного тарифного плана на одну минуту звонка и среднюю выручку, получаемую предприятием с минуты звонка по определенному тарифному плану;

- средняя цена минуты оператора – характеризует средние затраты всех абонентов оператора по всем тарифным планам на одну минуту звонка и среднюю выручку, получаемую предприятием с минуты звонка;

Расчет средней цены минуты по тарифному плану "Универсальный" выглядит следующим образом (табл. 3).

До недавнего времени в литературе и практике работы оператора сотовой связи после расчета профиля абонента и средней цены минуты приступали к анализу тарифных предложений и маркетинговых акций. Однако данный подход не учитывает два момента.

Во-первых, средние величины не совсем точно описывают исследуемые характеристики. Всем известен пример "средняя температу-

Таблица 3

Расчет средней цены минуты по тарифному плану "Универсальный"

ПРОФИЛЬ АБОНЕНТА		ТАРИФ	РАСЧЕТ
Направление звонка	% от общего числа	Стоимость звонка	Расчетная цена минуты
Исходящий на мобильные своего оператора	34,8%	0,12	0,02436
Исходящий на городские (стационарные) телефоны	2,7%	0,3	0,0405
Исходящий на мобильные телефоны «чужого» оператора	8,4%	0,3	0,0126
Итого исходящих:			
Входящий с мобильных своего оператора	35,2%	0	0
Входящий с городских (стационарных) телефонов	2,3%	0,3	0,00345
Входящий с мобильных телефонов «чужого» оператора	16,6%	0	0
Средняя цена минуты по тарифному плану			0,08

ра по больнице". Поэтому, просчитав акцию на средних показателях, необходимо детализировать расчет.

Во-вторых, профиль абонента может поменяться под воздействием проводимой акции. Например, в случае предложения оператором значительной скидки в выходные дни, можно ожидать, что некоторая часть абонентов, которая ранее не потребляла трафик в это время, будет совершать звонки в выходные дни, то есть структура звонков абонента изменится и это может повлиять на результаты проводимой акции. Несомненно, при анализе акции необходимо учитывать такие сдвиги.

Для учета погрешностей средних величин и сдвигов в профилях необходимо иметь не только информацию о средних показателях абонентской базы, но и статистику по каждому абоненту в отдельности. Только анализ каждого абонента, его поведения при проведении акции может дать полную картину об эффекте проводимой акции. Несмотря на кажущуюся сложность в анализе (размер абонентской базы оператора может достигать нескольких миллионов пользователей), такой анализ достаточно прост и эффективен в использовании. Статистику по каждому абоненту можно получить из биллинговой (учетной) системы оператора, информацию по абонентам со схожими параметрами

можно группировать в кластеры, в дальнейшем используя их для расчета.

Рассмотрим пример анализа расчета акции, основанной на предложении абоненту скидок после потребления 100 минут в месяц. Допустим, что предоставление скидки в 20% после 100 минут разговоров в месяц обосновывается тем, что в среднем абонент разговаривает не более 100 минут и предоставление скидки сверх этого количества не повлияет на ухудшение финансовых результатов предприятия.

Для примера рассмотрим структуру абонентской базы тарифного плана "Универсальный", состоящую из десяти абонентов (табл. 4).

Из структуры абонентской базы видно, что шесть абонентов находятся в пределах средней величины по количеству выговариваемых минут (до 100 минут) и применительно к этой группе абонентов применение скидки не влечет для предприятия потерь в выручке. Однако, четыре абонента уже разговаривают более 100 минут и, предоставляя скидки этим абонентам, предприятие понесет дополнительные расходы в сумме 1,76 у.е. и в итоге общая выручка оператора сократится.

Далее проведем анализ сдвигов в профиле абонентов под воздействием акции. Предложив абонентам скидку после 100 минут, можно ожидать, что некоторые абоненты, объем разгово-

ров которых чуть ниже порогового значения, увеличат свои расходы на связь с целью получить скидку. В нашем случае это будут абоненты 4 и 5, и профиль абонента будет выглядеть следующим образом (табл. 5).

В итоге, в результате проведения акции с предоставлением скидки 20% после выговаривания абонентом 100 минут в месяц произойдет сдвиг профиля абонентов – увеличится

среднее количество минут в месяц, потребляемого абонентом и средняя выручка на одного абонента. Дополнительный доход в результате сдвига в профиле (2 у.е.) перекроет потери от предоставления скидки (1,76 у.е.). Акция может быть рекомендована к проведению.

В некоторых случаях после вышеприведенного анализа может получиться, что акция окажется убыточной и в этом случае необходим

Таблица 4

Структура абонентской базы тарифного плана "Универсальный" в разрезе количества выговариваемых минут в месяц

Абоненты	Количество выговариваемых минут в месяц	Выручка оператора, у.е.	Потери в выручке в результате предоставления скидки в 20% свыше 100 минут, у.е.
Абонент 1	60	4,8	0
Абонент 2	75	6,0	0
Абонент 3	80	6,4	0
Абонент 4	85	6,8	0
Абонент 5	90	7,2	0
Абонент 6	100	8,0	0
Абонент 7	110	8,8	0,16
Абонент 8	120	9,6	0,32
Абонент 9	130	10,4	0,48
Абонент 10	150	12,0	0,80
ИТОГО	1000	80,0	1,76
В среднем на 1 абонента	100	8,0	–

Таблица 5

Структура абонентской базы тарифного плана "Универсальный" в разрезе количества выговариваемых минут в месяц с учетом сдвигов в профиле абонентов

Абоненты	Количество выговариваемых минут в месяц	Выручка оператора, у.е.	Потери в выручке в результате предоставления скидки в 20% свыше 100 минут, у.е.
Абонент 1	60	4,8	0
Абонент 2	75	6,0	0
Абонент 3	80	6,4	0
Абонент 4	100	8,0	0
Абонент 5	100	8,0	0
Абонент 6	100	8,0	0
Абонент 7	110	8,8	0,16
Абонент 8	120	9,6	0,32
Абонент 9	130	10,4	0,48
Абонент 10	150	12,0	0,80
ИТОГО	1025	82,0	1,76
В среднем на 1 абонента	102,5	8,2	–

пересмотр параметров акции (в данном случае – уменьшение размера предоставляемой скидки).

При комплексном анализе акции предлагается следующий подход к решению задачи: вначале рассчитать акцию, используя средние величины (это наименее трудоемко и быстро для маркетинга). После того, как выявится эффективность акции на средних величинах, следует просчитать акцию с учетом анализа каждого абонента и возможных сдвигов в профиле абонента при проведении акции. При возникновении отрицательного результата следует изменить параметры акции и затем повторить все стадии анализа.

Таким образом, в данной статье предложен и описан инструментарий ценообразования, который операторы связи могут использовать в процессе своей деятельности. Также рассмотрена специфика применения инструментария и

выработаны конкретные рекомендации по его применению. Данный подход в настоящее время успешно используется в деятельности одного из операторов сотовой связи Республики Татарстан.

Список литературы

1. Закиров З.Г., Надеев А.Ф., Файзуллин Р.Р. Сотовая связь стандарта GSM. Современное состояние, переход к сетям третьего поколения. – М.: Эко-Трендз, 2004. – 264 с.
2. Разроев Э.А. Маркетинг сотовой связи. – М.: ООО "Мобильные коммуникации", 1999. – 160 с.
3. Резникова Н.П. Маркетинг в телекоммуникациях. – М.: Эко-трендз, 2002. – 392 с.
4. Гаврилов Л.П., Соколов С.В. Мобильные телекоммуникации в электронной коммерции и бизнесе. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 336 с.
5. Голубицкая Е.А., Кухаренко Е.Г. Основы маркетинга в телекоммуникациях. – М.: Радио и связь, 2005. – 320 с.
6. Стейнбок Д. Мобильная революция. – М.: Баланс Бизнес Букс, 2006. – 480 с.

В редакцию материал поступил 29.07.09.

Ключевые слова: ценообразование, телекоммуникации, маркетинговая деятельность, инструментарий, профиль абонента, средняя цена минуты разговоров, тарифный план.

УДК 351

А.Р. ИДРИСОВА,

кандидат социологических наук, заместитель начальника

Управление Минюста России по Республике Татарстан

ИННОВИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В статье рассматриваются цели внедрения инноваций в государственные организации в условиях ограниченности государственных ресурсов и постоянного дефицита государственного бюджета. Выделены задачи, связанные с внедрением клиентоориентированных технологий.

В настоящее время становится все более очевидным, что классическая парадигма государственного управления, сформировавшаяся в эпоху доминирования в науке и социальной практике механистического представления о порядке в обществе и способах его переустройства, переживает кризис. По мнению профессора Российской Академии государственной службы В.Л. Романова, общество сейчас определяется как поле непрерывных стремительно развивающихся инновационных изменений, на вызов которых система государственного управления способна все реже отвечать соответственно ее социально-организационной миссии [1]. В этой связи инновационная тематика приобретает актуальность не только в научных кругах, но и в выступлениях государственных деятелей. Наиболее интересны два труда в этой области: работа Б.Н. Кузька и Ю.В. Яковца "Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва" и доклад Д.А. Медведева на Красноярском экономическом форуме "Россия 2008-2020. Управление ростом", определяющие задачу формирования национальной инновационной системы.

Все это еще раз подтверждает необходимость инновационного переустройства государственного управления. Чтобы не отстать от жизни, государственные организации должны постоянно стремиться к обновлению и разработке новых программ и услуг, что требует активного использования современных методов и технологий.

Если рассматривать инновации в государственной политике в рамках традиционной схемы – спроса и предложения, когда они являются реакцией на сдвиги во внешней среде, то можно выделить два основных фактора. Во-первых, новые потребности, появление которых создает мощный стимул для процесса обновления и нововведений в самых различных областях человеческой жизнедеятельности. Во-вторых, это новые продукты, включая: а) товары и услуги, призванные удовлетворить существующие потребности; б) новые методы и технологии деятельности.

Инновирование охватывает различные структуры и сферы деятельности государственных организаций. При этом главными целями инновирования госорганов являются:

1. Внедрение рыночных и конкурентных начал в работу государственных организаций и учреждений. Создание культуры государственного предпринимательства, внедрение принципов менеджмента в деятельность госаппарата, перевод его части на рыночные принципы функционирования.

2. Активное сотрудничество с гражданским обществом и привлечение населения к решению общественных проблем.

3. Формирование эффективных механизмов подотчетности и системы стимулирования государственных служащих.

4. Внедрение современных методов управления структурами и процессами, использования информационных технологий.

5. Уменьшение роли вертикальной иерархии, развитие функциональных органов, "плоских" структур, ad hoc (для данного случая) организаций и т.п.

6. Ограничение значимости традиционной административной "лестницы чинов".

7. Децентрализация, стремление к удешевлению, сокращению госаппарата; стремление сделать бюрократию максимально "прозрачной" и "отзывчивой" на общественные ожидания и требования [2].

В конечном итоге, необходимо добиться изменения в трех сферах деятельности государственных служащих: в стиле мышления; в методах работы; в механизмах взаимоотношений.

Все аспекты инновирования государственного управления в рамках одной работы рассмотреть практически невозможно, поэтому далее внимание будет сконцентрировано на таком процессе, как внедрение клиентоориентированных технологий в государственном управлении.

Результаты деятельности государственных учреждений – "услуги государства", которые оно оказывает гражданам, коммерческому бизнесу, общественным объединениям, стране в целом. Потребители услуг государства стали называться его клиентами или пользователями, а понятие клиентоориентированности, ранее широко применявшееся в организации частных коммерческих компаний, распространяется в настоящее время и на государственные органы.

Итак, государственные услуги – это система распределения, основанная на следующих принципах: определенных стандартах услуг и методах их оказания; системе стимулирования государственных служащих для предоставления качественных услуг; эффективном мониторинге и системном обозрении выполнения государственных услуг; и самое главное – на понимании нужд и потребностей граждан.

Услуги государства должны опираться на клиентоориентированные технологии еще и потому, что по их уровню и качеству граждане оценивают работу органов государственной и местной власти. В результате проведения административной реформы, намечено повысить степень удовлетворенности граждан качеством и

доступностью государственных услуг к 2010 г. не менее чем до 70% [3]. В этой связи клиентоориентированные технологии в государственном управлении приобретают особую актуальность.

Главное в сфере государственных услуг – непрерывное обслуживание и скорость реакции на запросы населения, так как недопустимы сбои в работе железнодорожного транспорта, криминальной милиции, системы ЖКХ и т.д. Все это требует непрерывных решений и процессов (nonstop – при принятии решений), а также стратегии непрерывного обслуживания клиентов в любом месте по первому требованию. Основной подход в области предоставления услуг – потребитель должен оплачивать только то, что он потребляет.

В настоящий момент примером клиентоориентированности может служить тот факт, что государственные организации передовых стран стремятся не только добиться высокого уровня качества услуг или продуктов, но и создать стройную систему качественных отношений с потребителями и внедряют специальные сервис-системы. Этому способствует постоянный рост спроса на государственные услуги со стороны бизнес-сообщества (профессиональное образование, занятость, судебное производство и др.).

Россия не является первопроходцем на пути клиентоориентированных технологий в государственном управлении. Если говорить об историческом развитии этого процесса, то одними из первых на путь развития клиентоориентированности "партнерских" моделей принятия решения и реинжиниринга бюрократической модели управления в самообучающуюся организационную модель вступили Великобритания и Канада, а также скандинавские государства, чуть позже – США, Япония и страны Юго-Восточной Азии. Нельзя считать простым совпадением тот факт, что названные страны признаются одними из наиболее экономически развитых и социально обеспеченных стран мира.

Непосредственным начальным фактором, заставившим правительства западных государств искать новые пути обеспечения функций

государственной службы, стал дефицит правительственных денежных средств. Это, в свою очередь, привело к острой необходимости упрощения бюрократических систем и передачи ответственности за исполнение большого числа традиционно правительственных программ частному сектору, в большей мере склонному к эффективному управлению затратами и использованию новых технологий.

Одним из факторов послужил также научно-технический процесс и ускорение темпа жизни. Логика проста: время – деньги. Если в начале люди рады, что могут купить билет на самолет или в театр по Интернету и тем самым сэкономить свое время, то в дальнейшем они хотят таким же образом продлить регистрацию автомобиля или заплатить налоги – избавив себя от утомительных процедур и больших временных затрат.

Гражданам нужен удобный, мгновенный доступ к государственным услугам 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. Они желают получать доступ к услугам из дома, с работы или из любого другого места. И они не хотят никаких ограничений на то, какие средства будут использованы для получения этого доступа – персональный компьютер, Web TV, мобильный телефон или какое-либо портативное устройство. И это желание рано или поздно должно быть удовлетворено.

Граждан также не интересует, какая группа чиновников или какое официальное лицо отвечают за ту или иную государственную программу или вид услуг для населения. Чтобы предоставлять населению персонализированное обслуживание, государственные службы должны обеспечить возможность доступа ко всей информации и всем услугам через один интегрированный источник.

Кроме того, желание многих граждан и групп получать консультации и участвовать в процессах принятия решений государственных органов создало потребность, которая еще не была полностью удовлетворена и может быть удовлетворена только посредством изменения роли тех, кто традиционно принимал эти решения. Вместо просто принятия решений важ-

ной частью процесса станет объяснение ситуации, изложение различных вариантов и убеждение всех вовлеченных в обсуждение сторон. Эти долгосрочные тенденции требуют намного большей степени партнерства между теми, кто управляет, и "управляемыми", между политическими деятелями и бюрократией, между обслуживаемыми людьми и различными государственными учреждениями, которые обеспечивают услуги. Те же партнерские отношения все больше требуются для ведения внешней политики и развития государств на международном уровне в силу роста взаимозависимости наций и общих глобальных международных проблем (это реализуется в многочисленных новых международных "клубах", где решения достигаются на основании консенсуса).

Сейчас особое внимание уделяется проблемам повышения качества и эффективности работы органов государственной власти, оказывающих услуги населению. Это связывают с ростом спроса на разнообразные услуги, увеличением их объема и стоимости, что вызывает необходимость в дополнительных финансовых расходах, покрываемых в основном за счет налогов с населения. Работать приходится в условиях ограниченности государственных ресурсов и постоянного дефицита государственного бюджета, поэтому так важно повышать инновационный потенциал государственного управления.

Можно выделить следующие важнейшие задачи, связанные с внедрением клиентоориентированных технологий:

а) задача более явной ориентации деятельности правительства (административных государственных структур, органов власти) на понятный всем, проверяемый и измеряемый полезный результат. Этот результат деятельности рассматривается как услуга, производимая правительством гражданам соответствующей страны, организациям частного бизнеса, другим госорганам и политикам, общественным группам и организациям, стране в целом, ее внешним партнерам. Получатели этой услуги определяются как клиенты правительства, ставится задача обеспечения клиентоориентированности правительства в целом и его отдельных органов;

б) в процесс управления должны вовлекаться все партнеры и другие заинтересованные лица. Должно быть достигнуто гораздо более близкое сотрудничество между политическими деятелями и руководителями/сотрудниками государственных организаций (министерств, комитетов, и т.д.), группами обслуживаемых граждан, представителями других уровней правительства, частным бизнесом;

в) государственные органы будут по необходимости меньшими и более профессиональными. При этом должен быть изменен подход к обязанностям самого госслужащего. Государственные служащие из тех, кто работает в строгих иерархических структурах, должны быть готовы работать в более инновационной, горизонтальной окружающей среде и учиться лучше взаимодействовать (друг с другом и с внешней средой). Это потребует значительных изменений в поведении чиновников. Госслужащие должны будут отказаться от безынициативного поведения, оно не позволяет успешно проводить инновации и реформы, требующие активного участия сотрудников, принятия ими на себя должной доли ответственности за реформы, ориентации на интересы клиента (а не на свои личные). Усвоение модели поведения с активной позицией, идентификацией интересов предприятия, а значит и клиентов, как собственных, требует свободных горизонтальных взаимодействий сотрудников, значительной свободы в решениях, соответствующих прав/власти. Но, конечно, не власти над клиентами или подчиненными, а власти принимать окончательные решения в определенной, достаточно широкой области при условии полной ответственности за эти решения.

Необходимо также отметить, что бюрократия сама по себе не является проблемой. Если убрать чиновничество, наступит хаос. Бюрократия соединяет организацию воедино. Проблемы начинают возникать, когда бюрократия фрагментирует бизнес-процессы, то есть разрезает на удобные ей самой части.

Метод, с помощью которого можно сократить бюрократию и способствовать развитию государственных учреждений в саморазвивающиеся организации, состоит в реинжиниринге

процессов таким образом, чтобы они не были более фрагментированы. Поскольку изменения происходят быстро, государственная служба должна приспосабливаться к изменениям в том же темпе;

г) государственная служба должна сделать максимальную ставку на своих будущих менеджеров, стараясь привлечь к сотрудничеству лучшие кадры страны. Одним из методов привлечения новых талантливых кадров должны стать возможности постоянного обучения и роста, а также относительная свобода в принятии нестандартных инновационных решений. В новом обществе (информационном и обществе знаний) наиболее современное качественное образование и доступ к информационным ресурсам продолжают оставаться ключевым моментом биографии человека. Целью государственной службы, таким образом, становится максимально высокий уровень предоставления и использования новейших информационных ресурсов и информационных систем, позволяющий правительству удовлетворять информационные потребности населения;

д) необходимые качества, требуемые от правительства (открытость, ответственность, эффективность) обеспечиваются посредством выполнения программ перехода от традиционных правительств к электронным правительствам. По сути, этот переход является проектной программой по реинжинирингу деловых процессов правительственных органов, отличающейся весьма большим масштабом и рядом других особенностей. Эта программа (складывающаяся в свою очередь из ряда других программ или инициатив) в явном виде базируется на реорганизацию на эффективном и творческом применении информационной клиентоориентированной технологии. Масштаб указанных проектных программ потребовал разработать в разных странах свои подходы и методики к реализации Электронного Правительства. Эти подходы учитывают размер страны, особенности политической системы, текущие приоритеты и др. Тем не менее, одним из важнейших методологических инструментов организации и управления созданием Электронного Правительства

является концепция и методология построения и использования "единой архитектуры" – интегрированной комплексной модели функционирования органов власти и поддерживающих это функционирование средств ИКТ, стандартов, информационных потоков и т.д.

В основе всей программы по модернизации государственного управления лежит стремление обеспечить население страны качественными услугами, что в целом отражает идею рассматривать государство как структуру по обслуживанию различных социальных классов и слоев населения, при максимальной свободе для частного сектора и действию рыночных механизмов.

Государственные ведомства и учреждения способны изменить к лучшему невысокое мнение населения о качестве оказываемых ими услуг и вновь обрести поддержку и доверие граждан, сделав их центром внимания любых инициатив по совершенствованию своей работы. Перестройка характера взаимоотношений с клиентами требует предоставлять услуги по-новому, без длительных задержек и сложных процедур. Организации, ориентированные на потребителей, достигают более значительных успехов, как в осуществлении своих функций, так и в работе с населением. Такие организации способны предоставить людям более легкий доступ к услугам, увеличить объем оказываемых услуг и снизить затраты времени служащих на деятельность, не связанную с клиентами.

Список литературы

1. Романов В.Л. Проблемы административного реформирования. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – С. 5.
2. Оболонский А.В. Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ, Дело, 2002. – С. 12-13.
3. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006-2008 годах. – URL: <http://www.akdi.ru/econom/program/46.htm>
4. Идрисова А.Р. Инновационные технологии в государственном управлении и производственная практика студентов специальности "Государственное и муниципальное управление" // Образовательный процесс в КГТУ: вчера, сегодня, завтра: сб. тезисов докладов отчетной науч.-метод. конф. КГТУ, 25-26 мая 2005 г. – Казань: Казан. гос. технол. ун-т, 2005. – С. 116.
5. Идрисова А.Р. К определению понятия "инновация" // "Дни науки" Института управления, экономики и социально-гуманитарных технологий КГТУ: сб. мат-лов конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, 22 апреля 2005 г., Казан. гос. технол. ун-т. Вып. IX. – Казань, 2005. – С. 470-471.
6. Идрисова А.Р. Модель самообучающейся организации в системе государственного управления // Опыт и проблемы социально-экономических преобразований в условиях трансформации общества: регион, город, предприятие: сб. мат-лов III междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: РИО ПГСХА, 2005. – С. 128-130.
7. Кузык Б.Н., Яковец Ю.А. Россия – 2050: стратегии инновационного прорыва. – М.: Экономика, 2004.
8. Медведев Д.А. Выступление на V Красноярском экономическом форуме "Россия 2008-2020. Управление ростом". – URL: http://www.medvedev2008.ru/program_02_15.htm

В редакцию материал поступил 28.05.09.

Ключевые слова: клиентоориентированные технологии, государственное управление, инновирование, органы государственной власти, бюрократия.

УДК 379.85:311

И.С. КАБИРОВ,
старший преподаватель

Чистопольский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: 55505_05@mail.ru

СТАТИСТИЧЕСКИЙ УЧЕТ В ТУРИЗМЕ

В статье предпринята попытка рассмотрения теоретических аспектов применения спутниковых счетов в системе статистического учета туристской деятельности Республики Татарстан.

В XXI в. туризм превратился в одно из самых заметных явлений в социально-экономической жизни общества. Во многих странах туризм играет важную роль в формировании валового внутреннего продукта, обеспечении занятости населения, социального благосостояния и качества жизни людей, пополнении бюджета разных уровней, способствует притоку иностранной валюты, содействует развитию смежных отраслей. Кроме этого, туризм является немаловажным фактором реализации внешней политики многих стран. Отсутствие на сегодняшний день достоверной информации о роли туризма в экономике стран и регионов обуславливает необходимость надежных статистических данных.

Еще недавно индустрии туризма в России не уделялось должного внимания, что, безусловно, сдерживало ее развитие. Поток иностранных туристов был намного меньше, чем сейчас. Туризм внутри страны развивался невысокими темпами ввиду несовершенной инфраструктуры и отсутствия поддержки со стороны государства. На сегодняшний день рынок туристской индустрии стабилизируется. В 2008 г. въезд иностранных граждан с целью туризма в Россию составил 2,3 млн человек, что на 4% больше, чем в 2007 г. Всего в 2008 г. нашу страну посетило 23,7 млн иностранцев с различными целями, что на 3% больше предыдущего года. Количество иностранных граждан, прибывших в Республику Татарстан в 2008 г., составило 141,3 тыс. человек, данный показатель увели-

чилось на 36% по сравнению с предыдущим периодом. Отметим, что 71% из числа прибывших являются гражданами стран СНГ и 29% – стран дальнего зарубежья.

Данные статистики предоставляются Федеральной службой государственной статистики, а также Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики, например, по Республике Татарстан. Наличие достоверной и полноценной статистической информации выявляет возможность проведения научно обоснованного анализа динамики развития туризма во времени, разработки федеральных, республиканских целевых программ государственной поддержки, подготовки компетентных кадров, создает условия инвестиционной привлекательности регионов. Ряд авторов отмечает негативные моменты существующей статистической информации в области туризма.

По мнению В.Г. Гуляева, "к настоящему времени практически не создана стройная и оперативная система туристской статистики, как самостоятельного раздела национальной статистики. Используемые для этой цели данные пограничной службы, Министерства иностранных дел, Федеральной миграционной службы, Федерального агентства по туризму и других ведомств не корреспондируются между собой и в ряде случаев отличаются в разы [1, с. 85].

Д. Даниленко указывает на то, что "официальная статистика скудна и местами сомнительна, авторы обращаются к экспертным оценкам и часто путаются в данных разного порядка" [2].

Вышеназванный автор провел исследование статистики по туризму и выделил *официальные источники*: Госкомстат, туристические офисы зарубежных стран, туристические администрации регионов и городов России; *неофициальные источники*: эксперты туристических фирм и общественные фирмы. Вследствие этого, Д. Даниленко выявил положительные и отрицательные аспекты получения статистических данных в зависимости от вида источника и оценки достоверности результатов.

В. Мутко отмечает, что "в условиях возрастающей роли туризма в экономике мы должны четко понимать, какой вклад вносит туротрасль в ВВП всей страны и отдельного региона. Для этого необходимо срочно усовершенствовать систему сбора статистических данных именно по туризму" [3, с. 7].

Вместе с тем в настоящее время ведется только ежеквартальный статистический учет въездных и выездных туристских потоков, в то время как подавляющее большинство стран в соответствии с требованиями ЮНВТО¹ ведет учет туристских потоков в поквартальном режиме. Таким образом, в настоящее время статистика туризма нуждается в постоянном внимании и существенном совершенствовании с целью гармонизации с рекомендациями Статкомиссии ООН, а также обширной зарубежной практикой [4, с. 13].

Отметим еще один немаловажный аспект. В статистических ежегодниках представлена лишь информация по показателям въездного и выездного туристских потоков, а также данные об объеме платных услуг, оказываемых туристскими предприятиями и средствами размещения. Однако внутренний туристский поток, данные по туристским расходам, показатели оценки экономической роли туризма не учитываются официальной статистикой.

В.Г. Гуляев отмечает, что "не являются предметом официальной статистики все виды самодеятельного, походного, спортивного и социального туризма, а также въездного, выездного и внутреннего туризма, реализуемых без посред-

ников, то есть без участия туристских организаций" [1, с. 86].

Система статистики туризма базируется на двух основных видах показателей – мониторинге туристского рынка и оценке экономической роли туризма. К показателям мониторинга туристского рынка относятся объем въездного, выездного и внутреннего туристского потока, туристские расходы, объем платных услуг, а также ряд иных показателей, таких как занятость, заработная плата в различных секторах туристской индустрии, объем инвестиций в сферу туризма. Оценка экономической роли туризма состоит в определении его мультипликативного эффекта через долю в ВВП, занятости, инвестициях, доходах бюджета и прочее. Оценка роли туризма в экономике России, ее регионов является одной из основных проблем на сегодняшний день. Международный опыт оценки экономической роли туризма закреплен в рекомендациях Статистической комиссии ООН и связан с внедрением в национальные системы статистического учета специального инструмента – спутниковых (вспомогательных) счетов [4, с. 12].

В спутниковых счетах туризма рассчитываются количественные показатели воздействия туризма на экономику страны (региона). Вышеназванные счета предполагают углубленное изучение туризма как экономического феномена, рассматривая его, прежде всего, как источник дополнительного спроса на товары и услуги со стороны посетителей. Этот спрос порождает дополнительное предложение, то есть стимулирует экономический рост определенных отраслей (видов деятельности), характерных для туризма. Кроме того, в показателях спутниковых счетов туризма рассматриваются такие его аспекты, как стимулирование дополнительных доходов государства, создание дополнительных рабочих мест.

Необходимость перехода на новый учет статистики связана, с нашей точки зрения, с тем, что полученные сведения позволят инвесторам (государству, предпринимателям) оценить в полной мере привлекательность региона. Подобная практика учета данных широко используется во

¹ Всемирная туристическая организация.

многих европейских странах. С 2000 г. спутниковые счета туризма внедрены во Франции, Испании, Австрии, США и других странах. В 90-х гг. Канада одной из первых внедрила методологию спутникового счета туризма (далее – ССТ) для оценки экономической роли туризма.

П.С. Трехлеб в своей работе "Статистическая оценка туристской деятельности региона на основе спутникового счета туризма" показал структуру ССТ Канады, которая состояла из нескольких информационных слоев (табл. 1). Первый слой, включавший Основной счет, содержит ключевые стоимостные показатели, позволяющие связать ССТ с системой национальных счетов (далее – СНС). Он дает представление о туристской деятельности в сопоставимых стоимостных показателях, а также характеризует от-

носительную важность элементов туризма в совокупном объеме туристской деятельности и в экономике в целом. Путем сравнения данных этого слоя с данными СНС, а также балансировки спроса и предложения можно контролировать точность полученной информации и, таким образом, обеспечивать стабильность всей системы счетов.

Второй слой включает Описательный модуль, объединяющий данные, которые характеризуют (описывают) специфические туристские виды деятельности с помощью как стоимостных, так и натуральных показателей. Для разработки этого слоя используются стоимостные данные из слоя 1, которые связываются с соответствующими количественными показателями. В свою очередь, эти данные подразделяются в соответствии с различными социальными, де-

Таблица 1

Концептуальная модель спутникового счета туризма Канады*

Слой			
1. Основной счет	Предложение – выпуск; – структура затрат; – государственные программы поддержки	Спрос – объем и структура потребления; – расходы программ государственной поддержки	
2. Описательный модуль (потоки)	Труд – затраты на оплату труда; – демографическая, социальная, квалификационная структура занятых; – структура вакансий	Товары и услуги – стоимость, физический объем; – потребительские сегменты	Потребление – расходы; – физический объем; – количество потребителей по сферам:
			Предпринимательство – вид деятельности; – территориальная структура
3. Капитальный модуль	Основной капитал – физический объем и стоимость; – другие характеристики	Источники и использование фондов бизнесом, государством и домашними хозяйствами	
4. Аналитический модуль	– производительность труда; – производственная и коммерческая эффективность	Товары и услуги – степень использования (например, загрузка гостиниц)	Потребление – потенциальное потребление (например, склонность к поездкам); – фактическое потребление (например, частота поездок); – экономическое и экологическое воздействия потребления туруслуг

* Источник: [5, с. 49].

мографическими, экономическими и другими факторами.

Третий слой – Капитальный модуль – содержит подробную информацию о видах деятельности, связанных с инвестициями в материальные активы в туризме. Эти данные включают материальные запасы, инвестиции, а также источники образования и направления использования средств.

Последний четвертый слой – это Аналитический модуль. Он содержит коэффициенты, характеризующие степень распространения (использования) туристских видов деятельности с целью оценки их масштабов. Данный модуль создает основу для понимания социальных и экономических взаимосвязей туризма, таких как экономическое воздействие туризма [5, с. 48].

Разработка ССТ в Канаде позволила сделать оценку вклада туризма в доходы государства. Было, в частности, определено, что вклад туризма в налоги на продукты составил 3,7 млрд долл. Было также наглядно продемонстрировано значение туризма как экспортной отрасли. Туристские продукты составили 4% в общей величине канадского экспорта и 37% в экспорте услуг. Разработанный ССТ подтвердил общепринятую точку зрения, что туризм является трудоинтенсивным видом деятельности. Туристские фирмы создали 5% (467 тыс. рабочих мест) от общей занятости в предпринимательском секторе. Другой показатель, характеризующий трудоинтенсивность туризма, это доля оплаты труда в валовой добавленной стоимости, которая в туризме составила 66%, в то время как в нетуристских отраслях всего 34%. Из всех видов туристической деятельности наибольшее число рабочих мест, непосредственно относящихся к туризму, было создано в сфере размещения (28% всех занятых в туризме) [5, с. 52].

Еще одним "открытием" ССТ было то, что впервые удалось получить реальную оценку внутренней структуры туристской "отрасли", представляющей из себя совокупность традиционных отраслей, и значение каждой из них в общем объеме туристских доходов. Например, 40% всех туристских доходов приходится на

транспорт, 19% поступает от общественного питания, 13% – от услуг размещения и 8% дают рекреация и развлечения, турагентские услуги и другие. Нетуристские продукты, такие как продукты питания, одежда, сувениры, книги, дорожные принадлежности и другие, дали еще 16% [5, с. 53].

Одним из неожиданных открытий ССТ была его оценка величины вклада нетуристских отраслей в величину валовой добавленной стоимости, созданной туризмом. Примерно 25% туристской добавленной стоимости созданы в результате потребления посетителями нетуристских товаров и услуг, таких как продукты питания, книги, изделия ремесел, страхование, обслуживание кредитных карт и одежда. Это послужило основанием для признания потенциала будущего развития партнерских отношений между туризмом и видами деятельности, которые не связаны с туризмом в общепринятом смысле, но производят товары и услуги, играющие важную роль для посетителей.

Что касается туристских видов деятельности, то ССТ позволило получить очень точные оценки роли туризма для каждой из них. В сателлитном счете был введен показатель "туристской доли" – отношение спроса, вызванного непосредственно туристской деятельностью, к общему спросу на продукцию данной отрасли. Этот показатель является важным для методологии ССТ, поскольку позволяет оценивать спрос и занятость, непосредственно обусловленные туризмом, вместо того, чтобы целиком учитывать спрос и занятость так называемых "туристских отраслей", даже в том случае, если не весь этот спрос и занятость генерируются туристской деятельностью. Другими словами, показатель туристской доли позволяет избежать преувеличения масштабов туризма [5, с. 54].

Россия также планирует ввести такие счета: по самым оптимистичным прогнозам к 2012-2013 гг., а по пессимистичным – к 2014 г. В настоящее время способы включения сателлитных счетов туризма в систему отечественного статистического учета определены лишь теоретически. Практическая реализация этой задачи наталкивается на следующие препятствия:

– отсутствие в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД) группировок видов деятельности собирающей отрасли "туризм";

– отсутствие расчетов таблиц "затраты – выпуск" по полному кругу отраслей вследствие прекращения бюджетного финансирования данной работы (последний раз таблицы по полному кругу отраслей формировались Росстатом по итогам 1995 г.). С тех пор они рассчитываются по ограниченному кругу отраслей и не могут служить основой построения сателлитных счетов.

Вместе с тем отдельные регионы начинают самостоятельно оценивать роль туризма с учетом сопутствующих отраслей в макроэкономических показателях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Так, успешная практика в этом направлении в Краснодарском крае позволяет после соответствующей доработки придать таким расчетам статус официальных [4, с. 12].

При изучении опыта зарубежных стран мы пришли к выводу, что необходимо применять сателлитные счета в системе статистического

учета Республики Татарстан. Решение вышеназванной задачи позволит получить достоверные данные о совокупном вкладе туризма в экономику республики. Кроме того, в 2013 г. в Казани пройдет XXVII всемирная летняя Универсиада, которая послужит убедительным аргументом для привлечения в эту сферу не только государственных, но и частных инвестиций.

Список литературы

1. Гуляев В.Г., Селиванов И.А. Туризм: экономика, управление, устойчивое развитие: учебник / Российская международная академия туризма. – М.: Советский спорт, 2008. – 280 с.
2. Даниленко Д. Статистика туризма. – URL: <http://www.danilenko.info>
3. Мутко В. О статистике // Туризм: практика, проблемы и перспективы. – 2009. – № 2. – С. 6-7.
4. Существующее состояние сферы туризма в Российской Федерации (по материалам Федерального агентства по туризму Российской Федерации) // Туризм: право и экономика. – 2008. – № 2(25). – С. 6-15.
5. Трехлеб П.С. Статистическая оценка туристской деятельности региона на основе сателлитного счета туризма: дис. ... канд. экон. наук. – Сочи, 2002. – 182 с.

В редакцию материал поступил 18.08.09.

Ключевые слова: туризм, статистический учет, туристский рынок, сателлитный счет туризма, система национальных счетов.

УДК 658.3.1

К.С. ЛИСЕНКОВА,
аспирант

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: kseniyas85@mail.ru

РОЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье обсуждаются сущность, ключевые характеристики и структура человеческого капитала в общей системе управления компании в современных условиях. Дается сравнительная характеристика существующих моделей человеческого капитала.

Понятие "человеческий капитал" приобретает в настоящее время большое значение не только для экономистов-теоретиков, но и для многих фирм. В большинстве компаний начинают уделять особое внимание накоплению человеческого капитала, как самого ценного из всех видов капитала.

Впервые упоминание о человеческом капитале встречается в работе А. Смита "Богатство народов", где человеческий капитал понимается как собирательная характеристика количества и качества человеческой способности к труду, которая является важнейшим источником доходов и фактором роста эффективности труда.

Основоположниками теории человеческого капитала считаются американские экономисты Т. Шульц и Г. Беккер.

По мнению Т. Шульца, "все человеческие ресурсы и способности являются или врожденными, или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденный человеческий потенциал. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями, мы называем человеческим капиталом".

Т. Шульц сравнивает человека с материальным капиталом, используемым в производстве, отмечая, что человеческий капитал имеет признаки производительного характера, имеет

свойство накапливаться и воспроизводиться на обновляемой основе. Он отмечает инвестиционный характер совершенствования человеческого характера. Г. Беккер продолжает исследование Т. Шульца в более широком аспекте и выходит в своих исследованиях на макроэкономический уровень.

Г. Беккер в своей работе "Человеческий капитал" вводит понятие специального человеческого капитала, то есть под этим понимаются только те навыки, которые представляют интерес только для какой-либо фирмы, какого-либо вида деятельности. Виды человеческого капитала экономисты классифицируют по видам затрат, инвестиций. Так, И.В. Ильинский выделяет следующие составляющие: капитал здоровья, капитал образования, капитал культуры.

Концепция человеческого капитала в дальнейшем была развита такими известными западными учеными, как И. Бен-Порет, М. Блауг, У. Боуэн, В. Вейсборд, Д. Кендрик, Я. Менцер, И. Фишер и др. [1].

Среди отечественных ученых, внесших существенный вклад в развитие теории человеческого капитала, необходимо отметить А.И. Добрынина, С.А. Дятлова, Р.И. Капелюшникову, М.М. Критского, Р.М. Нуреева. Резюмируя их исследования, можно заключить, что "под человеческим капиталом в отечественной науке понимается запас знаний, навыков, способнос-

тей (в том числе творческих и мыслительных), мотивация человека к производительному труду, имеющих экономическую ценность, приобретенных благодаря обучению, образованию или на основе практического опыта, способствующих росту как благосостояния отдельного экономического субъекта, так и национального богатства страны" [2].

Для анализа качественных и количественных характеристик человеческого капитала используется система показателей. Эти показатели можно подразделить на интегральные, частные, социальные (натуральные) и экономические (стоимостные).

А. Акулин отмечает, что полная динамика затрат и результатов позволяет определить объективную стоимость – цену человеческого капитала по различным видам труда. Пользуясь этими ценами, можно определить объективную стоимость человеческого капитала так же, как стоимость капитала и труда.

Как утверждает В. Щетинин в своей статье "Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки", одним из самых перспективных направлений развития экономической науки в XXI в. является концепция человеческого капитала. По мнению одного из видных теоретиков человеческого капитала Л. Туроу: "Концепция человеческого капитала играет центральную роль в современном экономическом анализе" [3].

Теория "человеческого капитала" позволяет с общих позиций изучать различные явления рыночных отношений, выявлять эффективность вложенных в человеческий фактор финансовых средств, позволяет оценить эффективность экономической деятельности любого предприятия и на сегодняшний день является одним из важнейших показателей успешности фирмы.

Одно из важных положений теории человеческого капитала заключается в том, что его увеличение является одной из главных предпосылок экономического развития, потому что человеческий капитал составляет большую часть благосостояния общества.

Человеческий капитал воплощается в работах компании в виде их опыта, знаний, навыков, отношению к нововведениям, а также к об-

щей культуре, философии и моральным ценностям компании. Главное предназначение человеческого капитала – создание и распространение инноваций (продукта, технологии, системы или структуры управления), тогда человеческий капитал образуется и проявляет себя в ситуациях, когда большая часть времени и способностей работников уходит на достижение новых продуктов.

Примером такого капитала могут быть интуиция, умение определять приоритеты заданий, умение быстро принимать решения в условиях ограниченной информации и пр. Эти знания могут передаваться от одного человека другому только через прямое общение. Общение, обмен знаниями имеют ключевое значение для эффективности использования интеллектуального капитала.

Человеческий капитал прирастает двумя способами: 1) компания использует максимальный объем знаний своих сотрудников, 2) максимальное число сотрудников владеет знаниями, способными принести пользу компании. Одним из показателей человеческого капитала компании, ее способности к новшествам является удельный вес новой продукции в общем объеме продаж [1].

В данной статье категория "человеческий капитал" рассматривается с позиции системного подхода, в соответствии с которым построены три модели рассматриваемой экономической категории [3].

Первая – это модель "Черного ящика" (рис. 1) – показывает сущность человеческого капитала, а именно значимость его для предприятия.

В рамках модели "Черного ящика" в качестве входных параметров выступают образование, воспитание, здоровье, то есть та база, которая делает человека объектом воплощения капитала, а на выходе мы получаем определенную общественную полезность, то есть ту выгоду, которую приносит человеческий капитал предприятию. Она может быть выражена как в материальном показателе (определенный процент прибыли, рост различных финансовых показателей), так и в нематериальном (престиж предприятия, корпоративный дух, интеллектуальная собственность).

Вторая – это модель состава человеческого капитала (рис. 2) – позволяет представить состав

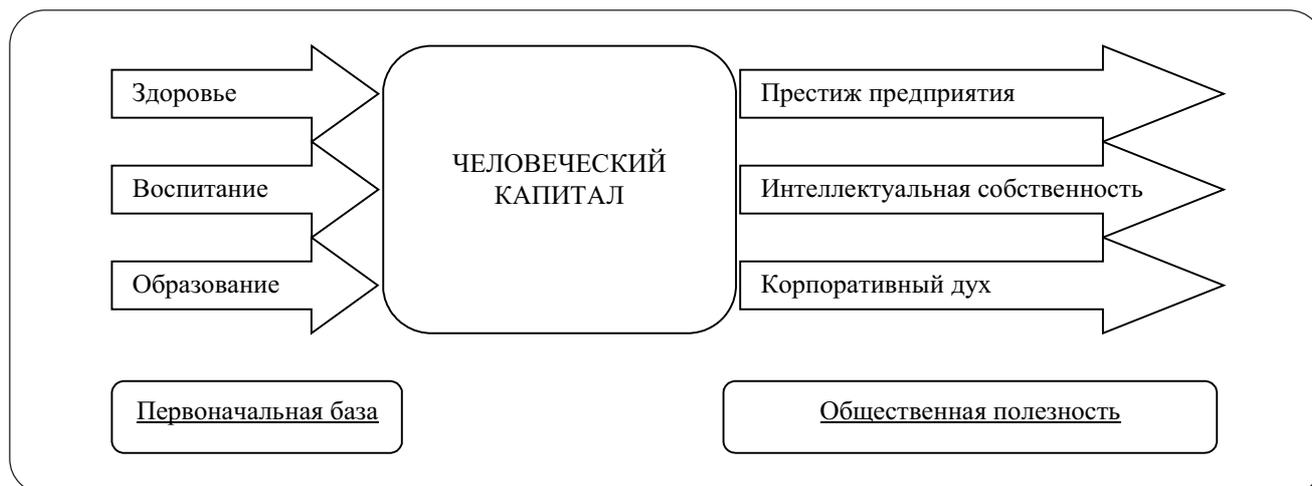

Рис. 1. Модель «Черного ящика»

человеческого капитала, выделить главные его составные части, чтобы затем исследовать эту категорию с определенной степенью подробности.

Теоретики, изучающие человеческий капитал, по-разному определяют его состав. И.В. Ильинский выделяет следующие составляющие: капитал образования, капитал здоровья и капитал культуры.

А.И. Добрынин понимает под человеческим капиталом имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и влияют на рост доходов (зарботков) [3].

"Человеческий капитал" – как определяют его большинство западных экономистов – со-

стоит из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг" [1].

Рассмотрев различные точки зрения о составе человеческого капитала, можно выделить следующие элементы изучаемой категории, а именно: образование, профессиональную подготовку, здоровье, мотивацию, доход, общую культуру.

Третья – это модель структуры человеческого капитала (рис. 3) – представляет собой описание каждого из элементов рассматриваемой категории и взаимосвязь между ними.

Образование включает в себя все те знания, которые человек получает на протяжении своей

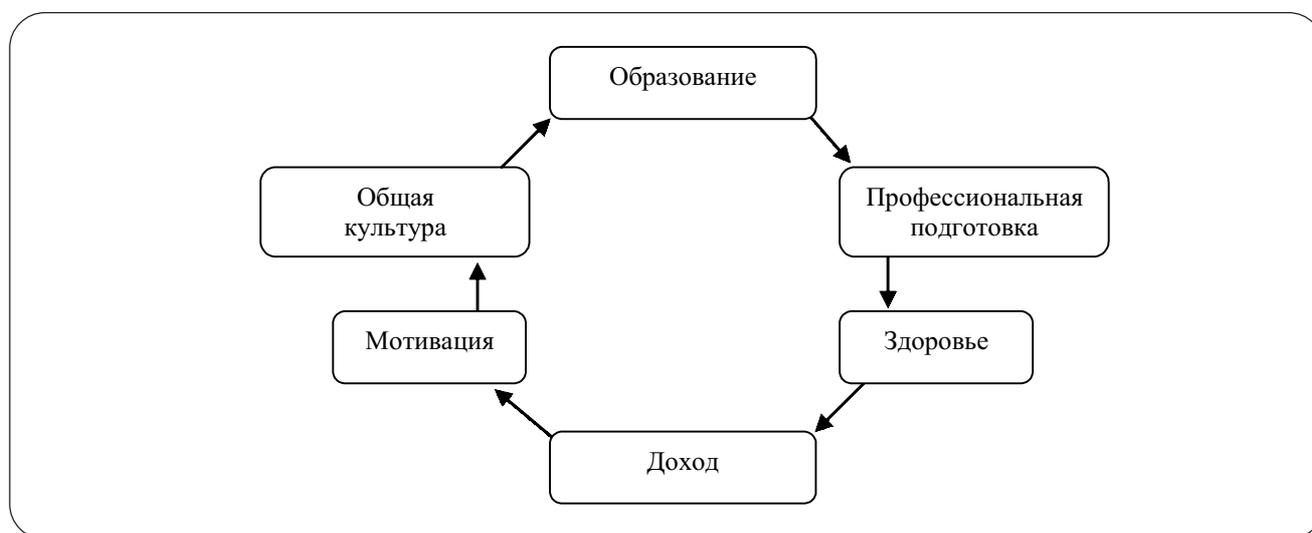

Рис. 2. Модель состава человеческого капитала

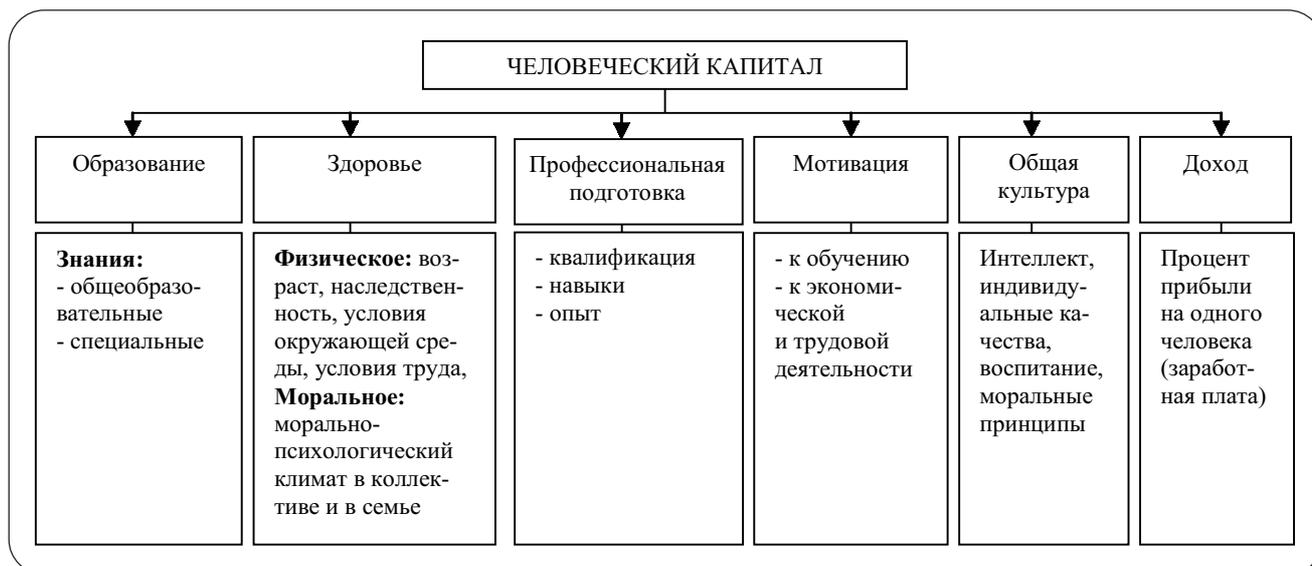

Рис. 3. Модель структуры человеческого капитала

жизни, то есть общеобразовательные (школьное образование и общеобразовательные дисциплины в высших учебных заведениях) и специальные знания (специальные предметы, нацеленные на получение знаний в конкретной области).

Работоспособность человека в любой сфере экономики, на любой должности в значительной степени зависит от его здоровья. Элемент "здоровье" можно разделить на такие две составляющие, как моральное и физическое здоровье. Физическое – это все то, что человек получает при рождении и приобретает потом, влияющее на его физиологию, а именно, наследственность, возраст, условия окружающей среды и условия труда. Моральное здоровье обеспечивается морально-психологическим климатом в семье и в коллективе.

Профессиональная подготовка включает в себя квалификацию, навыки и опыт работы, которые формируются в процессе трудовой деятельности.

Мотивация может быть как к обучению, так и к экономической и трудовой деятельности. В отношении данной составляющей человеческого капитала необходимо отметить, что от системы стимулирования и мотивации персонала к работе зависит уровень производительности труда, а также качество производимой продукции или услуги.

Общая культура включает в себя все те индивидуальные черты, которыми отличается

один человек от другого, а в частности это – интеллект, творческие способности, воспитание, которое формирует определенные моральные принципы, а также все те человеческие качества, которые могут повлиять на деятельность предприятия. К таким характеристикам человека можно отнести ответственность, коммуникативность, креативность, важность которых в последнее время постоянно повышается при подборе персонала.

В отношении последних трех составляющих человеческого капитала необходимо отметить, что в настоящее время отмечена тенденция перемещения кадрового состава предприятий внутри одной отрасли. Это связано с тем, что большинство руководителей не учитывают значимость таких явлений, как мотивация труда и корпоративная культура, а также доход или уровень оплаты труда. Так как в течение всего периода трудовой деятельности внутри одной отрасли сотрудник аккумулирует в себе профессиональные навыки, тем самым увеличивается его "рыночная стоимость".

Особое значение имеет в рамках прироста человеческого капитала предприятия адаптация специалиста в трудовом коллективе. Следовательно, необходимо совершенствовать корпоративную культуру предприятия с целью улучшения условий трудовой деятельности специалистов, которые имеют не последнее место при

принятии решения о начале трудовой деятельности на предприятии.

В последние годы XX в. менеджмент полагал, что люди, а не деньги, здания или техника – решающий отличительный признак успешного предприятия. По мере движения в новое тысячелетие и существования в условиях экономики, основанной на знаниях, становится невозможным отрицать, что именно человеческий потенциал – источник прибыли. Любое имущество организаций, кроме людей, бездейственно, это пассивные ресурсы, требующие вмешательства человека для производства стоимости.

Ключ к поддержанию доходности компании или к здоровой экономике – производительность рабочей силы, человеческий капитал. Для американской экономики, где свыше половины ВВП приходится на информационный сектор, очевидно, что знающие люди – движущая сила.

Чтобы поддержать конкурентоспособную позицию на рынке XXI в., менеджменту придется найти методы, повышающие его информированность о людях. Самое рентабельное и долговременное решение проблемы дефицита талантов – помочь каждому человеку стать более производительным. Это обязывает менеджмент выяснять, как инвестировать в потенциал человеческой производительности.

Все элементы человеческого капитала связаны между собой, например, повышая свое образование, человек увеличивает и капитал, и здоровье, и процент своего дохода, и повышает общую культуру. Знания и навыки, которыми обладает работник и которые приобретены им благодаря образованию и профессиональной подготовке, включая сноровку, получаемую с опытом работы, составляют определенный запас капитала. Денежная ценность этого запаса капитала определяется ставками заработной платы, по которым человеческий капитал мо-

гут "арендовать" работодатели на рынке труда. Поиск работы и миграция увеличивают ценность человеческого капитала конкретных людей благодаря увеличению цены (ставок заработной платы, получаемой в единицу времени за использование знаний и навыков работника) [6].

Таким образом, человеческий капитал является главной ценностью современного общества, а также основополагающим фактором экономического роста как страны в целом, так и отдельно взятого предприятия. Чтобы увеличить человеческий капитал, необходимо уделять особое внимание данному показателю деятельности предприятия и инвестировать необходимые денежные средства в каждую его составляющую с целью повышения его эффективности.

Список литературы:

1. Крамин Т.В. Система управления стоимостью компании в институциональной экономике. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 236 с.
2. Ромашкина Т.Н. Исследование взаимосвязи ценности человеческого капитала и рыночной стоимости бизнеса фирмы на основе синергетической парадигмы. – М., 2004. – 181 с.
3. Бобкова Е.В., Майорова Н.А. Человеческий капитал с позиции системного подхода // Экономика региона. – 2007. – № 18 (часть 2).
4. Добрынин А.И., Тарасевич Л.С. Человеческий капитал. – СПб.: Изд. СПбГУЭФ, "Питерком". 1999. – С. 366, 544.
5. Андриссен Д., Тиссен Р. Невесомое богатство. Определите стоимость вашей компании в экономике нематериальных активов; пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2004. – 186 с.
6. Капелюшников Р. Современные западные концепции формирования рабочей силы. – М.: Наука, 1981.
7. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. – СПб.: Наука, 1999. – С. 39.
8. Корицкий А.В. Введение в теорию человеческого капитала: учеб. пособие. – Новосибирск: СибУПК, 2000. – 112 с.
9. Чеботарев Н.Ф. Оценка стоимости предприятия (бизнеса): учебник. – М.: ИТК "Дашков и К", 2009. – 256 с.

В редакцию материал поступил 31.07.09.

Ключевые слова: человеческий капитал, системный подход, показатели человеческого капитала, трудовая деятельность, предприятие.

УДК 658.15

Д.В. МАНУШИН,

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: expert_dim@mail.ru

ПРИНЦИПЫ, ЭТАПЫ И ФУНКЦИИ АНАЛИЗА ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

В работе представлено обобщение мнений различных ученых, изучающих принципы, этапы и функции анализа финансового состояния организаций. Дана их критическая оценка. Предложены уточненные автором принципы, этапы и функции анализа финансового состояния организаций.

В настоящее время существует достаточно много работ, посвященных исследованию принципов, функций и этапов анализа финансового состояния организаций. Однако их изучение показывает, что содержание этих аспектов раскрыто не полностью. В связи с этим в статье предлагается авторский взгляд на принципы, функции и этапы анализа финансового состояния организаций.

В настоящее время в большинстве работ, посвященных анализу финансового состояния организаций, не сформулированы его принципы. Однако некоторые авторы предлагают использовать другие принципы, лежащие в основе анализа других видов деятельности.

Например, Е.С. Стоянова считает, что основные требования к информации, на основе которой составляется финансовая отчетность, основаны на принципах: уместности (значимости и своевременности ее получения), достоверности, нейтральности, понятности и сопоставимости [1, с. 26-28].

В.В. Ковалев выделяет принципы, лежащие в основе формирования системы показателей [2, с. 90-93]:

- 1) необходимой ширины охвата показателями всех сторон изучаемого субъекта или явления;
- 2) взаимосвязи этих показателей;
- 3) верифицируемости показателей – понятности алгоритма их расчета и информационного обеспечения;

4) древовидности структуры системы показателей, то есть наличие частных и обобщающих показателей, причем частные показатели должны логически переходить в обобщающие;

5) обозримости, то есть набор показателей должен охарактеризовать все существенные стороны изучаемого явления;

6) допустимой мультиколлинеарности, то есть показатели должны взаимно дополнять, а не дублировать друг друга;

7) разумной сочетаемости абсолютных и относительных показателей;

8) неформальности, то есть система показателей должна обладать максимальной степенью аналитичности, обеспечивать возможность оценки текущего состояния предприятия и перспектив его развития, а также быть пригодной для принятия управленческих решений.

Кроме того, В.В. Ковалев выделяет еще семь принципов, лежащих, по его мнению, в основе микроэкономического анализа [2, с. 272-273]:

1) исходя из принципа осторожности результаты любых аналитических процедур, независимо от вида анализа, следует рассматривать как субъективные оценки, которые не могут служить неоспоримым аргументом для принятия управленческого решения;

2) необходимо наличие достаточно четкой программы анализа, предшествующей его проведению, включая проработку и однозначную

идентификацию целей, желаемых результатов и доступных ресурсов;

3) схема анализа должна быть построена по принципу "от общего к частному", при этом важно выделять наиболее существенные моменты, не заикливаясь на мелочах;

4) любые значимые "всплески", то есть отклонения от нормативных или плановых значений показателей, даже если они имеют позитивный характер, должны тщательно анализироваться;

5) завершенность и цельность любых аналитических процедур в значительной степени определяются обоснованностью используемой совокупности критериев и показателей, к отбору и однозначной идентификации которых необходимо подходить с особой тщательностью;

6) выполняя анализ не нужно без нужды привлекать сложные аналитические методы – выбор математического аппарата должен основываться на идее целесообразности и оправданности, поскольку сама по себе сложность аппарата вовсе не гарантирует получение более качественных оценок и выводов;

7) выполняя расчеты, не нужно без нужды гнаться за точностью оценок; как правило, наибольшую ценность представляет выявление тенденций и закономерностей, а не получение каких-то мифических "точных" оценок, которые чаще всего таковыми не могут быть в принципе.

Т.Б. Бердникова считает, что "основными принципами анализа финансово-хозяйственной деятельности являются: достоверное отражение реального состояния, научная обоснованность, отражение определенной цели, взаимосвязь с другими видами анализа, системность, комплексность, вариантность, согласованность отдельных элементов, отражение отраслевой и территориальной специфики" [3, с. 27-28].

А.Д. Шерemet, Р.С. Сайфуллин, Е.В. Негашев полагают, что "основной принцип аналитического чтения финансовых отчетов – это дедуктивный метод, то есть переход от общего к частному" [4, с. 9].

В.В. Ковалев и О.Н. Волкова в качестве "принципов анализа финансово-хозяйственной деятельности называют: конкретность, комплекс-

ность, системность, регулярность, объективность, действенность, экономичность, сопоставимость и научность" [5, с. 13-14].

Л.Н. Чечевицына в качестве принципов анализа финансово-хозяйственной деятельности помимо принципов В.В. Ковалева и О.Н. Волковой дополнительно выделяет принцип оперативности [6, с. 11-12].

Т.М. Голубева в качестве принципов экономического анализа кроме выше указанных принципов дополнительно выделяет принципы государственного подхода (анализ должен учитывать влияние государственной экономической, социальной, экологической, международной политики и законодательства) и демократичности (в анализе должен участвовать широкий круг работников предприятия, что обеспечит более полное выявление передового опыта и использование имеющихся внутривозможных резервов) [7, с. 14].

М.А. Вахрушина и И.С. Пласкова выделяют следующие "общие принципы экономического анализа: непрерывность, регулярность; преемственность методологии и методики; объективность; научность; комплексность; конкретность и практическая значимость; достоверность и точность аналитических выводов" [8, с. 11].

И.Т. Балабанов полагает, что существуют следующие "принципы финансового анализа: 1) единство анализа и синтеза; 2) необходимость изучения экономических явлений в их взаимосвязи; 3) необходимость изучения экономических явлений с учетом их развития и динамики, то есть показатели отчетного периода должны сравниваться с показателями прошлого периода и плановыми величинами" [9, с. 14].

В качестве основных недостатков представленных выше принципов следует отметить, что практически все они не являются принципами анализа финансового состояния организаций. Некоторые авторы предлагают использовать взаимоисключающие принципы: системность и согласованность отдельных элементов [3]; непрерывность и регулярность, объективность и достоверность аналитических выводов [8]. Принципы действенности [5, 6, 7], научности [3, 5, 6, 7, 8] и практической значимости [8] яв-

ляются обобщающими принципами, то есть если все остальные принципы действуют, финансовый анализ будет действенным, научно обоснованным и значимым для организации. При этом некоторые авторы не предлагают использовать ряд важнейших принципов. Кроме того, большинство позиций В.В. Ковалева не сформулированы в виде принципов, скорее их можно отнести к правилам финансового анализа; некоторые из них сложны для восприятия; принцип древовидности системы показателей противоречит принципу "от общего к частному".

Для устранения этих недостатков автор разработал следующие основные принципы анализа финансового состояния организаций.

1. Встроенность в систему управления организации, то есть анализ финансового состояния должен являться одним из элементов системы управления организации. В нем должны отражаться его плановая периодичность и совокупность критериев позволяющая определить необходимость внепланового анализа или перехода на более частую периодичность его осуществления.

2. Предварительное планирование. Перед каждым его проведением необходимо предварительно выработать цели, задачи и программу исследования; оценивать наличие ресурсов необходимых для его осуществления; определять состав участников, планируемые результаты и сроки.

3. Полнота. В рамках поставленной цели анализ финансового состояния организации должен охватывать все аспекты ее деятельности, учитывать основные факторы и тенденции на нее влияющие. Таким образом, масштаб и глубина анализа должны соответствовать целям анализа.

4. Системность. Должны использоваться не разрозненные показатели, а взаимосвязанные группы методов, индивидуальные для каждого аспекта (направления) деятельности организации. При этом необходимо избегать анализа показателей, не связанных с достижением поставленной цели или значительно коррелирующих с уже проанализированными показателями.

5. Единство анализа и синтеза. Вначале изучаемые показатели разбиваются на составные части и детально изучаются. Потом изученные в процессе анализа составные части исследуются в целом, при этом устанавливается их взаимосвязь и взаимозависимость.

6. Объективность. Содержание анализа должно отражать реальное состояние организации, а не мнение заинтересованных лиц об этой организации, не подтвержденное достоверными фактами. Для получения объективных результатов необходимо использовать достоверную первичную информацию. В идеале необходимо заключение аудитора, подтверждающее достоверность предоставленной отчетности. В противном случае необходимо отметить отсутствие данных не позволяющих оценить достоверность и реальность предоставленной информации. При интерпретации данных необходимо учитывать влияющие на них основные факторы и ограничения. Они определены автором в статье [10].

7. Сравнимость. Все данные должны быть сопоставимы. Например, для расчета оборачиваемости или рентабельности активов, прежде чем выручку или прибыль делить на валюту баланса, необходимо рассчитать среднее значение валюты баланса за период (сложить ее величину на начало и конец периода и разделить на два). Это связано с тем, что в отчете о прибылях и убытках данные представлены за период, а в бухгалтерском балансе на определенную дату, то есть являются не сопоставимыми. В динамике лет также необходимо сравнивать сопоставимые данные, не допуская в частности сравнения показателей квартальной и годовой отчетности или данных за второй квартал одного года с данными за третий квартал другого года. Кроме того, если в разные периоды анализа применялись различные методики бухгалтерского учета, данные необходимо пересчитать, используя только одну методику бухгалтерского учета.

8. Осторожность. В том случае, если данные, представленные на одну дату, противоречивы, и нет возможности их проверить, то должны быть выбраны данные, в меньшей степени благоприятные для организации.

9. Точность. Все формулировки должны максимально точно отражать действительность. Например, если наблюдается значительная и непрерывная тенденция к увеличению, необходимо так и записать, а не ограничиваться словами "прослеживается тенденция к увеличению". При этом и расчеты должны быть проведены без ошибок, так как от точности расчетов зависит точность анализа.

10. Наглядность. Изложение результатов финансового анализа должно быть системным, конспектным и понятным. Порядок изложения должен быть основан на принципе перехода "от общего к частному". При возможности желательно использовать соответствующие изобразительные средства: таблицы и графики.

В качестве основных разноплановых подходов по выделению этапов анализа финансового состояния организаций можно представить мнения Н.Н. Ильшевой и С.И. Крылова, В.В. Ковалева, Г.В. Савицкой, М.А. Вахрушиной и И.С. Пласковой, Т.Б. Бердниковой.

Н.Н. Ильшева и С.И. Крылов полагают, что анализ финансовой отчетности практически любой организации может быть выполнен в четыре этапа [11, с. 7]:

1) предварительный анализ (экспресс-анализ) финансовой отчетности организации: подготовительный этап; предварительный обзор финансовой отчетности; расчет и анализ важнейших аналитических показателей;

2) углубленный анализ финансовой отчетности организации;

3) обобщение результатов анализа финансовой отчетности организации, переходящее в разработку рекомендаций, направленных на повышение ее финансовых результатов и улучшение финансового состояния;

4) прогнозирование финансовой отчетности организации.

Для выполнения экспресс-анализа В.В. Ковалев определил следующую последовательность процедур [2, с. 276-283]:

1. Просмотр отчета по формальным признакам: оценка объема и качества отчета, удобства его структурирования, наличия минимального набора требуемых отчетных форм, наличия и

полноты аналитических расшифровок, доступности и трактуемости аналитических индикаторов и т.п.

2. Ознакомление с заключением аудитора.

3. Ознакомление с учетной политикой организации.

4. Выявление "больных" статей в отчетности и их оценка в динамике.

5. Ознакомление с ключевыми индикаторами.

6. Чтение пояснительной записки.

7. Оценка имущественного и финансового состояния организации по данным баланса.

8. Формулирование выводов по результатам анализа.

По мнению Г.В. Савицкой, большинство авторов для анализа финансового состояния предприятия предлагают использовать следующие основные блоки [12, с. 384-385]:

– анализ риска несостоятельности;

– анализ финансовой устойчивости;

– анализ платежеспособности;

– анализ сбалансированности денежных потоков;

– анализ ликвидности баланса;

– анализ имиджа предприятия;

– анализ рентабельности;

– анализ оборачиваемости;

– анализ качества управления активами;

– анализ качества управления пассивами.

В своей работе М.А. Вахрушина и И.С. Пласкова отмечают, что в соответствии с методикой МСФО рекомендуется проводить финансовый анализ в три этапа [8, с. 30-31]:

1) выбор метода анализа;

2) оценка качества информации и достижение сопоставимости данных финансовой отчетности;

3) аналитические процедуры (использование стандартных приемов и методов для преобразования исходных данных, систематизации, интерпретации показателей).

Т.Б. Бердникова считает, что оценка потенциала предприятия предполагает осуществление ряда последовательных этапов [3, с. 43-44]:

1) определение цели и задач;

2) разработка программы, в которой определяются: объект и субъект анализа, период за

который он выполняется, оформление результатов анализа, срок проведения аналитических операций, кому направляются результаты анализа и как они должны быть использованы;

3) установление последовательности выполнения;

4) выбор и обоснование методов проведения;

5) определение необходимой информации;

6) проведение анализа путем изучения, обобщения исходных данных группировки и сравнения однородных показателей; выявление связей, закономерностей, противоречий; количественной и качественной оценки отдельных показателей, учета влияния разнонаправленных факторов.

7) обобщение результатов анализа;

8) подготовка выводов по основным направлениям анализа и их конкретизация;

9) оформление отчета (заключения) по итогам анализа.

Оценивая мнение Н.Н. Ильшевой и С.И. Крылова, можно отметить, что, во-первых, разработка рекомендаций по совершенствованию финансового состояния и прогнозирование финансовой отчетности выходят за рамки анализа финансового состояния организаций. Во-вторых, не во всех случаях нужен углубленный анализ финансовой отчетности организации. С действиями, предлагаемыми В.В. Ковалевым для осуществления экспресс-анализа, автор в целом согласен. Однако считает, что все они (за исключением последнего) должны осуществляться в рамках этапа "проведение анализа". При этом чтение пояснительной записки логично проводить на четвертом этапе финансового анализа, а не на шестом, так как знание специфики и особенностей деятельности организации может повлиять на содержание финансового анализа. С мнением Г.В. Савицкой, что предлагаемая ею схема действий является характерной для большинства ученых, изучающих этапы анализа финансового состояния организаций, автор в основном согласен (не характерным для большинства ученых является анализ имиджа предприятия). Однако считает, что представленные блоки являются частью этапа "проведение анализа финансового состояния организации". Анализируя этапы оценки потенциала предпри-

ятия Т.Б. Бердниковой, можно отметить ряд лишних этапов (третий, пятый и седьмой), выполнение которых подразумевается при реализации второго и восьмого этапов. Тогда как М.А. Вахрушина и И.С. Пласкова, на наш взгляд, предлагают использовать недостаточное количество этапов анализа финансового состояния организаций.

Таким образом, устраняя отмеченные выше недостатки, предлагается использовать следующие основные этапы анализа финансового состояния организаций:

1. Определение плановой периодичности анализа финансового состояния организации и совокупности критериев позволяющей определить необходимость внепланового анализа или перехода на более частую периодичность его осуществления.

2. Определение целей и задач исследования.

3. Разработка программы, в которой определяется состав участников; направления, масштаб и глубина анализа; результаты и сроки анализа; оценивается наличие ресурсов необходимых для его осуществления.

4. Составление и обоснование системы методов и приемов анализа;

5. Оценка и достижение объективности и сопоставимости исходной информации (исключение или переработка не объективной и (или) несопоставимой информации).

6. Проведение анализа путем изучения, обобщения исходных данных, группировки и сравнения однородных показателей; выявление связей, закономерностей, противоречий; количественной и качественной оценки отдельных показателей, учета влияния разнонаправленных факторов.

7. Формирование выводов по результатам анализа.

8. Оформление отчета (заключения) по итогам анализа.

А.Д. Шеремет, Р.С. Сайфуллин, Е.В. Негашев и М.М. Статкова проводят исследование функций финансового анализа [4, 13], Н.П. Любушин и Л.Н. Чечевицына изучают функции экономической [6, 14], а Т.Б. Бердникова – финансово-хозяйственной деятельности организации [3].

А.Д. Шеремет, Р.С. Сайфуллин, Е.В. Негашев [6, с. 9] и М.М. Статкова [11, с. 8] выделяют следующие основные функции финансового анализа:

- объективная оценка финансового состояния, финансовых результатов, эффективности и деловой активности изучаемого объекта;
- выявление факторов и причин достигнутого состояния и полученных результатов;
- подготовка и обоснование принимаемых управленческих решений в области финансов;
- выявление и мобилизация резервов улучшения финансового состояния и финансовых результатов повышения эффективности всей хозяйственной деятельности.

Н.П. Любушин называет следующие функции экономической деятельности организации [14, с. 8]:

- информационное обеспечение управления (сбор, обработка, упорядочение информации об экономическом явлении и процессе);
- анализ (анализ хода и результатов экономической деятельности, оценка ее успешности и возможностей совершенствования на основе научно обоснованных критериев);
- планирование (прогнозирование, перспективное и текущее планирование экономической системы);
- организация управления (организация эффективного функционирования тех или иных элементов хозяйственного механизма в целях оптимизации использования трудовых, материальных и денежных ресурсов экономической системы);
- контроль (контроль за ходом выполнения бизнес-планов и управленческих решений).

Л.Н. Чечевицына выделяет такие же функции экономической деятельности организации, что и Н.П. Любушин, за исключением функции контроля [6, с. 20].

Т.Б. Бердникова считает, что "функциями анализа финансово-хозяйственной деятельности являются: контрольная, учетная, стимулирующая, организационная и индикативная" [3, с. 11].

Оценивая функции А.Д. Шеремета, Р.С. Сайфуллина, Е.В. Негашева, М.М. Статковой,

Н.П. Любушина и Л.Н. Чечевицыной следует отметить, что все перечисленные ими аспекты не сформулированы в виде функций экономического или финансового анализа организаций. При этом автор не согласен с присутствием в их составе таких функций, как "анализ" или "оценка", так как эти аспекты отображают сущность и содержание финансового анализа и не являются его функциями. Кроме того, в связи с тем, что Т.Б. Бердникова не раскрывает содержание своих функций, сложно понять каким образом учетная, организационная и индикативная функции взаимосвязаны с анализом финансово-хозяйственной деятельности организации.

По мнению автора, анализ финансового состояния организации выполняет следующие основные функции:

- информационную: на текущий момент времени отражает характер воздействия экономических явлений и процессов на организацию, характеризует финансовое состояние организации; отображает взаимозависимость и тенденции различных аспектов деятельности организации, факторы на них влияющие;
- стимулирующую: показывает направления развития и реализации преимуществ организации или устранения выявленных проблем в ее деятельности; определяет возможность повышения качества системного управления ее финансовыми ресурсами;
- контрольную: выявляет необходимость действий по управлению отклонениями основных финансовых показателей от средних по виду экономической деятельности организации или от основных конкурентов; корректировки фактических значений показателей в соответствии с плановыми, или наоборот.
- прогнозную: является исходной информацией для прогнозирования значений основных финансовых показателей организации.

Таким образом, уточнение основных принципов, этапов и функций анализа финансового состояния организаций позволит их лучше понять и использовать в практической деятельности.

Список литературы

1. Финансовый менеджмент: теория и практика / под ред. Е.С. Стояновой. – 6-е изд. – М.: Перспектива, 2006. – 656 с.
2. Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 560 с.
3. Бердникова Т.Б. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 215 с.
4. Шеремет А.Д., Сайфуллин Р.С., Негашев Е.В. Методика финансового анализа. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 208 с.
5. Ковалев В.В., Волкова О.Н. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник. – М.: ТК Велби, Изд-во "Проспект", 2008. – 424 с.
6. Чечевицына Л.Н. Анализ финансово-хозяйственной деятельности: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 379 с.
7. Голубева Т.М. Анализ финансово-хозяйственной деятельности. – М.: Издательский центр "Академия", 2008. – 208 с.
8. Анализ финансовой отчетности: учебник / под ред. М.А. Вахрушиной, И.С. Пласковой. – М.: Вузовский учебник, 2008. – 367 с.
9. Балабанов И.Т. Финансовый анализ и планирование хозяйствующего субъекта. – 2-е изд., доп. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 208 с.
10. Манушин Д.В. Совершенствование сущности, видов и других аспектов анализа финансового состояния организаций // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 1. – С. 70-75
11. Ильшева Н.Н., Крылов С.И. Анализ финансовой отчетности. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 431 с.
12. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 536 с.
13. Статкова М.М. Финансовый анализ. – М.: ООО ИИА "Налог Инфо", ООО "Статус-Кво 97", 2007. – 120 с.
14. Любушин Н.П. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 448 с.

В редакцию материал поступил 19.06.09.

Ключевые слова: анализ, финансовое состояние, организация, принципы, функции, этапы.

УДК 339.13

А.В. МИХАЛИЦЫН,
кандидат технических наук, доцент,

М.Ю. ШАБАНОВ,
аспирант

Институт экономики управления и права (г. Казань)

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОБЪЕМА ПРОДАЖ ЛИЗИНГОВЫХ КОМПАНИЙ НА РЫНКЕ ГРУЗОВЫХ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РФ

В статье предложена методика прогнозирования объема продаж лизинговых компаний по реализации грузовых автотранспортных средств класса "КамАЗ" в Приволжском федеральном округе РФ на основе одно- и многофакторной моделей, построенных с использованием корреляционно-регрессионного анализа.

В последние годы все большую популярность у хозяйствующих субъектов получает приобретение транспортных средств в лизинг. В настоящее время в России функционирует примерно 700 лизинговых компаний и 60% из них занимаются лизингом грузовых автомобилей. Конкурентами ОАО "Лизинговой компании "КамАЗ" на Российском рынке считаются лизинговые компании, которые занимаются лизингом грузовых автомобилей класса "КамАЗ". В связи с этим изучение проблем оценки конкурентоспособности этих компаний и прогнозирования объемов продаж становится остро актуальным. Для проведения этого исследования были использованы методы экспертных оценок и экономико-статистические методы. Объектом исследования стали лизинговые компании Приволжского федерального округа (ПФО) Российской Федерации.

В качестве параметров (критериев) оценки конкурентоспособности лизинговых компаний ПФО ведущие специалисты этих компаний выдвинули следующие:

Авансовый платеж	Y_1
Процент удорожания в год	Y_2
Максимальный срок лизинга	Y_3

Пакет документов	Y_4
Оперативность принятия решения о финансировании	Y_5
Состав лизинговых платежей	Y_6

В табл. 1 и 2 приведены среднемесячные объемы продаж и количественные оценки параметров и уровней конкурентоспособности (полученные экспертным путем) исследуемых лизинговых компаний ПФО по результатам их работы в III квартале 2008 г., когда влияние кризиса на финансовую деятельность компаний в России было не существенным (по данным ОАО ТФК "Лизинговая компания "КамАЗ").

Воспользуемся однофакторной моделью, построенной с использованием корреляционно-регрессионного анализа, для прогнозирования объема продаж лизинговых компаний ПФО.

Наиболее адекватным уравнением регрессии по результатам анализа оказалось уравнение линейной формы связи:

$$P = a + bY, \quad (1)$$

где P – объем продаж; a – свободный член уравнения линейной формы связи; b – коэффициент наклона прямой уравнения линейной формы связи; Y – уровень конкурентоспособности. Так как

относительная ошибка аппроксимации показывает, что при изменении отклонения на 1% линейная функция в среднем изменится на величину

$$E = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \frac{P_i - \bar{P}}{P_i} 100 = -1,86\%,$$

где E – относительная ошибка аппроксимации; n – количество исследуемых лизинговых компаний; P_i – объем продаж i -ой лизинговой компании; \bar{P} – средний объем продаж лизинговых компаний.

Полученное значение относительной ошибки аппроксимации приемлемо. Следовательно, линейный вид уравнения является подходящим.

Определим параметры уравнения регрессии (1), используя систему уравнений:

$$\begin{cases} na + b \sum_{i=1}^6 Y_i = \sum_{i=1}^6 P_i \\ a \sum_{i=1}^6 Y_i + b \sum_{i=1}^6 (Y_i)^2 = \sum_{i=1}^6 Y_i P_i \end{cases}, \quad (2)$$

где Y_i – уровень конкурентоспособности i -й лизинговой компании.

Используя данные табл. 2 и решая систему уравнений (2), получим следующие параметры линейного уравнения регрессии (1):

$$\begin{aligned} a &= 8,96; \\ b &= 414,89. \end{aligned}$$

Тогда уравнение регрессии примет вид:

$$P = 8,96 + 414,89 \cdot Y.$$

Оценим тесноту связи между фактическим объемом продаж и уровнем конкурентоспособности, используя коэффициент детерминации:

$$R^2 = \frac{\sum_{i=1}^6 (P_i - \bar{P})^2}{\sum_{i=1}^6 (P_i - \bar{P})^2}. \quad (3)$$

Сведем данные расчетной модели в табл. 3.

Используя формулу (3) и данные табл. 2 и 3, получим коэффициент детерминации:

$$R^2 = \frac{\sum_{i=1}^6 (P_i - \bar{P})^2}{\sum_{i=1}^6 (P_i - \bar{P})^2} = \frac{517,787}{600,833} = 0,86.$$

Полученное значение коэффициента свидетельствует о сильном влиянии исследуемого фактора на функцию.

Таблица 1

Сводная таблица оценок уровней конкурентоспособности лизинговых компаний ПФО

Лизинговые компании ПФО	Y_1	Y_2	Y_3	Y_4	Y_5	Y_6	$\sum x_i y_j$	Рейтинг
ЛК «КамАЗ»	0,050	0,029	0,024	0,021	0,025	0,026	0,175	3
ЛК «Каркаде-Лизинг»	0,038	0,036	0,037	0,030	0,029	0,017	0,187	1
ООО «Лизинг-Трейд»	0,046	0,025	0,024	0,030	0,021	0,019	0,165	4
ЛК «Элемент-Лизинг»	0,030	0,025	0,037	0,030	0,034	0,020	0,176	2
ЛК «Аэроплан»	0,050	0,016	0,045	0,030	0,017	0,017	0,175	3
ООО «Траст-Лизинг»	0,024	0,018	0,024	0,026	0,014	0,012	0,118	5

Таблица 2

Исходная информация для построения однофакторной математической модели

№	Лизинговые компании ПФО	Уровень конкурентоспособности Y_i	Объем продаж P_i , млн руб./мес.
1	ЛК «КамАЗ»	0,175	82
2	ЛК «Каркаде-Лизинг»	0,187	90
3	ООО «Лизинг-Трейд»	0,165	70
4	ЛК «Элемент-Лизинг»	0,176	85
5	ЛК «Аэроплан»	0,175	80
6	ООО «Траст-Лизинг»	0,118	60

Таблица 3
Данные расчетной однофакторной
математической модели

№	Y	$P_{\text{модели}}$
1	0,187	86,5461
2	0,176	81,98227
3	0,175	81,56738
4	0,175	81,56738
5	0,165	77,41844
6	0,118	57,91844

График зависимости объема продаж от уровня конкурентоспособности представлен на рис. 1.

По данным табл. 2 и 3 можно сделать вывод, что результаты, полученные с помощью однофакторной модели, имеют погрешность, не превышающую 11%, что является допустимым для экономических прогнозов.

Если предположить, что максимальный уровень конкурентоспособности лизинговых компаний в ПФО с 0,187 баллов повысится

до 0,2, то месячный объем продаж составит 92 млн руб., то есть возрастет на 5,5 млн руб., или 6,2%.

Используя тот же математический аппарат, построим многофакторную математическую модель прогнозирования объема продаж лизинговых компаний ПФО. В качестве факторов, влияющих на объем продаж, возьмем признаки, выдвинутые экспертами для оценки уровня конкурентоспособности, представленные в табл. 1.

По результатам экспертизы получены рейтинговые оценки параметров, из которых видно, что параметры y_1 , y_4 , y_6 слабо влияют на объем продаж. Поэтому в многофакторной модели эти параметры учитываться не будут. В противном случае все 6 наблюдений (6 лизинговых компаний и 6 параметров) будут удовлетворять регрессионному уравнению и абсолютные ошибки равны 0, а коэффициенты детерминации равны 1. Исходная информация для построения многофакторной модели представлена в табл. 4.

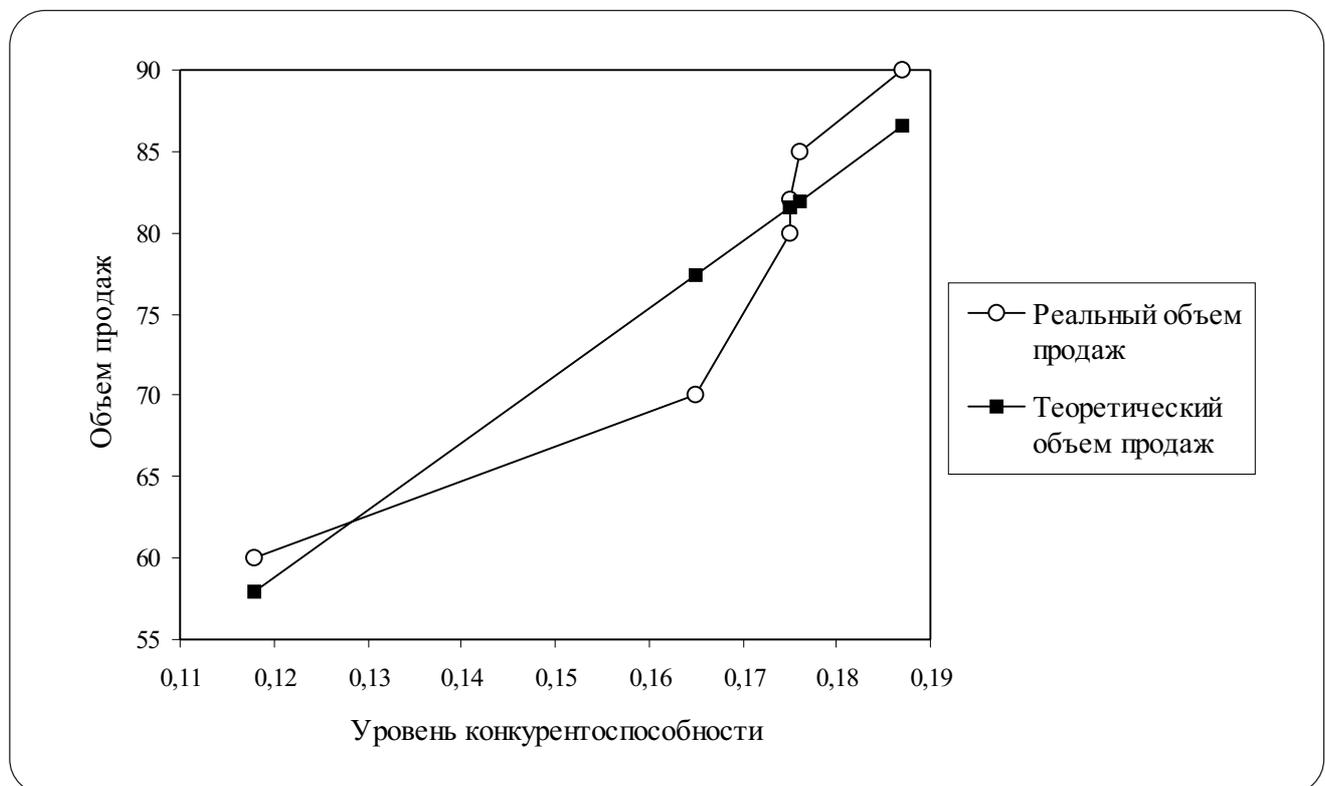

Рис. 1. График зависимости объема продаж от уровня конкурентоспособности

Таблица 4

Исходная информация для построения многофакторной математической модели

№	Лизинговые компании ПФО	Y_2	Y_3	Y_5	Объем продаж P_i , млн руб./мес.
1	ЛК «КамАЗ»	0,029	0,024	0,025	82
2	ЛК «Каркаде-Лизинг»	0,036	0,037	0,029	90
3	ООО «Лизинг-Трейд»	0,025	0,024	0,021	70
4	ЛК «Элемент-Лизинг»	0,025	0,037	0,034	85
5	ЛК «Аэроплан»	0,016	0,045	0,017	80
6	ООО «Траст-Лизинг»	0,018	0,024	0,014	60

Вид уравнения регрессии – линейный.

$$P = a + b_1 Y_2 + b_2 Y_3 + b_3 Y_5, \quad (4)$$

где P – объем продаж; a – свободный член линейного уравнения регрессии; b_1, b_2, b_3 – линейные коэффициенты влияния Y_2, Y_3, Y_5 параметров (соответственно) на объем продаж; Y_i – i -й параметр для оценки конкурентоспособности.

Для определения параметров уравнения (4), найдем отклонения признаков от средних значений:

$$\Delta P_i = P_i - \bar{P}, \quad \Delta Y_{ji} = Y_{ji} - \bar{Y}_j \quad (5)$$

где ΔP_i – отклонение объема продаж i -ой лизинговой компании от среднего уровня объема продаж; P_i – объем продаж i -й лизинговой компании; \bar{P} – средний объем продаж лизинговых компаний; ΔY_{ji} – отклонение j -го параметра i -й лизинговой компании от среднего уровня j -го параметра Y_{ji} – величина j -го параметра i -й лизинговой компании; \bar{Y}_j – средняя величина j -го параметра.

А для определения параметров b_i уравнения (4) по отклонениям (5) воспользуемся системой уравнений:

$$\begin{cases} b_1 \sum_{i=1}^6 \Delta^2 Y_{2i} + b_2 \sum_{i=1}^6 \Delta Y_{2i} \Delta Y_{3i} + b_3 \sum_{i=1}^6 \Delta Y_{2i} \Delta Y_{5i} = \sum_{i=1}^6 \Delta Y_{2i} \Delta P_i \\ b_1 \sum_{i=1}^6 \Delta Y_{2i} \Delta Y_{3i} + b_2 \sum_{i=1}^6 \Delta^2 Y_{3i} + b_3 \sum_{i=1}^6 \Delta Y_{3i} \Delta Y_{5i} = \sum_{i=1}^6 \Delta Y_{3i} \Delta P_i \\ b_1 \sum_{i=1}^6 \Delta Y_{2i} \Delta Y_{5i} + b_2 \sum_{i=1}^6 \Delta Y_{3i} \Delta Y_{5i} + b_3 \sum_{i=1}^6 \Delta^2 Y_{5i} = \sum_{i=1}^6 \Delta Y_{5i} \Delta P_i \end{cases} \quad (6)$$

Свободный член a уравнения (4) найдем по полученным параметрам (6):

$$a = \bar{P} - b_1 \bar{Y}_2 - b_2 \bar{Y}_3 - b_3 \bar{Y}_5. \quad (7)$$

Средние значения факторов – по табл. 4:

$$Y_2 = 0,0248;$$

$$Y_3 = 0,0318;$$

$$Y_5 = 0,0233;$$

$$P = 77,833.$$

Используя данные табл. 4, средние значения факторов и применяя уравнения (5), получим таблицу отклонений факторов от средних значений (табл. 5).

Расширенная матрица системы уравнений (6) с применением данных табл. 5 примет вид:

$$\begin{pmatrix} 0,00027 & -0,00004 & 0,00019 & 0,07483 \\ -0,00004 & 0,00041 & 0,00008 & 0,36283 \\ 0,00019 & 0,00008 & 0,00028 & 0,25633 \end{pmatrix} \quad (8)$$

Решая уравнение (6) с параметрами (8), получим параметры b_j :

$$b_1 = -266,37;$$

$$b_2 = 684,7813;$$

$$b_3 = 899,1922.$$

Таблица 5

Таблица отклонений факторов от средних значений

№	Лизинговые компании ПФО	ΔY_2	ΔY_3	ΔY_5	ΔP
1	ЛК «КамАЗ»	0,0112	0,0052	0,0057	4,1667
2	ЛК «Каркаде-Лизинг»	0,0002	0,0052	0,0107	12,1667
3	ООО «Лизинг-Трейд»	0,0042	-0,0078	0,0017	-7,8333
4	ЛК «Элемент-Лизинг»	-0,0088	0,0132	-0,0063	7,1667
5	ЛК «Аэроплан»	0,0002	-0,0078	-0,0023	2,1667
6	ООО «Траст-Лизинг»	-0,0068	-0,0078	-0,0093	-17,8333

Подставляя параметры b_j и средние значения факторов в уравнение (7), получим параметр $a = 41,668$. Тогда уравнение регрессии примет вид

$$P = 41,668 - 266,37 Y_2 + 684,7813 Y_3 + 899,1922 Y_5. \quad (9)$$

Используя полученную модель (9), получим следующие данные (табл. 6).

Таблица 6
Данные расчетной многофакторной математической модели

№	Y_2	Y_3	Y_5	$P_{\text{модели}}$
1	0,025	0,037	0,034	90,918
2	0,016	0,045	0,017	83,508
3	0,036	0,037	0,029	83,492
4	0,025	0,024	0,021	70,327
5	0,029	0,024	0,025	72,858
6	0,018	0,024	0,014	65,897

Проведем оценку тесноты связи между фактическим объемом продаж и факторами Y_j , используя формулу (3) и данные табл. 4 и 6, тогда коэффициент детерминации будет равен:

$$R^2 = \frac{\sum_{i=1}^6 (P_i - \bar{P})^2}{\sum_{i=1}^6 (P_i - \bar{P})^2} = \frac{459,021}{600,833} = 0,76,$$

что свидетельствует о наличии сильной взаимосвязи между исследуемыми факторами и товарооборотом.

По регрессионной модели (9) видно, что наибольшее влияние на объем продаж имеет параметр Y_5 , так как коэффициент при этом параметре имеет наибольшее значение, наименьшее влияние на объем продаж имеет параметр Y_2 , так как коэффициент при этом параметре имеет наименьшее значение.

Построим графики изменения объема продаж по регрессионной модели в зависимости от факторов Y_2, Y_3, Y_5 . График изменения объема продаж от фактора Y_2 , построим по уравнению (9), при этом факторы Y_3, Y_5 зафиксируем на уровне средних арифметических. График изменения объема продаж от фактора Y_3 построим по уравнению (9), при этом факторы Y_2, Y_5 зафиксируем на уровне средних арифметических. График изменения объема продаж от фактора Y_5 построим по уравнению (9), при этом факторы Y_2, Y_3 зафиксируем на уровне средних арифметических.

Графики изменения объема продаж, рассчитанного по регрессионной модели от факторов Y_2, Y_3, Y_5 , представлены на рис. 2.

По данным табл. 4 и 6 можно сделать вывод, что результаты, полученные с помощью многофакторной модели, имеют погрешность, не превышающую 12%, что является допустимым для экономических прогнозов.

Если предположить, что максимальные уровни (при неизменных прочих факторах и параметрах): Y_2 – процент удорожания в год с 0,025 баллов возрастет до 0,03 балла, Y_3 – максимальный срок лизинга с 0,037 баллов возрастет до 0,04 балла, Y_5 – оперативность принятия решения о финансировании с 0,034 баллов возрастет до 0,04 балла лизинговых компаний в ПФО, то месячный объем продаж составит 97 млн руб., то есть возрастет на 6,1 млн руб., или 6,7%.

Обобщение результатов правительственных совещаний и рекомендаций Совета некоммерческого партнерства "Объединения автопроизводителей России" позволило определить основные пути сглаживания и преодоления экономического кризиса в отечественной автомобильной промышленности.

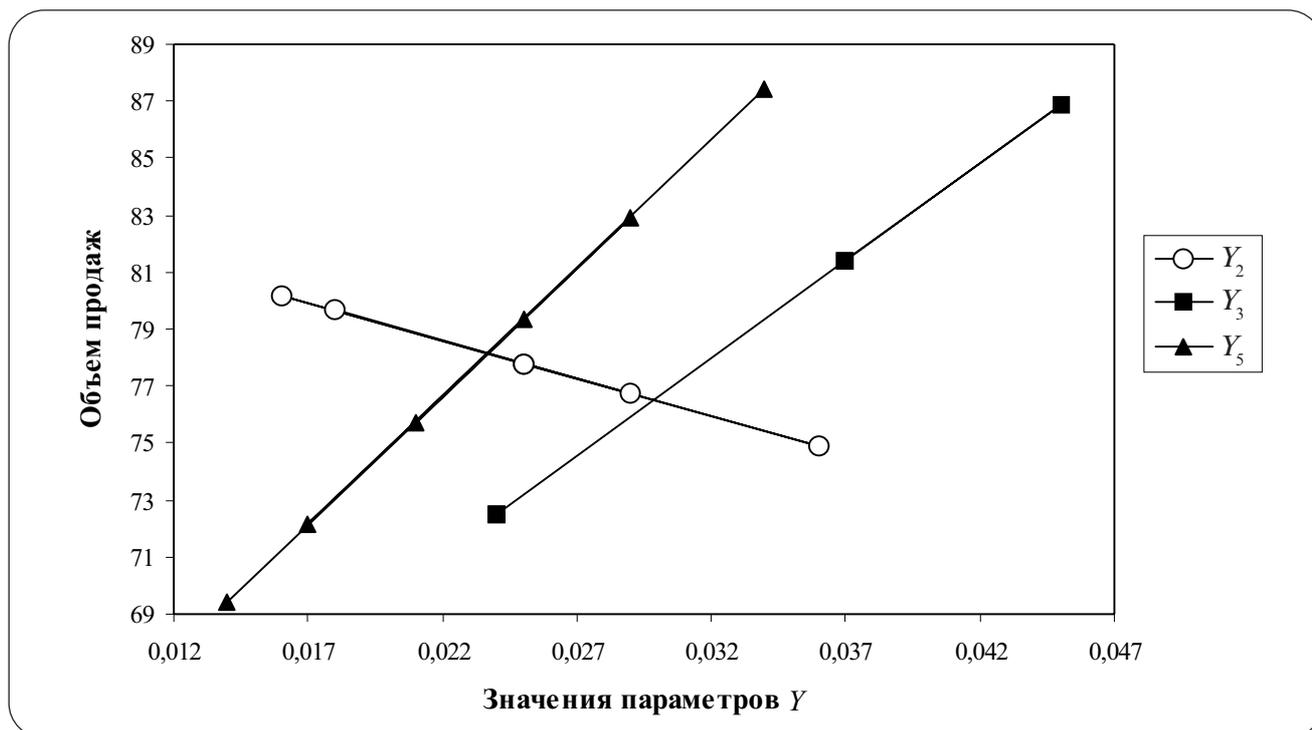

Рис. 2. График зависимости объема продаж от параметров конкурентоспособности

Прежде всего, необходимо:

- обеспечить целенаправленную реализацию Концепции развития автомобильной промышленности России до 2010 года;

- усилить меры по ограничению так называемого "прямого импорта", приостановить действия в России недобросовестных поставщиков, в первую очередь, работающих с китайскими производителями, которые ввозят в страну технику, несоответствующую элементарным требованиям по безопасности; повысить таможенные пошлины на импортную технику;

- направить на закупку продукции отечественного автопрома средства бюджета, естественных отечественных монополий, крупнейших частных компаний;

- восстановить потребительскую активность населения, для чего субсидировать процентные ставки по кредитам граждан на приобретение автомобилей отечественного производства;

- увеличить закупки автомобилей для государственных нужд. Так, автопарк наших социальных отраслей, коммунального хозяйства, образовательных учреждений, милиции, Минобороны, МЧС требуют обновления. На эти цели будут выделены федеральными органами испол-

нительной власти 12,5 млрд рублей дополнительно. На закупку отечественной автомобильной техники будет направлено до 40 млрд рублей. Учитывая что на вооружении МЧС находится около 3,5 тысяч единиц специальной техники на базе шасси КамАЗ (реальная потребность составляет около 5 тысяч единиц), то можно рассчитывать, что МЧС станет в ближайшие годы одним из самых активных потребителей продукции "КамАЗ". Очевидно, что приоритетным направлением сотрудничества ОАО "КамАЗ" и МЧС будет поставка автомобильной техники для обслуживания летней Универсиады 2013 г. в Казани и зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи. МЧС может стать самым активным потребителем автотехники ОАО "КамАЗ";

- шире применять инфраструктурные проекты. Например, "Транснефть" приобрела 800 грузовиков для строительства нефтепровода;

- активно использовать стратегические партнерства с целью увеличения акционерной стоимости и повышения конкурентоспособности ОАО "КамАЗ". Так, новое эксклюзивное партнерство между концерном "Даймлер АГ" (крупнейшим в мире производителем грузовых автомобилей), ОАО "КамАЗ" (основным Российским

производителем тяжелых грузовых автомобилей), Государственной корпорацией "Ростехнологии" и группой компаний "Тройка Диалог" (ведущей инвестиционной компанией России и стран СНГ) выгодно для всех участников. ОАО "КамАЗ" получает доступ на рынок поставщиков западного партнера, возможность расширения ассортимента товаров для своей дилерской сети за счет товарного ряда продукции "Даймлер". Компания "Даймлер", в свою очередь, получит преимущества на Российском рынке по сравнению с ранее пришедшими на него брендами, например, "Volvo" и "Scania". Инвестиции концерна "Даймлер АГ" в ОАО "КамАЗ" составят 250 млн долларов США с последующей выплатой дополнительных средств в случае положительных результатов в совместной деятельности. Стратегия партнерства базируется на четырех рыночных циклах: оперативном улучшении качества; расширении рыночного потенциала и новых рынков, а также на разработке новой продукции и технологий, и дает возможность ОАО "КамАЗ" стать конкурентоспособным на мировом рынке;

– активно сотрудничать с отечественными банками. Одной из важнейших антикризисных мер, разработанных Правительством России в ноябре 2008 г., стали кредиты государственных банков для финансирования автомобильной промышленности. В условиях кризиса получение кредитов в западных банках стало практически невозможным. ВТБ – давний партнер "КамАЗа" сохранил размер кредитных лимитов практически на "докризисном" уровне. Кроме ВТБ "КамАЗ" сотрудничает и с другими Российскими государственными банками: со Сбербанком, который кредитует "КамАЗ" на сумму порядка 3,5 млрд рублей, и Газпромбанком, который предоставил предприятию кредит на сумму 2 млрд рублей.

Кроме выше перечисленных мер, руководству ОАО "КамАЗ" можно рекомендовать активнее использовать внутренние резервы. По нашему мнению, к основным из них относятся:

– оптимизация размеров товарных остатков на складах ОАО "КамАЗ" и дилеров;

– ускорение освоения новых образцов гражданских автомобилей "КамАЗ", а так же тягачей, самосвалов, новых видов военной бронированной техники, предназначенной для организации связи и разведывательных операций в войсках;

– обеспечение устойчивого превосходства в области качества над основными конкурентами путем внедрения Системы менеджмента качества, созданной на базе стандартов ИСО 9001, ГОСТ Р ИСО 9001 и ГОСТ РВ 15.002, сертифицированной ассоциацией по сертификации "Русский регистр".

Реализация всех рекомендованных выше мер позволит "КамАЗу", по нашему мнению, очень быстро вернуться к прежнему темпу производства и необходимым объемам выпуска товарной продукции. К концу 2009 г. "КамАЗ" выпустит и реализует на рынках продаж 47 тысяч грузовых автомобилей, в том числе 11 тысяч – на экспорт. Специалисты рынка грузовых автотранспортных средств предполагают, что оживление рынка начнется уже в конце первого квартала 2009 г. И из этого кризиса "КамАЗу" необходимо не только выйти более мощным и современным, но и научиться оперативно управлять конкурентоспособностью выпускаемых автотранспортных средств и всей сети предприятий группы ОАО "КамАЗ". Если предположить, что все эти меры будут реализованы, то можно утверждать, что предложенные математические модели могут быть использованы для прогнозирования объема продаж лизинговых компаний по продажам грузовых автотранспортных средств.

Список литературы

1. Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики / под ред. И.И. Елисеевой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2008. – 656 с.
2. Практикум по общей теории статистики / М.Р. Ефимова, О.И. Ганченко, Е.В. Петрова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2008. – 368 с.

В редакцию материал поступил 09.07.09.

Ключевые слова: объем продаж, лизинговые компании, корреляционно-регрессионный анализ, грузовые автомобили, экономический прогноз.

УДК 338.4:656

А.Ф. НАБИУЛЛИН,

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

С.Х. ФАЙЗУЛЛИНА,

финансовый директор

ОАО КМП "Промжелдортранс", г. Казань

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена вопросам долгосрочного развития отрасли железнодорожных перевозок Российской Федерации. Рассмотрены основные направления данного развития согласно Федеральной национальной программе "Развитие транспортной системы России (2010-2015 годы)" и Стратегии развития железнодорожного транспорта Российской Федерации до 2030 года. Определены предпосылки для долгосрочного планирования деятельности транспортной инфраструктуры страны, а также выделены факторы риска, в основном касающиеся финансирования предусмотренных проектов.

Планомерное развитие экономики страны в целом зависит в первую очередь от уровня функционирования ее инфраструктуры, важнейшим элементом которой является сфера транспорта. С точки зрения отраслевой специализации экономики страны, транспорт служит материальной основой общественного разделения труда и осуществляет разнообразные связи между производством и потреблением, промышленностью и сельским хозяйством, добывающей и обрабатывающей промышленностью, экономическими районами и населением. Он воздействует на весь процесс расширенного воспроизводства, продолжительность производственного цикла, производственные запасы (сырье, топливо, вместимость склады и базы) и влияет на создание и развитие территориально-производственных комплексов. От качества работы транспорта зависит не только экономическое положение самого транспорта, но и рациональное функционирование, развитие всех обслуживаемых им сфер экономики.

В рамках данной отрасли особо выделяется железнодорожный транспорт, работа которого

с одной стороны является индикатором промышленного развития страны, а с другой – находится в жесткой зависимости от множества системных экономических факторов.

Железнодорожный транспорт играет важную роль в процессе грузовых перевозок и является одной из самых фондоемких отраслей народного хозяйства. Повышение эффективности и конкурентоспособности железнодорожного транспорта по грузовым перевозкам является основанием увеличения объема работы.

Необходимо отметить, что железнодорожный транспорт в данный период времени переживает трудные времена. Обусловлено это не только мировым финансовым кризисом, вызвавшим стагнацию во всех сферах общественной жизни, но и тем фактом, что накопление проблем отрасли на данный момент выявило неспособность отрасли отвечать потребностям экономического сообщества. Наступает время, когда системные и отдельные вопросы, не имевшие решения в течение десятилетий, должны быть решены. Среди основных проблем отрасли можно назвать следующие.

Во-первых, отрасли характерен очень высокий показатель износа основных производственных фондов. По некоторым данным накопленный износ магистрального железнодорожного транспорта составляет более 60%, а по тепловозам и грузовым вагонам данный показатель достигает свыше 80%. Период экономических реформ по переходу на рыночные инструменты регулирования в целом для отрасли можно назвать периодом "проедания" накопленных средств. Причин этому много: несовершенная тарифная политика, жесткие рамки антимонопольного регулирования, соблюдающие в первую очередь интересы пользователей услуг, нехватка собственных средств для обновления основных фондов. Это только факторы первого порядка, которые лежат на поверхности и могут быть разложены на множество нерешенных задач. За время реализации подпрограммы "Железнодорожный транспорт" Федеральной целевой программы "Модернизация транспортной системы России (2002-2010 годы)", разработанной на основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 232-р, достигнуты определенные результаты в укреплении материальной базы железнодорожного транспорта. Введены в эксплуатацию новые производственные мощности, проведена реконструкция и модернизация ряда действующих объектов инфраструктуры, в том числе по локомотивному и вагонному хозяйствам, путевому хозяйству, сигнализации и связи, по приграничным и припортовым станциям, снизился уровень износа основных фондов железнодорожного транспорта. Однако достигнутые результаты являются недостаточными.

Вторым не менее важным вопросом является крайне низкий уровень транспортного обеспечения ряда регионов и отсутствие транспортной доступности перспективных месторождений и точек экономического роста. Вопрос особо остро встал во времена динамичного развития экономики страны. Возрастающая потребность в полезных ископаемых выявила проблему транспортировки. А учитывая значительную капиталоемкость железнодорожной инфраструктуры и необходимость огромных капита-

ловложений для развития, решение имеет не так много направлений. Наиболее подходящим обоснованием в данном случае является аксиома проектного управления, а именно, "реализация любого проекта подразумевает обратную зависимость между финансовыми ресурсами, вкладываемыми в проект и временем на его реализацию". Другими словами, проект можно реализовать быстро, за счет достаточного финансового обеспечения. При недостатке средств время реализации, соответственно, увеличивается. Анализ содержания отраслевых плановых документов дает основание сделать вывод, что в данном случае Федеральное правительство и Министерство транспорта РФ пошло по первому пути. Основные концепции по строительству дополнительных железнодорожных путей с инфраструктурой определены в рамках Федеральной целевой программы "Развитие транспорта РФ 2010-2015 гг." и "Стратегии развития железнодорожного транспорта Российской Федерации до 2030 года".

Третья проблема, на которой хотелось бы заострить внимание, – это вопросы, касающиеся конкурентоспособности и развития железнодорожного транспорта в целом. Явно прослеживается накопившееся отставание отечественной железнодорожной техники и технологий от уровня передовых стран мира. Данная проблема отчасти является следствием первой обозначенной проблемы, а именно большого износа основных средств. Но только отчасти. Следует отметить, что развитие экономики диктует повышенные требования к транспортным услугам, а именно к качеству данных услуг. Становится важным не столько доставить груз в пункт отгрузки, сколько оказать услугу таким образом, чтобы на всех этапах сотрудничества с заказчиками они оставались удовлетворенными уровнем обслуживания. В теории имеется определенная предвзятость к железнодорожному транспорту, вызванная характером монополии. Однако в условиях экономического роста и либерализации отношений между экономическими субъектами у железнодорожных перевозчиков есть конкуренты. В частности, если речь идет о грузоперевозках на средние и малые расстоя-

ния – это автотранспорт. Услуги автотранспортных организаций не являются тарифицируемыми на уровне ведомств, а определяются в основном по соглашению сторон. Данный рыночный инструмент, а именно равновесная цена, определяемая как соотношение уровня спроса и предложения, может корректироваться в большую или меньшую сторону за счет фактора качества оказания транспортных услуг. К железнодорожному транспорту данная теория малоприменима. Цена на услуги по перевозке нормируемая, тариф устанавливается преysкурантами, утверждается на уровне Минтранса. Как результат – ни одна из сторон, взаимодействующих в хозяйственном процессе по перевозке грузов, реального инструмента, направленного на повышение качества услуг, не имеет. Возможно, пользователи услуг готовы оплачивать более высокую стоимость, но услуга должна быть на соответствующем уровне. Заказчиков в основном интересуют такие параметры, как сохранность груза, быстрота доставки, возможность хеджирования рисков потери груза, в первую очередь, страхование грузов в пути, быстрота предоставления подвижного состава, удобство оформления заявки и транспортных документов и параметры погрузочно-разгрузочных работ. Актуальность этих вопросов возрастает, когда речь идет об экспортных перевозках, ко всем обозначенным требованиям здесь прибавляются вопросы, касающиеся таможенного оформления.

Разумеется круг вопросов, накопившихся в отрасли в течение десятилетий и требующих неотлагательных действий, намного шире. И решения данных вопросов находятся в руках государства.

Основным действующим документом планового характера, который выдвинул актуальность проблем транспортной инфраструктуры страны, является Федеральная целевая программа "Развитие транспортной системы России (2010-2015 годы)". Среди разработчиков данной программы можно назвать ФГУП "Научный центр по комплексным транспортным проблемам", АНО "Центр стратегии и совершенствования управления транспортным комплексом",

ЗАО "Научно-исследовательский и проектный институт территориального развития и транспортной инфраструктуры", ГОУ "Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации".

Цель создания программы – развитие современной и эффективной транспортной инфраструктуры, обеспечивающей ускорение товародвижения и снижение транспортных издержек в экономике. Мероприятия программы, исходя из оценки социально-экономической эффективности, по прогнозным данным позволят достичь следующих результатов:

общественный эффект – 13,8 трлн рублей;
 коммерческий эффект – 4,6 трлн рублей;
 бюджетный эффект – 5,9 трлн рублей.

Подчеркнем, что программа предусматривает рассмотрение всей транспортной инфраструктуры страны, включая, помимо железнодорожного транспорта, автомобильный, авиационный, речной, морской и трубопроводный. Финансирование мероприятий Программы предусматривается осуществлять за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников. Общий объем финансирования Программы рассчитан в ценах соответствующих лет и составляет 13 484 млрд рублей, в том числе за счет средств федерального бюджета – 4 651 млрд рублей (34,5% общего объема финансирования), бюджетов субъектов Российской Федерации – 614,6 млрд рублей (4,6%) и внебюджетных источников – 8 218,4 млрд рублей (60,9%).

В составе Целевой программы выделены подпрограммы, в том числе и подпрограмма "Железнодорожный транспорт". Документ носит характер инновационного, в тексте документа прослеживается понимание сущности имеющихся проблем отрасли. Цели и задачи, поставленные в документе, безусловно, адекватны сложившейся ситуации. Все мероприятия, направленные на развитие отрасли, носят характер крупномасштабных капиталовложений в переоснащение отрасли в виде строительства новых железных дорог и обновления подвижного состава и инфраструктуры. Однако анализ документа позволяет выделить три очень важ-

ных составляющих общегосударственной политики по отношению к отрасли.

Первый момент касается источников средств, направляемых на инвестирование мероприятий. Общий объем финансирования, необходимый для реализации мероприятий подпрограммы, составляет 6 274,3 млрд рублей (в ценах соответствующих лет). Основным источником финансирования мероприятий подпрограммы являются внебюджетные средства, которые составляют 5 708,3 млрд рублей (91% общих расходов по подпрограмме). Несмотря на осознание необходимости в кардинальном реформировании железнодорожной отрасли и присвоении данной реформе признака инновационности, государство планирует источники финансирования мероприятий именно из внебюджетных средств. Хотя известно, что любая инновация, согласно теории, подтвержденной практикой, имеет характер дотационности. Без субсидирования со стороны государства макроэкономический эффект может сильно разниться от прогнозных величин.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, это то положение, что из общей суммы внебюджетных инвестиций в развитие железнодорожной промышленности 1 000 млрд рублей привлекается за счет введения инвестиционной составляющей в тарифы на грузовые железнодорожные перевозки. Возникает вопрос, кто является конечным инвестором данных проектов? На первый взгляд, конечным "инвестором" железнодорожной реформы становится потребитель услуг перевозки грузов. В масштабах страны это, в основном, добывающая и перерабатывающая промышленность, повышение тарифов на перевозку грузов которых, не замедлит отразиться на себестоимости его продукции, а соответственно и на конечном продукте потребления. Как результат заданный вопрос имеет не такой односложный ответ...

Согласно Программе из внебюджетных источников финансируются строительство дополнительных главных путей, формирование направлений железнодорожной сети с обращением поездов повышенного веса и нагрузкой на ось, реконструкция и модернизация постоянных

устройств и сооружений, обеспечение безопасности железнодорожного транспорта.

С привлечением средств внебюджетных источников финансируются обновление подвижного состава, строительство новых железнодорожных линий, развитие материальной базы учебных заведений и научное обеспечение реализации подпрограммы.

Третий момент, который также требует внимания, положительный. В программе предусмотрена финансовая поддержка образовательным учреждениям, выпускающим квалифицированные кадры для железнодорожной промышленности. Необходимо отметить осознание того, что эффективность функционирования любой сферы деятельности зависит в первую очередь от кадрового состава. В последние годы было ослаблено внимание государства к развитию материальной базы учебных заведений железнодорожного транспорта. В то же время, по оценкам, уже в период до 2030 г. с учетом растущего спроса потребуется подготовить порядка 200 тыс. специалистов в области эксплуатации и строительства на железнодорожном транспорте.

Несмотря на комплексный характер документа и наличие некоторых неясностей, требующих дополнительной детализации и конкретизации со стороны государственного заказчика, в лице Министерства транспорта РФ, Федеральная целевая программа "Развитие транспортной системы России (2010-2015 годы)" является нормативным актом, который должен стать основой дальнейшего развития транспортной инфраструктуры страны.

Семнадцатого июня 2008 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 877 была утверждена Стратегия развития железнодорожного транспорта Российской Федерации до 2030 г. Значимость и необходимость данного акта также не вызывает никаких сомнений. Данный плановый документ описывает направления, которые в рамках общегосударственной политики предполагается реализовывать для восстановления и повышения эффективности функционирования железнодорожной отрасли. Учитывая, что документ по развитию столь важ-

ного сегмента экономики разработан впервые, необходимо более подробно рассмотреть его содержание с целью определения конкретных решений. Стратегия создана на основе Федеральной целевой программы, поэтому основные цели и направления развития отражают общую позицию государственной политики в области железнодорожного транспорта.

Научно-теоретическое обоснование долгосрочного планирования развития железнодорожной отрасли прослеживаются в принципах, заложенных в стратегии развития. Более того, в данных принципах четко выражена государственная позиция к транспортному вопросу, как к фундаменту подъема национальной экономики.

В основе Стратегии лежат следующие принципы:

- железнодорожный транспорт является одной из основ политического, социального, экономического и культурного единства России;

- железнодорожный транспорт является важной составляющей поддержания высокого уровня обороноспособности и безопасности государства;

- эффективно функционирующий железнодорожный транспорт является обязательным элементом обеспечения конкурентоспособности страны;

- на железнодорожном транспорте обеспечивается эффективное сочетание государственного регулирования и рыночных механизмов саморегулирования;

- опережающее развитие и модернизация железнодорожной сети являются инфраструктурной основой социально-экономического роста России;

- повышение уровня безопасности функционирования железнодорожного транспорта является важнейшим государственным приоритетом развития и модернизации отрасли, научных исследований и текущей эксплуатационной работы.

Стратегия исходит из положения, что в последние 15 лет государство использовало инфраструктуру и железнодорожный транспорт как дополнительный инструмент стимулирования экономики страны. В результате такой политики за указанное время не только не было построено

ни одного километра железных дорог, но и наоборот произошло их сокращение на 2,5 тыс. км.

В соответствии с существующими сценариями социально-экономического развития России реформирование железнодорожного транспорта должно соответствовать только инновационному варианту. Любой другой сценарий не позволит радикально решить проблемы, которые через несколько лет могут стать непреодолимым барьером на пути подъема российской экономики. Программа развития состоит из двух частей. Причем, признак разделения документа на части – время проведения мероприятий с учетом первопричинной необходимости.

Первый этап – с момента принятия стратегии до 2015 г. Основная задача данного этапа – это коренная модернизация производственной и ресурсной базы отрасли. В этот период будет обеспечена замена подвижного состава и технических средств с истекшим сроком службы. Основным вопросом, который возникает при осуществлении крупных капиталовложений, касаются источников финансирования. Невозможность кардинально решить данный вопрос в течение десятилетий предопределял стагнацию целых секторов экономики страны. В стратегии развития предусмотрено, что именно на данном этапе должны быть заложены основополагающие элементы государственного регулирования и финансирования, основывающиеся на государственно-частном партнерстве для реализации инфраструктурных проектов. Мировой финансовый кризис внес определенные коррективы в данную работу. Недостаток денежной массы, наблюдающийся в стране, резко сократил обороты операционной деятельности компаний, не говоря об инвестиционных проектах. Как уже было отмечено выше, предполагается, что частные инвесторы обеспечат около 75% необходимых средств, основным инвестором выступит ОАО "Российские железные дороги". Чем же сможет заинтересовать государственная политика в области развития железных дорог частных инвесторов? Среди инструментов предлагаются такой, как специальная налоговая политика для инвесторов, или окупаемость вложенных средств за счет применения специаль-

ных тарифов перевозки. Данный инструмент мотивации инвестиционной активности предлагается компаниям, которые заинтересованы в строительстве путей к местам новых месторождений полезных ископаемых. Таким образом, окупаемость в основном будет происходить в составе реализации проектов по добыче и транспортировке на места переработки в комплексе.

В данном направлении могут быть заинтересованы и иностранные компании, которые закупают минеральное сырье. В то же время необходимо уточнить общеэкономическую позицию в области иностранного капитала. Вариант привлечения иностранных инвестиций в условиях повышенного финансового риска должен быть обеспечен либо высокими прогнозными показателями доходности от реализации, либо государственными гарантиями. Учредителем и стопроцентным держателем акций ОАО "Российские железные дороги" является государство, отрасль считается монополизированной, как результат – данный вариант при возникновении ситуации вероятности перехода части акций в собственность иностранных компаний может быть отвергнут исключительно из макроэкономических и политических соображений. Однако не рассматривать его нельзя, хотя бы по причине мировой интеграции экономических отношений и возможности наряду с инвестициями в отрасль внести и иностранные технологии, которые также являются необходимым элементом общего развития железнодорожной отрасли.

Второй этап стратегии развития – с 2016 по 2030 гг. – должен стать по плану периодом кардинальных изменений в отрасли за счет крупномасштабного строительства дополнительных путей свыше 20 тыс. км. Данные мероприятия нацелены не только на удовлетворение потребностей страны во внутренних грузоперевозках железнодорожным транспортом, а, скорее всего, решают задачу геополитического характера. Объединение востока и запада, Азии и Европы – основная цель реализации данного этапа стратегии развития. В результате данной реализации Россия действительно могла бы укрепить позиции как основного транзитного партнера стран – экономичес-

ких лидеров, среди которых в первую очередь надо назвать Китай и Индию. Процессы глобализации, изменения традиционных мировых хозяйственных связей ставят перед Россией задачу рационального использования потенциала своего уникального экономико-географического положения. Эффективная реализация транзитного потенциала страны позволит не только получить экономический эффект от участия в международных перевозках, но и создаст новые инструменты влияния России на мировые экономические процессы (формирование новых зон экономического притяжения, установление долгосрочных экономических связей).

Российские железные дороги являются второй по величине транспортной системой мира, уступая по общей длине эксплуатационных путей лишь США. По протяженности электрифицированных магистралей российские железные дороги занимают первое место в мире. Российская Федерация, несмотря на накопившиеся проблемы, в настоящее время осуществляет более 20% грузооборота всех железных дорог мира. В то же время транзит через территорию Российской Федерации составляет менее 1% товарооборота между странами Европы и Азии, то есть используется только 5-7% ее транзитного потенциала.

По своему географическому положению российские железные дороги являются неотъемлемой частью евразийской железнодорожной сети, они непосредственно связаны с железнодорожными системами Европы и Восточной Азии. Кроме того, через порты может осуществляться взаимодействие с транспортными системами Северной Америки.

Достижение данной цели подразумевает решение многих и порой далеко не односложных задач. Необходимо лишь отметить, что основными здесь, опять-таки, остаются вопросы финансирования. Общая сумма финансовых потоков, вливаемых в реализацию данной стратегии, планируется на уровне 13 трлн рублей.

Масштабность проектов, охватывающих столь важный сектор экономики, еще раз подчеркивает инновационность подхода к созданию и внедрению стратегии. Результаты должны быть существенными как для всех регионов

страны, так и для отдельно взятых сегментов экономики. Должен быть создан фундамент для долгосрочного и динамичного развития экономики. Мультипликативный эффект от реализации по прогнозным данным составляет более 40 трлн рублей. Будут созданы условия для освоения новых месторождений полезных ископаемых, в хозяйственный оборот будет вовлечено более 1,5 млрд тонн новой продукции, доля транспортоемкости в составе ВВП страны должна сократиться в 1,9 раз. Нельзя забывать и об эффекте синергии, проявляющейся в ускорении оборачиваемости средств экономических субъектов, транспортирующих грузы, создании новых рабочих мест, а также экстраполяции результатов отрасли на смежные отрасли и сферу социально-бытового обслуживания населения.

Результаты реализации проекта можно будет реально ощутить только по прошествии десятилетия. На данный же момент функционирование отрасли железнодорожных перевозок происходит статично. Мировой финансовый кризис, снизивший обороты предприятий добывающей и перерабатывающей промышленности, довольно сильно отразился и на финансово-хозяйственной деятельности грузоперевозчиков. Причем возникающие проблемы в целом носят общий характер для периода стагнации деятельности. Обороты компаний, занимающихся грузоперевозками, упали более чем в 2 раза, как результат – актуальными становятся вопросы пересмотра уровня затрат, а следовательно, пересмотра нормативов, уровня заработной платы всех групп работников. Возникает необходимость вводить дополнительные инструменты по урегулированию работы с дебиторской задолженностью, которая

в условиях нехватки денежных средств имеет тенденцию к возрастанию. Требуется проводить работу по оптимизации структуры капитала. Сокращение оборота средств предприятий за счет снижения операционной выручки приводит к необходимости привлечения дополнительных банковских кредитов, что, в свою очередь, увеличивает уровень затрат по обслуживанию текущего долга. В условиях внедрения мер по снижению затрат уровень процентов по кредитам может существенно повлиять на финансовые результаты деятельности. Как результат – заимствование платных средств у кредитных учреждений производится в основном для пополнения оборотных средств и на краткосрочной основе. Реализация инвестиционных проектов в свете вышесказанного представляется невозможным. Вывод: в условиях финансовой нестабильности необходимо разрабатывать наряду с долгосрочными планами инструменты краткосрочного характера, позволяющие если не развиваться отрасли, то хотя бы планомерно решать свод накопившихся проблем, создавая тем самым фундамент для реализации стратегии развития на десятилетия.

Список литературы

1. Федеральная целевая программа "Модернизация транспортной системы России (2002-2010 годы)". – URL: <http://www.securpress.ru/documents/26.htm>
2. Федеральная целевая программа "Развитие транспортной системы России (2010-2015 гг.)". – URL: <http://www.transafety.ru/document/RazvitTrans.doc>
3. "Стратегия развития железнодорожного транспорта Российской Федерации до 2030 года". – URL: http://doc.rzd.ru/wps/portal/doc?STRUCTURE_ID=5086
4. URL: <http://www.rzd.ru>

В редакцию материал поступил 10.07.09.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, развитие отрасли, грузоперевозки, экономические факторы, стратегия развития железнодорожной отрасли, Федеральная целевая программа, источники финансирования, федеральные железные дороги.

УДК 65.01

Е.А. ПЕТРОВА,
соискатель

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРПОРАЦИИ И КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье дается сущностная характеристика корпорации и корпоративного управления в современных условиях. Доказывается необходимость использования системного, стоимостного и институционального подходов в корпоративном управлении.

Слово "корпорация" в переводе с новолатинского языка означает "объединение, союз". Первые корпорации возникли в Древнем Риме, где в период республиканского устройства разрешалось свободное создание новых корпораций, при условии, что их устав не противоречит законам. Дела корпорации вели лица, избираемые ее членами. Собственность корпорации при ее ликвидации делилась между участниками на момент ликвидации [1]. Несмотря на то, что корпорации появились еще в Средние века, в наше время понятие корпорации активно используется и, во многих случаях, соответствует оптимальной форме крупного бизнеса.

Роль корпораций в отечественной литературе оценивается по-разному. Ряд экономистов рассматривают корпорации как основу экономики, определяющую ключевые направления и пропорции экономического развития. Другие ученые отмечают негативные аспекты корпоративного предпринимательства для общественного развития.

Принимая во внимание обе точки зрения, следует тем не менее признать, что корпорации образуют ядро экономического потенциала и конкурентоспособности всех развитых стран. Так, корпорации в США производят 90% промышленной продукции, составляя всего 18% от общего числа промышленных предприятий. Сто крупнейших корпораций США про-

изводят 60% ВВП, а шесть крупнейших японских корпоративных структур – около 15% ВВП. Поэтому многие известные ученые рассматривают крупные корпорации и корпоративные объединения как основу индустриальной системы [2].

В российском законодательстве на настоящее время отсутствует термин "корпорация". В профессиональной литературе, посвященной вопросам корпоративного управления, дается ряд определений корпорации. В целом следует отметить, что большинство из них дополняют друг друга и представляют различные аспекты многогранного понятия "корпорация". Наиболее распространенным определением корпорации является определение, основанное на определении фирмы (предприятия): корпорация – это объединение нескольких лиц для достижения общих целей. Например, для осуществления совместной предпринимательской деятельности. Все участники корпорации образуют самостоятельный объект права – юридическое лицо.

Особое значение для выявления сущности корпорации является изучение ее как формы предпринимательской деятельности.

В "Большом коммерческом словаре" и "Кратком экономическом словаре" дается определение корпорации, приведенное также И. Ансоффом [3]: "Корпорация – широко распространен-

ная в странах с развитой рыночной экономической форма организации предпринимательской деятельности, предусматривающая долевую собственность, юридический статус и сосредоточение функций управления в руках верхнего эшелона профессиональных управляющих (менеджеров), работающих по найму".

Корпоративная форма предпринимательской деятельности начала формироваться в конце XIX в. в результате качественных изменений в развитии экономики, ослаблением принципов свободной конкуренции, процессами централизации и концентрации производства. Указанная форма обеспечивала расширение возможностей привлечения финансовых ресурсов, упрощала процессы мобилизации капитала. Как следствие, повышалась устойчивость и эффективность деятельности корпораций.

В настоящее время, в отечественной литературе имеет место отождествление корпорации как экономической и юридической категории. Чаще всего корпорации создаются в форме акционерного общества. Например, в России их насчитывается несколько десятков тысяч. В связи с этим среди специалистов выделились две принципиально различные точки зрения по поводу сущности корпорации.

Согласно одной из них, корпорация представляет собой акционерное общество или их объединение. Например, В.Г. Наймушин отмечает [4]: "Открытые акционерные общества или корпорации являются высшей формой движения капитала...".

В основе другой точки зрения лежит корпоративная идентичность организации: корпорация – это любая организация, отвечающая признакам корпоративной идентичности.

В странах с развитой рыночной экономической выделяют следующие признаки [5, с. 8-9]:

- 1) сложная структура управления (объединение нескольких юридических и физических лиц);
- 2) высокая степень диверсификации (организация работает в нескольких отраслях, сферах деятельности);
- 3) наличие головной организации (штаб-квартиры) и филиалов или представительств за рубежом;

4) осуществление общей информационной поддержки бизнеса;

5) доля экспортных хозяйственных операций в выручке организации составляет не менее 30%;

6) подготовка бухгалтерской отчетности в соответствии с международными стандартами;

7) котировка акций на рынке;

8) соблюдение "мягкого законодательства" (например, кодексов корпоративного поведения);

9) прозрачность бизнеса, финансовая и информационная открытость;

10) наличие консолидированной отчетности для достижения представления о деятельности предприятия в целом;

11) сложный по структуре имущественный комплекс;

12) осуществление предпринимательской и эмиссионной деятельности;

13) интернациональный штат сотрудников;

14) численность сотрудников в головной организации не менее 1000 человек;

15) существенный вклад в валовой внутренний продукт страны (не менее 0,5-1%).

В.Г. Антонов справедливо отмечает, что для стран с развивающейся рыночной экономикой, к которым относится и Россия, в качестве признаков корпоративной идентичности следует использовать не все из вышеперечисленных признаков, а некоторый минимальный их набор, например, первые десять.

В [6] в целях определения природы корпораций определены следующие экономические и правовые признаки современной корпорации. Во-первых, это сложный имущественный комплекс; во-вторых, структура собственности в корпорации определяется структурой ее собственного капитала; в-третьих, акционеры контролируют компании, собственниками которых они являются, и в формирование которых они вложили собственные средства; в-четвертых, управляющие и директора корпораций обладают юридическим правом принятия решений.

Таким образом, автор, несмотря на стремление выйти за рамки понимания корпорации как акционерного общества, фактически приво-

дит в качестве признаков корпорации признаки акционерного общества (за исключением первого из них).

Существуют также некоторые другие промежуточные позиции. Так, В. Петухов [7] определяет корпорацию как сложную хозяйственную структуру, организованную по сложному иерархическому принципу (такую как концерн, холдинг, финансово-промышленная группа (ФПГ) и др.).

В [6] также дается определение корпорации, отражающее характер ее внутривладельческих связей: "Корпорацию можно определить как единый производственно-хозяйственный комплекс, обладающий необходимым для осуществления своей деятельности имуществом, созданный самостоятельными субъектами экономики (гражданами и юридическими лицами) для ведения определенной хозяйственной деятельности и руководства ею, состоящий из наделенных хозяйственной компетенцией и находящихся в устойчивых связях внутрикорпоративных структур и органов управления, один из которых (например, совет учредителей) является центром системы". Таким образом, в общем понимании корпорация – это сложная социально-экономическая система, объединяющая ресурсы, людей, предприятия, различные факторы для осуществления совместной деятельности и достижения общих целей.

Анализируя взаимосвязь существующих позиций по поводу природы корпорации, следует согласиться с позицией С.П. Кокуры, который рассматривает акционерные общества или их объединение как одну из форм корпорации: "Корпорация – одновременно имущественный комплекс, юридическое лицо, товаропроизводитель и т.д. Она может выступать в форме как отдельного крупного предприятия, так и объединения нескольких предприятий. Корпорация может функционировать в форме как простого акционерного общества, так и объединения акционерных обществ, например, холдинговой компании. Корпорация представляет собой одну из масштабных форм интеграции компаний путем объединения акционерных обществ и других различных сфер деятельности с целью раз-

работки согласованной политики многопрофильной деятельности" [8, с. 57].

Многие экономисты отмечают такое свойство корпорации как юридическое отделение корпорации от ее участников, которое дает ей преимущества, недоступные другим формам объединений.

К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю дают следующее определение корпорации: "Корпорация – это правовая форма бизнеса, отличающаяся и отделенная от конкретных лиц, ею владеющих. Эти признанные правительством "юридические лица" могут приобретать ресурсы, владеть активами, производить и продавать продукцию, брать в долг, предоставлять кредиты, предъявлять иски и выступать в суде ответчиком, а также выполнять все те функции, которые выполняют предприятия любого другого типа" [9].

Понятие корпорации меняется в процессе развития экономической системы. В условиях развития постиндустриальной экономики выделяют два типа компаний: традиционная и новая [10]. Для традиционной компании свойственны высокая капиталоемкость активов, высокая степень вертикальной интеграции и степени прямого контроля поставщиков и потребителей, большая зависимость персонала от руководства компании и четкие границы компании, определенные ее активами. В новой компании основным активом становятся нематериальные активы, интеллектуальный капитал, доля которых в общей стоимости компании непрерывно возрастает, снижается зависимость персонала от руководства компании, размываются границы компании, снижается контроль за поставщиками и потребителями. Указанные преобразования оказывают непосредственное влияние на развитие института корпорации.

В заключение критического анализа существующих позиций и точек зрения по поводу сущности корпорации следует сделать вывод, что корпорация – это социально-экономическая система, представляющая форму интеграции ресурсов, физических и юридических лиц для осуществления совместной деятельности и достижения общих целей, имеющая ряд призна-

ков корпоративной идентичности. Корпорации как формы интеграции являются особыми системами. Их границы во многих случаях очерчены нечетко, их структура подвержена изменению. В результате система приобретает новые свойства, меняются принципы ее управления.

Охарактеризуем основные аспекты корпоративного управления.

Институт корпоративного управления существует и развивается в различных странах, включая и Россию, несколько веков. Ключевой предпосылкой его формирования является процесс разделения функций владения и управления собственностью. Как объект теоретического анализа корпоративное управление стало рассматриваться только в конце XIX – начале XX вв.

В конце XX в. в странах с развитой рыночной экономикой институт корпоративного управления был формализован посредством разработки и утверждения специального документа "Принципы корпоративного управления ОЭСР", принятого Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в апреле 1999 г. Членами указанной организации являются двадцать девять стран с развитой рыночной экономикой. Согласно принятому документу, корпоративное управление представляет собой механизм обеспечения деятельности корпораций и контроля над ними. Оно включает систему отношений между менеджментом, советом директоров, акционерами и другими заинтересованными лицами. Корпоративное управление также устанавливает границы и приоритеты при формулировании задач компании, а также средства реализации и контроля исполнения этих задач в деятельности компании. Корпоративное управление должно быть направлено на контроль эффективного использования ресурсов и стимулирование менеджмента и совета директоров достигать цели, соответствующие интересам акционеров.

В настоящее время в российской профессиональной литературе, в силу относительно небольшого промежутка времени публичного обсуждения, отсутствует однозначное определение корпоративного управления. Содержание корпоративного управления определяется по-раз-

ному. У разных авторов встречаются различные характеристики элементов системы корпоративного управления. Различается также функциональная нагрузка корпоративного управления. Многие авторы признают ключевые стандартные принципы корпоративного управления. Однако, специалисты, выходящие в своих исследованиях за рамки стандартных четырех-пяти принципов корпоративного управления, как правило, представляют собственные, уникальные в своем роде, наборы принципов корпоративного управления. Данное исследование не является исключением.

Вполне наглядным обзором трактовок корпоративного управления, в полной мере отражающим их многообразие, является обзор В.В. Андропова, который в результате дополнения (для достижения целей настоящей работы) принимает следующий вид (табл. 1 [11, с. 12-13]).

Как видно из табл. 1, а также при изучении других источников литературы, существует множество принципиально отличных трактовок корпоративного управления. Корпоративное управление рассматривается как: институт; система; механизм; набор правил, стандартов поведения; процесс взаимодействия, обеспечения; модель; совокупность действий.

Среди многочисленных трактовок корпоративного управления наиболее комплексной является позиция С.А. Масютина, который выделяет три качественно различных определения корпоративного управления [6, с. 49-55].

В узком понимании корпоративное управление рассматривается как составляющая управления предприятия, направленная на урегулирование отношений между заинтересованными лицами акционерного общества относительно создания и использования собственности (акционерного капитала). Такая трактовка выдвигается специалистами, рассматривающими корпорацию как акционерное общество. Подобного же мнения придерживаются специалисты ФСФР¹ России. С их точки зрения, корпоративное управление направлено на поддержание баланса

¹ Федеральная служба по финансовым рынкам.

Таблица 1

Обзор трактовок корпоративного управления

Трактовка корпоративного управления	Источник
Действия по руководству производством, включая выработку, принятие решений и координацию деятельности фирмы	Котуа Д. Банковский контроль над крупными корпорациями в США. – М., 1982. – С. 33.
Набор институциональных механизмов, обеспечивающих максимизацию рыночной стоимости фирмы	Крамин Т.В. [12]
Организационная модель, действующая в целях максимизации эффективности функционирования корпорации	Чуб Б.А. Курс лекций по дисциплине «Корпоративное управление». – М.: ВШЭ, 2003. – С. 4. – URL: http://www.beo.sop.nl
Постоянное, преемственное обеспечение корпоративных интересов, выражаемое в отношениях корпоративного контроля	Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе / под ред. Е.П. Губина. – М., 1999. – С.101.
Взаимодействие множества лиц и организации, имеющих отношение к различным аспектам функционирования фирмы	Карпетян Д., Грачева М. Корпоративное управление: основные понятия и результаты исследовательской практики // Управление компанией. – 2004. – № 1(13).
Процесс поиска баланса между интересами акционеров и менеджмента в частности и интересами отдельных групп лиц и компании в целом путем реализации участниками рынка определенной системы этических и процедурных стандартов поведения, принятых в бизнес-сообществе	Антонов В.Г., Крылов В.Г., Кузмичев А.Ю. и др. Корпоративное управление / под ред. В.Г. Антонова. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2006. – 288 с. Приходина Ю.А. От качества корпоративного управления – к инвестиционной привлекательности компаний // Право и экономика. – 2003. – № 5.
Набор правил и механизмов, регулирующих такое поведение фирм, которое обеспечивает защиту интересов акционеров, инвесторов и кредиторов перед лицом менеджеров и крупных стейкхолдеров и склоняет их к инвестированию в фирму и предоставлению ей кредитов	Ирадж Хаши. Законодательная база эффективного корпоративного управления: сравнительный анализ опыта ряда постсоциалистических стран. – Варшава: Центр социально-экономических исследований, 2004. – С. 6

интересов всех заинтересованных лиц бизнеса. На сайте ФСФР России дается следующее определение: корпоративное управление – это система отношений между органами управления и должностными лицами предприятий-эмитентов (корпораций), владельцами ценных бумаг этих эмитентов (акционерами, обладателями облигаций и иных ценных бумаг), а также другими заинтересованными сторонами, каким-либо образом вовлеченными в управление эмитентом как юридическим лицом. Из данного определения следует, что корпоративное управление рассматривается в основном в открытых акционерных обществах, которые имеют относительно большой размер, и в которых имеет место большое число владельцев ценных бумаг. В таких структурах нарушение прав акционеров, особенно миноритарных, потенциально возможно и имеет место на практике. Таким обра-

зом, согласно авторам, имеющим данную точку зрения, к области корпоративного управления следует отнести все вопросы, связанные с достижением и поддержанием эффективной деятельности предприятия, с удовлетворением интересов его владельцев, а также регулирование вышеуказанных отношений.

С учетом указанного определения корпоративного управления, можно выделить основных участников корпоративных отношений: менеджеры предприятия; акционеры; владельцы ценных бумаг предприятия-эмитента, отличных от его собственных акций; кредиторы; органы государственной власти различных уровней; органы местного самоуправления. Учитывая тот факт, что агентские отношения и корпоративное управление пронизывают все иерархические уровни предприятия, то участниками корпоративных отношений являются

все сотрудники предприятий. Все вышеуказанные группы воздействуют на баланс интересов каждой из них.

Таким образом, в данной трактовке корпоративного управления уделяется внимание внутрифирменным отношениям и отношениям между заинтересованными сторонами бизнеса.

Вторая точка зрения на сущность корпоративного управления опирается на определение корпорации как организационно-экономической системы большого размера, объединяющей несколько юридических лиц (акционерных обществ, предприятий, организаций) для совместной деятельности. В этом смысле корпорация – это организационно-правовая форма объединения капиталов. В мировой практике в настоящее время известен ряд таких структур, как ассоциация, холдинг, виртуальная корпорация, картель, конгломерат, консорциум, концерн, синдикат, стратегический альянс, трест, финансово-промышленная группа и др.

В результате обобщения позиций и утверждений сторонников вышеуказанной точки зрения, получено следующее определение корпоративного управления: "корпоративное управление – это система отношений между взаимодействующими хозяйствующими субъектами по поводу субординации и гармонизации их интересов, обеспечении синергии, как их совместной деятельности, так и их взаимоотношений с внешними заинтересованными лицами (включая государственные органы) в достижении поставленных целей" [13].

Таким образом, изменение в понимании сущности корпорации меняет представление о корпоративном управлении. В данном определении особое внимание уделено не внутрикорпоративным, а межкорпоративным отношениям. Указанное определение корпоративного управления с течением времени становится все более актуальным, так как идет непрерывный процесс формирования и развития различных по форме и содержанию интегрированных корпоративных структур, включающих несколько организаций, координируемых из единого управляющего центра. Следовательно, второе определение корпоративного управления следует

рассматривать как более широкое, так как при таком подходе к вопросу корпоративного управления включаются многие дополнительные аспекты, например, вопросы взаимоотношений между головной (материнской) организацией и дочерними обществами, поставщиками и потребителями продукции, крупнейшими акционерами дочерних структур и высшим менеджментом объединения предприятий и многие другие.

С формальной точки зрения, следует выделить еще один подход к пониманию сущности корпоративного управления (см., например, [14], [15] и др.). Согласно этому третьему подходу, понятие "корпоративное управление" следует рассматривать как синоним более общего понятия "управление предприятием". В этой связи, управление предприятием представляет собой вид деятельности для достижения целей и решения задач предприятия, в результате которого определяются виды деятельности, субъекты и объекты управления, осуществляются функции планирования, организации, мотивации и контроля согласно классической теории менеджмента.

Выше приведены три точки зрения на понимание природы корпоративного управления. Их сравнительная характеристика позволяет сделать следующий предварительный вывод. Понятие "корпоративное управление" во многом опирается на понятие "корпорация". В зависимости от трактовки понятия "корпорация" меняется подход к корпоративному управлению. В частности, выше выделены следующие представления о корпорации как об отдельном акционерном обществе, объединении нескольких юридических лиц и о предприятии в широком понимании.

Некоторые авторы в своих исследованиях выходят за рамки вышеуказанной классификации (см. [6]). Зачастую это связано с оригинальным представлением корпорации не только как крупной интегрированной структуры, но и как носителя и проводника освоения новых производственных, управленческих и информационных технологий. Такой факт имеет место, так как многие интегрированные структуры (корпорации) обладают большим финансовым, производственным и интеллектуальным и инновацион-

ным потенциалом, не говоря о синергетическом эффекте взаимодействия всех участников объединения [6].

Следуя указанной логике, С.А. Масютин рассматривает корпоративное управление как "современную прогрессивную форму управления предприятием, которая не является достоянием только больших интегрированных систем типа холдингов, ФПГ или ассоциаций". С его точки зрения, механизмы корпоративного управления могут и должны внедряться на предприятиях относительно небольших по своим размерам. Принципы корпоративного управления, принятые на вооружение на таких предприятиях, создают предпосылки интеграции, созданию крупных корпораций посредством объединения нескольких более мелких компаний. Таким образом, С.А. Масютин предлагает расширить круг применения принципов и механизмов корпоративного управления для небольших компаний, отмечая возможность распространения института корпоративного управления на сектор среднего и, вероятно, малого бизнеса. Другими словами, предлагается своего рода межсекторный экспорт институтов. Такой подход в последнее время широко распространился на макроэкономическом и международном уровнях. Однако большинство исследователей проблем экспорта институтов доказывают необходимость проводить операции заимствования институтов с большой осторожностью, с предварительной подготовкой внешней институциональной среды, формированием групп заинтересованных в их функционировании лиц и т.п.

Проведенное выше исследование позволяет сделать предварительный вывод о том, что корпоративное управление характеризуется не только управленческими функциями акционерных обществ, регулируемыми отношениями между собственниками и менеджерами. Во-первых, корпоративное управление пронизывает все иерархические уровни корпорации. Корпоративное управление следует рассматривать как элемент общей системы менеджмента предприятия. Во-вторых, корпоративное управление обеспечивает целостность и единство действий и устремлений всех участников деятельности

корпорации. В-третьих, корпоративное управление формирует взаимосвязь всех заинтересованных сторон в деятельности, включая общество и государство.

Многообразие трактовок и точек зрения по основным аспектам корпоративного управления объясняется, прежде всего, национальными традициями и практикой корпоративного управления в разных странах.

Ключевое значение в понимании сущности корпоративного управления в той или иной стране имеет уровень развития институциональной среды, прежде всего институционального окружения корпоративного сектора экономики: развитие институтов финансовых рынков, институциональная зрелость рынка корпоративного контроля, эффективность института банкротства и др.

Различие в корпоративном законодательстве, системе неформальных институтов, традициях, уровне развития корпоративной социальной ответственности, структуре собственности определяют выбор модели корпоративного управления. Сравнительный анализ наиболее широко используемых в мировой практике моделей корпоративного управления представлен в [11, с. 15-20].

Множество подходов к определению корпоративного управления связано с его институциональной природой. Процесс формирования корпоративного управления представляет собой эволюционный процесс, неразрывно связанный с развитием практики корпоративного управления. В частности, современный экономический уклад характеризуется процессами глобализации и развитием постиндустриального общества, которые устанавливают особые ограничения, стимулы, предоставляют новые возможности. Роль и функции корпоративного управления преобразуются и расширяются.

Многообразие позиций относительно сущности и содержания корпоративного управления объясняется инновационностью, сложностью и многогранностью сферы корпоративного управления. Сравнительная характеристика и систематизация изученных точек зрения относительно корпоративного управления позволя-

ет отследить развитие представлений о нем как объекте исследования. В каждой изученной в рамках данного исследования работе отражены специфические аспекты проблемы. Настоящее исследование не является исключением.

В современном менеджменте стоимостной и институциональный подходы занимают центральное место не случайно. В соответствии со стоимостным подходом, основная цель компании максимизировать свою стоимость, повышая инвестиционную привлекательность для инвесторов и акционеров. Создание новой стоимости на предприятии возможно лишь при слаженной работе всей корпоративной стоимостной цепочки. Соблюдение интересов собственников бизнеса только тогда будет иметь смысл, когда предприятие будет рентабельным, финансово-устойчивым и, следовательно, инвестиционно привлекательным. В то же время, нецелесообразно рассматривать корпоративное управление как комплексное управление компанией с терминологической точки зрения.

Институциональный подход дает мощную методологическую базу и инструментарий корпоративного управления. Он вооружает субъектов управления корпорацией теорией агентских отношений, предоставляет возможность выявить, оценить трансакционные издержки и управлять ими.

Использование стратегического подхода в корпоративном управлении обосновывается двумя фактами. Во-первых, стратегический менеджмент становится важнейшим элементом управления современной компании в условиях глобализации и консолидации рынков, усиления конкуренции, сокращения жизненных циклов большинства товаров. Во-вторых, распространение стоимостного подхода требует формирования корпоративной стратегии, без которой цель приращения стоимости для акционеров, как показывает практика, недостижима. Таким образом, корпоративное управление основывается на стратегическом подходе. В свою очередь, корпоративная стратегия должна объединять все функциональные стратегии предприятия.

Корпоративное управление обеспечивает наличие специфических индивидуальных корпо-

ративных признаков компании. В работах специалистов в сфере корпоративного управления данный факт выражается в широком распространении термина "корпоративная идентичность". С точки зрения многих зарубежных ученых, корпоративная идентичность отражает степень соответствия принципов системы управления конкретной компании стандартным принципам и признакам корпоративного управления. Корпоративная идентичность выражается в корпоративной философии, корпоративной культуре, корпоративном стиле управления фирмы и др. В современных условиях корпоративная идентичность фирмы несет еще одну важную функциональную нагрузку. Она определяет систему ключевых компетенций компании в сфере управления, следовательно, является важнейшим нематериальным активом компании.

Рассмотрение корпоративного управления на основе системного подхода заслуживает особого внимания. Формирование и изучение системы корпоративного управления позволяет глубоко изучить структуру корпоративных отношений, выделить их основные элементы, определить этапы функционирования системы и, более того, охарактеризовать эволюционные аспекты ее преобразования.

С.А. Масютин справедливо отмечает, что система корпоративного управления обеспечивает защиту прав собственников, акционеров; согласование интересов всех участников бизнеса; здоровый климат в трудовом коллективе; четкое взаимодействие и разделение ответственности между менеджерами; применение современных форм и методов управления (стоимостный анализ, управление качеством, бюджетирование); предоставление акционерам возможности участия в управлении предприятием; инвестиционную привлекательность предприятия благодаря финансовой открытости и активному сотрудничеству с институтами фондового рынка; эффективную социальную политику.

Система корпоративного управления представляет собой частный случай системы управления, неотъемлемой характеристикой которой является наличие в ней субъекта и объекта управления. Более того, важно рассматривать кор-

поративное управление в динамике воздействия субъекта управления на объект управления.

В дискуссии о корпоративном управлении различают две трактовки объекта управления: деятельность корпорации и корпоративные отношения. Анализ существующих точек зрения относительно термина "корпорация", проведенный выше, показывает, что понятие "корпорация" и "корпоративные отношения" трактуются в профессиональной литературе по-разному.

Система корпоративного управления должна обеспечить непрерывность и целенаправленность данного процесса. В классической теории менеджмента каждый цикл этого процесса включает определенные функциональные этапы. Количество и содержание этапов корпоративного управления у разных авторов различно. Классики современной западной теории менеджмента выделили четыре этапа управления: планирование, организация, мотивация и контроль. Опираясь на их труды, Б.А. Чуб выделяет семь этапов корпоративного управления: анализ возможностей, планирование, организация, мотивация, диспетчирование, контроль и регулирование [16].

А.А. Андронов отмечает, что дать однозначную рекомендацию о количестве и содержании этапов корпоративного управления сложно и нецелесообразно, так как ответ на этот вопрос, с его точки зрения, определяется для каждой корпорации в отдельности и зависит от размера корпорации, типа управления, экономической целесообразности функционального распределения управленческой деятельности [11]. Конечно, с его позицией следует согласиться. Однако следует отметить, что стратегические ориентиры корпоративного управления относительно однородны. В этом смысле, "стандартный набор" этапов корпоративного управления существует в каждой современной, ориентированной на стабильность и успешное развитие, корпорации.

Такого рода "стандартный оптимальный набор" функциональных этапов цикла корпоративного управления предложен Анри Файолем в его знаменитой работе "Общее и промышленное управление" в 1916 г.: "Управлять – значит предвидеть, организовывать, распоряжаться,

координировать и контролировать; предвидеть, то есть учитывать грядущее и вырабатывать программу действия; организовывать, то есть строить двойной – материальный и социальный – организм учреждения; распоряжаться, то есть заставлять персонал надлежаще работать; координировать, то есть связывать, объединять, гармонизировать все действия и усилия, контролировать, то есть заботиться о том, чтобы все совершалось согласно установленным правилам и отданным распоряжениям".

Таким образом, А. Файоль определил пять ключевых функций корпоративного управления: 1) планирование; 2) организация; 3) распоряжение (руководство); 4) координация; 5) контроль. Эти функции, в том или ином виде, отмечаются во всех работах по корпоративному управлению.

Исходя из вышеприведенных рассуждений, можно сделать обобщающий предварительный вывод относительно сущности корпоративного управления. Корпоративное управление – вид управленческой деятельности в крупных и сложных организационных структурах, к которым, прежде всего, относятся открытые акционерные общества, имеющие систему защиты прав акционеров, собственников, обеспечивающую согласование интересов всех участников корпорации, необходимую финансовую прозрачность.

Существуют и другие определения. В частности, под корпоративным управлением понимается система взаимоотношений между менеджерами компании и их владельцами по вопросам обеспечения эффективности деятельности компании и защите интересов владельцев, а также других заинтересованных сторон, а также способ управления компанией, который обеспечивает справедливое и равноправное распределение результатов деятельности между всеми акционерами и иными заинтересованными лицами².

Наиболее общим и полным определением корпоративного управления в традиционном

² Источник: Официальный сайт ФСФР РФ.

понимании является определение корпоративного управления В.В. Андропова [11]: "корпоративное управление представляет собой непрерывный процесс управления социально-экономической деятельностью корпорации как единого целого, включая бизнес-процессы и корпоративные отношения, на основе принципов корпоративизма и корпоративности, разработки и внедрения системы корпоративных стратегий, баланса интересов участников корпорации и других заинтересованных лиц с целью реализации миссии и целей корпорации".

Таким образом, в современной теории менеджмента под корпоративным управлением понимается система, модель, процесс, набор институтов, деятельность, отношения и пр. Данный факт показателен. На первый взгляд, можно сделать вывод об отсутствии общей позиции по поводу природы корпоративного управления. С другой стороны, для сущностной характеристики корпоративного управления следует абстрагироваться от формы, которую в какой-либо период оно приобретает. Так, в период формирования института корпоративного управления особо актуален системный подход. Повышение и поддержание эффективности корпоративного управления обеспечивает моделирование управленческих процессов и внедрение внутрифирменных институтов и т.д. Что касается содержательных аспектов, в профессиональной литературе наблюдается отчетливое сближение позиций относительно сущности корпоративного управления: от максимизации благосостояния собственников к поддержанию баланса интересов всех заинтересованных сторон, от узкой деятельности в целях контроля и стимулирования менеджеров – к выстраиванию сложных межкорпоративных отношений на основе кооперации в рамках холдинга, финансово-промышленной группы, кластера. В период глобализации, консолидации рынков и усиления конкуренции особенно актуальным является стратегический подход в корпоративном управлении. Система корпоративных отношений усложняется. Этот факт определяет увеличение роли институционального подхода в корпоративном управлении.

Таким образом, корпоративное управление представляет собой деятельность, направленную на наиболее полное и сбалансированное удовлетворение интересов всех заинтересованных лиц бизнеса, включая общество и государство, посредством максимизации их совокупной полезности. Составляющими полезности являются не только материальные, но и нематериальные ценности, такие как имидж компании или индивида, состояние окружающей среды и т.д. На основе динамического факторного моделирования может быть построена целевая функция полезности заинтересованных лиц бизнеса. В первом, наиболее частном, случае максимизируется значение целевой функции на определенный момент времени. Во втором – формируется корпоративная стратегия, позволяющая обеспечить максимальный и стабильный рост общей полезности.

Эффективность корпоративного управления во многом определяется учетом реальной практики отечественных предприятий, специфики российских условий.

В период развития экономического кризиса на российских предприятиях разрабатываются и внедряются программы антикризисного управления. В этой связи многих проблем удастся избежать посредством внедрения принципов и механизмов корпоративного управления.

Список литературы

1. Якупова Н.М. Стратегическое управление стоимостью предприятия. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 226 с.
2. Coase R.H. The Problem of Social Cost // The Journal of Law and Economics. – 1960. – 3(1). – P. 1-44.
3. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. – СПб.: Питер, 1999. – 416 с.
4. Монтгомери С.А., Кауфман Р. Утраченная связь между Советом директоров и акционерами // Российский экономический журнал. – 2006. – Т. 4. – № 1. – С. 45-48.
5. Иванов Ю.В. Слияния, поглощения и разделения компаний: стратегия и тактика трансформации бизнеса. – М.: Альбина Паблшер, 2001. – 244 с.
6. Масютин С.А. Методология и механизмы корпоративного управления на российских предприятиях: дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2002. – 264 с.
7. Петухов В. Некоторые вопросы административно-правового регулирования организации и деятельности корпораций в России // Право и экономика. – 2000. – № 4.

8. Кокура С.П. Теория корпоративного управления. – М.: "Издательство "Экономика", 2004. – 478 с.
9. Макконел Кэмпбелл Р. Экономика: Принципы, проблемы и политика: в 2 т. / Кэмпбелл Р. Макконел, Стэнли Л. Брю; пер. с англ. 11-го изд. – М.: Республика, 1992. – 980 с.
10. Кондратьев В., Куренков Ю. Корпоративное управление инвестиционным процессом // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 2.
11. Андронов В.В. Теория и практика развития корпоративного управления в России: дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2006. – 309 с.
12. Крамин Т.В. Система управления стоимостью компании в институциональной экономике. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 236 с.
13. Винслав Ю. Государственное регулирование и проектирование корпоративных структур // Российский экономический журнал. – 1997. – № 1. – С. 32-35.
14. Книга делового человека. Справочник / под ред. Г.А. Краюхина и Э.С. Минаева. – М.: Высшая школа, 1993. – 128 с.
15. Сонькин Н.В. Корпорации: творческие и прикладные проблемы. – М.: МВЯШ, 1999. – 394 с.
16. Чуб Б.А. Курс лекций по дисциплине "Корпоративное управление". – М.: ВШЭ, 2003. – URL: <http://www.beo.sop.nl>

В редакцию материал поступил 27.07.09.

Ключевые слова: корпорация, корпоративное управление, институциональный подход, стоимостный подход.

УДК 338.2

Д.А. СЕРГЕЕВ,

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ НАНОИНДУСТРИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В последние годы роль государства в инновационном процессе резко возрастает. Основные риски на первых этапах инновационного процесса, вплоть до производства опытных изделий, все чаще берет на себя, полностью или частично, государство. Это в полной мере относится и к наноиндустрии. В данной статье рассматриваются основные меры государственной поддержки наноиндустрии на современном этапе.

Современный экономический кризис наглядно доказывает, что для России невозможно стратегически ориентироваться только на экспорт сырьевых ресурсов. Падение цен на углеводородное сырье поставило перед страной острейшие проблемы, которые требуют быстрого решения. Именно в этих условиях вопрос о дополнении российской экономики сильным инновационным сегментом становится крайне важным.

Приоритетным стратегическим направлением, определяющим новые подходы к преобразованию отечественной промышленности, является формирование национальной наноиндустрии. Для выработки и практической реализации необходимых и достаточных мер в области создания и развития нанотехнологий должна быть сформирована государственная политика, которая, в свою очередь, должна рассматриваться как часть государственной научно-технической политики, определяющей цели, задачи, направления, механизмы и формы деятельности органов государственной власти Российской Федерации по поддержке научно-технических разработок и использованию их результатов.

В развитых странах осознание ключевой роли, которую уже в недалеком будущем будут играть результаты работ по нанотехнологиям, привело к разработке широкомасштабных программ по их развитию на основе государственной поддержки. Так, в январе 2000 года в США

была принята обширная программа, оформленная официально в виде Национальной нанотехнологической инициативы (далее – ННИ). ННИ представляет собой стратегию и детальный план развития новых технологий на ближайшие 20 лет. Программа опирается на огромную экономическую и технологическую базу США. Ежегодное бюджетное финансирование этой программы достигло в последние годы более одного миллиарда долларов. Такая же сумма инвестировалась частным бизнесом.

К настоящему времени с учетом признания важной роли нанотехнологий на самом высоком государственном уровне была принята программа развития наноиндустрии в Российской Федерации до 2015 г. "Стратегической целью Программы является создание высокотехнологичного российского сектора наноиндустрии, способного конкурировать с экономически развитыми странами мира на внутреннем и внешнем рынках нанопродукции в ключевых областях обеспечения обороноспособности, технологической безопасности и экономической независимости государства, повышения качества жизни населения" [1].

Достижение указанной цели возможно только при наличии масштабной государственной поддержки в финансовой, организационной, кадровой, нормативно-правовой сферах. На наш взгляд, государственная поддержка в области нанотехнологий должна носить сис-

темный характер и реализовываться по следующим основным направлениям.

Во-первых, увеличение финансирования фундаментальных научных исследований. Существующая сегодня система финансирования наноразработок, при которой разделено финансирование фундаментальной науки и коммерциализации нанопроектов, на наш взгляд, не является оптимальной.

Нанотехнологии в отличие от обычных, отличаются "наукоемкостью" и затратностью. Стоимость разработок, обусловленная высокой стоимостью специализированного оборудования, составляет 3-4 млн долларов. Путь от лаборатории до nanoиндустрии также более сложен и менее традиционен, чем при производстве обычных продуктов. Только на создание готового продукта может уйти до 20 лет. Более того, наука – зона особых рисков. В случае нанотехнологий, когда нельзя оценить предстоящие затраты и будущие доходы, зона рисков расширяется. Мировая статистика свидетельствует о том, что только один-два проекта из десяти приносят в будущем прибыль.

Все эти негативные факторы сокращают круг потенциальных инвесторов – только государство и крупные инвестиционные компании. В условиях экономического кризиса, когда размеры будущего сокращения спроса не определены, частные фирмы экономят на текущих издержках, в том числе и на НИОКР. Следовательно, бюджетные средства становятся практически единственным источником финансирования.

К настоящему времени в Российской Федерации реализуется ряд федеральных целевых программ, Федеральная адресная инвестиционная программа, программы Российской академии наук и Российского фонда фундаментальных исследований, предусматривающие развитие специализированных направлений nanoиндустрии.

В 2008 г. по программам фундаментальных исследований Президиума и Отделений РАН финансирование нанотехнологических проектов составляло всего около 100 млн рублей. Анализ показывает, что такое финансирование почти на два порядка меньше, чем требуется для того, чтобы обеспечить современный уровень фундаментальных исследований и их развитие, необходимое для

становления отечественной nanoиндустрии. Для сравнения только в Федеральном бюджете США 2007 г. на работы, выполняемые в рамках ННИ, выделено около 1,3 млрд долл. Из них 401 млн долл. (около 31%) – на фундаментальные исследования, 250 млн долл. (20%) – на работы по наноматериалам, 164 млн долл. (13%) – на приобретение исследовательского оборудования.

Необходимо создать Национальную программу фундаментальных исследований в области нанотехнологий с целевым финансированием из федерального бюджета, сопоставимым с финансированием соответствующих программ в развитых странах, и соответствующими капитальными вложениями. Только в этом случае можно рассчитывать на конкурентоспособное развитие отечественной nanoиндустрии.

Экспертные оценки объемов финансирования, необходимого для успешной реализации Программы фундаментальных исследований РАН "Нанотехнологии", показывают, что на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ требуется около 12-13 млрд рублей в год (или около 90 млрд руб. на весь срок выполнения Программы – по 2015 г.). Требуемый объем капитальных вложений оценивается в 55 млрд рублей [2].

Увеличение финансирования научных исследований должно дополняться повышением их эффективности. Темпы бюджетных расходов на науку за последние годы увеличились в 2 раза, на столько же снизилась отдача от них. По такому формальному показателю как индекс цитирования Россия опустилась с 9 места на 19. Только 5% научных публикаций соответствуют мировому уровню.

Такая негативная тенденция связана в том числе и с неэффективной институциональной структурой науки. До 80% от общего финансирования направляется различным НИИ, которые недостаточно адаптированы к рыночным условиям. Российские ученые пока еще не научились работать на конкретный заказ, выполнять его в сжатые сроки, строго следуя техническому заданию. Поэтому сегодня в России фактически развиваются параллельно две независимые системы – промышленный сектор, который закупает технологии и наукоемкое оборудование за рубе-

жом, и сектор науки и технологии, которому, иногда удается продать российские технологии и наукоемкое оборудование за границу.

Для преодоления данной ситуации необходимо создать развернутую инновационную инфраструктуру, все объекты которой должны согласованно работать во всем научно-производственном цикле: от проведения фундаментальных научных исследований и разработок до создания, освоения производства и выведения на рынок новых наукоемких продуктов нанотехнологий. Здесь выявляется второе направление государственной поддержки – формирование современной инфраструктуры наноиндустрии, включая ее приборно-инструментальную, информационно-аналитическую и методическую составляющие.

В развитых зарубежных странах инфраструктура по нанотехнологиям включает ведущие университеты, национальные лаборатории, производственные и венчурные компании. В России работа по созданию соответствующей инфраструктуры только начинается. Следует перенять положительный зарубежный опыт в части создания при крупных университетах комплексных центров, которые могли бы доводить разработки до состояния пригодности для использования. Создание таких центров, которые будут объединять функции подготовки заказных опытно-конструкторских работ и доведения интеллектуальной собственности до пакетного состояния, должно быть возложено на государственную корпорацию "РОСНАНО". Сейчас корпорация анализирует потенциал разработок, который есть у ведущих научно-технических организаций: МГУ, МФТИ, МИФИ, МИСиС, МГТУ им. Баумана. При положительном рассмотрении вопроса при этих научных центрах будут созданы бизнес-инкубаторы.

Корпорация "РОСНАНО" планирует развивать инфраструктуру и в регионах, в том числе уже существующие центры коллективного пользования в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Казани, Екатеринбурге и других городах. Для финансирования разработок и развития малых компаний будут создаваться фонды ранних инвестиций. В дополнение к фондам ранних инвестиций планируется привлекать финансирование региональных властей.

Третьим направлением государственной поддержки является формирование условий устойчивого функционирования и развития системы подготовки кадров для обеспечения эффективности исследований и разработок в области наноиндустрии. Для решения этой задачи в 2009 г. корпорация "РОСНАНО" планирует потратить на финансирование нанопроектов и популяризации науки до 2,5 млрд рублей. Для сравнения: правительство США выделяет на эти же цели 40 млн долларов (примерно 1 млрд рублей). Также "РОСНАНО" планирует открыть при МГУ, МФТИ и МИСиС научно-образовательные центры по нанотехнологиям [3].

В основе развития нанотехнологий лежит новый методологический подход, основанный на междисциплинарных исследованиях. Это требует создания принципиально новых образовательных программ и открытие новых специальностей. Сейчас обучение ведется по стандартам второго поколения, которые содержат две специальности – "Наноматериалы" и "Нанотехнологии в электронике". В стандартах третьего поколения осталась только одна специальность – "Нанотехнология и микросистемная техника". Минобрнауки РФ следует рассмотреть вопрос об увеличении количества специальностей и образовательных программ.

Следующим направлением государственной поддержки является формирование спроса на нанотехнологическую продукцию. Пока единственным заказчиком для нее является оборонный комплекс. Однако важно, чтобы эти технологии попадали и в рыночную среду. Для этого необходимо создание системы содействия продвижению продукции наноиндустрии на внутренний и внешний рынки высокотехнологичной продукции.

По мнению ряда экспертов, с которым следует согласиться, только государство на начальном этапе способно создать устойчивый спрос на наукоемкую технологию. Для решения этой проблемы целесообразно сочетание экономических и административных мер воздействия. Среди экономических мер в первую очередь можно выделить снижение налога на добавленную стоимость. Нанотехнологическая продукция имеет высокую добавленную стоимость, поэтому дан-

ная мера должна положительно сказаться на цене продукции. Административные меры также могут оказать стимулирующее влияние. В западных странах ужесточение стандартов на безопасность, технические характеристики вынуждают подстраиваться под них производителей, улучшая качество своей продукции. Это дает толчок и развитию новых инновационных производств. Нам необходимо взять на вооружение эти меры – вводить стандарты, соответствующие требованиям мирового рынка. Например, сейчас 10-20% вырабатываемой электроэнергии расходуется на освещение. Уже сегодня лампы накаливания можно заменить нанотехнологическим продуктом – светодиодными осветительными элементами. Они гораздо экономичнее и имеют длительный срок эксплуатации. В ряде российских городов уже начался процесс установки светофоров, работающих на светодиодном оборудовании. Аналогичным образом можно ввести технический регламент на оснащение новостроек светодиодами, нано-мембранными фильтрами для очистки питьевой воды и сточных вод, многое другое. Подобные меры позволят в короткие сроки сформировать внутренний рынок. Параллельно необходимо встраиваться в цепочки транснациональных рынков.

Для того чтобы обеспечить нашей стране достойное место в постиндустриальном мире, необходимо объединить усилия государства, научного сообщества и бизнеса. С созданием госкорпорации "РОСНАНО" государственно-частное партнерство заметно активизировалось. Уже на сегодняшний день формируется пул инвесторов, готовых вкладывать или уже вкладывающих средства в нанотехнологические проекты. Это инвесторы разного масштаба, от небольших (бизнес-ангелов) до крупных российских корпораций и предприятий.

Частных соинвесторов приглашают к сотрудничеству в нескольких целях. Первая – что-

бы они точно так же, как и технологические партнеры корпорации, которые предлагают технологии, могли участвовать в капитализации технологических компаний и направить свой бизнес в высокотехнологическую сферу. С другой стороны, и корпорации, и ее партнерам полезно иметь соинвестора, который в состоянии привнести в финансируемые технологические компании культуру менеджмента, соответствующую тому уровню конкуренции и финансирования, который представляет сегодня корпорация.

Для успешного развития наноиндустрии необходимо меры прямой поддержки дополнить общесистемными мерами, которые не имеют какого-либо избирательного назначения, а более или менее равномерно влияют на все субъекты рынка, формируя экономическую и институциональную, организационную и правовую среду. Первоочередной задачей здесь является решение вопроса о защите прав интеллектуальной собственности. У ученых-разработчиков должен быть материальный и моральный стимул превращать свои научные достижения в реальный продукт.

Осуществление вышеизложенных мер сможет придать ускоренное развитие нанотехнологиям на основе накопленного научно-технического задела в этой области и внедрение их в технологический комплекс России. Выбор данного направления позволяет решить важную экономическую задачу – повышение эффективности производства за счет минимизации сырьевой составляющей в стоимости продукта при резком возрастании интеллектуально добавленной стоимости.

Список литературы

1. Программа развития наноиндустрии в Российской Федерации до 2015 года. – URL: <http://www.mon.gov.ru/work/nti/dok/str/nano15.doc>
2. Алферов Ж. Основа нанотехнологий – фундаментальная наука // Индустрия. – 2008. – № 41. – С. 2.
3. Героева А. Знание сильных // Коммерсантъ. – 2008. – № 221. – С. 31.

В редакцию материал поступил 24.08.09.

Ключевые слова: наноиндустрия, нанотехнологии, корпорация "РОСНАНО", меры государственной поддержки.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

УДК 336.146

И.М. АБДУЛЬМАНОВ,

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: abdulmanov@ieml.ru

ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАЗНАЧЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТА

В статье рассматриваются вопросы развития казначейской системы исполнения бюджета как важнейшего элемента устойчивости всей финансовой системы страны. Подчеркивается важность постоянного совершенствования и модернизации работы органов казначейства, что позволит значительно снизить транзакционные издержки в бюджетной сфере и, соответственно, повысить уровень эффективности исполнения бюджетов бюджетной системы РФ.

Как известно, государственный бюджет – это крупнейший централизованный денежный фонд, сосредотачиваемый в руках государства для решения им возложенных на него функций и задач. При этом, являясь важнейшим звеном финансовой системы, госбюджет составляет значительную ее долю. Следовательно, состояние всей финансовой системы страны во многом определяется положением дел в бюджетной сфере. Важно отметить, что благодаря четкой, отлаженной и постоянно совершенствующейся работе органов федерального казначейства обеспечивается безопасность исполнения бюджета в современных условиях, с помощью чего достигается стабильность экономической ситуации в целом.

Казначейство России в настоящее время является мощной системой бюджетных показателей, обеспечивающей кассовое обслуживание исполнения всех бюджетов бюджетной системы РФ, доступ всех участников бюджетного

процесса к банковской системе, обладающей детальной информацией о состоянии общественных финансов. Важность решаемых Казначейством государственных задач обуславливает необходимость постоянно находиться на острие современных технологий, открыто принимать вызовы современного развития.

В течение 2008 г. через казначейскую систему страны прошло более 17 трлн рублей поступлений в бюджетную систему РФ, 57% которых было направлено в федеральный бюджет (включая 27% от общего объема поступлений – нефтегазовые доходы), 26% – в бюджеты субъектов Федерации, 7% – в местные бюджеты и 10% – в бюджеты государственных внебюджетных фондов [1].

В настоящее время Казначейство России обеспечивает полное кассовое обслуживание 40% бюджетов субъектов РФ и 41% местных бюджетов. Из 83 бюджетов субъектов РФ 34 бюд-

жета обслуживаются с открытием и ведением лицевых счетов, а в 21-м из них – с санкционированием расходов из бюджетов.

По данным Казначейства России, в конце 2008 года на территории РФ насчитывалось 24 209 муниципальных образований (МО), из них 97% имели самостоятельные бюджеты. Из этого количества 41% бюджетов МО обслуживался с открытием и ведением лицевых счетов участников бюджетного процесса.

Сводный реестр включает 34 463 участника бюджетного процесса. С помощью кассового плана появилась возможность управлять остатком свободных средств на счетах казначейства России, что является показателем качественного управления государственными финансами.

Обеспечение безопасного исполнения бюджета в современных условиях требует прочной правовой основы функционирования системы казначейства, в которой и происходит данный процесс. При этом отметим, что в России такие основы заложены еще в конце 1990-х гг., когда была принята Федеральная программа развития федерального казначейства [2].

Безусловно, безопасность и стабильность функционирования казначейской системы, качество и масштабность реализации стоящих перед ней задач находятся в прямой зависимости от состояния государственно-правового регулирования данного института. Поэтому при нормативно-правовом обеспечении развития системы казначейского исполнения бюджетов целесообразно обращать особое внимание на следующие факторы:

- необходимость и достаточность задач, поставленных перед органами казначейства;

- уровень существующего законодательства – достаточен ли он для достижения поставленных задач;

- соответствует ли международной практике действующее законодательство, с помощью которого возможно достижение наиболее эффективным способом поставленных задач и уточнение.

Более того, для укрепления и дальнейшего развития статуса федерального казначейства необходимо, чтобы приобрело приоритетное зна-

чение безопасное совершенствование уже имеющейся правовой основы деятельности органов казначейства. Наиболее значимым в этом направлении является устранение противоречий в системе норм самого бюджетного права [3].

В условиях возникших качественно новых рисков необходимо укреплять банковскую систему. Свою роль в решении этой глобальной задачи Казначейство России видит в том, чтобы минимизировать объемы обращения наличной денежной массы в секторе государственного управления. В настоящее время по банковским картам выплачивается около 44% объема финансовых ресурсов, выделяемых на заработную плату [2].

Совершенствование системы бюджетных платежей через банковские карты позволяет ускорить оборачиваемость средств в экономике, повысить уровень ликвидности банковского сектора, сократить оборот наличных средств.

В рамках проводимой административной и бюджетной реформ управление результатами в государственном секторе экономики становится приоритетной задачей.

Органы Федерального казначейства – типичный элемент государственного сектора экономики, так как им присущи следующие признаки:

- функции устанавливаются только государством;

- деятельность финансируется исключительно из бюджета;

- финансовая и имущественная ответственность за результаты их деятельности ложится на государство.

Сегодня модель управления финансами сфокусирована исключительно на процессе управления затратами и не увязывается с целями и ожидаемыми результатами произведенных расходов, в связи с чем Федеральное казначейство приступило с 2007 г. к разработке системы управленческого учета (рис. 1) [4].

Основными предпосылками для создания данной системы явились:

- отсутствие четкого взаимодействия между целями и конечными результатами использования бюджетных средств, а также критериев оценки деятельности администраторов бюджетных

Рис. 1. Модель системы управленческого учета, внедряемая в системе Федерального казначейства

средств (под администратором бюджетных средств понимается главный распорядитель, распорядитель и получатель бюджетных средств);

- ограниченность полномочий администраторов бюджетных средств при формировании и исполнении бюджета;

- преобладание внешнего контроля за соответствием кассовых расходов плановым показателям при отсутствии процедур и методологии внутреннего и внешнего мониторинга обоснованности планирования и результатов использования бюджетных средств;

- отсутствие системы оценки финансового результата деятельности администраторов бюджетных средств;

- отсутствие стимулов для повышения эффективности бюджетных расходов и оптимизации бюджетной сети.

Целью и задачами разработки системы управленческого учета явились:

- создание информационной базы для оценки эффективности функционирования и результативности деятельности Федерального казначейства;

- формирование информационной базы для принятия эффективных управленческих решений;

- распределение ресурсов по поставленным целям деятельности;

- повышение эффективности контроля за достижением результатов и исполнения решений Федерального казначейства;

- определение персональной ответственности должностных лиц за решение возложенных на них задач, достижение показателей результативности и эффективности их деятельности [5].

В связи с этим совершенствование управления результатами в системе Федерального казначейства также является главной задачей.

Одной из целей проводимых в стране реформ является повышение эффективности бюджетных расходов путем внедрения системы бюджетирования, ориентированного на конечные результаты (БОР). Суть системы БОР заключается в увязке затрат на содержание администраторов бюджетных средств и результатов их деятельности. Важным в связи с этим становится вопрос о выработке механизмов, позволяющих увязать затраты и результаты, обеспечив их сопоставимость.

Вопросы реализации принципа БОР в Федеральном казначействе аналогичны вопросам, возникающим у других администраторов бюджетных средств.

Рассмотрим возможный вариант внедрения отдельных положений принципа БОР на примере Федерального казначейства.

Учитывая, что внедрение принципа БОР в качестве основной цели преследует повышение эффективности деятельности, в рамках решения этой задачи, для увязки категорий затрат и результатов, необходимо пройти 2 этапа:

- определение эффективности деятельности органов Федерального казначейства;
- оценка эффективности деятельности органов Федерального казначейства.

На первом этапе, для определения эффективности деятельности органов Федерального казначейства (ФК) введем показатель – "индекс эффективности деятельности органов ФК", который представляет собой стоимостное соотношение результатов деятельности органа ФК к затратам на его содержание и показывает, какова отдача от деятельности соответствующего органа ФК на 1 рубль, вложенный в его содержание за определенный период времени (месяц, квартал, год). Индекс эффективности определяется по формуле:

$$\Theta = \frac{P}{Z},$$

где Θ – индекс эффективности деятельности органа ФК; P – результаты его деятельности в рублях; Z – затраты на его содержание в рублях.

В соответствии с действующим законодательством органы Федерального казначейства реализуют:

- 21 бюджетное полномочие;
- 26 полномочий по исполнению бюджетов бюджетной системы РФ;
- 23 функции Управлений по субъектам РФ;
- 20 функций Отделений Управлений по субъектам РФ;
- 1 общую функцию – защиту интересов казны [6].

Всего – 91 полномочие и функция. Итоги выполнения всех этих полномочий и функций являются результатами деятельности органов ФК. Эти результаты имеют разное социально-экономическое значение для государства и общества и не все из них могут быть оценены в рублях.

В целях определения эффективности деятельности органов ФК назовем "принципы определения перечня результатов деятельности":

- 1) принцип полезности, означающий, что результаты деятельности должны быть полезными для государства и общества;
- 2) принцип измеримости, заключающийся в том, что результаты деятельности должны быть измеримыми и иметь стоимостное выражение.

Анализ результатов выполнения всех полномочий и функций органов ФК, через призму принципов определения перечня результатов деятельности, позволил выделить из 91 результата всего 4 результата, имеющих значение для государства и общества.

Итак, общественно значимыми результатами деятельности органов ФК являются:

1. Сумма кассовых поступлений бюджетов бюджетной системы РФ, распределенных и учтенных органами ФК.
2. Сумма кассовых выплат из бюджетов бюджетной системы РФ, произведенных и учтенных органами ФК.
3. Сумма бюджетных средств, сохраненных органами ФК в бюджетной системе РФ в результате предварительного и текущего контроля.
4. Сумма бюджетных средств сохраненных органами ФК в бюджетной системе РФ в результате юридической работы.

Данные результаты отвечают установленным принципам, так как имеют важное государственное и общественное значение, а также измеримы и могут быть выражены в рублях.

Теперь, имея вариант определения результатов деятельности органа ФК и данные о затратах на его содержание, несложно определить индекс эффективности.

Результаты деятельности органа ФК определяются по формуле:

$$P = P_d + P_p + P_k + P_{ю},$$

где P – результаты деятельности органа ФК; P_d – результат деятельности по формированию доходов (первый общественно значимый результат); P_p – результат деятельности по осуществлению расходов (второй общественно значимый результат); P_k – результат контрольной работы (третий общественно значимый результат); $P_{ю}$ – результат юридической работы (четвертый общественно значимый результат).

Полученное значение индекса эффективности является венцом первого этапа и должно показать, сколько финансовых средств обслужил соответствующий орган ФК на один рубль, вложенный в его содержание за определенный период (месяц, квартал, год).

На втором этапе – оценке эффективности деятельности органов ФК – необходимо ввести показатель, который будет являться критерием оценки эффективности, а также базовым индексом эффективности деятельности органов ФК.

Возможны два основных варианта определения значения базового индекса эффективности:

1) значение базового индекса эффективности определяется как среднее значение индексов эффективности деятельности органов ФК соответствующего горизонтального уровня. Например, для всех 85 УФК в данном случае значение базового индекса определяется по формуле:

$$\frac{\mathcal{E}_{61} = \mathcal{E}_1 + \mathcal{E}_2 + \mathcal{E}_3 + \dots + \mathcal{E}_{85}}{85},$$

где \mathcal{E}_{61} – значение базового индекса эффективности, определяемое по первому варианту; $\mathcal{E}_1, \mathcal{E}_2, \mathcal{E}_3, \dots, \mathcal{E}_{85}$ – значение индексов эффективности каждого из 85 УФК;

2) централизованное установление значения базового индекса эффективности на основании плановых заданий по формуле:

$$\mathcal{E}_{62} = P_{пл} / Z_{пл},$$

где \mathcal{E}_{62} – значение базового индекса эффективности, определяемое по второму варианту; $P_{пл}$ – значение планируемых результатов деятельности органов ФК; $Z_{пл}$ – значение планируемых затрат на содержание органа ФК [6].

Следует отметить, что внедрение инструментов определения и оценки эффективности деятельности администраторов бюджетных средств является лишь частью управленческого учета, который в свою очередь, наряду с планированием, организацией, мотивацией и управленческим контролем, является элементом системы управления, ориентированной на конечные результаты. Индекс эффективности служит своего рода индикатором деятельности соответствующего администратора бюджетных средств. Для повышения же эффективности деятельности администраторов бюджетных средств необходим комплекс мероприятий по оптимизации функционирования, который охватил бы все элементы системы управления.

Приступая к новому этапу работы, основанному на новых положениях в работе органов федерального казначейства, вступивших в силу с 1 января 2009 г., на основе опыта предыдущих лет были определены 12 главных дел Казначейства на среднесрочную перспективу:

1. Совершенствование системы бюджетных платежей.
2. Прозрачность и доступность информации о состоянии общественных финансов.
3. Электронное Казначейство.
4. Разработка и внедрение административных регламентов в рамках проводимой административной реформы.
5. Кассовое обслуживание государственных внебюджетных фондов.
6. Завершение проекта модернизации казначейской системы Российской Федерации.
7. Разработка и внедрение Концепции безопасности Казначейства России.
8. Мониторинг функциональной деятельности Казначейства России.

9. Технологическая регламентация.

10. Управленческий учет в системе Казначейства России.

11. Эффективная кадровая политика.

12. Оптимизация деятельности [7].

Казначейство России – один из динамично развивающихся органов государственной власти в Российской Федерации, постоянное развитие и совершенствование которого обусловлено происходящими политическими, экономическими, технологическими и другими изменениями в жизни государства. Необходимость эффективно и своевременно отвечать на все вызовы современности закалила как саму структуру, так и работающих в ней специалистов. И это дает основание полагать, что, несмотря на масштабность предстоящей работы, с поставленными задачами Казначейство России успешно справится.

Список литературы

1. О Федеральной целевой программе развития казначейства на 2000-2004 гг.: Постановление Правительства РФ от 23.07.1999 № 677 // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 27. – 5 июля.
2. Артюхин Р.Е. Федеральное казначейство: итоги и задачи // Финансы. – 2009. – № 3. – С. 3-8.
3. Мацкуляк Д.И., Петров А.В. О безопасном исполнении бюджета в системе казначейства // Финансы и кредит. – 2008. – № 11 (299). – С. 70-76.
4. Яковлева Е. Этапы становления и перспективы развития системы управления финансами Казначейства России // Бюджет. – 2008. – № 1. – С. 76-78.
5. Демидов А.Ю. Некоторые вопросы управления результатами в органах Федерального казначейства // Бюджет. – 2007. – № 9. – С. 70-71.
6. Демидов А.Ю. Принципы БОР в деятельности администраторов бюджетных средств // Финансы. – 2009. – № 2. – С. 30-33.
7. Артюхин Р. 12 главных дел Казначейства // Бюджет. – 2009. – № 3. – С. 14-18.

В редакцию материал поступил 13.07.09.

Ключевые слова: казначейство, органы Федерального казначейства, государственный бюджет, система управленческого учета.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 340.15:93

А.В. СКОРОБОГАТОВ,

доктор исторических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII-XIX ВЕКОВ

Статья посвящена анализу политико-правовых основ российского законодательства. На основе анализа политико-правовой доктрины императора Павла I, разработанной до вступления на престол, нормативных правовых актов 1796-1801 гг., а также ряда невербальных источников выявляются основные политические идеи, лежащие в основе российского законодательства на рубеже XVIII-XIX вв. В статье делается вывод, что в законодательстве этого периода были сформированы теоретические представления об идеальном государственном устройстве, в котором вся полнота власти сосредоточена в институте неограниченного наследственного монарха, получившего власть от Бога и только перед ним подотчетного за свои действия.

Государственность России XVIII в. была ориентирована на детальное и максимально широкое правовое регулирование всех сторон политической и социальной реальности. Доминирующим началом при этом выступали не реальные потребности, а представления правящего монарха об идеальном образе государства, основанные, прежде всего, на теоретических идеях и воплощенные в законодательстве.

Эпоху абсолютизма, как доказал О.А. Омельченко, законодательные акты становятся не только естественной формой присутствия официальной идеологии, но и особой формой ее формирования. Становление новой политической культуры, начиная с петровских времен, предполагало, что законодательные мероприятия власти должны подчиняться определенному канону. Кроме собственно правового регулирования заявленной проблемы, они должны содержать идеологическое обоснование необходимости данного мероприятия [1, с. 53], то есть в

нормативных актах стало много внимания уделяться вопросам политической теории.

Основное в содержании политической теории – это концепция государственного строя. Она подчинена определенной логической схеме и включает в себя следующие проблемы: происхождение государственности и источники верховной власти; характер и содержание верховной власти, а также цель государственной организации; принципы взаимоотношений верховной власти с социальными слоями общества [1, с. 76].

Рубеж XVIII-XIX вв., заложивший основы политической теории России XIX в. именно в идеологическом плане, представляется наиболее значимым. Царствовавший в это время Павел I был одним из немногих российских монархов, кого с самого детства готовили к наследованию престола. Выбор предметов и методов обучения определялся теоретическими и практическими потребностями и знаниями, необходимыми ему как будущему императору.

В целом он получил хорошее, разностороннее первоначальное образование, впоследствии углубив знания путем чтения философской и политической литературы и практических наблюдений за функционированием российской и европейских политических систем. Полученные знания позволили ему разработать цельную политико-правовую доктрину, основные положения которой определили характер и содержание его законодательства, высокий удельный вес в нем теоретического компонента.

В первую очередь Павел I позаботился о придании своей власти легитимности. В условиях сохранения традиции перехода монархической власти в России в результате дворцовых переворотов, наиболее оптимальным способом обоснования легитимности было доказательство кровного родства не только с предыдущим правителем, но и с родоначальником династии. В XVIII в. в качестве основателя династии воспринимался не Михаил Федорович, а Петр I, к образу которого стремились апеллировать все последующие монархи [2]. Павел I не стал исключением. Уже краткий манифест о вступлении на престол, изданный 6 ноября 1796 г., ссылался на "Наш прародительский, наследственный, императорский, всероссийский Трон". Принцип наследственности получил перевес над принципом общественной выгоды (ставшим доминирующим во второй половине XVIII в.) [3], который был упомянут лишь в последней строке – прощении к Богу о помощи в достижении "процветания Империи и благосостояния наших верноподданных" [4, т. 24, № 17530].

Сразу же по восшествии на трон Павел I приступил к воскрешению памяти отца в истории российского государства и пропаганде символики наследственной монархии. Чтобы пресечь слухи о своем незаконном происхождении и желании Екатерины II передать престол Александру Павловичу [5, с. 4], Павел I решил воздать отцу императорские почести. Этим как бы восстанавливалась мужская линия российских императоров: Петр I – Петр III – Павел I. Перезахоронение Петра III как нельзя более наглядно служило этой цели [6]. Одновременно в манифесте о вступлении на престол Александр

Павлович был назван цесаревичем и наследником престола [4, т. 24, № 17530], чтобы не возникало двусмысленных толкований его правового статуса.

Впоследствии Павел I неоднократно подчеркивал законность и преемственность своей власти, в том числе от Петра I. Неоднократно в своих указах он стремился обосновать целесообразность своих действий продолжением дел "в Бозе почивающего Предка Нашего Государя Императора Петра Первого" [7, с. 3].

Принцип наследственности самодержавной власти стал краеугольным камнем политической теории рубежа XVIII-XIX вв. Не случайно его издание было обставлено большим количеством символов и обрядов, которые должны были подчеркнуть его дихотомическую природу. С одной стороны, будучи объявленным лично императором во время коронации, он становился фундаментальным законом. С другой стороны, положенный на хранение в алтаре Успенского собора, он приобретал сакральные черты [8].

Важнейшим элементом обоснования божественного происхождения верховной власти в России стала церемония коронации [9]. Коронация, проведенная в соответствии с русскими коронационными традициями (хотя и подновленными), должна была свидетельствовать о получении Павлом I своей власти непосредственно от Бога. Включение коронации в литургический контекст должно было дополнительно подчеркнуть легитимность и богоданность монархической власти [4, т. 24, № 17659]. В результате коронации монарх принимал на себя обязанности священнодействия и учительства, приобретал особую силу и мудрость для осуществления высшей власти, как в государстве, так и в церкви.

Таким образом, перед самодержавием открывались более широкие перспективы в плане культивирования монархических идеалов в общественном сознании, поскольку их влияние во многом вытекало из традиционного патерналистского взгляда на царя как "отца" своих подданных, который равно заботится обо всех. Такому представлению отвечала в первую оче-

редь фигура монарха, получившего власть "в силу закона и рождения", никому не обязанного "своим возвышением, кроме Бога".

В российском варианте государственной мифологии, как важнейшей части политической теории, монарх выступал как земной бог и земной спаситель, связанный таинственной харизматической связью с Небесным Богом и Спасителем – Христом, и вместе с тем – апостол, ведущий свою державу по пути спасения [10].

Развитие императорского культа имело решающее значение для построения русской правовой культуры XVIII в. Этот культ стал основой синтеза традиционной русской православной духовности и рационалистической правовой культуры европейского абсолютизма [11]. Государственный миф абсолютной монархии приобретает в России мессианский характер. Поскольку Бог благ и человеколюбец, царь в деспотической бесконтрольности своей власти должен преследовать лишь благо подданных, а не исполнение своих капризов. Принимая власть от Бога, монарх не только получал санкцию на ее неограниченность, не только выступал выражением воли Господней, но и принимал на себя христианские обязанности перед вверенным ему народом, ибо с этих пор он был обременен еще и долгом отеческой заботы о православных перед Богом [12, л. 3].

Мессианские идеи и представление о божественном предназначении монарха в политической теории XVIII в. ставили институт верховной власти на недостижимую для подданных высоту. Наиболее важные высочайшие указы и манифесты либо начинались словами "Во имя Отца, Сына и Святого Духа" (в документах, имевших международное значение "Во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы"), либо апеллировали к Божественному происхождению и предназначению императора. Так уже в Манифесте о вступлении на престол Павел I писал: "... Бога Всевышнего призываем, да поможет нам благодатию Своею Святою..." [12, л. 3]. Высокий статус делал для государя всех подданных равными перед ним и издаваемыми им законами.

Для обоснования божественного происхождения верховной власти православной ре-

лигии и церкви, к исходу XVIII в. изрядно скомпрометировавшей себя зависимостью от государства и просветительскими идеями и, вместе с тем, не столь авторитетной, как католичество в Западной Европе, было явно недостаточно. Это обусловило обращение к средневековым рыцарским идеям, пропаганде благородства, бескорыстия, беспорочной службы чести высшего сословия, его долга беззаветно служить "царю и отечеству". Однако в данном случае отечество понималось не узко государственно, а как единение всех христиан, независимо от их местожительства и конфессии. В законодательстве о принятии Мальтийского ордена под покровительство России и установлении ордена "в пользу российского дворянства" демонстрировался универсальный (мессианский) характер российской монархии, принимавшей на себя роль защитника всего христианства, как православия, так и католицизма [13, р. 59].

Тезис о прямом и непосредственном установлении верховной власти Богом являлся исходным в развертывании и обосновании понятий о характере верховной власти. Если государственная власть в лице монарха получает свои полномочия от Бога, и ни от кого другого, то эта власть в своем земном значении не производима и не зависит ни от какого человеческого, общественного авторитета, то есть неограничена. Власть "вручается" монарху Богом, и вручается с подразумеваемыми целями – заботой о "благое государства". Однако Бог вручает такую неограниченную власть не любому, вступившему на трон, а только легитимному наследнику, освящая его власть.

Подобное восприятие института монарха обусловило нормативное обоснование необходимости и целесообразности сосредоточения в его руках неограниченной власти. В XVIII в. российскому монарху принадлежали все элементы государственной власти [14, с. 61]. Впервые верховная власть России попыталась регламентировать все стороны государственной, общественной и частной жизни. В изданном Павлом I "Учреждении о Императорской фамилии" появилась формулировка: "Царствующий Император,

яко неограниченный Самодержец" [4, т. 24, № 17906]. В представлении императора это должно было означать, что воля монарха не ограничивалась какими-либо юридическими нормами, на которые он не мог бы повлиять или изменить.

В первую очередь были очерчены пределы власти российского монарха вертикально и горизонтально. Манифест "О титуле Его Императорского Величества" не только установил различные формы обращения к императору, но и очертил пределы его регулирования территориально. То, каким образом должно именоваться лицо, облеченное верховной властью в государстве, в значительной степени характеризует весь государственный механизм. Имя императора является символически-значимым образом главы государства и всего государства в целом.

В развернутой форме обращения к императору присутствовало перечисление всех подданных ему регионов [4, т. 24, № 17635]. Таким образом, определялись территориальные пределы и утверждалась над ними верховная власть в одном лице. Изменения территории государства или включение в его состав новых регионов вело к изменению императорского титула. Так, вступление Мальтийского ордена под покровительство России привело к внесению в императорский титул положения "Великий магистр Державного ордена Иоанна Иерусалимского" [4, т. 25, № 18790, 18872].

В наиболее важных нормативных правовых актах императорский титул иллюминировался гербами подвластных земель, что дополнительно подчеркивало территориальные пределы власти Российского монарха. Расположение титулов и соответственно гербов было не произвольным, а в зависимости от значения региона для Российской империи [15, л. 1]. Все эти регионы и составляют Российскую империю. Российский император – в первую очередь, глава всего государства, а уже потом – глава отдельных регионов. Власть его над империей самодержавна, поскольку вручена Богом.

Распространение права присяги на верность монарху на крепостных крестьян должно было символизировать, что для верховной вла-

сти все подданные равны. Монарх в равной степени расположен к любому подданному. Любой подданный мог напрямую обратиться к государю с прошением (единственным ограничением был запрет на подачу коллективных жалоб и необходимость указывать фамилию просителя). Монарх лично рассматривал все прошения (что соответствовало его сакральному статусу – земной бог, как и Бог небесный, должен все видеть и все знать) и либо сразу давал ответ, либо направлял на рассмотрение соответствующего ведомства. Ответы на прошения оперативно печатались в Санкт-Петербургских ведомостях.

Император устанавливал и отменял налоги [4, т. 24, № 17661, 17667]; утверждал смету государственных доходов и расходов [4, т. 24, № 17551, 17609]; штаты государственных учреждений [4, т. 24, № 17639, 17702]; акты, изменявшие внутригосударственное устройство [4, т. 24, № 17634] или государственную границу в связи с отчуждением части территории в пользу другого государства; передававшие государственное имущество в частную собственность [4, т. 24, № 17925]. Он был источником всех почестей и привилегий, являвшихся знаками власти, и от него зависело возведение в дворянское достоинство и пожалование наследственных титулов [16, с. 112-124], награждение орденами и медалями [15, л. 1].

Как глава государства российский монарх разрабатывал внешнеполитический курс Российской империи и являлся руководителем внешней политики и дипломатии России [17].

Император являлся высшей судебной инстанцией. На его рассмотрение поступали апелляции на решения Сената по гражданским делам, прежде всего в сфере наследственного и вещного права [18].

В качестве высшей исполнительной власти монарх действовал в случаях неправильного применения закона или в случае необходимости разрешить те или другие затруднения в администрации, когда эти затруднения не могут быть устранены силою существующих законов. Он разрешал дела, превышающие степень власти, данной данному учреждению или должно-

стному лицу, пересматривал разного рода правила, положения и инструкции, если они были ранее утверждены императором, принимал чрезвычайные меры для наведения общественного порядка, выносил административные взыскания на должностных лиц [19].

Особенно заметна безграничная власть императора на рубеже XVIII-XIX вв. в расширении пределов правового регулирования. Это осуществлялось как увеличением числа нормативных правовых актов и детализацией регулируемых вопросов, так и появлением новых предметов правового регулирования, обусловленных необходимостью борьбы с французской "революционной заразой".

Только в Полном собрании законов за период с 6 ноября 1796 г. по 11 марта 1801 г. опубликовано 2 256 законодательных актов. Однако в Полное собрание законов вошли далеко не все нормативные правовые акты. В указных книгах, владельческих и издательских конволютах и архивных фондах сохранилось около 5 000 актов 1796-1801 гг.

Наконец, необходимо учесть широко распространенные на рубеже XVIII-XIX вв. разного рода объявления, распоряжения, публикации, близкие по своему характеру к законодательным актам. Часть этих распоряжений была опубликована в Сенатском архиве (сюда вошло 5 614 именных указов) [19]. Регулярно Санкт-Петербургские ведомости печатали отчеты о решенных императором и сенатом делах [20]. Если учесть, что приказы, отданные при пароле (всего их было издано 14 207), были приравнены к именованным указам [4, т. 24, № 17548], то общее число нормативных документов на рубеже XVIII-XIX вв. приближается к 40 000.

Судя по журналу словесных приказаний Павла I, который вел Ф.В. Ростопчин, концептуально большинство важнейших законодательных актов разрабатывалось императором. Ростопчин записывал словесные повеления государя и направлял их соответствующему ведомству или чиновнику, где на основании этих идей разрабатывался законопроект, подносимый затем на высочайшую подпись. По утверждении монархом акт становился законом [21].

Российский монарх в императорский период пользовался значительной религиозной властью, ибо считался верховным покровителем и блюстителем православия. Коронационные празднества представляли Павла I верховным религиозным вождем, который отмечен знаком свыше. В акте о престолонаследии 1797 г. монарх назван "Главою Церкви" [4, т. 24, № 17910]. Этим шагом было фактически завершено огосударствление православной церкви: теперь российский император де-юре возглавил церковную иерархию.

Со стороны государства русской православной церкви было законодательно предоставлено привилегированное по сравнению с другими христианскими исповеданиями, господствующее положение. Однако на рубеже XVIII-XIX вв. православие рассматривалось не узкоконфессионально, а экуменистически. В указе от 3 ноября 1798 г. об управлении римско-католической церковью российский император называется "самим Богом избранным начальником" [4, т. 25, № 18734]. Первым шагом на долгом пути вселенского объединения христианских церквей под руководством российского монарха должно было стать принятие Павлом I титула великого магистра Мальтийского ордена.

Императору принадлежало верховное командование над всеми сухопутными вооруженными силами Российского государства. В качестве такового он определял устройство армии [22], издавал приказы о дислокации войск, переводил их на военное положение, назначал на должности и увольнял с должностей генералов и офицеров, принимал решения по другим вопросам, относящимся к устройству вооруженных сил и обороны государства [23-27].

Неограниченное правление предполагало строгую форму организации системы управления на всех уровнях. Вся система государственных учреждений – лишь механизмы реализации верховной воли самодержавного монарха. Главным при этом являлось четкое определение правового статуса и функций каждого государственного органа и стремление подчинить деятельность административной системы правовым нормам [28].

Разработанный Павлом I еще до вступления на престол план реформирования системы высшего и центрального управления, придания им бюрократических черт, стал претворяться в период царствования. Мероприятия в области центрального управления в конце XVIII в. можно свести к нескольким направлениям: 1) упраздняются те учреждения, которые по своей организации или цели кажутся неудобными или же излишними [4, т. 24, № 17549; 17607; 17627; 17670; 17686; 17687; 17701; 17750; 17826; 17887; 18056; т. 25, № 18307; 18337; 18354; 18397; 18459; 18864; т. 26, № 19632]; 2) остаются, иногда с некоторыми видоизменениями, учреждения, которые считаются необходимыми для текущих дел [29, с. 223, 301, 571; 30, л. 4]; 3) восстанавливаются прежние учреждения, хотя и с существенным изменением содержания и структуры, приспособляясь к общему течению внутренней политики [4, т. 24, № 17567]; 4) вновь учреждаются места и должности для заведования какой-либо особой отраслью дел [4, т. 24, № 17609].

В результате реорганизации высших и центральных государственных учреждений было осуществлено создание стройной и значительно концентрированной системы управления. Ослабленный коллегиальный порядок уступил место новому – министерскому, бюрократическому, создание которого было завершено Александром I. Короткое правление Павла I не позволило полностью реализовать переход к министерской системе.

Реформирование системы местного управления, осуществленное Павлом I, было цельным, систематическим и планомерным и шло по нескольким направлениям: 1) перемены в административном делении [37, с. 12]; 2) упразднение средних инстанций и некоторые видоизменения в других учреждениях [32]; 3) замена выборных от дворян и горожан назначаемыми верховной властью чиновниками [4, т. 26, № 19543, 19763]; 4) формальное восстановление прежних привилегий южным, юго-западным и северо-западным губерниям [33].

Изучение административных реформ Павла I в целом позволяет сделать вывод, что император сделал принцип иерархии и центра-

лизации, олицетворенный в образе плаца, принципом правительственной организации, который буквально и сурово применялся во всем государственном аппарате. Серия мер заменяла коллегиальный принцип (там, где он еще существовал) единоличным; устанавливалось "преимущество лиц перед учреждениями" [12, л. 8 об.]. Выстраивалась железная линия подчинения: император – генерал-прокурор – министр (или управляющий соответствующим ведомством) – губернатор.

В соответствии с публично-правовой доктриной просвещенного абсолютизма, предполагающей необходимость законодательного определения права каждого "состояния" (сословия) и их взаимоотношений с властью, на рубеже XVIII-XIX вв. формируется правопорядок, в соответствии с которым "каждый из верноподданного Нам народа обращался в пределах званию и состоянию его предписанных, исполняя обязанности и удаляя всего тому противное, яко разрушающего порядок и спокойствие в обществе" [7, л. 38].

Судя по второй части проекта книги гражданских дел "О праве особенном относительно лиц, вещей и обязательств государственных жителей", разработанной Комиссией для составления законов Российской Империи, предполагалось оформить правовой статус дворянства ("лиц первого рода людей", и "сопричастных к первому роду людей"), горожан ("лиц среднего рода людей") и крестьян ("лиц нижнего рода людей") [34].

Наиболее почитаемым и исконно дворянским занятием считалась военная служба. В первую очередь законодательно были регламентированы внешние символы службы: мундиры и дисциплина. Офицеры и генералитет обязаны были являться на службу исключительно в мундире. Пресекая широко распространенную практику ношения мундиров помещиками, это право ограничивается оставленными со службы с высочайшим разрешением носить мундир. Уволенные со службы за провинности и нарушения были лишены этого права [19]. Губернаторы должны были строго следить за исполнением этого правила [35].

Важнейшим действием, направленным на формирование воинского правопорядка, стал смотр военнослужащих, проведенный 4 декабря 1796 г., по результатам которого были уволены все неявившиеся на действительную службу [4, т. 24, № 17620]. Впоследствии исключенных с военной службы запрещается принимать в любую службу [4, т. 24, № 18245]. Эти положения подтверждаются неоднократно в течение всех лет Павловского правления [4, т. 26, № 19508]. Одновременно ограничивается возможность отставки с военной службы зимним временем [22, с. 123].

Ужесточением дисциплины явились массовые увольнения по приказам императора на ежедневных вахтпарадах. Основными причинами увольнения в отставку среди высшего офицерства были болезнь или неприбытие в полк. Младшие офицеры отставались от службы за пьянство, дурное поведение и картежную игру, просрочку отпуска, долги или растрату казенных денег и имущества [36]. Согласно "приказам, отдаваемым при пароле", за неполных 5 лет павловского царствования было отставлено от службы 11 208 человек, то есть офицерский и генеральский корпус был обновлен почти дважды [23 – 27]. При этом совершенно не учитывались прошлые заслуги увольняемых лиц [37].

Дворянство являлось основным поставщиком кадров не только для офицерского корпуса, но и для бюрократического аппарата. Четырнадцатого августа 1798 г. было запрещено определять "в статскую службу из купеческого, мещанского и других подушные подати несущих звания без представления Сенату о надобности в оных" [4, т. 25, № 18622]. Вступление детей как личных, так и потомственных дворян в статскую службу требовало обязательного доклада императору [12, с. 145; 47, л. 274].

Стремление навести порядок в государственном аппарате обусловило высокую ротацию кадров в гражданской службе на рубеже XVIII-XIX вв. Анализ именных указов показывает, что в 1796-1801 гг. со службы было уволено 4 генерал-прокурора, 2 вице-канцлера, 1 государственный казначей, 25 президентов и вице-

президентов коллегий и лиц, к ним приравненных, 52 сенатора, 73 начальствующих лица губерний. Больше всего увольнений приходится на 1800 г. – 65 [19]. Поэтому можно сделать вывод, что вопросы кадровой политики стали приоритетными лишь тогда, когда стало ясно, как проводятся в жизнь реформы, кто тормозит их реализацию. Именно эти лица и увольнялись в первую очередь. В то время как положение среднего и низшего чиновничества было более стабильным.

Помимо государственной службы для "благородного сословия" существовала служба выборная. На рубеже XVIII-XIX вв. явно наблюдается тенденция на уравнивание выборной и государственной службы.

Губернским правлениям предоставляется власть замещать вакантные места, открывающиеся до выборов дворянства, по своему усмотрению [4, т. 24, № 18057]. В губерниях, где было недостаточное количество дворянства, губернаторы получили право замещать выборные должности "живущими там не у дел чиновниками" [38]. Предводителям дворянства разрешалось отлучаться от должностей лишь с ведома губернатора [4, т. 24, № 18062].

Гражданским губернаторам предоставляется право своей властью определять и увольнять земских комиссаров или исправников, присутствовать при дворянских собраниях "по делам общественным бывающим" [4, т. 25, № 18421].

Апофеозом в развитии законодательства на усиление зависимости дворянского самоуправления от государственного аппарата выглядит Указ 24 декабря 1797 г., упростивший и ускоривший порядок выборов [39]. Упрощение порядка выбора привело к ликвидации губернских собраний [28].

В случае если в губернии было недостаточное количество дворян, отвечающих необходимым требованиям, для проведения новых выборов, император распорядился оставлять на следующее трехлетие тех же дворян, которые уже занимают эти должности [40].

На рубеже XVIII-XIX вв. дворянская корпорация была трансформирована в узко-сословную. В этом можно увидеть коннотацию со средне-

вековыми рыцарскими орденами, которые занимались только делами своих членов, не вмешиваясь в государственную политику. Но одновременно была ликвидирована одна из основных привилегий дворянских корпораций – право представления верховной власти. Рядом указов было запрещено подавать на высочайшее имя любые прошения, "многими подписанные". Просьба монарху должна была подписываться лично индивидом с указанием не только фамилии, но и чина, должности и местожительства [4, т. 24, № 17955, 18020].

Если дворянин опорочил сословную честь, а тем более совершил уголовное преступление, он должен быть исключен из состава "благородных". Но осуществить это вправе только верховная власть на основании судебного решения [40]. Уже в декабре 1796 г. Павел стал впервые практиковать телесные наказания для лиц, лишенных дворянского звания [41, с. 492].

Решая задачу возвращения дворян на службу и придание дворянству особого привилегированного статуса, законодательство 1796-1801 гг. уделило большое внимание образованию дворянства. С этой целью создавались юнкерская школа при Сенате [7, с. 19], восстанавливалась Казанская гимназия [42], планировалось открытие Дерптского университета [4, т. 25, № 18953].

Особенно ярко продворянская направленность внутренней политики самодержавия конца XVIII в. проявилась в решении финансовых проблем, которые весьма обострились в связи с принимавшим массовый характер разорением сословия и, следовательно, ростом его задолженности [43].

В официальной правовой доктрине помещику отводилась роль своеобразного государственного чиновника, ответственного перед верховной властью за управление своими крепостными; отсюда и широкая практика передачи государственных крестьян в частное владение.

Помещик должен был отражать патерналистский образ императора: монарх – отец всех своих подданных, дворянин – отец своих крестьян, о которых он обязан заботиться и вести их к благоденствию. Отсюда понятным становится стремление создать образцовое крестьянское

хозяйство не только в казенной и удельной деревне, но и в помещичьем имении.

Особенностью социально-правового развития России, обусловленной расширением крепостнических отношений при зарождении и формировании капиталистического уклада, было формирование на протяжении XVIII в. городского сословия.

Несмотря на то что "Жалованная грамота городам" гарантировала определенные правовые гарантии городским сословиям, чтобы подчеркнуть зависимость горожан от верховной власти, были разрешены телесные наказания даже гильдейских граждан за уголовные преступления [4, т. 24, № 17916]. Без специального представления Сенату нельзя было зачислять купцов и мещан на государственную службу, что сопровождалось исключением из "подушного оклада" [4, т. 25, № 18622]. Для особо отличившихся купцов и купцов, ставших членами Коммерц-коллегии, было учреждено звание "коммерции советников" (8 класс Табели о рангах) [4, т. 26, № 19347]. При этом они сохраняли право заниматься торговыми операциями [4, т. 26, № 19555].

Созданное Жалованной грамотой городское общество, хотя и не получило развития на рубеже XVIII-XIX вв., но не было уничтожено, поскольку верховной власти было удобнее в некоторых вопросах иметь дело не с отдельным горожанином, а с обществом в целом. Для поддержания морального статуса купеческого общества исключенных из купеческого общества стали отдавать в рекруты, "с зачетом обществу складочных денег" [4, т. 24, № 18106]. Выезжая с целью профессиональной деятельности за пределы своих городов, купцы должны были получать паспорта, с уплатой пошлины. Под гарантию общества такие паспорта могли выдаваться и заочно [4, т. 25, № 18600], но только городом, к обществу которого они были приписаны [4, т. 25, № 18605]. Но в этом случае подать и недоимки за отсутствующего купца платило общество [4, т. 25, № 18605]. Купцы, уехавшие для торговли в другие города без получения паспорта, подлежали исключению из "звания гильдейского" [4, т. 25, № 18605].

По словам современного исследователя крестьянства России А.В. Борисовой, политика абсолютизма в отношении крестьянства на рубеже XVIII-XIX вв. шла в сторону "расширения круга вопросов крестьянской жизни и действительности, охватываемых законодательным, то есть непосредственно государственным, правовым регулированием" [44, с. 7].

Наиболее существенное значение для положения крестьянства имел объявленный в день коронации Павла I манифест, породивший много споров в историографии [41, с. 528-569]. Название "О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о непринуждении к работе в дни воскресные" возникло при кодификации для издания Полного собрания законов Российской империи. Из текста документа следует лишь запрет работы в праздничные и выходные дни ("никто ни под каким видом не дерзнул принуждать"), что в принципе повторяло нормы Соборного Уложения. Именно так он и разъяснялся в указе Сената "Об обнародовании Высочайшего манифеста 5 апреля 1797 г. относительно освобождения помещичьих крестьян от работ в воскресные дни" [45, с. 3]. Что же касается ограничения барщины, то о ней сказано только пожеланием, которое не предусматривает никаких наказаний в случае использования крестьян на барщине больше положенных дней. Исходя из патриархальных представлений, верховная власть пыталась распространить на помещичье хозяйство новые методы организации, реализовать идею "казенного попечительства" в каждое дворянское имение. Характер последующих указов, посвященных положению помещичьих крестьян подтверждает этот вывод [4, т. 25, № 18706].

Интересы "казенного попечительства" требовали наделения крестьян 15 дес. земли. Однако при высочайших пожалованиях дворянству обнаружилось, что крестьяне не обладают необходимым количеством земли. В этой связи император неоднократно указывает Сенату на необходимость обязательно соблюдать необходимую пропорцию, для чего "нарезать из казенных земель" [19, с. 208, 259, 319].

Второй группой крестьянства, которой было уделено пристальное внимание в законодатель-

стве рубежа XVIII-XIX вв., были удельные крестьяне. Начало этому было положено "Учреждением об императорской фамилии". Из восьми отделений этого документа половина посвящена изложению порядков функционирования органов управления крестьянами, определению экономического и юридического положения удельных крестьян. Изложенные здесь правила внутреннего сельского правления свидетельствуют о попытке царя в дворцовых имениях воплотить в жизнь идею казенного попечительства.

Вскоре после издания Учреждения составляются подробные описания удельных имений, включавшие сведения о количестве земли, оброчных статьях, крестьянских промыслах. Проведенная таким образом ревизия дворцового ведомства была малоутешительна. Выявилось хроническое крестьянское малоземелье – 4,2 дес. на мужскую душу [4, т. 25, № 18713, 18773, 19365, 19400]. Пытаясь найти выход из положения, Департаменту уделов было разрешено использовать казенные земли [36] или покупать необходимое количество земли у частных лиц [4, т. 24, № 18118; т. 26, № 19334].

Попытки увеличить наделы за счет земельных переделов большого успеха не принесли [46, с. 19]. Поэтому государство обратилось к внедрению в хозяйство передовых агротехнических приемов и методов [47]. В связи с проведением политики попечительства возникла необходимость не только в грамотных людях, но и в тех, кто получал бы более систематизированные знания о вводимых уделом в самых разных областях "новшествах". Через таких людей легче было бы проводить преобразования, они могли стать проводником новых идей в широкие крестьянские массы [48, с. 15].

Политика казенного попечительства ярко присутствует и в политике императора по отношению к государственной деревне. В 1797 г. была учреждена Экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранных колонистов и сельского домоводства, которая в общегосударственном масштабе поставила вопрос о необходимости унификации размеров крестьянских волостей и волостного управления. Седьмого августа 1797 г. был издан закон, подготов-

ленный Экспедицией, предусматривающий, что в волости не должно быть более 3 000 душ мужского пола – "для лучшего порядка в сельском управлении". Взамен сельских выборных органов, которые существовали на основании давнего обычая и были признаны действующим законодательством, были установлены волостные правления в составе волостного головы, старосты и писаря, избравшихся на волостных сходах крестьян-домохозяев. Волостной голова ведал все дела, "какие относятся до взаимных отношений между поселянами". Волостные правления были поставлены под контроль казенных палат, подчиненных Экспедиции государственного хозяйства [4, т. 24, № 18082].

Заинтересованность государства в сохранении численности государственных крестьян видна в политике дальнейшего стеснения и усложнения их перехода в другие сословия. Двадцать девятого декабря 1796 г. запрещалось записывать их в купечество, "доколе не исправят рекрутской очереди" [4, т. 24, № 17701].

Следующим шагом в отношении "казенных поселян" стало решение вопроса о создании экономически крепкого крестьянского хозяйства, способного обеспечить стабильные и растущие поступления феодальной ренты в казну государства. Основным условием феодального хозяйства было снабжение крестьянина землей. Двадцать седьмого ноября 1797 г. получает высочайшую конфирмацию доклад Сената, где за норму была принята величина надела в 15 дес. на ревизскую душу [4, т. 25, № 18256, 18925]. Недостающее количество земли должно было браться за счет использования "казенных пустопорожных земель" [49].

Острая нехватка земли в центральных губерниях страны заставила государство прибегнуть к переселению части казенных поселян в места, "землями обильными" [4, т. 26, № 19500, 19834]. При этом учитывалось желание крестьян осваивать новые земли и их агротехнические способности. Переселенцы должны были обеспечиваться всем необходимым за государственный счет [50, с. 37].

Расширение вовлеченности крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения приводит к тому, что император предпринимает ряд шагов по регулированию несельскохозяйственных занятий крестьян. В частности указ от 11 ноября 1797 г. не только разрешал казенным крестьянам заводить в их хозяйствах мельницы, но и закреплял их в собственности крестьян. Десятого января 1800 г. эта норма была распространена на экономических крестьян [30, л. 17]. Одновременно предпринята попытка юридически оформить оброчные повинности крестьян. Семнадцатого декабря 1800 г. принимается Указ "Об отдаче казенным крестьянам оброчных статей в число земли 15 дес. пропорции", закреплявший размер оброка, исходя из стоимости хлеба, который можно было произвести на 15 дес. земли [28].

Таким образом, в законодательстве рубежа XVIII-XIX вв. были сформированы теоретические представления об идеальном государственном устройстве, в котором вся полнота власти сосредоточена в институте неограниченного наследственного монарха, получившего власть от Бога и только перед ним подотчетного за свои действия. Высшие и центральные органы управления играют лишь роль помощников правителя по отдельным отраслевым сферам.

Все учреждения и сословия в государстве должны были зависеть от воли императора и беспрекословно выполнять все его распоряжения. Существование какого-либо государственного органа, сословия или подданного, независимого от монарха, невозможно. Поэтому, совершенно естественно, император имел право вмешиваться в социальную, экономическую, политическую и личную жизнь подданных в целом, и каждого из них в отдельности.

Придерживаясь полицейистского варианта просвещенного абсолютизма, который много внимания уделяет законодательному оформлению прав и обязанностей не только государства, но и подданных, были нормативно определены функции органов управления и правовой статус отдельных сословий, их место в социальной иерархии.

Список литературы

1. Омельченко О.А. Власть и Закон в России XVIII века. – М., 2004.
2. Скоробогатов А.В. Эволюция образа Петра I в политической культуре России XVIII века // Вестник Института экономики, управления и права / под ред. доц. З.А. Ахметьяновой. – Казань: Изд-во "Таглитат" ИЭУП, 2007. – С. 277-299. (Сер. 2 "Право". Вып. 8).
3. Омельченко О.А. Идеи конституционного закона и "всеобщей законности" в правовой политике "просвещенного абсолютизма" в России: неизвестный проект Екатерины II "О узаконениях вообще" // Проблема политической и правовой идеологии: сб. науч. ст. – М., 1989. – С. 71-108.
4. Полное собрание законов. – СПб., 1830. – 1-е собр. – Т. 24-26.
5. Болотов А.Т. Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла I // А.Т. Болотов. Памятник протекших времен / изд. П.С. Киселев. – М., 1875. – Ч. 2.
6. Скоробогатов А.В. Перезахоронение императора Петра III как культурно-исторический миф // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. – М., 2003. – С. 115-127.
7. Указы императора Павла Первого, самодержца Всероссийского [1797 г.]. – М., 1799.
8. Скоробогатов А.В. Указ о престолонаследии 1797 г. и проблема легитимации царской власти // Правовая реформа в России: история и современность: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Казань: Изд-во "Таглитат" ИЭУП, 2005. – Ч. 1. – С. 13-17.
9. Скоробогатов А.В. Коронация Павла I // Человек. – 2003. – № 6. – С. 147-156.
10. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог: Семитические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987. – С. 47-153.
11. Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца века // Из истории русской культуры. – 2-е изд. – М., 2000. – Т. 4: XVIII – начало XIX века. – С. 665.
12. Указы императора Павла Первого, самодержца Всероссийского [1796 г.]. – М., 1797.
13. McGrew R.E. Paul I and the Knights of Malta // Paul I: A reassessment of his life and reign / ed. by N. Ragsdale. – Pittsburgh, 1979. – P. 48-125.
14. Алексеев А.С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. – М., 1910.
15. Установление для Орденов Российских. – СПб., 1797.
16. Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. – М., 1999.
17. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона. – Т. 1 / изд. А.С. Трачевский // Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1891. – Т. 70.
18. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 10. – Оп. 1. – Ед. хр. 685.
19. Сенатский архив. – СПб., 1889. – Т. 1: Именные указы Павла I.
20. Санкт-Петербургские ведомости. – 1798. – 5 января. – № 2.
21. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 10. – Оп. 1. – Ед. хр. 694.
22. Устав полевой пехотной службы. – Смоленск, 1797.
23. Павел I. Всевысочайшие его императорского величества приказы, отданные со вступления его на Всероссийский престол. 1796 года. – [СПб., 1797].
24. Павел I. Всевысочайшие его императорского величества приказы, отданные на 1798 год. – [СПб., 1799].
25. Павел I. Всевысочайшие его императорского величества приказы, отданные на 1799 год. – [СПб., 1800].
26. Павел I. Всевысочайшие его императорского величества приказы, отданные на 1800 год. – [СПб., 1801].
27. Павел I. Всевысочайшие приказы, отданные на 1797 год. – [СПб., 1798].
28. Хавский П.В. Собрание Российских законов. – СПб., 1825. – Кн. 1. [Листы не нумерованы].
29. Архив Государственного Совета. – СПб., 1888. – Т. 2: Совет в царствование императора Павла I (1796-1801 гг.).
30. Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1.
31. Павел I. Рескрипты и записки государя императора Павла I к графу Аракчееву. – Б. м., [1824].
32. Скоробогатов А.В. Реформа городского управления Павла I // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI-XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции, Москва, 3-5 декабря 1996 г. – М., 1996. – С. 210-212.
33. Скоробогатов А.В. Управление западнорусскими землями на рубеже XVIII-XIX веков // Два века. Журнал российской истории XVIII-XIX столетий. – URL: http://www.dvaveka.pp.ru/Nomer7/skorob1_1.htm
34. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1259. – Оп. 1. – Д. 21.
35. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 2. – Ед. хр. 1321.
36. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 542. – Ед. хр. 665.
37. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 755. – Т. 3.
38. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 2. – Ед. хр. 1448.
39. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 1. – Ед. хр. 269.
40. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 3. – Ед. хр. 2159.
41. Ключков М.В. Очерки правительственной политики времени Павла I. – СПб., 1916.
42. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета. – № 4451. – Ч. 3.

43. Абрамова И.Л. Сословная политика Павла I: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1990.
44. Борисова А.В. Крестьянство России в конце XVIII – первой половине XIX вв.: текст лекций. – Ярославль, 2000.
45. Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отдел II. Дела и определения Правительствующего Сената. – СПб., 1909. – Т. 1: Дела Общих собраний Правительствующего сената. 1797 – март 1801 гг.
46. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – М., 1961. – Ч. 1.
47. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 3. – Ед. хр. 2293.
48. Котов П.П. Удельные крестьяне Севера. 1797-1863 гг. – Сыктывкар, 1991. – С. 15-17.
49. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 2. – Ед. хр. 1526.
50. Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отдел III: Дела Канцелярии Генерал-прокурора и Министерства юстиции. – СПб., 1910. – Т. 1: Дела канцелярии Генерал-прокурора за 1797 год.

В редакцию материал поступил 30.06.09.

Ключевые слова: политико-правовая доктрина Павла I, идеальное государственное устройство, монархическая власть.

УДК 343

А.А. ЮСУПОВ,
кандидат юридических наук

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ПРОБЛЕМЫ ЕДИНСТВА ПОНИМАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ

В статье анализируются различные подходы к определению юридического процесса и юридической процедуры. Рассматриваются существующие научные точки зрения на проблему соотношения "юридического процесса" и "юридической процедуры". Обосновывается необходимость широкого понимания юридического процесса как всех возможных процедурных, процессуальных проявлений права.

Категория "процедура" является одной из важнейших в юридической науке. Наличие процедурных механизмов характерно для социально-нормативного регулирования. Реализация практически всех разновидностей социальных норм нуждается в процедурах и соответствующих процедурных нормах. Ритуалы, церемониалы, иные обряды – все это виды процедур, связанные с социальной регуляцией.

Любая юридическая деятельность носит циклический характер, который выражается в ее процессуальности. Данное свойство облегчает ее построение именно как системы взаимосвязанных, следующих друг за другом действий (операций), подчиненных общей цели и приводящих к конкретному результату. В большинстве случаев эта циклическость опосредована процессуальными требованиями, которые устанавливаются официально.

Методологической основой широкого понимания процессуального права и юридического процесса в целом служит высказывание К. Маркса о том, что "материальное право имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы... Один и тот же дух должен осуществлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни" [1].

Исторически сложилось, что в ходе правового развития в связи со специфическими задачами выделились и формально определились

уголовный и гражданский процессы. Однако и в советское время, и тем более в условиях современной России анализ механизма правового регулирования позволил многим ученым выявить основания необходимости и целесообразности обособления иных видов процесса. Например, теоретически обосновано и нормативно закреплено выделение конституционного и административного процессов. То же самое можно сказать и об арбитражном процессе, который осуществляется самостоятельными судами в особом порядке, установленном Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации. По мере дальнейшего развития механизма правового регулирования появление новых видов юридического процесса – вполне закономерное явление. Право в целом, как и каждая его отрасль, существует постольку, поскольку это диктуется потребностями развития общества. Таким образом, концепция широкого понимания юридического процесса не противоречит методологическим основам понимания его сущности.

По поводу проблемы "единства процесса" в науке сложилась дискуссия, суть которой в общем виде состоит в том, что одна группа ученых признает проявления процессуального права только в регулировании деятельности суда по поводу рассмотрения и разрешения юридических дел [2], другая определяет процесс как все возможные процедурные, процес-

суальные проявления права и ограниченные рамками права [3].

В самом широком понимании, которое сложилось в отечественной юриспруденции, юридический процесс представлен как комплексная система органически взаимосвязанных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении юридических дел иных субъектов права, которая: а) выражается в совершении операций с нормами права; б) осуществляется уполномоченными органами и должностными лицами; в) закрепляется в соответствующих правовых актах; г) регулируется процедурно-процессуальными нормами; д) обеспечивается соответствующими способами юридической техники [3, с. 8].

Представители данного подхода к определению юридического процесса, руководимые профессором В.М. Горшеневым, выявили "генетические особенности" юридического процесса, которые наиболее ярко обнаруживаются в следующих основных аспектах: 1) он непосредственно проявляется в совершении операций с нормами права; 2) осуществляется только уполномоченными на то органами и должностными лицами; 3) связан с рассмотрением юридических дел; 4) в качестве последствий всегда выступают предписания обязательного характера; 5) вызывает потребность в особом уровне нормативной регламентации – процессуальном праве; 6) непосредственно связан с необходимостью использования различных правил и приемов юридической техники [4]. Сама процессуальная форма, присущая всякой деятельности по применению правовых норм, представляет собой юридическую конструкцию, воплощающую принципы наиболее целесообразной процедуры осуществления определенных полномочий [5].

Данные специфические свойства во многом определяют такое широкое восприятие юридического процесса, которое вмещает довольно многообразную и разнородную деятельность, отвечающую указанным правовым признакам, выходя за рамки судебной и административной юрисдикции. Отсюда логично вытекает мнение,

что юридический процесс следует именовать юридической процедурой [6, с. 40].

Следовательно, юридический процесс должен рассматриваться как последовательная смена каких-либо правовых явлений, состояний, возникающих в жизни общества и вызываемых юридически значимыми действиями, совершаемыми носителями публичной власти, гражданами и юридическими лицами. Такое движение юридических явлений, переход из одного юридического состояния в другое происходит в ходе правового регулирования государством общественных отношений [7, с. 119].

Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать отсутствие однозначно сложившегося восприятия категории "юридический процесс". Многообразие подходов к определению юридического процесса Е.Г. Лукьянова сводит к пяти основным направлениям, существующим в современной юридической науке:

а) как юрисдикционную и иную охранительную деятельность органов правосудия, направленную на разрешение споров о праве и осуществление правового принуждения в рамках правосудия и в связи с ним;

б) как юрисдикционную и иную охранительную деятельность уполномоченных органов государства и иных субъектов;

в) как всю правоприменительную и правотворческую деятельность компетентных органов ("организационные общественные отношения", складывающиеся в процессе правотворчества и правоприменения);

г) как процесс реализации материально-правовых норм безотносительно к формам такой реализации (в данном случае трудно определить границу между материальными и процессуальными явлениями в праве);

д) как любая юридическая деятельность государственных органов (правотворческая, правоприменительная, контрольная, учредительная, распорядительная) [6, с. 41-42].

На наш взгляд, последнее направление в понимании юридического процесса является наиболее целесообразным. Деятельность органов публичной власти немыслима без обле-

ния ее в заранее определенную форму. Порядок осуществления той или иной деятельности органами власти в рамках своих полномочий не может быть эффективно реализован, во-первых, без определения вектора направления, стадий, временных и прочих условий; во-вторых, без выражения того или иного действия в юридических актах, сопровождающих процессуальную форму; в-третьих, без возможности контроля со стороны государства и общества. Интересы отдельных граждан, общества, государства и призвано обеспечить процессуально-правовое регулирование.

Исходя из вышесказанного, мы поддерживаем мнение В.М. Горшенева, который выделяет следующие виды юридического процесса:

– **учредительный** – это специфическая деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по реализации норм материального права, устанавливающих их правомочия по формированию, ликвидации или преобразованию органов государства, должностных лиц и иных субъектов права;

– **правотворческий** – это специфическая деятельность уполномоченных органов и должностных лиц, состоящая из системы действий по подготовке, утверждению и официальному оглашению нормативно-правовых актов;

– **правоприменительный** (комплекс, который по своему объему является доминирующим в системе юридического процесса) – это специфическая деятельность уполномоченных органов и должностных лиц, по рассмотрению и разрешению самых различных индивидуальных дел, имеющих юридическое значение. Эта деятельность заключается в наделении одних субъектов правомочиями, в возложении на других юридических обязанностей, в разрешении споров о праве, в разбирательстве дел о правонарушениях, привлечении виновных к юридической ответственности;

– **контрольный** – это правовая форма деятельности государства, общественных организаций и должностных лиц, выражающаяся в совершении юридически значимых действий по наблюдению и проверке соответствия исполняемости и соблюдения подчиненными

субъектами нормативно-правовых предписаний и пресечении правонарушений [8].

В связи с этим представляется, что юридический процесс в наиболее широком понимании может быть определен как деятельность государства и муниципальных образований, других субъектов юридических отношений по выработке правовых норм и приведению их в действие в целях урегулирования жизни общества, обеспечения правопорядка, а в узком, практическом понимании – может быть представлен как совокупность совершаемых субъектами права в определенной последовательности связанных между собой юридически значимых действий, направленных в конечном итоге на нормативное регулирование какого-либо отношения или разрешение на основе норм материального права конкретного дела, и как совокупность возникающих на основе этих действий и в соответствии с процессуальными нормами правоотношений [7, с. 120].

Процессуальная деятельность требует специфической правовой регламентации посредством процессуально-правовых норм, которые закрепляют процессуальные формы, необходимые для существования материального права, и образуют в своей совокупности сферу процессуального права. Соотношение процессуального и материального права рассматривается как соотношение формы и содержания. Процессуально-правовые нормы служат формой реализации и проявления норм материального права. Особенности процессуального права определяются преимущественно потребностями технологии, организации процесса реализации норм материального права. Своеобразным является и предмет процессуального права, который включает в себя общественные отношения, возникающие в процессе реализации норм различных отраслей права [9]. Главная особенность процессуально-правовых норм – их субъективная ориентированность, обусловленная необходимостью осуществления юридической деятельности, тогда как материальные нормы права представляются объективными.

В литературе встречаются и особые мнения по поводу соотношения норм материального и

процессуального права. Так, В.Н. Протасов полагает, что "к материальным следует относить также те процедурно-процессуальные нормы, которые регламентируют порядок реализации материальных регулятивных норм (диспозиций материальных норм). С точки зрения близости к исходной социальной структуре эти процедурные нормы даже "более материальны", чем материальные охранительные (например, уголовно-правовые)" [10, с. 39]. Тем самым он выделяет из юридического процесса иные, чем правоприменение, формы реализации норм права. Отсюда, по его мнению, следует вывод о том, что процессуальные нормы – всегда процедурные, а материальные – могут быть процедурными, а могут и не быть связаны с процедурами [10, с. 40].

Е.Г. Лукьянова предлагает считать процессуальными нормами такие правовые нормы, которые представляют установленные государством общеобязательное правило поведения процедурного характера, регулирующие общественные отношения, складывающиеся в сфере юрисдикционной и иной охранительной деятельности уполномоченных субъектов [6, с. 179].

Р.В. Шагиева полагает, что под процессуально-правовыми в юридической литературе понимаются такие нормы, которые упорядочивают объективно обособившиеся сложные формы правоприменительной деятельности, необходимые для организации других, чаще всего материально-правовых норм [11].

Однако помимо собственно правоприменительной, процессуально-правовыми нормами регламентируются также иные виды юридически значимой деятельности, в том числе и правотворческая, учредительная, контрольная, а также иная правореализационная деятельность. Причем данный подход в последнее время имеет место не только в сфере исследования публично-правовых отношений, но и при изучении частного права. В ряде случаев он рассматривается в качестве правового заимствования. В качестве примера можно привести мнение М.Ю. Чельшева о том, что использование одних отраслевых правовых конструкций, приемов, механизмов осуществляется с известной

модификацией "чужеродной" отраслью. Так из публичного права в частное приходит организационный элемент – юридические процедуры. Соответственно, в отдельных подразделениях частного права происходит некоторая процессуализация (установление блоков процедурных, организационных норм). В частности, формирование различных юридических процедур характерно для того правового образования, которое иногда именуется корпоративным правом (совокупность норм о юридических лицах). Здесь имеют место различные юридические процедуры, закрепляемые соответствующими правовыми нормами, – реорганизации и ликвидации; связанные с управлением юридическим лицом (принятия решений тем или иным органом управления) [12].

С появлением муниципального права, преобразования низовых органов в муниципальные корректнее говорить о юридическом процессе как о властной деятельности публичной муниципальной власти. К тому же участниками процессуальных отношений являются и иные субъекты, интересы которых затрагивает осуществление власти (невластные субъекты: граждане, учреждения, предприятия и др.) [13, с. 7-8].

Процессуально-правовые нормы муниципального права призваны определить порядок (процедуру) выборов, нормотворческой, контрольной деятельности органов местного самоуправления, порядок принятия решений непосредственно населением муниципального образования по вопросам местного значения, процедуры реализации исполнительно-распорядительных полномочий органов местного самоуправления (правоприменения). Своеобразие процессуальных норм муниципального права состоит в том, что большая их часть содержится в нормативных актах органов местного самоуправления [14, 15, 16, 17].

Четкая процессуально-правовая регламентация призвана обеспечить эффективность реализации норм материального права. Как отмечал В.В. Лазарев, "роль процессуальных норм в обеспечении эффективности правоприменения состоит в том, чтобы существующие предпосылки обратить в средства эффективного правоприменения".

менения, со всей строгостью и определенностью указать наиболее целесообразный, экономичный, быстрый, безболезненный для интересов государства и граждан путь использования наличных факторов действительности в правоприменительной работе" [18].

Процессуально-правовые нормы, таким образом, служат своего рода необходимыми "юридическими проводниками" при совершении тех или иных правовых действий.

Вышеизложенное позволяет нам подробно рассмотреть соотношение понятий "юридический процесс" и "юридическая процедура", которые широко и порой неоднозначно используются в отечественной правовой доктрине. Так, на необходимость различия этих понятий особо обращал внимание еще С.С. Алексеев, который и высказал необходимость введения в теорию права понятия "юридическая процедура": "не всякая урегулированная правом процедура совершения юридических действий может быть признана процессом в специальном юридическом смысле" [19]. Подчеркивая нетождественность понятий "юридический процесс" и "юридическая процедура", он утверждал, что "юридический процесс – это не просто процедура, длящиеся, растянутые во времени юридические отношения, а особая процедура, которая является выражением специфических юридических режимов применения права" [20]. Данное обстоятельство сегодня подкрепляется ссылкой на п. 2 ст. 118 Конституции РФ, где записано, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. По мнению ряда авторов, это означает, что в современном праве есть всего четыре процессуальные формы. Следовательно, иные порядки юридической деятельности – не процессы, а процедуры [21].

В самом общем виде процедуру можно определить как порядок осуществления той или иной юридической деятельности [10, с. 69].

Некоторые правоведы заявляют, что не может быть принято понятие процесса, проводимое В.М. Горшеневым и последователями его школы, поскольку оно основано не на правовом

подходе, а на философском. Все призывы автора к ученым о великодушной щедрости друг к другу не смогут оторвать их от необходимости найти истину, и говорить друг с другом на одном языке, едиными терминами. В смысле данного понятия юридического процесса истина не на стороне данной правовой школы [22].

Итак, по мнению одной группы ученых, юридический процесс – это только юрисдикционная деятельность, связанная с разрешением споров, применением мер принуждения. Всякая иная регламентированная правом система действий положительного характера – юридическая процедура.

Шире и предметнее характеризуют роль процессуальных правил М.И. Байтин и О.В. Яковенко. Они указывают, что "юридический процесс и правовая процедура – явления соотносимые, тесно взаимосвязанные, но не идентичные. Понятие юридического процесса шире, ибо в одном случае оно может не совпадать с определенной комплексной правовой процедурой в целом (макропроцедурой), например, с изданием закона (ст. ст. 104-108 Конституции РФ), в другом – выступает как судебный процесс. Согласно п. 2 ст. 118 Конституции РФ, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, каждое из которых сочетается с соответствующими микро- и макроправовыми процедурами" [23].

Иного мнения придерживается Д.Н. Бахрах. Он пришел к выводу, что процедура – "понятие более широкое, чем юридический процесс... Юридический процесс – это разновидность процедур, причем наиболее совершенная. Процедура властной государственной деятельности становится ее наиболее совершенной формой – юридическим процессом, когда она регулируется правовыми нормами, и, что очень важно, регулируется полно, детально. Наличие отдельных и даже ряда процессуальных норм еще не превращает официальную процедуру в юридический процесс" [13, с. 8].

Ряд ученых, рассматривая соотношение юридического процесса и правовой процедуры, подчеркивают, что "процесс практически равнозна-

чен процедуре, между ними невозможно провести какую-нибудь разделительную грань" [24].

Сторонники широкого понимания юридического процесса как порядка деятельности компетентных органов государства, муниципальных образований и их должностных лиц по применению норм материального права, используют термины "процесс" и "процедура" как синонимы.

Если исходить из того, что юридический процесс представляет собой содержание юридической деятельности (внешняя форма), то внутренней формой этой деятельности выступает определенный порядок (процедура). Каждому процессу соответствует свой специфический порядок (процедура). Следовательно, сам процесс есть не что иное, как порядок (процедура) осуществления юридически значимых действий. Например, в юридической литературе, нормативных актах, на практике широко употребляются понятия законодательного, правотворческого, конституционного, управленческого, правоприменительного и прочих процессов. И наоборот, употребляют понятия законодательная, правотворческая, управленческая, судебная и иная процедура. "Норма", "правило", "предписание" определяют обычно друг через друга, взаимосвязывают друг друга. Точно так же, можно сказать, взаимозаменяемы "юридический процесс" и "юридическая процедура" [25].

Так, П.С. Элькинд, имея в виду, что внешнее сходство уголовно-процессуальной деятельности с процедурной деятельностью других форм, замечает, что "применительно к этой – внешней – форме уголовного процесса можно согласиться с авторами, отождествляющими понятия "процесс" и "процедура", полагающими возможным говорить о процессуальной деятельности всех органов государства, а не только органов судопроизводства" [26].

Юридической предпосылкой широкого понимания процесса является необходимость совершенствования механизма правового регулирования, повышения его эффективности. М.И. Байтин и О.В. Яковенко подчеркивают, что "закон без процедуры его реализации можно сравнить с птицей без крыльев. В каждом подобном слу-

чае действие закона заранее затруднено или вообще сводится на нет" [23, с. 93].

Как уже отмечалось, в настоящее время в рамках материального права растет число процессуальных норм, они более детально и полно регламентируют действия различных субъектов, что является отражением общих дифференцированных и интеграционных процессов в праве. В свою очередь, данные процессы очень тесно связаны с межотраслевыми связями разных правовых образований (институтов, подотраслей, отраслей, подсистем). Названные процессы способствуют установлению и развитию данных связей [12, с. 53; 27].

В этой связи Ю.А. Тихомиров считает, что "включение процессуальных норм в тексты статутных и тематических законов не исключает необходимости постепенного формирования общей отрасли – процессуального права" [28]. Задача состоит в научной разработке проблемы процессуальных норм применительно ко всем отраслям права, поскольку процессуальная форма присуща всякой деятельности по осуществлению материально-правовых норм. Регулятивная ценность права как такового не в последнюю очередь связана с процессуальным правом.

Как таковое, процессуальное право в широком смысле слова представляется как регламентация процедурно-организационной деятельности субъектов права, включая процессуальные формы, процессуальное производство, процессуальные стадии и процессуальный режим [29].

Подводя итог, мы убеждаемся в отсутствии однозначного восприятия категории "юридический процесс". Многообразие подходов к определению юридического процесса можно связать, во-первых, с юрисдикционной и иной охранительной деятельностью органов правосудия, уполномоченных органов государства, во-вторых, с правоприменительной и правотворческой деятельностью компетентных органов, в-третьих, с процессом реализации материально-правовых норм безотносительно к формам такой реализации, в четвертых с любой юридической деятельностью государственных органов (правотворческая, правоприменительная, контрольная, учредительная, распорядительная).

При этом, на наш взгляд, последнее направление в понимании юридического процесса является наиболее целесообразным.

Деятельность органов публичной власти немыслима без облечения ее в заранее определенную форму. Данное положение определяет в демократическом соответствии этой деятельности законодательству, контролируемость, защищенность граждан от произвола чиновников, противозаконных репрессивных мер. Порядок осуществления той или иной деятельности органами власти в рамках своих полномочий не может быть эффективно реализован, во-первых, без определения вектора направления, стадий, временных и прочих условий; во-вторых, без выражения того или иного действия в юридических актах, сопровождающих процессуальную форму; в-третьих, без возможности контроля со стороны государства и общества. Интересы отдельных граждан, общества, государства и призвано обеспечить процессуально-правовое регулирование.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать что существуют такие виды юридического процесса, как учредительный, правотворческий, правоприменительный, контрольный.

Данные специфические свойства во многом определяют такое широкое восприятие юридического процесса, которое вмещает довольно многообразную и разнородную деятельность, отвечающую указанным правовым признакам, выходя за рамки судебной и административной юрисдикции. Отсюда логично вытекает, что юридическая процедура – понятие более широкое, чем юридический процесс. Юридический процесс – это наиболее совершенная разновидность процедур. Процедура властной государственной деятельности становится ее наиболее совершенной формой – юридическим процессом, когда она регулируется правовыми нормами, и, что очень важно, регулируется полно, детально. Наличие отдельных и даже ряда процессуальных норм еще не превращает официальную процедуру в юридический процесс.

Таким образом, с учетом рассмотренных выше положений, мы можем вывести следующее общее понятие юридического процесса: **юридический процесс – это установленный**

процессуальными нормами права, содержащимися в нормативно-правовых актах органов государства и местного самоуправления, порядок осуществления юридической деятельности компетентных государственных, муниципальных органов, а также их должностных лиц по применению норм материального права, как наиболее совершенная разновидность юридических процедур.

Созвучно этому и определение юридического процесса, данное В.И. Леушиным. Он определяет его как "урегулированный процессуальными нормами порядок деятельности компетентных государственных органов, состоящий в подготовке, принятии и документальном закреплении решений общего или индивидуального характера" [30, с. 395]. Важным является и мнение В.И. Леушина, что близким юридическому процессу по значению является термин "процедура" [30, с. 393-394].

В конечном счете, для выявления соотношения важно не изолированное понятие "процесс", "процедура", а то содержание, которое в каждом конкретном случае вкладывается в эти понятия. Именно порядок деятельности по применению норм материального права и является тем обстоятельством, которое "роднит" юридический процесс и юридическую процедуру [31].

Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, обусловлена, во-первых, тем, что юридическими процессами традиционно принято считать только уголовный и гражданский процессы, в ряде случаев признается существование административного и конституционного процессов; во-вторых, в юридической науке традиционно отсутствует общая процессуальная теория, позволяющая единообразно определить такие понятия, как "юридический процесс", "юридическая процедура", "процессуальная форма", "процессуальное производство", "процессуальная стадия" и т.д.; в-третьих, содержание этих понятий нормативно не определено, правом не закреплено. Отсюда понимание содержания этих терминов зависит от укоренившегося взгляда, позиции ученого, приверженности его к той или иной научной школе, контекста исследуемого нормативно-правового материала и т.д.

Список литературы

1. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – С. 158.
2. Судебное право / под ред. В.М. Савицкого, А.М. Ларина. – М., 1981.
3. Теория юридического процесса: учеб. пособие / В.М. Горшенев, В.Г. Крупин, Ю.И. Мельников и др.; под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Вища школа, 1985.
4. Горшенев В.М. Природа юридического процесса как комплексной системы // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: сб. науч. тр. / под ред. Э.А. Пушмина. – Ярославль: ЯрГУ, 1980. – С. 3-15.
5. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под общ. ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. – М.: Юрид. лит-ра, 1976. – С. 12, 13.
6. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М.: Норма, 2003.
7. Гадьяльшина З.И. О некоторых актуальных проблемах административно-процессуального права // Актуальные проблемы юридической науки и образования на современном этапе. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – С. 119.
8. Горшенев В.М. О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: сб. науч. тр.; под ред. В.М. Горшенева. – Вып. I. – Ярославль: ЯрГУ, 1979. – С. 3-10.
9. Сенякин И.Н. Понятие и структурные элементы системы права / Общая теория государства и права. Академический курс: в 3-х т. – 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. М.Н. Марченко. – Т. 2. – М.: ИКД "Зерцало", 2001. – С. 334-335.
10. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. – М.: Новый Юрист, 1999.
11. Шагиева Р.В. Процессуально-правовые нормы и их реализация в социалистическом обществе. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. – С. 17.
12. Чельшев М.Ю. О методе правового заимствования в частном и публичном праве // Актуальные проблемы частноправового регулирования: мат-лы IV Всерос. науч. конф. молодых ученых (Самара, 23-24 апреля 2004 г.). – Самара: Самарский ун-т, 2004.
13. Бахрах Д.Н. Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. – 2000. – № 9.
14. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – С. 20, 22.
15. Емельянов Н.А. Местное самоуправление в России: теория и практика. – М.: Юрайт, 1999. – С. 24.
16. Кокотов А.Н. Муниципальное право в российском праве: понятие, назначение и структура // Известия ВУЗов "Правоведение". – 2004. – №3. – С. 60-62.
17. Костюков А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права (предмет, принципы, режимы, конструкции, система): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – 41 с.
18. Лазарев В.В. Значение процессуальных норм в обеспечении эффективной деятельности правоприменительных субъектов // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: сб. науч. тр.; под ред. В.М. Горшенева. – Вып. I. – Ярославль: ЯрГУ, 1979. – С. 18.
19. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. – М.: Юрид. лит-ра, 1971. – С. 122-123.
20. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 237.
21. Зайцев И.М., Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: понятие, содержание, значение // Государство и право. – 1995. – № 2. – С. 48.
22. Демин А.А. Теория административного процесса: соотношение материального и процессуального права / Юридический процесс: реформа процедур управления, законодательной деятельности и судебной власти. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996.
23. Байтин М.И., Яковенко О.В. Теоретические вопросы правовой процедуры // Журнал российского права. – 2000. – № 8.
24. Лучин В.О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. – М., 1976. – С. 25.
25. Мельников Ю.И. К вопросу о соотношении "юридического процесса" и "юридической процедуры" // Актуальные проблемы теории правовой системы общества: сб. науч. трудов; отв. ред. В.Н. Каргашов. – Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 2001. – Вып. 1. – С. 11-12.
26. Элькин П.С. Категории "содержание" и "форма" в сфере уголовно-процессуального регулирования // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж, 1979. – С. 43.
27. Пискотин М.И. Советское бюджетное право. – М., 1971. – С. 52.
28. Тихомиров Ю.А. Публичное право. – М.: Бек, 1995. – С. 338.
29. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд. – М.: Юрист, 2000. – С. 408.
30. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. – М.: Норма-Инфра-М, 1997.
31. Мельников Ю.И. К вопросу о соотношении "юридического процесса" и "юридической процедуры" // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: сб. науч. тр.; под ред. В.М. Горшенева. – Вып. I. – Ярославль: ЯрГУ, 1979. – С. 13.

В редакцию материал поступил 29.06.09.

Ключевые слова: юридическая процедура, юридический процесс, юридическая деятельность, процессуально-правовая регламентация.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.55

В.М. ЗАХАРОВ,

начальник отдела правовой экспертизы

Правовое управление исполнительного комитета г. Набережные Челны

К ВОПРОСУ О "ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ" И "НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ" ПОЛНОМОЧИЯХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность органов местного самоуправления, вопросы разделения полномочий между федеральным правительством, руководством субъекта Федерации и муниципальными органами.

В Российской Федерации почти два последних десятилетия интенсивно развивается и реформируется система местного самоуправления (далее – МСУ). Поиски его организационно-правовых форм еще ведутся и не привели к окончательному решению. Это побуждает включиться в общественную дискуссию о выработке наиболее оптимальных форм МСУ, расширения форм непосредственной демократии, соотношения государственных и местных полномочий, взаимодействия муниципальных и государственных органов, а также "прямых" и "представительных" форм МСУ и т.п.

Одним из ключевых аспектов научно-теоретического осмысления возможных путей преобразования общества на основе общественно-го самоуправления долгое время являлся объем компетенции представительных органов МСУ и ее разграничение с полномочиями местной государственной власти. Представляется, что эта проблема в основном нашла свое разрешение с помощью Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г., в котором делегируемые

государством полномочия получили необходимое урегулирование как с организационной, так и с финансовой стороны. Это позволило снять потенциальную правовую коллизийность и, следовательно, остроту данного вопроса.

В самом деле, совершенствуется юридическая база данного института власти. Оптимизируется не только основополагающий закон о местном самоуправлении, но и отраслевое законодательство. Едва ли не каждый принимаемый федеральный закон, регулирующий вопросы экономики и управления, содержит и нормы о местном самоуправлении, точнее, его участии в общегосударственных процессах¹. Ими определяется круг задач МСУ, объем правовых

¹ Упомянем, например, Земельный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ, Федеральные законы "Об экологической экспертизе" 1995 г., "О защите прав потребителей" 1996 г., немалый ряд других федеральных, а также региональных законов. Например, в 2004 г. в Санкт-Петербурге был принят закон "Об участии граждан и их объединений в обсуждении и принятии решений в области градостроительной деятельности на территории Санкт-Петербурга и т.п.

полномочий, равно как и сами формы правовых актов, которые муниципальные органы вправе принимать самостоятельно. Заметим, что практически любой аспект муниципальной проблематики, будь то по линии МСУ – государство или по линии представительных органов МСУ – непосредственные формы народовластия (сходы, конференции, публичные слушания, Территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС) и др.), так или иначе упирается в вопросы разграничения полномочий.

Действительно, вопрос о разделении функциональных обязанностей между федеральным правительством, руководством субъекта Федерации и муниципальными органами – это вопрос эффективности функционирования всей системы властных отношений. Проблема разграничения полномочий в треугольнике между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти имеет первостепенное значение для нормального функционирования всех социально-административных механизмов, то есть решения повседневных жизненно важных вопросов. В их числе вопросы здравоохранения, культуры, коммунального хозяйства, защиты окружающей среды, среднего и высшего образования и десятки других. Справедливо принято считать, что разграничение полномочий по этой вертикали – самая актуальная и узкая проблема в процессе развития местного самоуправления в РФ [1]. Многообразная социальная практика заставляет бесконечно возвращаться к вопросам взаимозависимости и переплетения полномочий муниципальных структур и государственных органов власти, ибо в зависимости от объема полномочий местное самоуправление выступает либо как негосударственное и общественное образование, либо как представитель государства на местах. Не будет большим преувеличением сказать, что в зависимости от качества выполняемых задач орган МСУ пользуется либо большей, либо меньшей популярностью у местного населения.

Представляется, что в первом случае, то есть как общественный орган, МСУ выражает интересы в первую очередь местного населения, то есть данного населенного пункта, поселения,

многоквартирного дома, подъезда и т.п. А во втором случае на первый план выдвигаются интересы общегосударственного характера, и с точки зрения местного населения они могут быть даже не всегда популярными. Например, МСУ осуществляет призыв в российскую армию. Однако едва ли местное население считает эту деятельность местной власти выражением наиболее насущных ее потребностей. Скорее, отдаленных и далеко не насущных.

С другой стороны, нет сомнений, что такие, например, функции местных представительных органов, как обеспечение льготного питания в школах, обустройство местной территории, строительство больницы, открытие стоматологического кабинета и т.п., вызовут сравнительно более высокие симпатии со стороны местных жителей. Соответственно, и местное население не допускается к участию в осуществлении представительными органами МСУ государственных полномочий и выполнению государственных задач. Тем более, непосредственное участие жителей того или иного населенного пункта ориентировано главным образом на дела местного масштаба.

В этом видится еще одна сторона того качественного различия, которое существует между органом МСУ как исполнителем государственных задач и МСУ как общественной организацией. Оно выражается не только в большей или меньшей поддержке населением деятельности, осуществляемой органом МСУ, но и в уровне задач, в решении которых допускается участие местного населения. Кроме этого, имеется ряд других аспектов в проблеме осуществления населением непосредственного самоуправления. Поэтому остается еще ряд аспектов законодательного оформления и практической реализации МСУ, требующих обсуждения и, возможно, реформирования. Одним из таких дискуссионных аспектов остается проблема форм и методов непосредственной демократии.

В российской научно-монографической литературе имеется уже большое количество работ по правовым проблемам местного самоуправления и управления. Заметим, что серьезные исследования этих аспектов проводились еще

в советский период. Назовем, например, монографии А.А. Мишина ("Правовое регулирование системы органов местного управления США на современном этапе" // Государственно-правовое развитие зарубежных стран в 70-80-е годы". – М., 1986), Г.В. Барабашева ("Муниципальные органы современного государства (США, Великобритания). – М., 1971), В.Н. Моргачева (1987), Н.С. Крыловой, Л.П. Павловой (1977), А.А. Транина (1984), Н.С. Тимофеева (1982) и др. Не менее значимый вклад в научно-теоретическую разработку указанных проблем МСУ в Российской Федерации внесли работы С.А. Авакьяна, Л.А. Велихова, А.Г. Воронина, В.И. Васильева, А.В. Глухова, В.Б. Евдокимова, Н.А. Емельянова, Т.А. Козловой, Ю.М. Козлова, А.Н. Кокотова, Л.П. Куракова, О.Е. Кутафина, В.А. Лапина, А.И. Лукьянова, Г.С. Михайлова, Л.А. Окунькова, М.И. Пискотина, Я.Ю. Старцева, В.Е. Севрюгина, Ю.А. Тихомирова, В.И. Фадеева, М.Х. Фарукшина, К.Ф. Шеремета, А.Н. Широкова, А.И. Черкасова, В.Е. Чиркина, Г.Н. Чеботарева и многих других авторов.

В числе работ по проблемам МСУ следует отметить и комментарии к законодательству по МСУ, внесшие немалый вклад в освоение данной проблематики. Среди них, например, выпущенные под редакцией Ю.А. Тихомирова и Л.А. Окунькова [2, 3, 4, 5]. Обзор российских работ по муниципальному праву показывает, что формам осуществления населением непосредственного самоуправления уделяется все же недостаточно внимания. Так называемая "собственная компетенция" МСУ в таких работах также ограничивается в основном сферой компетенции лишь представительных органов местной власти. Что касается самого низшего звена МСУ, то есть форм непосредственной демократии, то они и вовсе редко рассматриваются в этом ракурсе. В большинстве случаев ТОС, публичные слушания, сходы, конференции и прочие формы самостоятельной деятельности и волеизъявления граждан рассматриваются в функциональном единстве с деятельностью представительных органов МСУ. Принято считать, что они являются составной частью "собственных" полномочий муниципальной влас-

ти. Видимо, по этой причине соотношению полномочий по линии "представительные" и "непосредственные" (назовем их для краткости так), как правило, не уделяется должного исследовательского внимания. Главной темой остается, на наш взгляд, проблема соотношения "государственных" и "собственных" полномочий МСУ.

Однако нельзя не видеть, что законодательство, регулирующее правовые возможности населения принимать непосредственное участие в самоуправлении, остается в определенной мере пробельным и требующим дальнейшей конкретизации, особенно процессуально-процедурных вопросов – в русле облегчения населению возможностей пользования своими правами на сходы, конференции, ТОС и т.п., равно как и возможности учета мнения местного сообщества представительными органами локальной власти. Методы формирования, толкования и реализации собственной компетенции муниципальных органов в указанной сфере не стали пока предметом всестороннего критического анализа. Мало уделяется внимания нормам права, которыми регулируются формы, порядок и правила осуществления населением самоуправления деятельности, объем правовых полномочий населения осуществлять самоуправление самостоятельно и непосредственно, гарантии и способы их реализации. Существует определенная известная рассогласованность между так называемой "государственной" концепцией МСУ и "общественной".

"Государственная" концепция местного самоуправления не согласуется с тем фактом, что у местного самоуправления есть множество сугубо внутренних собственных задач, ограниченных размером и спецификой внутреннего устройства поселения, подъезда, либо иной территории, их исторически сложившимися традициями и возможностями. Решая их, избранные органы МСУ не связаны рамками государственного задания, включая и его финансирование. Тот факт, что муниципальные органы входят в систему госорганов на местах, поскольку они выполняют, как сказано в Европейской Хартии 1985 г., "значительную часть государ-

ственных дел", не меняет его базового статуса – общественного образования. Но и считать органы МСУ только общественными и независимыми от государства тоже было бы необъективно.

В пользу концепции "общественного" характера МСУ свидетельствует в том числе и тот факт, что в решении местных вопросов современное российское законодательство предусматривает повышение роли самого населения. При этом предусматривается участие прямое и не опосредованное представительными органами МСУ, что свидетельствует о его наиболее демократичном, то есть "низовом" уровне, не обюрокращенном никоим образом. Довольно широкие возможности населения проявлять общественную инициативу самостоятельно, без посредничества каких-либо представительных структур власти, свидетельствуют в пользу существования местного самоуправления особого, т.е. самого низшего уровня. Те или иные общественные инициативы, проявляемые группами населения, бывает не только трудно, но порой невозможно спрогнозировать и включить в "план мероприятий", скажем, на очередное полугодие. Тем более сложно потребовать отчета за проведенное населением мероприятие.

Однако при всей спонтанности, которая присутствует в случаях непосредственной демократии, российский законодатель, как представляется, пошел по пути максимально возможной формализации столь неформальных изначально инициатив местных жителей. Это наводит на размышление о том, насколько действующий закон реально, а не формально дает возможность населению самому блюсти свои собственные местные интересы. Не пытается ли государство контролировать местные социальные процессы и участвовать в местных делах не только напрямую, то есть от себя лично, но и косвенно – через представительные органы МСУ? Некоторые из них, как известно, приравниваются законом к государственным служащим и по понятным причинам являются проводниками интересов, главным образом, государства. В исследовании на основе нормативно-правового анализа показывается, каким образом даже в столь низовых и спонтанных ме-

роприятиях, какими являются сходы, конференции, ГОСы и т.п., представительные органы местного самоуправления контролируют инициативы снизу, а в конечном счете, и легализуют принятое населением решение.

При этом само решение, как правило, принимается лишь в качестве рекомендации или "учитывается". И порой остается неясным, сколько в процентном отношении голосов участвующих в мероприятии требуется, чтобы оно гарантированно было положено в основу будущего решения и исключило возможность его нарушения муниципальными органами (выносящими окончательное решение). Понятно, что такая неопределенность дает муниципальной администрации право отклонить (не "учесть") мнение населения, даже при его абсолютном перевесе над противоположным. Пока же такой "неучет" даже подавляющего мнения будет считаться вполне законным, разве что несколько неэтичным.

Как федеральное законодательство, так и региональное (субъектов федерации) дает массу нормативного материала, позволяющего прийти к таким выводам. Так, если обратиться к такой форме непосредственного осуществления населением самоуправления, как ГОС, то мы увидим немалое количество процессуально-процедурных сложностей, которые, как можно утверждать, не облегчают, а лишь осложняют населению реализацию их инициатив. Анализ определенных норм позволяет говорить даже не об осложнении, а о невозможности их реального воплощения.

Так, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (далее – ФЗ № 131) [6, 7] в формулировке полномочий муниципалитетов в значительно большей степени, чем предыдущие законы, ориентирован на такой аспект местного народовластия, как разграничение полномочий и предметов ведения внутри муниципальных образований. Территориальное общественное самоуправление как одна из форм участия населения в местном самоуправлении, согласно статье 27 ФЗ № 131, имеет в своем арсенале такую

форму непосредственного осуществления населением самоуправления, как "проведение собраний и конференций граждан". Однако при этом закладывается такая жесткая регламентация, что ни жители подъездов, ни жители многоквартирных домов не прибегают к этой довольно сложной форме решения собственных вопросов.

Во-первых, регламентировано, что границы территории, на которой осуществляется ТОС, устанавливаются не самими гражданами, а представительным органом поселения по предложению проживающего в нем населения. Процедура легализации его деятельности требует избрания уполномоченных лиц, то есть органа ТОС, разработки устава ТОС, и, наконец, его регистрации (в качестве юридического лица – некоммерческой организации). Заметим, что порядок регистрации устава ТОС определяется уставом самого муниципального образования или нормативными актами его представительного органа. Устав должен содержать массу положений, сформулировать которые неспециалист не в состоянии. Не менее сложна и процедура приобретения правомочности высшими органами ТОС. Ими закон признает собрание или конференцию² граждан. Они становятся правомочны лишь в том случае, если: в собрании участвует не менее половины жителей, достигших 16-летнего возраста, а для конференции требуется участие не менее двух третей делегатов, избранных на предшествующих собраниях. То есть необходимо избрать еще и делегатов. Для текущей деятельности, как правило, создаются органы территориального общественного самоуправления, которые избираются на собраниях или конференциях граждан [8].

Правда, косвенная подконтрольность ТОС муниципальным органам может быть оправдана тем, что гражданам предоставлена возможность осуществлять эту деятельность за счет бюджетных средств. Кроме отчетности о расходовании выделенных средств [9], в законе не определены формы взаимоотношений органов

МСУ и ТОС, за одним исключением – последние могут вносить в органы местного самоуправления проекты муниципальных правовых актов. Правда, и эта деятельность требует профессиональных навыков. Следовательно, несмотря на то, что ТОС наделяется лишь частноправовым статусом юридического лица, его формализация может стать непреодолимым препятствием для такой деятельности в целом. Практика Казани и Набережных Челнов, в частности, показывает, что жители крайне редко прибегают к организации ТОС для осуществления своих интересов.

Система ТОС, по существу, воспроизводит двухуровневое местное самоуправление, в котором оба уровня отделены друг от друга формальностями, отчетностью перед представительными исполнительными органами. ТОС также нуждается в легализации своей деятельности со стороны муниципальной бюрократии. Другими словами, оба уровня не дополняют друг друга, а воспроизводят иерархические и лицензионные взаимоотношения частных лиц и государства. Этот факт не добавляет аргументов в теорию общественного статуса МСУ.

Эти процессуально-процедурные сложности могут оказаться непреодолимой преградой для собравшихся граждан, что в свою очередь существенно снижает потенциал демократизма властного института. А он, как известно, предполагался уже в силу самой идеи местного самоуправления.

Другая форма непосредственной демократии – местный референдум. Она гарантируется Федеральным законом от 12.06.2002 № 67 "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ". Но в то же время закон содержит множество отсылок к уставам МСУ, что уже усложняет процедуру прямого волеизъявления. В частности, он перекладывает определение вопросов, подлежащих решению на местном референдуме, на уставы муниципальных образований. Условия и процедуры проведения местного референдума также регулируются уставами. Следовательно, порядок и правила проведения таких референдумов могут изменяться от му-

² Под конференцией граждан законом понимается собрание делегатов. – Ст. 30 ФЗ № 131.

ниципалитета к муниципалитету. А общее право, данное федеральным законом, может образовать "местными особенностями". Думается, что референдум как основная форма демократии должен иметь единые общероссийские гарантии.

В качестве следующего примера обратимся к следующей форме непосредственного народовластия – публичным слушаниям. Согласно норме статьи 28 ФЗ № 131 для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования представительным органом муниципального образования главой муниципального образования могут проводиться публичные слушания. Они проводятся по инициативе населения, представительного органа муниципального образования или главы муниципального образования. Но остается нераскрытым вопрос, как при этом учитывается мнение населения, высказанное на публичных слушаниях.

Ответ на это можно получить из отраслевых законов. Например, Градостроительный кодекс РФ конкретизирует это общее правило и устанавливает четкую процедуру, согласно которой "представительные органы поселений, городских округов, муниципальных районов на основании представления главы муниципального образования и с учетом протоколов и заключений публичных слушаний принимают решение об утверждении проекта генерального плана поселения, городского округа, проекта схемы территориального планирования муниципального района или об отклонении и направлении их на доработку в соответствии с заключениями публичных слушаний"³. Из данной нормы также видно, что "протоколы и заключения публичных слушаний" лишь "учитываются" представительными органами МСУ, а не кладутся в основу. В основу же, согласно данной норме, кладется представление главы муниципального образования.

Этот факт серьезно ослабляет и данный институт народовластия. Поэтому едва ли можно разделить оптимизм некоторых авторов, которые не всегда вдаются в указанные "детали" и утверждают, что в содержание права на самоуправление входит самостоятельность в принятии правовых норм, решении кадровых вопросов, финансовых вопросов и "самостоятельность в вопросах управления, то есть возможности принимать и исполнять решения" [10]. При столь общем взгляде на принятие и исполнение решений МСУ невозможно уяснить, насколько их содержание отражает первичное мнение населения. Другими словами, насколько конечное решение МСУ демократично принято и не стало ли оно лишь результатом воли представительных органов МСУ. Такая проблема очевидна. Но решается она, к сожалению, не реформированием законодательства, а самим населением, то есть самой банальной пассивностью. Представляется, что именно низкая инициативность граждан гасит возможные противоречия с представительными органами уже на ранней стадии процесса волеизъявления.

В то же время нельзя не признать, что все чаще в принимаемых законах РФ закрепляются правовые нормы, устанавливающие требования, чтобы каждое социально значимое решение органа муниципального образования пропускать через механизмы общественного согласования [11]. В целом современное законодательство предоставляет гражданам и общественным объединениям весьма широкий круг форм для осуществления местного самоуправления и контроля над ним через муниципальные органы и их должностных лиц. Среди этих форм: правотворческая инициатива граждан, публичные слушания, опросы граждан, собрания (конференции, сходы) граждан, письменные и устные обращения граждан в органы местного самоуправления, наказания избирателей, народное обсуждение проектов муниципальных правовых актов, отчеты депутатов перед избирателями, отчеты органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением, митинги и демонстрации, шествия и пикетиро-

³ См. статьи 18-25 Градостроительного кодекса РФ.

вание, а также иные виды деятельности, не противоречащие законодательству. Заметим, что Конституция РФ не содержит исчерпывающего перечня форм прямого народовластия. Это открывает простор зарождения и любых других форм непосредственного самоуправления, не противоречащих Конституции, федеральным и региональным законам РФ. Инициативу населения в выборе наиболее подходящего способа решения местных вопросов основной закон страны не ограничивает и ничем не обуславливает. Российская и зарубежная практика работала и уже предложила целый ряд способов непосредственного участия населения в самоуправленческой деятельности. Например, только один их вид – организация публичных слушаний – может осуществляться в таких разных вариантах, как:

1) единовременное приглашение общественных деятелей – руководителей некоммерческих организаций, ТОС и ТСЖ и представление им проекта нормативного акта – такая схема, например, реализована в г. Новосибирске;

2) создание из представителей некоммерческих организаций общественной палаты, которая и будет проводить общественные слушания. Пример – г. Северодвинск;

3) специальные процедуры, имеющие западные аналоги, например, жюри граждан или гражданский "воркшоп"⁴ (семинар).

В деятельность инициативных групп местного населения не запрещается вовлекать и общественные объединения, которые уже в силу своих уставных целей и действующего законодательства обязаны осуществлять специальный контроль в тех или иных сферах деятельности. Например, профсоюзные организации, имеющие право осуществлять контроль над соблюдением работодателями, должностными лицами законодательства о труде и создавать для этих целей собственные инспекции труда [12].

Это могут быть и общественные объединения потребителей, которые вправе проводить независимую экспертизу качества и безопасности товаров (работ, услуг) и проверять соблюдение прав потребителей и правил всех видов обслуживания [13]. Не возбраняется сотрудничество и с общественными организациями, основными уставными целями которых является охрана окружающей природной среды. Например, в деле проведения общественной экологической экспертизы [14].

Следовательно, по нашему мнению, главным средством повышения эффективности указанных видов деятельности остается все же не законодательная ограниченность форм, в которых может выражаться инициатива самого населения. Представляется, что действенность общественного контроля над принятием нужных населению решений прямо зависит от становления в муниципальных образованиях сильных местных сообществ, от стимулирования и развития общественной активности граждан.

Список литературы

1. Мокрый В. Внести поправку может каждый // Муниципальная власть. – 2001. – № 4. – С. 13.
2. Комментарий к Федеральному закону "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Издат. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
3. Конституции государств Европейского Союза / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: Издат. группа ИНФРА М-НОРМА, 1997.
4. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л.А. Окунькова // Справочно-правовая система "Гарант".
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ "Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам" // Справочно-правовая система "Гарант".
6. Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; 2004. – № 33. – Ст. 3368; 2005. – № 1. – Ст. ст. 9, 12, 25, 37; № 17. – Ст. 1480; № 27. – Ст. 2708; № 30. – Ст. ст. 3104, 3108; № 42. – Ст. 4216.
7. Российская газета. – 2005. – 30 дек., 31 дек.; 2006. – 8 февр., 18 февр.
8. Широков А. Организационные формы участия населения в осуществлении местного самоуправления // Муниципальная власть. – 2004. – Сентябрь-октябрь. – С. 97.
9. Мирошниченко Е.В. Организационные формы осуществления местного самоуправления: новый этап развития // Законодательство. – 2005. – № 4. – С. 57.

⁴ Публичные слушания. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%81%D0%BB%D1%83%D1%88%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D1%8F>

10. Гильманов А. Местное самоуправление за рубежом // *Лидер Татарстан*. – 2005. – № 2 [45]. – С. 11.

11. Пылин С.В. Муниципальный контроль: проблемы и пути правового обеспечения // *Конституционное и муниципальное право*. – 2006. – № 11.

12. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Закон РФ от 12 января 1996 г. // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 3.

13. О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. (в ред. от 9 января 1996 г.) // *Справочно-правовая система "Консультант Плюс"*.

14. Об экологической экспертизе: Закон РФ от 23 ноября 1995 г. // *Собрание законодательства РФ*. – 1995. – № 48.

В редакцию материал поступил 14.04.09.

Ключевые слова: местное самоуправление, население, государственная концепция местного самоуправления, общественный характер местного самоуправления, территориальное общественное самоуправление, публичное слушание.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.77

А.Р. ЗАРТДИНОВА,
ведущий эколог

ОАО "Нижекамскишина"

ОБ УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМЫХ ФОРМАХ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ РАБОТ

В работе исследуются способы совершения преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 246 УК РФ. Автор раскрывает уже указанные в статье способы, а также обосновывает расширение их перечня.

Статья 246 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил охраны окружающей среды при производстве определенных видов работ на промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектах, если это повлекло существенное изменение радиоактивного фона, причинение вреда здоровью человека, массовую гибель животных или иные тяжкие последствия. При этом законодатель указывает на следующие виды работ, при производстве которых возможны нарушения указанных правил: проектирование; размещение; строительство; ввод в эксплуатацию; эксплуатация.

Первоначальным этапом производства работ является проектирование, то есть процесс создания проекта: прототипа, прообраза, модели предполагаемого или возможного объекта, материала, схемы охраны природы и т.д. [1]. Экологическое проектирование означает процесс обоснования и оценки воздействия промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов на окружающую природную среду и здоровье человека.

Обязательным условием современного промышленного проектирования является внедрение передовых ресурсосберегающих, безотходных и малоотходных технологических решений, позволяющих максимально сократить или избежать поступлений вредных химических или биологических компонентов, выбросов в атмосферу, почву и водоемы, предотвратить или снизить воздействие физических факторов до гигиенических нормативов и ниже [2].

Часть 1 ст. 36 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" устанавливает, что при проектировании зданий, строений, сооружений и иных объектов должны учитываться нормативы допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду, предусматриваться мероприятия по предупреждению и устранению загрязнения окружающей среды, способы размещения отходов производства и потребления, применяться ресурсосберегающие, малоотходные, безотходные и иные наилучшие существующие технологии, способствующие охране окружающей среды, восстановлению природной среды, ра-

циональному использованию и воспроизводству природных ресурсов.

На всех этапах подготовки проекта в обязательном порядке должна проводиться оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС). Данная процедура представляет собой вид деятельности по выявлению, анализу и учету прямых, косвенных и иных последствий воздействия на окружающую среду планируемой хозяйственной и иной деятельности в целях принятия решения о возможности или невозможности ее осуществления. Наличие необходимых материалов по оценке воздействия на окружающую природную среду намечаемой хозяйственной и иной деятельности является обязательным условием при прохождении процедуры государственной экологической экспертизы.

ОВОС является важнейшей составной частью программы экологической безопасности. Однако эта система разработана слабо, имеются лишь частные методики прогноза, например, определения предельно допустимых выбросов. Между тем ОВОС следует строить на основе постоянно действующей экологической модели [3].

Сегодня заказчики не стремятся предоставлять все необходимые материалы на государственную экологическую экспертизу, поэтому чаще ее объектом выступает уже готовое технико-экономическое обоснование, а его разделы "Оценка воздействия на окружающую среду" и "Охрана окружающей среды" вообще разрабатываются на последних этапах проектирования.

В процессе проведения оценки воздействия на окружающую среду обязательным условием является обладание достоверной информацией о состоянии окружающей среды по месту осуществления намечаемой деятельности. Если, к примеру, в районе предполагаемого строительства экологически опасного предприятия уже превышены нормативы предельно допустимого загрязнения вод или атмосферного воздуха, то будет, во всяком случае должно быть, весьма проблематичным строительство в нем дополнительного источника загрязнения [4]. Поэтому, начиная с самых ранних стадий планирования и проектирования работ, заказчик анализи-

рует и оценивает разумные альтернативы вариантов намечаемой деятельности, собирает данные о состоянии окружающей среды и выдвигает проектные предложения на конкретной территории для реализации намечаемой хозяйственной деятельности.

При разработке проектов необходимо использовать положения действующих строительных норм и правил в области охраны окружающей среды, которые учитываются при проектировании объектов капитального строительства, инженерной и транспортной инфраструктуры, коммунальных и природоохранных объектов (это СНиП 2.07.01-89 "Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений", СНиП П-89-90 "Генеральные планы промышленных предприятий", СНиП 2.06.15-85 "Инженерная защита территории от затопления и подтопления", СНиП 11-102-97 "Инженерно-экологические изыскания для строительства", СНиП 3.01.01-85 "Организация строительного производства" и др.).

Указанные нормативные акты устанавливают общие требования по охране окружающей среды и экологическому обоснованию намечаемой деятельности. В то же время эти документы не определяют критерии и порядок выбора предупредительных и восстановительных природоохранных мер при организации строительства, в них не рассматривается порядок проверки объекта капитального строительства на соответствие природоохранным требованиям [5].

В части 12 ст. 48 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ указано, что в состав предпроектной и проектной документации должна входить пояснительная записка с исходными данными для архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, ремонта объектов капитального строительства, в том числе с результатами инженерных изысканий, техническими условиями и т.д.

Проектировщики при разработке проектов сознательно нередко применяют устаревшие типовые проекты, которые не отвечают современным требованиям экологической безопасности, не рассматривают вопросы внедрения эко-

логических мероприятий, позволяющих снизить экологическую нагрузку строящихся объектов на окружающую среду.

Увеличение числа малых предприятий также вызывает дополнительный рост загрязнения окружающей среды. У большинства частных инвесторов хозяйственные проекты имеют низкий уровень разработки, страдают непродуманностью экологических решений проектируемой деятельности, так как у них отсутствуют необходимые финансовые средства на проведение экологической экспертизы.

Для обеспечения экологической безопасности вся предпроектная и проектная документация должны проходить обязательную процедуру экологической экспертизы. По обоснованному мнению В.И. Андрейцева, "экологическая экспертиза служит существенным средством обеспечения соблюдения конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду, является инструментом поддержания экологического правопорядка в правотворчестве, в хозяйственной, управленческой и иной деятельности, обеспечения соблюдения и охраны права каждого на благоприятную окружающую среду, источником разнообразной экологически значимой информации, средством доказывания при разрешении споров" [6].

На основании ч. 2 ст. 36 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" запрещается изменение проектных работ и утвержденных проектов за счет исключения из таких работ и проектов планируемых мероприятий по охране окружающей среды.

Следующим этапом исследуемого технологического процесса при производстве работ является размещение объекта, то есть целенаправленное распределение последовательности действий по расположению основных элементов объекта на соответствующей территории и их установка с соблюдением норм и требований экологической безопасности. При размещении зданий, строений, сооружений и иных объектов должно быть обеспечено выполнение требований в области охраны окружающей среды, а именно: наличие положительного заключения

государственной экологической экспертизы, определение мест размещения зданий, строений, сооружений и иных объектов, восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности с учетом ближайших и отдаленных экологических последствий. Должны также соблюдаться приоритеты сохранения благоприятной окружающей среды и биологического разнообразия.

Размещение некоторых объектов затрагивает экологические интересы граждан и для этой цели необходимо проведение референдума по экологическим вопросам строящегося объекта. В СССР проектируемые объекты стоимостью свыше 3-5 миллионов рублей направлялись для обсуждения в общества охраны природы, при этом определялись масштабы возможного загрязнения окружающей среды. Решение о размещении крупных народнохозяйственных объектов принималось Верховным Советом Российской Федерации или Верховными Советами республик на основе заключения государственной экологической экспертизы [7].

В современной России механизмы рассмотрения вариантов размещения объектов и проведения процедур согласования с государственными органами и органами местного самоуправления определены в действующем законодательстве. Так, ст. 31 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ закрепляет, что органы местного самоуправления городских или сельских поселений информируют население о возможном или предстоящем предоставлении земельных участков для строительства, выясняют мнение граждан, общественных организаций (объединений), религиозных организаций и органов территориального общественного самоуправления через местные референдумы, сходы и собрания, рассматривают вопросы, связанные с изъятием, выкупом земельных участков для государственных и муниципальных нужд и предоставлением земельных участков для строительства.

Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ "Об использовании атомной энергии" регламентирует участие общественности в

вопросах, связанных с размещением объектов этой категории. На основании ст. 14 этого закона органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, на территории которых предполагается разместить ядерные установки, радиационные источники или пункты хранения, обязаны в пределах своей компетенции проводить с участием общественных организаций (объединений) и граждан обсуждение вопросов по размещению, проектированию и сооружению объектов использования атомной энергии¹.

Следующим этапом при производстве работ является строительство как функциональное и связующее звено всех конструируемых и реконструируемых промышленно-хозяйственных и иных объектов. Оно начинается с инженерных изысканий, которые должны проводиться в обязательном порядке при подготовке и реализации проектной документации строительных объектов.

К сожалению, рыночная конъюнктура в строительстве не содействует повышению качества и надежности инженерных изысканий при проектировании, размещении, строительстве и вводе в эксплуатацию объектов. Кроме этого, действующие нормативные документы носят общий характер и не всегда позволяют рассчитывать с точностью различные характеристики грунтов.

При выборе земельного участка для строительства должны учитываться экологические, градостроительные и иные условия использования соответствующей территории и недр в ее границах посредством определения вариантов размещения объекта и проведения процедур согласования с органами государственными власти и органами местного самоуправления.

Часть 2 ст. 37 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" устанавливает запрет на строительство и реконструкцию зданий, строений, сооружений и иных объектов до утверждения проектов и ус-

тановления границ земельных участков на местности, а также на изменение утвержденных проектов в ущерб требованиям в области охраны окружающей среды.

Нередко отвод участка под строительство осуществляется с нарушением норм экологического и градостроительного законодательства, при отсутствии положительного заключения государственной экологической экспертизы, с нарушением правил размещения и эксплуатации объектов в озелененной территории населенных пунктов. Имеют место и случаи самовольного заката участков прибрежной защитной полосы в водоохраных зонах водных объектов путем установления металлических заборов.

При размещении, проектировании и строительстве предприятий, сооружений и других объектов, совершенствовании существующих и внедрении новых технологических процессов, введении в хозяйственный оборот заболоченных, прибрежных и занятых кустарниками территорий, мелиорации земель, осуществлении лесных пользований, проведении геологоразведочных работ, добыче полезных ископаемых, определении мест выпаса и прогона сельскохозяйственных животных, разработке туристических маршрутов и организации мест массового отдыха населения и осуществлении других видов хозяйственной деятельности должны предусматриваться и проводиться мероприятия по сохранению среды обитания объектов растительного мира.

Ввод в эксплуатацию промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов также должен осуществляться при условии выполнения требований экологической безопасности. Порядок ввода в эксплуатацию указанных объектов определяется в строительных нормах и правилах СНиП 3.01.04-87, утвержденных Постановлением Госстроя СССР № 84 от 21 апреля 1987 г. "Приемка в эксплуатацию законченных строительных объектов. Основные положения", на основании которых рабочие комиссии осуществляют проверку соответствия выполнения мероприятий по охране окружающей природной среды проектно-сметной документации, стандартам, строительным нормам и правилам производства работ.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 48. – Ст. 4552.

Российское экологическое законодательство запрещает ввод в эксплуатацию объектов, не оснащенных средствами контроля и измерения, техническими средствами и технологиями обезвреживания и безопасного размещения отходов производства и потребления, обезвреживания выбросов и сбросов загрязняющих веществ, без восстановления окружающей природной среды, рекультивации земель, благоустройства территорий.

Последним этапом при производстве работ является эксплуатация и вывод из эксплуатации объектов. Статья 39 Федерального Закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" носит название: "Требования в области охраны окружающей среды при эксплуатации и выводе из эксплуатации зданий, строений, сооружений и иных объектов". В частях 3 и 4 данной статьи установлено, что при выводе из эксплуатации различных объектов необходимо учитывать законодательство в области охраны окружающей среды, наличие утвержденной проектной документации. При этом должны быть разработаны и реализованы мероприятия по восстановлению природной среды, в том числе воспроизводству ее компонентов в целях обеспечения окружающей среды.

Статья 41 данного Закона регламентирует экологические требования при размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию, эксплуатации и выводе из эксплуатации зданий, строений, сооружений и иных объектов, которые распространяются на деятельность военных и оборонных объектов, вооружение и военную технику.

В частности, при выводе из эксплуатации военных и оборонных объектов допускаются следующие нарушения правил охраны окружающей среды: несоблюдение воинскими частями экологических требований и нормативов качества окружающей среды; невыполнение природоохранных мероприятий по восстановлению окружающей среды и требований выданных экологических предписаний, заключения государственной экологической экспертизы; несоблюдение установленных нормативов лимитов выбросов и сбросов вредных веществ в

окружающую среду, норм и правил в области обращения с отходами производства и потребления; непринятие мер по предотвращению и устранению экологических правонарушений и их последствий; непредоставление необходимых материалов о состоянии окружающей среды для осуществления государственного экологического контроля.

В статье 33 Федерального Закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ "Об использовании атомной энергии" предусмотрен особый порядок вывода из эксплуатации ядерных объектов. Из положений данного Закона следует, что:

– порядок и меры по обеспечению вывода из эксплуатации ядерных установок, радиационных источников и пунктов хранения должны быть предусмотрены в проекте объекта использования атомной энергии;

– источники финансирования работ по выводу из эксплуатации ядерных установок, радиационных источников и пунктов хранения должны быть предусмотрены еще до ввода их в эксплуатацию;

– предложения о выводе из эксплуатации ядерных установок, радиационных источников и пунктов хранения могут вноситься органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органами местного самоуправления и общественными организациями (объединениями);

– при наличии оснований должны приниматься решения о досрочном выводе из эксплуатации ядерных установок, радиационных источников и пунктов хранения.

Таким образом, вывод из эксплуатации подобных объектов также должен проводиться с соблюдением правил охраны окружающей среды. Однако в ст. 246 УК РФ законодатель не указывает на вывод из эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов как на самостоятельный вид производства работ.

На наш взгляд, вывод из эксплуатации как особый вид работ должен найти отражение в диспозиции статьи 246 УК РФ, поскольку проведение такого рода работ причиняет суще-

ственный вред окружающей природной среде и создает реальную и потенциальную угрозу жизни и здоровью человека.

Кроме этого, следует отметить, что Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" содержит более широкий по сравнению с уголовным законодательством перечень видов работ при осуществлении хозяйственной и иной деятельности. В статье 34 данного закона закреплены общие требования в области охраны окружающей среды при размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, техническом перевооружении, вводе в эксплуатацию, консервации и ликвидации зданий, строений, сооружений и иных объектов.

Как видим, в данной статье закона указаны отдельные виды работ, которые не отражены в диспозиции ст. 246 Уголовного кодекса Российской Федерации: это реконструкция, техническое перевооружение, консервация, ликвидация зданий, строений, сооружений и иных объектов.

Думается, подобные несоответствия между двумя федеральными законами недопустимы.

Таким образом, с учетом сказанного предлагаем сформулировать диспозицию статьи 246 Уголовного кодекса Российской Федерации сле-

дующим образом: "Нарушение правил охраны окружающей среды при проектировании, размещении, строительстве, реконструкции, техническом перевооружении, вводе в эксплуатацию, консервации, ликвидации, выводе из эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов...".

Список литературы

1. Дьяконов К.Н., Дончева А.В. Экологическое проектирование и экспертиза: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2005. – С. 6.
2. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы 2.2.1/2.1.1.1200-03 "Проектирование, строительство, реконструкция и эксплуатация предприятий, планировка и застройка населенных пунктов. Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов" от 30 марта 2003 г. – С. 2.
3. Экологическая безопасность России // Журнал российского права. – 2002. – № 5. – С. 129.
4. Бринчук М.М. Правовой механизм подготовки и принятия экологически значимых решений // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 41.
5. Яжлев И.К. Учет природоохранных требований в строительных нормах и правилах // Экология производства. – 2007. – № 5. – С. 53-55.
6. Андрейцев В.И. Теоретические проблемы правового обеспечения эффективности экологической экспертизы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1992. – С. 21.
7. Боголюбов С.А. Референдумы по экологическим проектам // Государство и право. – 1999. – № 11. – С. 32.

В редакцию материал поступил 07.07.09.

Ключевые слова: нарушение правил охраны окружающей среды, уголовная ответственность, оценка воздействия на окружающую среду, экологическая безопасность.

УДК 343.98:311

П.А. КАБАНОВ,

доктор юридических наук, доцент

*Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права
(г. Казань)*

E-mail: office@chl.ieml.ru

М.М. САДЕЕВ,

соискатель

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ЖЕРТВЫ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: АНАЛИЗ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ ЗА 2008 ГОД

В работе рассматриваются статистические данные по Республике Татарстан за 2008 год, характеризующие сведения о жертвах коррупции (физических и юридических лицах) и материальном вреде, причиненном жертвам в зависимости от их статуса и правового положения. Проведена классификация жертв коррупции и определен размер материального вреда каждому из них.

В отечественной криминологической теории еще в начале XXI в. было обращено внимание на разработку виктимологических аспектов коррупционного поведения как одного из перспективных научных направлений российской криминальной виктимологии [1, с. 184; 2, с. 51-52]. В силу ряда объективных причин этой проблемой отечественные специалисты до настоящего времени специально не занимались. Вместе с тем, в связи с активным формированием виктимологической статистики становится возможен криминологический анализ жертвоприношения коррупционной преступности, о чем нами говорилось в ранее опубликованных работах [3, с. 43-46]. В целях объективной оценки вредоносности коррупционного поведения и оценки причиняемых ею негативных социальных последствий, а также проверки выводов ранее проведенного "пилотного" исследования этого явления на статисти-

ческих показателях 2007 г. [4, с. 91-97], авторы проанализировали виктимологические статистические показатели криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан за истекший 2008 г.

Согласно официальным статистическим данным, в 2008 г. в Республике Татарстан было зарегистрировано 636 преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления и привлечено к уголовной ответственности за их совершение 115 государственных служащих [5, с. 3-4]. Вместе с тем, согласно полученным статистическим сведениям по форме № 5 из ИЦ МВД Республики Татарстан, в этом году жертвами коррупционных преступлений в республике были признаны лишь 111 потерпевших, или на 11% больше, чем в предыдущем году. Из них таковыми по возбужденным уголовным делам были признаны

и учтены 63 физических и 48 юридических лиц. Общий материальный ущерб, причиненный жертвам коррупционных преступлений, составил 39 073 899 рублей, или в среднем 352 тыс. рублей на одну жертву. Из общего объема материального вреда, причиненного коррупционной деятельностью в Республике Татарстан в исследуемый период, 1 173 481 рубль – это вред, причиненный физическим лицам и 37 900 418 рублей – материальный ущерб, причиненный юридическим лицам. Как видно из приведенных данных, соотношение размера причиненного материального ущерба жертвам коррупционной преступности между физическими и юридическими лицами в общей структуре этого вреда соотносится как 1:32. В процентном соотношении в структуре материального вреда, причиненного жертвам криминального коррупционного поведения, на долю юридических лиц приходится 97% от всего причиненного вреда, а физических лиц – лишь 3%.

Если брать другой показатель – среднеарифметический размер причиненного ущерба на одну жертву, – то этот показатель изменится. Согласно полученным нами данным, среднеарифметический размер причиненного материального ущерба физическим лицам – жертвам коррупционного преступного поведения – составил 18 627 рублей, а юридическим лицам – 789 592 рубля. Соотношение среднеарифметического размера причиненного материального ущерба на одну жертву между юридическим и физическим лицом составляет 1:42.

В общей структуре жертв криминального коррупционного поведения наиболее уязвимыми выглядят жертвы коммерческого или внутрифирменного коррупционного поведения (ст. ст. 201, 202 и 204 УК РФ). Хотя их в общей структуре коррупционной преступности насчитывается всего 19, или 17,1%, однако размер причиненного им материального вреда составил 34 591 126 рублей или 88,5% из всего объема издержек, попавших в республиканскую victimологическую статистику. Среднеарифметический размер материального ущерба на одну жертву составил 1 820 586 рублей.

Структура жертв криминальной коммерческой коррупции выглядит следующим образом: 16 жертв – это юридические лица и 3 – физические лица. Общий объем материального ущерба между ними распределился также неравномерно. Ущерб, понесенный юридическими лицами, составил 33 881 126 рублей, а физическими лицами – 710 000 рублей. Соотношение размера причиненного материального ущерба между юридическими и физическими лицами составляет 47:1.

Среднеарифметический размер материального ущерба на одну жертву коррупционной преступности юридическое лицо – 2 117 570 рублей, а на физическое лицо лишь 236 667 рублей. Эти показатели (средние величины) соотносятся между собой как 9:1.

В меньшем объеме в 2008 г. на территории Республики Татарстан причинено имущественного ущерба "государственной коррупцией" – всего в сумме 4 482 773 рубля, хотя количество потерпевших от данного вида коррупционного поведения значительно больше, чем от рассмотренной нами ранее "коммерческой коррупции" – 92, или 82,9%. Среднеарифметический размер причиненного материального вреда из расчета на одну жертву составил 48 726 рублей, или более чем в 37 раз меньше, чем аналогичный показатель "коммерческой коррупции".

Структура потерпевших от "государственной коррупции" выглядит следующим образом: юридические лица – 32 жертвы; физические лица – 60 человек. Здесь соотношение данного количественного показателя 1:2.

Материальный ущерб от "государственной коррупции" распределился между юридическими и физическими лицами так: 463 481 рубль – это ущерб, причиненный физическим, а 4 019 292 рубля – юридическим лицам. Соотношение размера причиненного материального ущерба между юридическими и физическими лицами составляет 8:1.

Среднеарифметический размер материального ущерба от "государственной коррупции" на одно юридическое лицо составил 125 603 рубля, а для физического лица – лишь 7 725 рублей. Соотношение среднеарифметического размера

причиненного материального вреда на одну жертву между юридическими и физическими лицами определяется как 16:1.

Криминологический анализ показателей республиканской виктимологической статистики за 2008 г. позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, значительная доля жертв коррупционных преступлений находится за пределами официальной статистики. Таковыми правоохранительными органами республики признано меньше, чем самих коррупционных преступников. Во-вторых, наибольший материальный ущерб от коррупционных преступлений в Республике Татарстан причиняется юридическим, а не физическим лицам. В-третьих, наиболее опасно и вредоносно коррупционное поведение в коммерческих организациях, а не в сфере государственного и муниципального управления.

Подводя итог изложенному в этой работе материалу, мы четко себе представляем, что все положения, высказанные в настоящей работе, не претендуют на бесспорность и окончательность. Для исследования статистических закономерностей виктимного поведения необходим более точный учет всех жертв и более длительный период времени статистического наблю-

дения для исследования их показателей. Поэтому мы надеемся, что время и официальные статистические данные дадут благотворную почву нашим последователям для новых исследований жертв коррупционного поведения в современном обществе.

Список литературы

1. Гаджиева А.А. Некоторые виктимологические аспекты коррупции // Коррупция и борьба с ней. – М., 2000. – С. 182-184.
2. Ривман Д.В. К вопросу о виктимологическом аспекте коррупционных преступлений // Актуальные проблемы антикоррупционной политики на региональном уровне. – СПб., 2001. – Часть 1. – С. 51-52.
3. Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимология коррупции как частная виктимологическая теория: понятие, предмет и некоторые задачи, связанные с оказанием помощи жертвам коррупции // Следователь. – 2008. – № 5. – С. 43-46.
4. Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимологические аспекты коррупционной преступности: криминологический анализ региональной криминальной статистики (на материалах Республики Татарстан) // Актуальные вопросы правового обеспечения антикоррупционной деятельности в современных условиях: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 2 декабря 2008 г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С. 91-97.
5. Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2008 году. – Казань: Отдел по реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан, 2008.

В редакцию материал поступил 03.07.09.

Ключевые слова: жертва, коррупция, виктимология, виктимизация, виктимность, жертвы коррупции, жертвоприношение коррупции, материальные потери от коррупции.

УДК 343.23

В.А. КОНДРАШИНА,
кандидат юридических наук, доцент

*Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права
(г. Казань)*

НЕОДНОКРАТНОСТЬ – ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 180 УК РФ

В статье рассматриваются различные трактовки признака неоднократности применительно к составу преступления. Дается авторское определение неоднократности.

Уголовная ответственность по части первой и второй ст. 180 УК наступает лишь при условии, что указанные в них действия были совершены неоднократно либо повлекли причинение крупного ущерба.

В теории уголовного права и в следственно-судебной практике признак неоднократности действий, указанных в частях 1 и 2 ст. 180 УК, понимается неоднозначно.

Так, М.В. Талан [1] и И.А. Клепицкий [2] признак неоднократности применительно к данному составу преступления рассматривали как квалифицирующий признак.

Такая трактовка признака неоднократности применительно к рассматриваемым составам, по нашему мнению, является ошибочной. В частях первой и второй ст. 180 УК этот признак является кримиобразующим (конструктивным), а не квалифицирующим. Указанные в частях первой и второй ст. 180 УК действия, будучи совершенными впервые и не повлекшими крупного ущерба, не являются преступлением. Н.А. Лопашенко справедливо считает, что в случае незаконного использования товарного знака неоднократно, то есть во второй и т.д. раз, преступление окончено с момента совершения второго деяния. Первое деяние, если оно не причинило крупного ущерба, не является преступным [3].

Иную научную позицию по данному вопросу защищает А.Э. Жалинский. Он считает, что неоднократное совершение деяния предполагает либо использование чужого товарного знака

в отношении различных (двух или более) объектов или партий объектов, образующих единое целое, либо использование двух или более чужих товарных знаков [4, 5, 6]. Однако Пленум Верховного Суда РФ № 1 от 27 января 1999 г. (с последующими изменениями) "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" в п. 5 не рассматривает как неоднократность одновременное убийство двух или более лиц, если действия виновного охватывались единым умыслом.

По утверждению В.Н. Бондарева [7, с. 157], неоднократность по ч. 1 ст. 180 УК означает, что ранее лицо совершило преступление, предусмотренное этой частью статьи, а неоднократность по ч. 2 ст. 180 УК предполагает повторное совершение незаконного использования предупредительной маркировки в отношении незарегистрированного в России товарного знака или наименования места происхождения товара. Он полагает, что совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК, после преступления, обозначенного в ч. 2 этой же статьи, и наоборот, должно расцениваться как совокупность преступлений. Если лицо ранее к уголовной ответственности не привлекалось, вменяются одновременно обе части ст. 180 УК РФ [7, с. 157].

Такая трактовка признака неоднократности применительно к составу преступления, предусмотренного частью первой ст. 180 УК, однако, не может быть признана приемлемой, так как оставляет открытым вопрос о возможности одновременного совершения указанных в ч. 1

ст. 180 УК действий и их правовой природе, когда они совершены впервые и не повлекли за собой причинение крупного ущерба.

По нашему мнению, правильной является научная трактовка признака неоднократности как совершения лицом соответствующих действий второй или более раз.

До исключения ст. 16 из УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" в отечественном уголовном праве под неоднократностью преступлений понималось совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи Уголовного кодекса. Совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями УК, признавалось неоднократным в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК. Преступление не признавалось совершенным неоднократно, если за ранее совершенное преступление лицо в установленном законом порядке было освобождено от уголовной ответственности либо судимость за ранее совершенное преступление была погашена или снята.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово "неоднократный" характеризуется как происходящий, производимый, имеющий место несколько раз [8]. Следовательно, основное назначение термина неоднократности – отражать одновременное совершение одним и тем же лицом одного и того же действия не менее двух раз.

В п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 "О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака" неоднократность по смыслу ч. 1 ст. 180 УК РФ определяется как совершение лицом двух и более деяний, состоящих в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров. (При этом может иметь место как неоднократное использование одного и того же средства инди-

видуализации товара (услуги), так и одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара). По нашему мнению, одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара, в смысле неоднократности, противоречит смысловому содержанию понятия "неоднократный", данному в Толковом словаре русского языка. Кроме того, представляется маловероятным, чтобы товаропроизводитель стал проставлять на одном товаре одновременно два, три, четыре или более товарных знаков, принадлежащих разным правообладателям и тем самым вводить в заблуждение потребителей товара или услуг в ущерб своему бизнесу.

Применительно к ч. 2 ст. 180 УК РФ неоднократно признается совершение два и более раза незаконного использования предупредительной маркировки в отношении товарного знака или наименования места происхождения товара, не зарегистрированных в Российской Федерации [9].

По нашему мнению, рассматриваемый вопрос нельзя правильно раскрыть без предварительного уяснения правовой природы действий, заключающихся в незаконном использовании чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара, когда эти действия каждый раз не причиняли крупного ущерба правообладателю товарного знака или потребителю товара.

Для уяснения этого вопроса обратимся к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях, принятому 30 декабря 2001 г. [10]. В этом законодательном акте незаконное использование товарного знака рассматривается в качестве административного правонарушения. В частности, в ст. 14.10 КоАП предусматривается: "Незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или

сходных с ними обозначений для однородных товаров – влечет наложение...".

Исходя из правовой природы рассматриваемых действий, не причинивших крупного ущерба, и следует решать вопрос о наличии или отсутствии неоднократности этих действий, при наличии которой они перерастают в уголовно наказуемое деяние.

Постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено, – говорится в ст. 4.5 КоАП РФ, – за нарушение законодательства Российской Федерации... о защите прав потребителей... по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения.

Поскольку незаконное использование чужого товарного знака и тому подобные действия посягают не только на интересы правообладателя этого знака, но и на интересы потребителей, то при рассматриваемом административном правонарушении срок давности привлечения к административной ответственности равняется одному году. Если виновный в незаконном использовании товарного знака, не причинившем крупного ущерба, не был своевременно выявлен и привлечен к административной ответственности и в течение одного года со дня совершения первого правонарушения совершит новое подобное нарушение, его действия с точки зрения правовой природы перерастают в уголовно наказуемое деяние, образуют состав преступления, предусмотренного частью первой ст. 180 УК РФ.

На практике возможна и такая правоприменительная ситуация, когда лицо за первое правонарушение было подвергнуто административному наказанию в соответствии со ст. 14.10 КоАП РФ и после этого совершило новое правонарушение, не повлекшее крупного ущерба. В таком случае при повторном совершении указанных в ч. 1 ст. 180 УК действий, не причинивших крупного ущерба, они могут рассматриваться как совершенные неоднократно, если имели место во время течения давностного срока, в период которого лицо считается подвергавшимся административному наказанию.

"Лицо, которому назначено административное наказание за совершение административ-

ного правонарушения, – сказано в ст. 4.6 КоАП РФ, – считается подвергнутым данному наказанию в течение одного года со дня исполнения постановления о наложении административного наказания".

Дискуссионным остается вопрос о том, может ли рассматриваться в качестве уголовно наказуемого деяния незаконное использование товарного знака и других обозначений на товаре, не причинившее крупного ущерба, если данное лицо прежде уже привлекалось к уголовной ответственности за указанные действия и, имея непогашенную и неснятую судимость, вновь совершило подобного же рода деяние, не причинившее крупного ущерба?

Так, А.В. Козлов полагает, что уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака, совершенное неоднократно, возможна только в том случае, когда первое деяние было преступным, то есть причинило крупный ущерб. При этом, по его мнению, второе и последующие деяния могут не повлечь причинения владельцу товарного знака крупного ущерба [11, с. 63]. По нашему мнению, этот вопрос следует решить отрицательно, так как Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" из УК исключены все случаи учета имеющейся у лица судимости в качестве квалифицирующего признака того или иного состава преступления. При привлечении лица к уголовной ответственности судимость ныне учитывается согласно ч. 1 ст. 86 УК только при признании рецидива преступлений, при назначении наказания и определении вида исправительного учреждения осужденным к лишению свободы.

Требует обсуждения и разрешения также вопрос о том, образуется ли признак неоднократности применительно к части первой ст. 180 УК при совершении лицом лишь перечисленных в этой части статьи 180 УК действий, либо при этом также могут учитываться предшествующее либо последующее совершение действий, указанных и в части второй ст. 180 УК, и наоборот?

В литературе высказано мнение, что совершение действий, перечисленных в ч. 1 ст. 180 УК РФ, после совершения действий, указанных

в ч. 2 ст. 180 УК РФ, и наоборот, не образует кримобразующего признака неоднократности. Это мнение нам представляется ошибочным. Указанные в частях первой и второй ст. 180 УК действия являются одинаковыми по своей правовой природе, посягают на один и тот же непосредственный объект и причиняют вред одним и тем же потерпевшим, а различаются лишь по предмету незаконного использования. Это дает основание считать, что неоднократность действий, перечисленных в частях первой и второй ст. 180 УК, образуется как в том случае, когда они относятся только к перечисленным в части первой ст. 180 УК, так и тогда, когда вначале совершены действия, указанные в части первой, а затем в части второй ст. 180 УК, и наоборот. Итак, под неоднократностью применительно к ч. 1 ст. 180 УК РФ следует понимать, совершение двух или более указанных в частях первой и второй данной статьи действий, которые по правовой природе являются административными правонарушениями, а не преступлениями.

Признака неоднократности соответствующих действий не будет в случае, если соответствующие тождественные действия виновного охватывались единым умыслом правонарушителя на использование чужого товарного знака и других обозначений на неопределенном множестве товаров в течение длительного времени [11, с. 64; 12].

Список литературы

1. Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории и законодательного регулирования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 185-186.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. проф. А.И. Рарог. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 319.
3. Лопашенко Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – С. 87.
4. Уголовное право России. В 2-х т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: НОРМА, 2000. – С. 268.
5. Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Х.Д. Аликуперова и Э.Ф. Побегайло. – М.: НОРМА, 2001. – С. 461.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – 4-е изд. / под общ. ред. В.М. Лебедева, Ю.И. Скуратова. – М.: НОРМА, 2002. – С. 458.
7. Бондарев В.И. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2002.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М., 2001. – С. 408.
9. Российская газета. – 2007. – 5 мая.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (Часть 1). – Ст. 1.
11. Козлов А.В. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: лекция. – Н. Новгород, 2001.
12. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. – М.: Юристъ, 2001. – С. 250.

В редакцию материал поступил 05.06.09.

Ключевые слова: неоднократность, состав преступления, квалифицирующий признак, правонарушение.

УДК 343.37

У.Т. САЙГИТОВ,

кандидат юридических наук, доцент

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

Э.К. ТАТАЕВ,

адъюнкт

Академия экономической безопасности МВД России, г. Москва

ПРЕДМЕТ НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА

На основе изучения широкого круга работ специалистов в области уголовного права и критического анализа норм уголовного закона предложено изменить законодательную трактовку кредита как предмета преступления ст. 176 УК РФ, исключив при этом льготные условия кредитования из числа предметов данного преступления. Кроме того, обосновано предложение рассматривать государственный целевой кредит не как предмет состава ч. 2 ст. 176, а как предмет состава ст. 285.1 УК РФ.

Конструктивным признаком состава преступления, ответственность за которое установлена ст. 176 УК РФ "Незаконное получение кредита" является предмет преступления. Под предметом принято понимать элемент объекта преступления, воздействуя на который виновное лицо причиняет вред общественным отношениям [1], или материальную вещь объективного существующего мира, в связи или по поводу которой совершается преступление [2]. Большинство исследователей к предметам преступления относят только такие вещи, предметы, ценности, которые имеют материализованную оболочку [3], материальные предметы объективного мира, доступные восприятию извне, измерению и фиксации [4].

Рассмотрим вопрос, являются ли предметами названного преступления кредит, льготные условия кредитования, государственный целевой кредит.

Надо отметить, что однозначное понимание данных терминов в теории не сложилось. В Уголовном кодексе не дается определенная формулировка предмета ст. 176 УК РФ. Уяснение его требует обращения к неуголовным нормативным актам, где также не всегда дается чет-

кая трактовка, что будет видно из дальнейшего изложения. В этой связи представляется очень важным, как это было предложено Н.А. Лопашенко, дополнить главу 23 УК РФ статьей 168 "Понятийный аппарат главы", в которой раскрывались бы такие важные для применения ст. 176 УК РФ понятия, как кредит и крупный ущерб [5]. Это позволило бы выработать такое понимание предмета преступления, в том числе и применительно к ст. 176 УК РФ, которое не отступало бы от текста закона и отвечало требованиям ясности, точности и единообразия.

Попытаемся дать свою трактовку предмета незаконного получения кредита и, в первую очередь, начнем с анализа содержания понятия кредит.

Понятие кредит произошло от латинских слов: *credere* – доверять, верить, *credo* – верю, *creditum* – долг, ссуда. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля кредит определяется как "доверие, вера в долг, забор, дача или прием денег или товаров на счет, на срок". В словаре С.И. Ожегова под кредитом понимается: 1) ссуда, предоставление ценностей (денег, товаров) в долг; коммерческое доверие; 2) доверие, авторитет; 3) отпускаемая на что-нибудь денеж-

ная сумма [6]. В гражданском праве под кредитом понимается предоставление одним юридическим лицом (лат. *creditor* – веритель) другому лицу – заемщику – на условиях, определенных кредитным договором, то есть на основе принципов возвратности, срочности, платности, обеспеченности и целенаправленности.

Среди ученых немало споров связано с оценкой отдельных аспектов содержательной части понятия кредит. В частности, неоднозначные суждения связаны с вопросами, возможно ли рассматривать займ в контексте понятия кредит по смыслу ч. 1 ст. 176 УК РФ и какие виды кредита следует включать в понимание кредит в контексте той же статьи.

Собственно кредитование развилось из отношений займа, а уже в IX в. в государствах, находившихся на территории современной России, существовали нормы, регулировавшие отношения по предоставлению займов и ссуд. Возникновение Древнерусского государства (IX-XI вв.) дало мощный толчок развитию феодального нрава. Древнерусское законодательство знало довольно развитую систему норм, регулировавших имущественные отношения. В важнейшем памятнике писанного права того периода – Русской Правде – был довольно полно регламентирован и договор займа, в том числе нормы об ответственности должника за невыполнение своих обязанностей.

В современном отечественном законодательстве не всякая дача денег в долг означает кредитование в строгом смысле слова. Действительно, заем и кредит обозначают схожие правоотношения, которые регулируются нормами одной главы ГК РФ. Однако в отличие от договора займа, по которому одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества (ст. 807 ГК РФ), в кредитном договоре "передающей" стороной является банк или иная кредитная организация (ст. 819 ГК РФ).

Многие авторы буквально, а потому узко трактуют понятие кредит. По мнению Я.С. Ва-

сильевой, сфера действия ч. 1 ст. 176 УК РФ ограничена законодателем, поскольку уголовный закон четко обозначил круг субъектов кредитных отношений, характерный больше для кредитного договора, чем для договора займа [7]. Б.В. Волженкин, являясь сторонником узкой трактовки понятия кредит, полагает, что закон совершенно определенно говорит о кредите, кредитовании как денежных средствах и расширительное толкование невозможно. Гражданское законодательство совершенно четко различает понятие займа (§ 1 гл. 42 ГК) и кредита (§ 2 гл. 42 ГК) и полагать, что в Уголовном кодексе понятие кредита использовано в ином значении, нежели в Гражданском кодексе, не имеет никаких оснований [8]. С ним солидарны Т.В. Пинкевич [9] и А.М. Яковлев [10]. Такое понимание предмета преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, поддерживается М.В. Феокистовым [11].

Им возражают другие авторы, аргументация которых строится на расширительном толковании нормы. Так, А.А. Сапожков считает, что заемные средства так же могут являться предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК, РФ поскольку кредит является специальным видом займа, "а раз так, – рассуждает он, – то общие нормы о займе могут применяться к кредитным отношениям в силу прямого указания закона..." [12, с. 98].

Аналогичную ситуацию мы видим и по поводу конкретизации видов кредита, ибо ученым остается лишь догадываться о смысловой нагрузке анализируемого понятия.

Сторонники узкой трактовки, исходящие в своей аргументации из буквы закона, отрицают возможность товарного и коммерческого кредита¹

¹ Коммерческий кредит (где кредитные отношения усложнены связанными с ними отношениями по продаже товаров, выполнению работ, оказанию услуг, например, аванс, предоплата или ее отсутствие, отсрочка или рассрочка платежа – ст. 823 ГК), товарный кредит (ст. 822 ГК), коммерческий заем, предоставленный организацией, не являющейся кредитной, за счет собственных средств, потребительский кредит (ст. 500 ГК), налоговый кредит (ст. 61 НК), бюджетный кредит (ст. ст. 6, 76, 77 БК) и другие (см.: Федеральный закон «О банках и банковской деятельности»).

либо не упоминают эти виды при комментарии ст. 176 УК РФ. Н.И. Пикуров также пришел к выводу, что термин кредит, использованный в ст. 176 УК РФ, нельзя рассматривать как родовое понятие для товарного и коммерческого кредитов. Эту точку зрения разделяет П.А. Кобзев [13]. По мнению А.Ю. Чупровой, согласно ст. 819 ГК РФ кредит может выступать только в форме денежных средств, а не вещей, определенных родовыми признаками [14, с. 69].

Особо следует выделить позицию В.И. Тюнина, который обосновывает необходимость ограничительного понимания кредита применительно к ст. 176 УК РФ, "на том основании, что все сомнения толкуются в пользу лица виновного либо подозреваемого в совершении преступления", и что "иное понимание кредита максимально расширяет действие нормы ч. 1 ст. 176 УК и распространяет на область гражданско-правовых отношений, блокируя возможность восстановления нарушенных прав посредством гражданского законодательства" [15].

Сторонники широкого взгляда на кредит ограничивают действие нормы ст. 176 УК РФ рамками отношений, которые очерчены в главе 42 ГК РФ "Заем и кредит" [16] или параграфом 2 этой главы "Кредит" [17], раскрывающим понятие кредитного договора, определяющим формы кредитного договора, особенности отказа от предоставления или получения кредита. Данную позицию отстаивают Н.А. Лопашенко, С.В. Максимов, И.А. Клепицкий, А.Э. Жалинский, Л.М. Плешаков, А.А. Сапожков и др. [12, с. 7; 16; 18; 19; 20; 21].

Мы считаем обоснованным предложение по расширению понятия кредит за счет потребительского кредита². Такое предложение имеется в проекте поправок, подготовленном Комитетом

² Договор потребительского кредита – это кредитный договор, договор займа, договор коммерческого кредита, в том числе договор купли-продажи, предусматривающий оплату товара в рассрочку или оплату товара, проданного в кредит, заключенный между кредитором и физическим лицом, использующим предоставленные кредитором денежные средства исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

по банковскому законодательству Ассоциации региональных банков России (28.05.2007)³.

"Статья 176. Незаконное получение кредита. 1. Получение кредита, в том числе потребительского кредита, либо льготных условий кредитования путем представления банку заведомо ложных сведений, необходимых для получения кредита, если это деяние причинило значительный ущерб, – наказывается штрафом в размере суммы полученного кредита или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года, либо арестом на срок от двух до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет".

Таким образом, буква закона заставляет рассматривать кредит в узком смысле, поскольку такой договор может быть заключен только банком или иной кредитной организацией, и не любыми организациями и физическими лицами, если говорить о товарном, коммерческом или потребительском кредите. Вместе с тем, смысл закона (тот, который в него вкладывают некоторые теоретики права) дает основания говорить о желании законодателя защитить сферу не только банковского, но и иного кредитования, что мы считаем совершенно правильным. Таким образом, мы склоняемся к целесообразности расширить понятие предмета ст. 176 УК РФ. На наш взгляд, такое толкование обеспечило бы их успешное правоприменение и в целом усовершенствовало данную уголовно-правовую форму борьбы с незаконным получением кредита.

Наконец, завершая первую часть анализа предмета ст. 176 УК РФ, отметим, что возможно законодателю также следует предусмотреть ответственность в рамках данной статьи и за использование кредита не по назначению. При этом данный тезис следует применять не только к государственному целевому кредиту, но и к разновидностям собственно кредита, о которых

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О потребительском кредите». – URL: <http://www.aksakov.ru/lawstext/laws/id/725863.html>

говорилось выше, поскольку и они могут быть целевыми.

Данное предложение нами сделано на анализе законодательства некоторых стран ближнего зарубежья, которое учитывает данную позицию.

Так, Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 (с изменениями и дополнениями на 01.12.2001) содержит ст. 208 под названием "Незаконное получение кредита". В этой статье предусматривается уголовная ответственность за предоставление банку или иному кредитору ложных сведений о хозяйственном или финансовом состоянии в целях получения кредита или увеличения его размеров, либо получения льготного кредита, а равно **за использование целевого кредита не по назначению**, повлекшее существенный ущерб⁴.

Или УК Азербайджанской Республики предусматривает состав незаконного получения кредита или использования его не по назначению (ст. 195). Уголовная ответственность установлена за получение руководителем или индивидуальным предпринимателем кредита, кредита на льготных условиях либо целевого государственного кредита путем предоставления заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии организации или индивидуального предпринимателя, **а равно использование кредита не по назначению**, если это деяние причинило значительный ущерб. Эти же деяния, причинившие крупный ущерб, признаются совершенными при отягчающих обстоятельствах⁵.

Под **льготными условиями** кредитования в смысле ч. 1 ст. 176 УК РФ следует понимать любые условия, которые облегчают заемщику получение и возврат кредита по сравнению с

обычно применяемыми правилами. Эти условия могут устанавливаться на основании правовых актов государства либо решением кредитора в рамках свободы выбора условий кредитного договора. Льготные условия могут выражаться в предоставлении кредита по сниженной процентной ставке либо вообще бесплатно, предоставлении кредита без обеспечения возможности его возврата, установлении увеличенного срока возврата кредита, предоставлении заемщику права возвращать кредит по частям и тому подобным льготам, облегчающих положение заемщика [14, с. 70].

Деяние при незаконном получении льготных условий кредитования состоит в предоставлении заемщиком кредитору документов, содержащих заведомо ложные сведения, подтверждающие право первого получить кредит на льготных условиях, а также в получении указанного кредита.

Льготное кредитование установлено в настоящее время для субъектов малого предпринимательства (Федеральный закон от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ в редакции от 21 марта 2002 г. "О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации"). Согласно ст. 11 Федерального закона "О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации" от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ (с изм. от 31 июля 1998 г., 21 марта 2002 г., 22 августа 2004 г.) кредитование субъектов малого предпринимательства осуществляется на льготных условиях с компенсацией соответствующей разницы кредитным организациям за счет средств фондов поддержки малого предпринимательства. При этом кредитные организации, осуществляющие кредитование субъектов малого предпринимательства на льготных условиях, пользуются льготами в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов РФ.

Вместе с тем вопрос о возможности рассмотрения "льготных условий кредитования" в качестве предмета в научной литературе оспаривается многими учеными. Так, по мнению одних авторов – это имущественная льгота (пра-

⁴ Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З.К. Бигваева. Вступ. статья канд. юрид. наук, доц. В.И. Михайлова: обзор. статья д-ра юрид. наук, проф. О. Гамкредидзе; пер. с грузин. И. Мериджанашвили. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 230.

⁵ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / науч. ред., предисловие д-ра юрид. наук, проф. И.М. Рагимова; пер. с азербайдж. Б.Э. Аббасова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 212.

во имущественного характера)⁶. По мнению других, предметом преступления в любом случае выступает кредит (денежные средства, а не льготы по кредитованию), поэтому указание в законе на льготные условия кредитования излишне [23]. Третьи занимают противоположную точку зрения [24]. Четвертые полагают, что предметом данного преступления выступает кредит или льготные условия кредитования [25].

Мы склоняемся к точке зрения, согласно которой условия вообще и льготные условия кредитования в частности в принципе не могут быть предметом преступления. Предметом данного преступления по смыслу закона является кредит, как нам представляется, безотносительно к тому, льготный он или на общих основаниях.

Обращает на себя внимание также тот факт, что государственный целевой кредит может предоставляться государственным и муниципальным унитарным предприятиям без уплаты процентов, за пользование бюджетными средствами, однако в конструкции ст. 176 УК РФ мы не видим указание на такой предмет преступления, как льготные условия кредитования государственного целевого кредита.

В этой связи предлагаем редакцию ч. 1 ст. 176 УК РФ: после слов "Получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита" исключить словосочетание "либо льготных условий кредитования".

Аналогично рассмотренному выше понятию кредита следует охарактеризовать и понятие **государственный целевой кредит**. Полагаем, что он также представляет собой денежные средства государства, выдаваемые на условиях платности, срочности и возвратности, а также для определенного целевого использования. Под государственным целевым кредитом можно понимать материальные ценности, предоставляемые государством за счет своего бюд-

жета иным субъектам хозяйствования на условиях возвратности, платности, срочности, а в установленных случаях – обеспеченности и целевого использования.

В связи с этим рассмотрим подробнее некоторые виды кредитов. Государственный кредит – это совокупность экономических отношений между государством в лице его органов власти и управления, с одной стороны, и физическими и юридическими лицами – с другой, при которых государство выступает в качестве заемщика, кредитора и гаранта. Государственный кредит, как правило, используется для финансирования существующего или возникшего дефицита бюджета. Помимо этого, под государственным кредитом понимаются кредиты, получаемые Российской Федерацией от иностранных государств и международных организаций, выдаваемые ею указанным субъектам [26]. Так, если кредитование можно считать формой предпринимательской деятельности, направленной на получение прибыли от использования временно свободных денежных средств, то финансовая деятельность государства такой задачи не ставит. Основная цель финансовой деятельности государства – обеспечение выполнения своих функций. Субъекты вступают в отношения кредитования на основе свободного волеизъявления, тогда как государство в своей финансовой деятельности жестко привязано к основному финансовому (и нормативно-правовому) документу – бюджету на текущий год, утверждаемому представительными органами.

Следует оговориться, что при определении предмета преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, не следует отождествлять его с государственным, бюджетным и муниципальными кредитами, как это делается в некоторых публикациях [27] и иными видами государственного финансирования и негосударственного кредитования.

Государственный целевой кредит отличается от других видов кредита и по особому порядку выделения и получения. Так, от бюджетного он отличается тем, что бюджетные средства выделяются в соответствии с Федеральным законом о федеральном бюджете (или с за-

⁶ В настоящее время в юридической литературе высказывается мнение, что в качестве предмета преступления могут выступать не только предметы материального мира, но и нематериальные блага, охраняемые нормой права (см., например, [22]).

коном о бюджете муниципального образования), а основанием для выдачи государственного целевого кредита может быть не только указанный закон, а также федеральная целевая программа и договор. В бюджетные средства включаются средства муниципальных образований, а государственный целевой кредит – это средства государства, то есть государственная собственность, финансируемая из средств государственных целевых фондов, из бюджетных средств, внебюджетных источников, в том числе с привлечением иностранных инвестиций, аккумулируемых в централизованный фонд, создаваемый специально для финансирования государственной целевой программы.

В литературе высказываются обоснованные суждения относительно того обстоятельства, что предмет преступления ч. 2 ст. 176 УК РФ строго определен законодателем, вне сферы применения исследуемого состава преступления остается значительный пласт деяний по незаконному получению и использованию иных видов государственных и негосударственных заимствований: субсидий, субвенций, дотаций, бюджетных ссуд, ассигнований, государственных и иностранных инвестиций, льготы по налогам.

С другой стороны, отдельные авторы, опять же исходя из своего понимания смысла закона, отмечают, что "бюджетные ссуды, дотации, субвенции и субсидии, бюджетные ассигнования, минимальные государственные социальные стандарты могут быть предметами ч. 2 ст. 176 УК РФ, если их расценивать как кредитные средства, выделенные государством на конкретно определенные цели в соответствии с нормативными актами [12]. Эта позиция отражена в законодательстве некоторых зарубежных государств. Так, в УК Украины ч. 1 ст. 222 называется "Мошенничество с финансовыми ресурсами". Она предусматривает уголовную ответственность за предоставление гражданином-предпринимателем или учредителем, или собственником субъекта хозяйственной деятельности заведомо ложной информации органам государственной власти, органам власти Автономной республики Крым или органам мест-

ного самоуправления, банкам или другим кредиторам с целью получения **субсидий, субвенций, дотаций, кредитов или льгот по налогам** при отсутствии признаков преступления против собственности⁷.

Нам представляется, что расширение предмета ч. 2 ст. 176 УК РФ за счет иных видов государственных кредитов создало бы ситуацию, данная норма дублировала бы состав ст. 285.1 (Нецелевое расходование бюджетных средств). В этом плане, мы опять хотим повторить свою мысль, начатую в предыдущем параграфе, где мы указывали, что упомянутые выше составы должны быть объединены. Это отвечает основным положениям теории уголовного права, сняло бы много вопросов по поводу квалификации соответствующих действий.

Таким образом, предмет преступления ст. 176 УК РФ, как показывает анализ, слишком сужен. Как нам представляется, следует расширить понимание кредита, а государственный целевой кредит рассматривать не как предмет ч. 2 ст. 176, а как предмет ст. 285.1 УК РФ. При этом льготные условия кредитования как предмет преступления из конструкции состава следует исключить за ненадобностью.

Список литературы

1. Коржанский Н.И. Предмет преступления: учеб. пособие. – Волгоград, 1976. – С. 21.
2. Улезько С.И., Фаргиев И.А. Объект преступления / РГЭУ (РИНХ). – Ростов-н/Д, 2001. – С. 74.
3. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенкова. – М., 1993. – С. 110-111.
4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: курс лекций / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд "Университет", 2000. – С. 92.
5. Лопашенко Н.А. Вопросы совершенствования норм главы 22 УК РФ: проект Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в УК РФ" (с пояснительной запиской) // Налоговые и иные экономические преступления: сб. науч. ст. Вып. 1. – Ярославль, 2000. – С. 18-19.

⁷ Уголовный кодекс Украины / науч. ред. и предисловие д-ра юрид. наук, проф. В.Я. Тация и д-ра юрид. наук, проф. В.В. Сташиса; пер. с укр. В.Ю. Гиленченко. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 197.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1995. – С. 298.
7. Васильева Я.С. Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – С. 8.
8. Волженкин Б.В. Экономические преступления. – СПб., 1999. – С. 117, 249.
9. Пинкевич Т.В. Преступления в сфере экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика, система, особенности квалификации. – Ставрополь, 2000. – С. 130.
10. Комментарий к УК РФ / под ред. А.В. Наумова. – М., 1999. – С. 469.
11. Феоктистов М.В. Ответственность за незаконное получение кредита // Уголовно-правовые и предпринимательские проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики. – М., 2001. – С. 59.
12. Сапожков А.А. Незаконное получение кредита и злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности (уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000.
13. Кобзев П.А. Квалификация преступлений, совершаемых в сфере финансово-кредитной деятельности путем обмана и (или) злоупотребления доверием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001. – С. 9, 16.
14. Чупрова А.Ю. Обман как способ совершения преступлений в кредитно-финансовой сфере: сб. науч. ст. по мат-лам Всероссийского науч.-практ. семинара. – Саратов, 1999.
15. Тюнин В.И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. – СПб., 2001. – С. 29-30.
16. Козаченко И., Васильева Я. Незаконное получение кредита // Российская юстиция. – 1999. – № 11. – С. 40.
17. Уголовное право. Особенная часть. Т. 1 / под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. – М., 1999. – С. 369.
18. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности. – Ростов-н/Д, 1999. – С. 114.
19. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. – 1998. – С. 95-97.
20. Плешаков Л.М. Незаконное получение кредита: уголовная ответственность, меры предупреждения и возмещения ущерба // Деньги и кредит. – 1997. – № 3. – С. 47.
21. Васильева Я.С. Уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. – М., 2001. – С. 226.
22. Тюнин В.И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2001. – С. 23.
23. Ларичев В.Д. Разграничение составов преступлений, посягающих на кредитные ресурсы банка // Адвокат. – 1997. – № 1-2. – С. 49.
24. Жалинский А.Э. Преступления в сфере экономической деятельности в трактовке нового Уголовного кодекса // Журнал российского права. – 1997. – № 8. – С. 74.
25. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. – М., 1996. – С. 182.
26. О государственном внутреннем долге Российской Федерации: Закон РФ от 13 ноября 1992 г. № 3877-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации. № 1. Ст. 4; О государственных внешних заимствованиях Российской Федерации и государственных кредитах, предоставляемых Российской Федерацией иностранным государствам, их юридическим лицам и международным организациям: Федеральный закон от 26 декабря 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 35. – Ст. 3656.
27. Ложкина Е. Незаконное получение кредита: объект и объективная сторона // Уголовное право. – 2000. – № 4. – С. 18-19.

В редакцию материал поступил 07.07.09.

Ключевые слова: объект преступления, кредит, льготные условия кредитования, государственный целевой кредит, незаконное получение кредита.

УДК 343.37

Э.К. ТАТАЕВ,

адъюнкт

Академия экономической безопасности России, г. Москва

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА

На основе исследования норм законодательства и с учетом воззрений специалистов в области уголовного права сформулированы авторские определения основных объектов различных видов такого преступления, как незаконное получение кредита, а также установлен дополнительный объект этого общественно опасного деяния.

На основании ст. 8 Уголовного кодекса РФ [1] (далее – УК, УК РФ) единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного этим законом. В случае отсутствия хотя бы одного из элементов или признаков состава преступления деяние нельзя признавать преступлением. Каждый из таких элементов и признаков имеет определенное значение в уголовном праве. Объект преступления является необходимым элементом состава преступления и имеет важное значение для установления границ преступного и наказуемого, то есть объема карательной деятельности государства, так как преступлением признается лишь такое общественно опасное деяние, которое посягает на общественные отношения, охраняемые уголовным законом [2]. Наконец, следует учитывать, что именно объект положен законодателем в основу построения Особенной части УК РФ.

Следует отметить, что определение объекта преступления в доктрине уголовного права является дискуссионным, поскольку существует два диаметрально противоположных мнения относительно его сущности. Традиционно советские и российские ученые под объектом понимают общественные отношения, охраняемые уголовным законом [3, 4, 5]. Критиками теории объекта преступления как общественных отношений выдвигается ряд интересных, остроум-

ных и справедливых аргументов [6, 7, 8]. В частности, ряд специалистов полагает, что под объектом преступления следует понимать социальные интересы и блага, регулируемые нормами права, на которые посягает преступник, причиняя им реальный ущерб, предусмотренный уголовным законодательством [9].

Не вдаваясь в дискуссии (этой проблеме в научной литературе посвящено немало публикаций), мы хотим сразу же обозначить свою солидарность с позицией О.К. Зателепина, который предлагает следующее определение: "объект преступления – это охраняемая уголовным законом социальная безопасность, то есть состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, подвергающаяся преступному посягательству, за которое предусмотрена уголовная ответственность" [10, с. 31]. Нам представляется, что он достаточно последователен в своих рассуждениях и исходит из того, что основным материальным признаком преступления, характеризующим его как социальное явление, выступает общественная опасность. Смыслообразующим понятием в таком признаке преступления, как общественная опасность, является "опасность". Последнюю можно охарактеризовать как наличие и действие сил (факторов), которые являются деструктивными и дестабилизирующими по отношению к какой-либо системе. При этом деструктивными и дестабилизирующими следует считать те силы (факторы), которые способны нанести ущерб данной

системе, вывести ее из строя или полностью уничтожить [10, с. 30]. Применительно к понятию преступления "опасность" будет заключаться в предусмотренных уголовным законом действиях (бездействии) определенных субъектов – физических вменяемых лиц, достигших возраста уголовной ответственности (деструктивные силы), направленных на внешние явления окружающего мира. Это воздействие заключается в причинении или создании угрозы причинения вреда охраняемым уголовным законом фундаментальным социальным ценностям.

Опасность, в свою очередь, "направлена" против безопасности кого-либо или чего-либо. Под безопасностью в ст. 1 Закона РФ "О безопасности" 1993 г. понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства [11]. Близкое по смыслу определение безопасности содержится в Толковом словаре В.И. Даля, в котором говорится, что под безопасностью следует понимать отсутствие опасности, сохранность чего- или кого-либо [12].

Таким образом, общественная опасность преступления заключается в том, что преступными деяниями в той или иной форме причиняется существенный вред безопасности личности, общества или государства. Иными словами, уголовный закон охраняет от преступных посягательств безопасность субъектов социальной жизни.

Традиционно в уголовном праве принято дифференцировать общественные отношения (объект) по вертикали и горизонтали.

Вместе с тем в последнее время мы отмечаем некоторый отход от деления объектов преступления "по вертикали". Это можно проследить по работам, публикуемым в последнее время. Все больше авторов – аргументированно или нет – уходят от анализа объекта по вертикали. В этом смысле заслуживает внимания высказывание Г.П. Новоселова, согласно которому объектом преступления можно признавать только те социально значимые интересы и блага, на которые посягает практически совершенное преступное деяние. Он указывает: "подобно тому, как само преступление всегда предстает

явлением конкретным и не может быть "родовым" или "общим", его объект также всегда конкретен, не существует в виде "родового" или "общего" объекта посягательства, и, следовательно, в реальной действительности в посягательстве нет никакого иного объекта, кроме того, который сторонники классификации объектов преступления "по вертикали" называют непосредственным" [13]. Из этого он делает вывод, что четырехзвенная классификация, построенная в соответствии со структурой УК РФ, включает в себя не виды объектов преступления (который всегда конкретен), а виды объектов уголовно-правовой охраны, то есть тех явлений, которые охраняются волей государства, выраженной в уголовно-правовой норме.

Мы придерживаемся данной позиции и анализ объекта ст. 176 УК РФ считаем правильным свести к анализу по горизонтали на уровне непосредственного объекта (далее – просто объект).

Таким образом, нам предстоит определить непосредственный и дополнительный непосредственный объект преступления. Однозначно, что незаконное получение кредита как преступление совершается в кредитно-финансовой сфере, что требует определить рамки этой сферы¹. Кредитно-финансовая сфера является деятельностью, связанной с предоставлением кредитов, с кредитным рынком, кредитной системой.

Порядок кредитования (выдачи кредитов) регламентируется в основном федеральными законами, прежде всего Гражданским кодексом РФ [16] (далее – ГК), а также другими законодательными актами, в первую очередь, нормативными актами Банка России.

Кредитно-денежный механизм является системой, которая в значительной мере может определить структуру производства и совокупного спроса, непосредственно влияя на составляющие экономического равновесия [17]. Кре-

¹ Некоторые цивилисты эту сферу называют кредитно-заемной [14, 15]. В законодательстве выделяется кредитно-денежная сфера. См.: ст. 4 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. от 10.01.2003) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

дитный рынок – основа всех финансовых рынков. На кредитном рынке действуют различные учреждения, в частности товарные кредиты могут предоставлять предприятия реальной сферы. Денежные кредиты обычно предоставляются кредитными учреждениями, не все из которых являются банками. К кредитным организациям относят ломбарды, пенсионные фонды, кассы взаимопомощи, кредитные кооперативы, клиринговые палаты и т.п. Особенность банковской кредитной деятельности в том, что кредиты предоставляются за счет привлеченных средств² [18]. Поэтому банки выделяются тем, что берут на себя риски вкладчиков [19], связанные с размещением денежных средств.

Таким образом, в процессе кредитования участвуют не только банки (хотя банки в первую очередь), но и другие учреждения. Это могут быть кредитные организации ("небанковские"), а также иные юридические лица. Иначе говоря, "кредит" в экономическом смысле могут предоставлять банки и иные кредиторы, а юридически это (такое предоставление), согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ), может быть оформлено как кредитным договором (если кредитором выступает банк, а предметом договора выступают деньги), так и договором займа (если заемщиком выступает иной кредитор, а предметом договора выступают деньги или вещи, определенные родовыми признаками). При этом разделение в ГК РФ форм заимствования (кредитования) на заем и кредит не основано на отличии в экономическом содержании этих понятий [20, 21, 22].

Кредитование можно определить как отношения (или деятельность), связанные с предоставлением денежных средств на основе срочности, платности и возвратности, а также связанные с отсрочкой, рассрочкой и т.д., то есть основанные на договоренности по изменению сроков и порядка оплаты (либо предоставления товаров). Такое понимание основано на действующем законодательстве – Гражданском, Налоговом [23], Бюджетном кодексах Российской Фе-

дерации[24] и др. Кредит может выдаваться как из собственных средств, так и из привлеченных.

Денежные, кредитные отношения как элементы экономических отношений отображают наиболее сложные явления жизни. Деньги, кредит дают обществу значительный стимул для развития, порождают целую систему особых отношений, особого порядка и высокой степени организации. Деньги и кредит как факторы роста общественного богатства способны делать нации более богатыми, однако лишь в том случае, если управление деньгами и кредитом основывается на четких правилах, их нарушение может стать тормозом экономического роста и процветания хозяйства [25].

Исходя из обозначенного выше, мы пришли к выводу, что объектом незаконного получения кредита является социальная безопасность, а именно состояние защищенности кредитно-финансовой сферы, которое подвергается опасности в результате нарушения правил и условий кредитования получателей кредита или льготных условий кредитования.

В этом смысле мы бы хотели возразить авторам, которые рассматривают объект незаконного получения кредита как право и обязанность кредитора предоставить заемщику кредит или льготные условия кредитования [26]. Думается, посягательство происходит на правила, связанные с получением заемщиком кредита или льготных условий кредитования. Именно на это, как нам представляется, сделан акцент законодателем.

Необходимо отметить, что к ч. 2 ст. 176 УК РФ данное определение объекта относится не в полной мере. Дело в том, что в отличие от ч. 1 ст. 176 УК РФ в ч. 2 данной статьи предусмотрена уголовная ответственность не за получение кредита и льготных условий кредитования, а за получение государственного целевого кредита. Это является, на наш взгляд, серьезным основанием для выделения ч. 2 ст. 176 УК РФ в самостоятельную статью. С учетом сказанного объектом посягательства при незаконном получении государственного целевого кредита и использовании его не по прямому назначению является социальная безопасность, то есть со-

² См.: ст. 5 Закона «О банках и банковской деятельности».

стояние защищенности в кредитно-финансовой сфере, которое подвергается опасности в результате нарушения правил и условий государственно-целевого кредитования получателями его. Вместе с тем, указанный объект не является основным для данных действий, а скорее дополнительным. Блага и интересы, на которые осуществляется посягательство при известных действиях, находятся в бюджетной сфере.

Бюджетная сфера (или сфера бюджетных правоотношений) основывается на системе российского бюджетного законодательства (ст. 2 Бюджетного кодекса Российской Федерации). Бюджетное законодательство можно определить как совокупность актов, определяющих бюджетное устройство государства, его субъектов, местного самоуправления, регулирующих отношения по поводу распределения бюджетных средств между бюджетами разного уровня, их расходования, а также актов, устанавливающих порядок формирования и исполнения бюджетов, осуществления финансового контроля, формирования внебюджетных фондов и ответственность за нарушение бюджетного законодательства [27]. Бюджетное законодательство является частью финансового законодательства, так как бюджетная сфера является составной частью сферы финансовых отношений.

Исходя из изложенного, нам представляется справедливой точка зрения, согласно которой федеральный бюджет представляет собой фонд денежных средств, функционирующий на основе сметы расходов и доходов по источникам поступлений и основным направлениям расходования средств и поддерживающий стабильную макроэкономическую ситуацию в стране.

Таким образом, содержание бюджетных правоотношений выражается в праве установления доходных источников бюджетов всех уровней бюджетной системы, в том числе налогов, сборов и иных обязательных платежей; разграничении полномочий по осуществлению расходов между бюджетами разных уровней бюджетной системы Российской Федерации; установлении минимальных государственных социальных стандартов норм и нормативов финансовых затрат на единицу предоставлен-

ных государственных или муниципальных услуг; утверждении бюджетной классификации Российской Федерации; установлении единых форм бюджетной документации и отчетности для бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации; установлении оснований и порядка привлечения к ответственности за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации; централизации средств иных бюджетов бюджетной системы Российской Федерации для целевого финансирования общегосударственных мероприятий.

Другими словами, по большому счету из содержания бюджетных правоотношений возникают две основные группы правоотношений: 1) правоотношения по формированию государственных фондов денежных средств; 2) правоотношения по распределению и расходованию средств из этих фондов. Именно последняя группа правоотношений становится объектом посягательств, как представляется, при незаконном получении государственного целевого кредита (который также относится к бюджетной сфере и бюджетным средствам) и использовании его не по прямому назначению. В этой связи хочется отметить, что в литературе много внимания уделяется разграничению деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 176 УК РФ и ст. 285.1 УК РФ "Нецелевое расходование бюджетных средств". Однако если задуматься, то можно увидеть больше аргументации для объединения данных составов.

Кроме того, у состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, многие авторы справедливо усматривают дополнительный объект. Некоторые ученые характеризуют дополнительный объект ст. 176 УК РФ как экономические интересы кредиторов [28], что представляется не совсем точным. Понимание экономических интересов выходит далеко за пределы нарушаемого одновременно с основным объектом. На наш взгляд, дополнительным объектом незаконного получения кредита, льготных условий кредитования, а также незаконного получения целевого государственного кредита и его использования не по назначению являются имущественные интересы кредитных организаций (кредиторов), государства.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Гельфер М.А. Объект преступления. – М.: ВЮЗИ, 1960. – С. 6.
3. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. – Киев, 1891. – С. 236.
4. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М., 1980. – С. 4.
5. Улезько С.И., Фаргиев И.А. Объект преступления / РГЭУ (РИНХ). – Ростов-н/Д, 2001.
6. Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовной политики и уголовного права: межвуз. сб. науч. тр. – М., 1994. – С. 22.
7. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М., 1996. – С. 146-151.
8. Уголовное право России: учебник для вузов. В 2-х т. Т. 1. Общая часть. – М., 1998. – С. 101-105.
9. Упоров И., Хун А. Объект уголовно-правовых отношений: содержание и различение со сходным понятием // Уголовное право. – 2003. – № 24. – С. 64.
10. Зателепин О.К. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 31.
11. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 2. – Ст. 77.
12. Даль В.И. Толковый словарь. В 4-х т. Т. 1. – М., 1989. – С. 67-68.
13. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. – М.: Норма, 2001. – С. 22.
14. Дубинчин А. Некоторые аспекты правового регулирования заемно-кредитных отношений в современных условиях // Хозяйство и право. – 1998. – № 2.
15. Залевский В.Г. Проблема соотношения терминов "государственный кредит" и "государственный заем" в теории и законодательстве // Законодательство. – 2002. – № 1.
16. Гражданский кодекс РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Часть вторая // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
17. Экономика: учебник / под ред. А.С. Булатова. – М., 1997. – С. 406.
18. Белов В.А. Банковское право России: Теория, законодательство, практика: юридические очерки. – М.: Учеб.-консульт. центр "ЮрИнфоР", 2000. – С. 12, 15.
19. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и парадигма рыночных реформ: курс лекций. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – С. 364.
20. Филатов М.В. Проблемы и пути совершенствования деятельности российских банков в современных условиях / под ред. д-ра экон. наук В.В. Бандурина. – М., 1997. – С. 77.
21. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М.: Инфра-М, 1996. – С. 166.
22. Замуруев А.С. Кредит и ссуда: терминологический анализ, классификация и определение формы // Деньги и кредит. – 1999. – № 4. – С. 32-35.
23. Налоговый кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ. Часть первая // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
24. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 3. – Ст. 3823.
25. Банковское дело / под ред. проф. О.И. Лаврушина. – М., 2003. – С. 3.
26. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. – М.: Учеб.-консульт. центр "ЮрИнфоР", 1998. – С. 94.
27. Конюхова Т.В. О системе российского бюджетного законодательства // Журнал российского права. – 2001. – № 6. – С. 12.
28. Феоктистов М.В. Ответственность за незаконное получение кредита. НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики // Материалы расширенного заседания Ученого совета. – М., 2001.

В редакцию материал поступил 07.07.09.

Ключевые слова: кредит, объект преступления, опасность, порядок кредитования, денежные отношения, сфера бюджетных правонарушений.

УДК 343.2

В.Н. ТИЩЕНКО,

кандидат юридических наук, заведующий отделом

*Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации*

ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОГО В ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается взаимосвязь развития экономики и изменения преступности. Показано в динамике количество зарегистрированных преступлений на территории РФ, определены закономерности их подъемов и спадов.

Как известно, в 2008 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 3 209 862 преступления, что на 10,4% меньше, чем за 2007 г. (3 582 541 факт). Таким образом, в стране сохранилась отмеченная до этого тенденция сокращения числа зарегистрированных преступлений. В то же время проводимые исследования и проверки фиксируют факты постоянного нарушения учетно-регистрационной дисциплины, выражающейся в укрытии преступлений от учета и регистрации. В этой связи закономерен вопрос о причинах сокращения регистрируемых преступлений.

Сохраняя убежденность в безусловной справедливости утверждения о влиянии практики укрытия преступлений от учета и регистрации на конечные показатели регистрируемой преступности, тем не менее, считаем правомерным рассмотреть процессы, отмечаемые со второй половины 2006 г., с иной точки зрения, выдвинув гипотезу о том, что в основе отмечаемой динамики лежит не только субъективный фактор, но то, что ее детерминируют определенные объективные закономерности, связанные с иными пока еще не познанными факторами (социальными или природными, биологическими, техногенными, или иными).

Пользуясь категориями математики, можно утверждать, что совокупность годовых итоговых показателей преступности, подчиняясь, в первую очередь, закону больших чисел, определяющему, что *"необходимость пробивает себе*

дорогу через массу случайностей", представляет собой объективность, в проявлениях которой обязательно присутствуют закономерности, не зависящие от субъективных попыток отдельных работников милиции исказить реальное состояние преступности.

Из изложенного следует вывод, что те преступления, которые попадают в уголовную статистику, независимо от практики их укрытия от учета и регистрации, суммарно должны образовывать ежегодные массивы, которые **в совокупности независимо от человеческой воли должны отображать определенные объективные закономерности в динамике их изменений**, которые могут быть выявлены и затем познаны.

Приведенный выше подход к пониманию динамики показателей количества преступлений, зарегистрированных на протяжении 2007-2008 гг., привел к достаточно интересным выводам, которым посвящена настоящая статья.

Сначала рассмотрим рис. 1, где представлена динамика количества преступлений, зарегистрированных на территории Российской Федерации за период с 1971 по 2008 гг. Несмотря на внешнюю хаотичность кривой, представленной на нем, в ней прослеживаются определенные **закономерности в виде определенной цикличности подъемов и спадов**.

Эта цикличность выглядит более наглядно, если кривую расчленить на отдельные участки, что позволяет обнаружить не только количество

"всплесков", но и проанализировать их продолжительность, особенности их структуры, а также выявить и некоторые иные закономерности (рис. 2).

Первый "всплеск" охватывает период с 1982 по 1987 гг. и приходится на период существования РСФСР, следующий – на период с 1988 по 1997 гг., начавшись с эпохой "перестройки", выз-

вавшей всеобщую криминализацию в обществе, окончание которого совпадает с введением в действие УК РФ, третий "всплеск" продолжался 5 лет (с 1997 по середину 2002 гг., его окончание по времени совпадает с введением УК РФ). Четвертый "всплеск", как можно полагать, представлен только частично, обрываясь с окончанием статистического наблюдения в 2008 г.

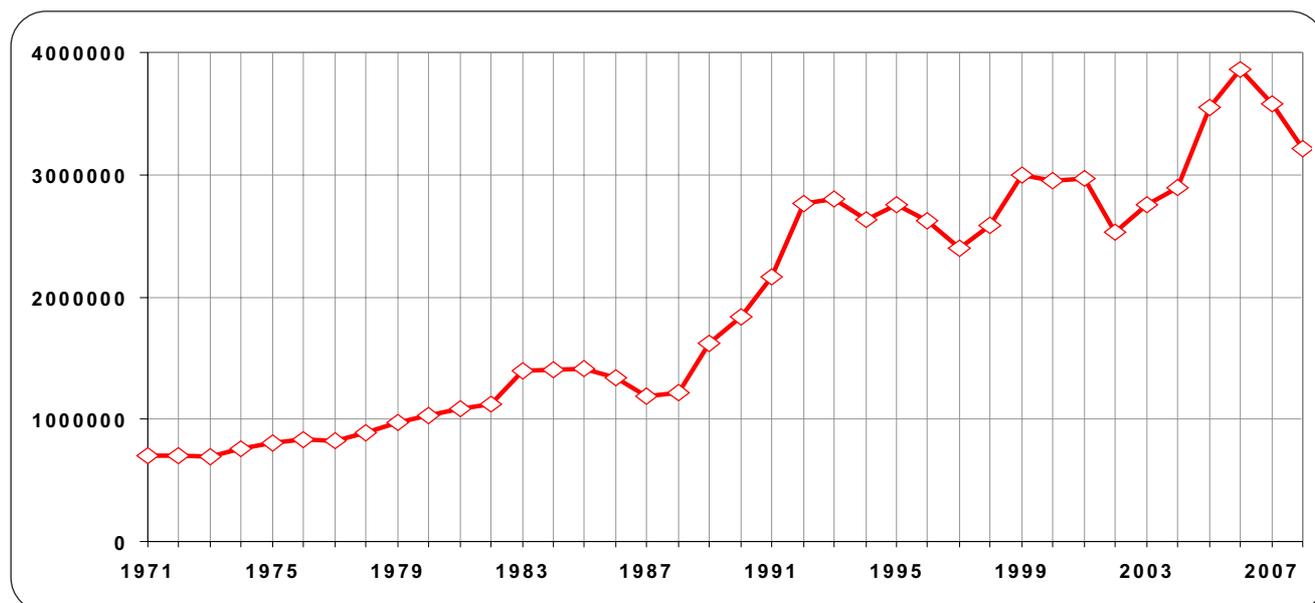

Рис. 1. Динамика количества зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации на протяжении 1978-2008 гг.

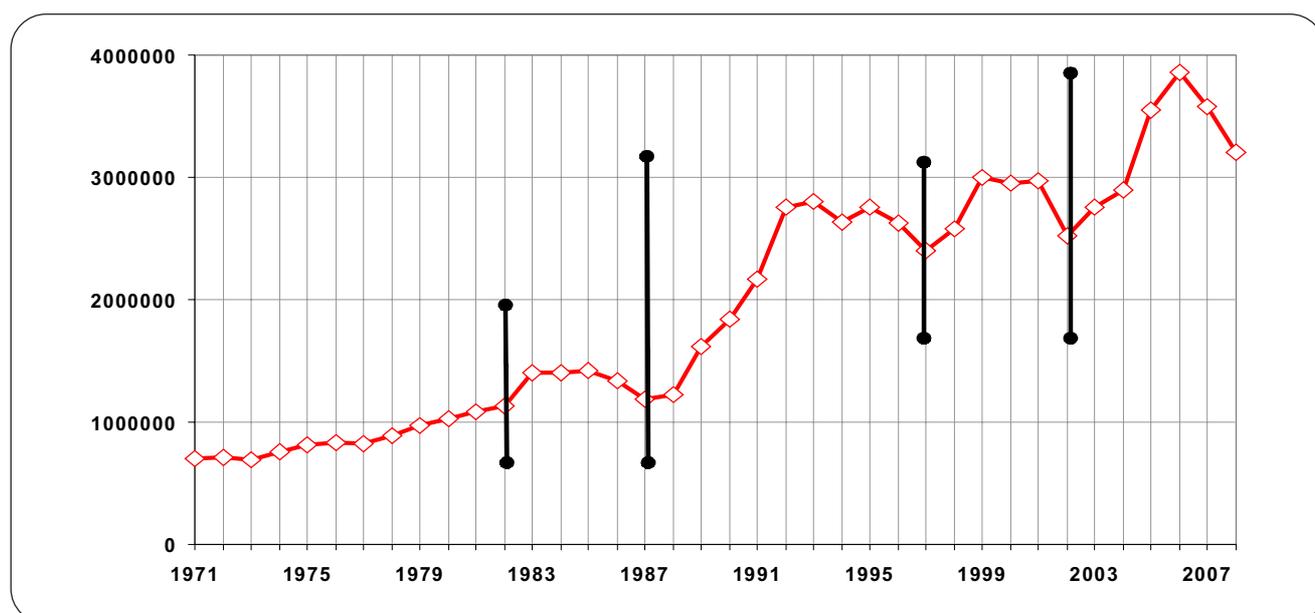

Рис. 2. Расчленение на участки кривой динамики преступлений, зарегистрированных на протяжении 1971-2008 гг. в Российской Федерации

Из представленного графика можно сделать несколько достаточно интересных выводов, в том числе обосновывающих возможность рассчитать прогноз развития динамики зарегистрированной преступности в стране.

1. Нынешнее сокращение количества зарегистрированных преступлений должно иметь какой-то объективный предел.

Интересно, что в 1997 и в 2002 гг. преступления сокращались до одного и того же показателя (2,42 и 2,43 млн преступлений). Учитывая возрастание тренда (согласно расчетам он демонстрирует объективный прирост в стране количества преступлений на 5 тыс. фактов ежемесячно), можно предположить, что в дальнейшем нижний порог сокращения зарегистрированных преступлений приподнимется до показателя около 3 млн преступлений и ниже этого показателя число зарегистрированных преступлений уже не сократится (рис. 3).

2. Преступности свойственен устойчивый колебательный процесс, объективные причины которого пока что трудно объяснить.

Амплитуда колебаний количества зарегистрированных преступлений (рис. 3) достаточно наглядна по отношению к линии тренда, причем по площадям верхние и нижние полуволны должны быть равновесны по отношению друг к другу. Это правило дает дополнительное обоснование возможности прогнозировать ситуацию с преступлениями в будущем.

3. Как и любые социальные процессы, преступность безусловно должна иметь свои причины и условия, причем объективные всплески и сокращения должны также иметь свои глубинные объективные причины и условия, вызывающие ее ритмичное раскачивание.

Если отмеченные процессы действительно объективны, то этот причинно-следственный комплекс должен сильно отличаться от того, которым мы ныне оперируем (пьянство, наркомания и т.п., так как они, в свою очередь, должны представлять собой следствие более глубокого комплекса факторов). Вполне возможно, что такими глубинными регуляторами выступают какие-то биологические циклические процес-

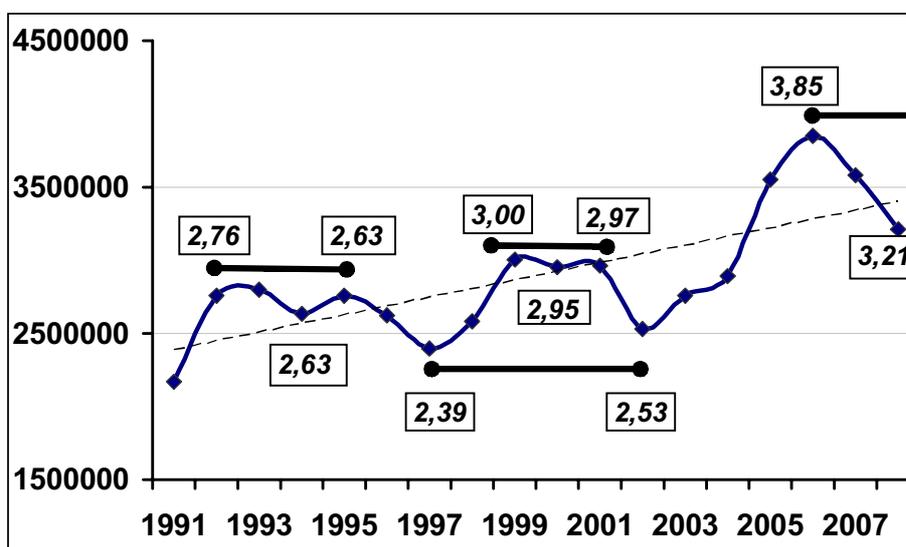

Рис. 3. Верхние и нижние пределы амплитуды раскачивания показателей в динамике числа преступлений, зарегистрированных на протяжении 1971-2008 гг.*

* На рисунке цифры в рамках показывают количество преступлений, зарегистрированных по итогам соответствующих годов (в миллионах фактов). Пунктиром обозначена линия тренда. В отличие от остальных рисунков в данном случае график строился не по годовым точкам, а по помесечным, что позволило в деталях отразить колебания амплитуды.

сы (например, ритмы солнечной активности). В 90-е гг. прошлого столетия во ВНИИ МВД России С.Л. Киселевым была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, в которой он обосновывал взаимосвязь насильственной и корыстно-насильственной преступности с 11-летним циклом Солнца.

4. Перед очередным ростом количества зарегистрированных преступлений наблюдаются определенные "площадки разгона".

Подобные площадки (указаны стрелками на рис. 4) как бы предваряют последующий всплеск, отображая тем самым инерцию разворота вектора динамики преступности от падения к росту, после чего начинается стремительный рост количества зарегистрированных преступлений. Присутствие в линии графика таких "площадок разгона" подтверждает то, что разворот вектора движения кривой на графике происходит под воздействием какого-то противодействия, препятствующего продолжению сокращения числа зарегистрированных преступлений.

5. Каждый цикл графически напоминает контур "спины двугорбого верблюда", так как в середине каждого цикла отмечается не пик, а небольшой провал.

Если рассматривать конфигурацию таких всплесков (рис. 3), то в их верхней части при-

сутствует небольшая "статистическая яма", повторяющаяся на каждом всплеске. В этой связи ныне отмечаемое сокращение преступлений может рассматриваться как подобную кратковременную "статистическую яму", на смену которой должен прийти примерно равный по продолжительности времени период нарастания числа преступлений. Так ли это для нынешнего цикла, покажет только будущее.

Эта особенность достаточно любопытна, но пока что не объяснима. Не ясно, почему должен существовать подобный провал, а не всплеск в форме пика, как и не ясно то, будет ли такой "провал" присутствовать также и в будущем.

6. Особенности динамики общего числа зарегистрированных преступлений в той или иной мере присущи динамике отдельных видов преступлений.

Кражи всех видов являются самым распространенным видом преступлений, в связи с чем характер раскачивания кривой, характеризующей динамику числа зарегистрированных краж (рис. 5), объективно соответствует изменениям динамики общего числа зарегистрированных преступлений.

Попытка анализа динамики преступлений, количество которых существенно уступает общему числу зарегистрированных преступлений (например, зарегистрированных убийств, коли-

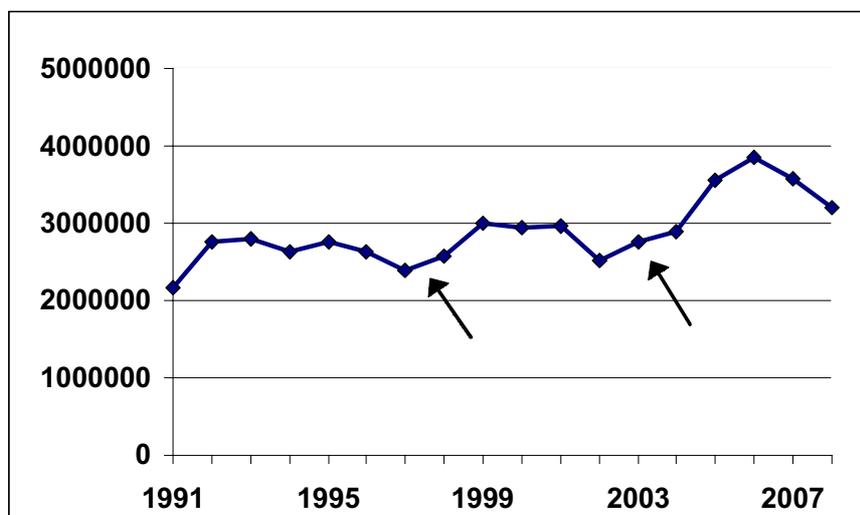

Рис. 4. "Площадки разгона" (указаны стрелками)

Рис. 5. Сравнение раскачивания амплитуд динамики всех зарегистрированных преступлений и краж за период 1971-2008 гг.*

* На рисунке цифры в рамках показывают количество преступлений, зарегистрированных по итогам соответствующих годов (в миллионах фактов). Прямая на рисунке – линия тренда.

чество которых на два порядка меньше общего числа зарегистрированных преступлений или числа краж), приводит к сглаживанию деталей кривой на графике (это наглядно видно при сопоставлении рис. 5 и 6), что лишним раз подтверждает справедливость указанного выше закона больших чисел, утверждающего, что закономерности проявляются только при анализе большого наблюдательного материала.

6. Несмотря на колебания итогового показателя количества ежегодно регистрируемых преступлений, линия тренда, начиная с советского периода, демонстрирует устойчивый рост.

Использование параболы для построения линии тренда у интервала с 1971 по 2008 гг. (рис. 7) позволяет получить более тонкую характеристику усредненной динамики количества зарегистрированных преступлений в сравнении с линейным трендом на рис. 3, так как выявляет тенденцию изменения линии тренда.

Казалось бы, несмотря на очевидность роста тренда, причины этой тенденции в полной мере не ясны, тем более что численность населения в России по сравнению с РСФСР суще-

ственно уменьшилась. Хотя тенденция роста количества зарегистрированных преступлений отмечается не только в России – это мировое явление, – тем не менее, применительно к России он требует особого внимания, если анализом охватить не только новейший период, но и заключительную стадию советского периода.

Если продлить параболу тренда, имеющую явную тенденцию к возрастанию крутизны, то можно предположить, что в недалеком будущем нас ждет стремительный рост зарегистрированной преступности, причем для подобного утверждения не нужно привлекать кризисный фактор – подобный вывод вытекает из представленного графика.

Если задать вопрос о причинах отмеченной тенденции тренда, то наиболее вероятный вариант ответа предсказуем – рост криминальной активности населения современной России. Однако, по нашему мнению, помимо этого существуют какие-то более глубинные объективные факторы, влияющие на подобную динамику, поскольку тренд отмечает устойчивую тенденцию роста даже в далекий советский период, когда число зарегистрированных преступлений

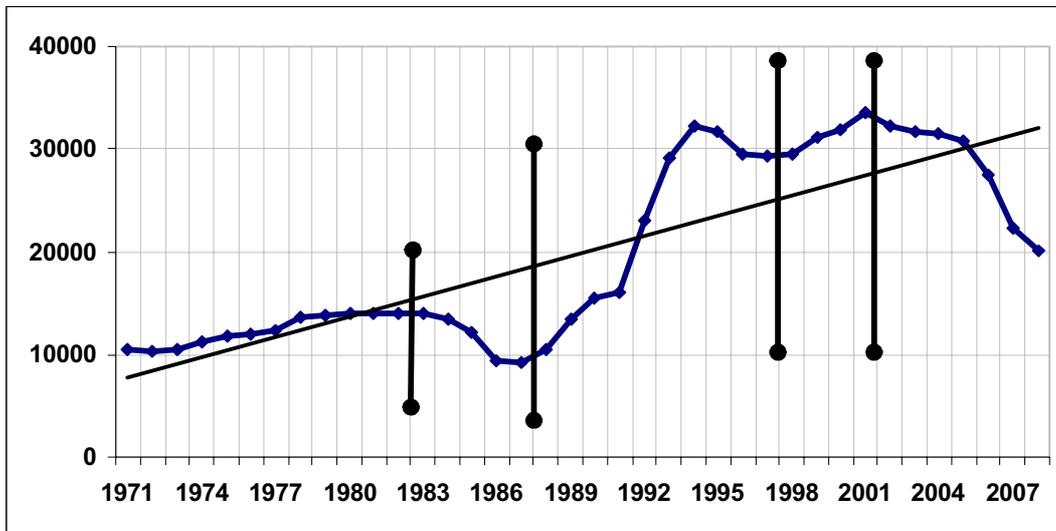

Рис. 6. Сравнение раскачивания амплитуд динамики всех зарегистрированных преступлений и убийств за период 1971-2008 гг.*

* На рисунке цифры в рамках показывают количество преступлений, зарегистрированных по итогам соответствующих годов (в миллионах фактов). Прямая на рисунке – линия тренда.

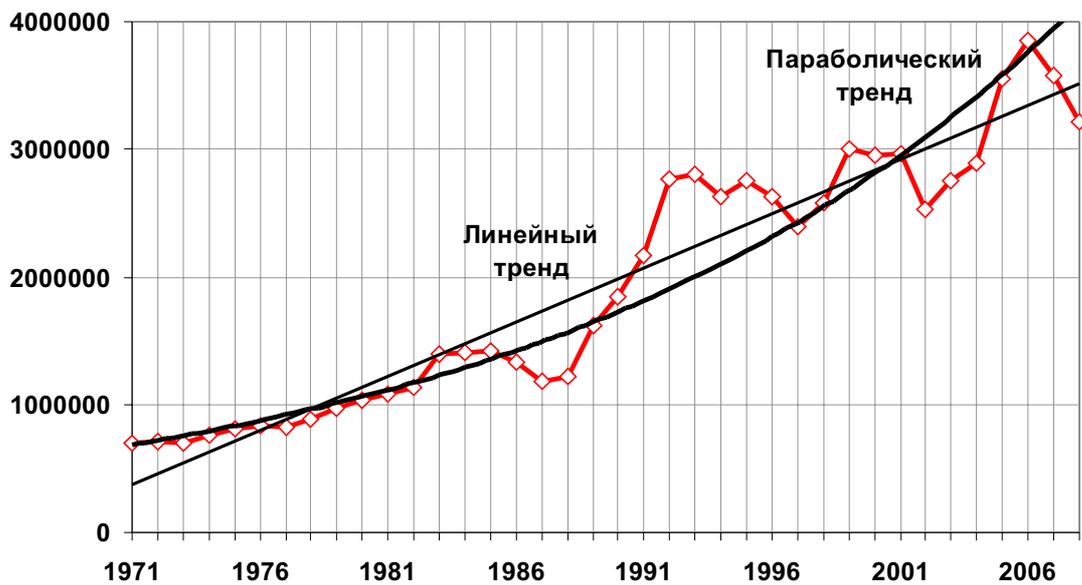

Рис. 7. Параболический тренд динамики преступлений, зарегистрированных на протяжении 1971-2008 гг.

почти официально искусственно "подрезалось" до минимума, в результате чего их число фактически совпадало с линией тренда, но изменить его направленность даже в советское время не смогли никакие указания сверху.

Сказанное лишней раз дает основание полагать, что динамика развития экономики и изменения в динамике преступности не только

взаимосвязаны, но и подчинены единым глубинным регуляторам.

Изложенное выше позволяет утверждать, что в современной динамике изменения количества зарегистрированных преступлений присутствуют не только субъективные, но и объективные факторы, определяющие ее рост или снижение.

В редакцию материал поступил 18.08.09.

Ключевые слова: преступность, регистрируемые преступления, анализ динамики преступлений.

UDC 343.2

V.N. TISHCHENKO,
PhD (Law), Head of Department

*Scientific-research Institute of the Academy of Prosecutor General's Office
of the Russian Federation*

SIGNS OF THE OBJECTIVE IN THE DYNAMICS OF MODERN CRIME IN RUSSIAN FEDERATION

The article views the interconnection between economic development and crime change. The dynamics of registered crime on the territory of the Russian Federation is shown, the rules of its rises and falls are defined.

As is known, in 2008 3 209 862 crimes were registered in Russia, which is by 10.4% less than in 2007 (3 582 541 actual crimes). Therefore, the tendency of reducing the number of registered crimes in the country, noted before, has persisted. At the same time the investigations and checks mark the facts of constant violation of report-and-control discipline, which results in hiding crimes from registration and reporting. Consequently, the issue of the reasons for registered crimes reduction should be studied.

We are absolutely sure that hiding crimes from registration and reporting influences the resulting indicators of the registered crimes. Nevertheless, we consider it possible to view from a different point the processes noted since the second half of 2006, and to propose a hypothesis that the mentioned dynamics is based not only on the subjective factor but on certain objective mechanisms connected with other, still uninvestigated, factors (social or natural, biological, technogenic, or other).

Applying mathematical categories, we can assert that the total of annual resulting indices of crime follows, first of all, the law of large numbers, which states that "the necessity makes its way through a mass of contingency". Thus, it is an objective phenomenon, the revelations of which inevitably contain the rules not depending on the subjective attempts of certain workers to pervert the real state of crime.

The above-mentioned leads to the conclusion that those crimes which are included into criminal

statistics, regardless of their conceiving from registration practice, should form annual massifs which **totally, regardless of the human will, should reflect certain objective rules in the dynamics of their changes**, which can be revealed and then studied.

The above-mentioned approach to the understanding of the crime rate dynamics, registered during 2007-2008, has led to rather interesting conclusions shown in this article.

Let us first study Fig. 1, presenting the dynamics of crime rate registered on the Russian Federation territory from 1971 to 2008. In spite of the seemingly chaotic curve, we can trace certain **rules of raises and falls cyclicity**.

This cyclicity looks more obvious if we divide the curve into separate parts, which allows to see not only the number of "splashes", but also to analyze their duration and reveal certain other rules (Fig. 2).

The first "splash" embraces the period of 1982-1987, that is, when RSFSR existed, the next is 1988-1997, which began from "perestroika" causing the total criminalization in the society, and ended with consummation of the Russian Federation Criminal Code. The third "splash" went on for 5 years (from 1997 till the middle of 2002), its end coincides with the introduction of the Russian Federation Criminal-Procedural Code. The fourth "splash", as we can assume, is presented only partially, and it terminates with the end of statistical observation in 2008.

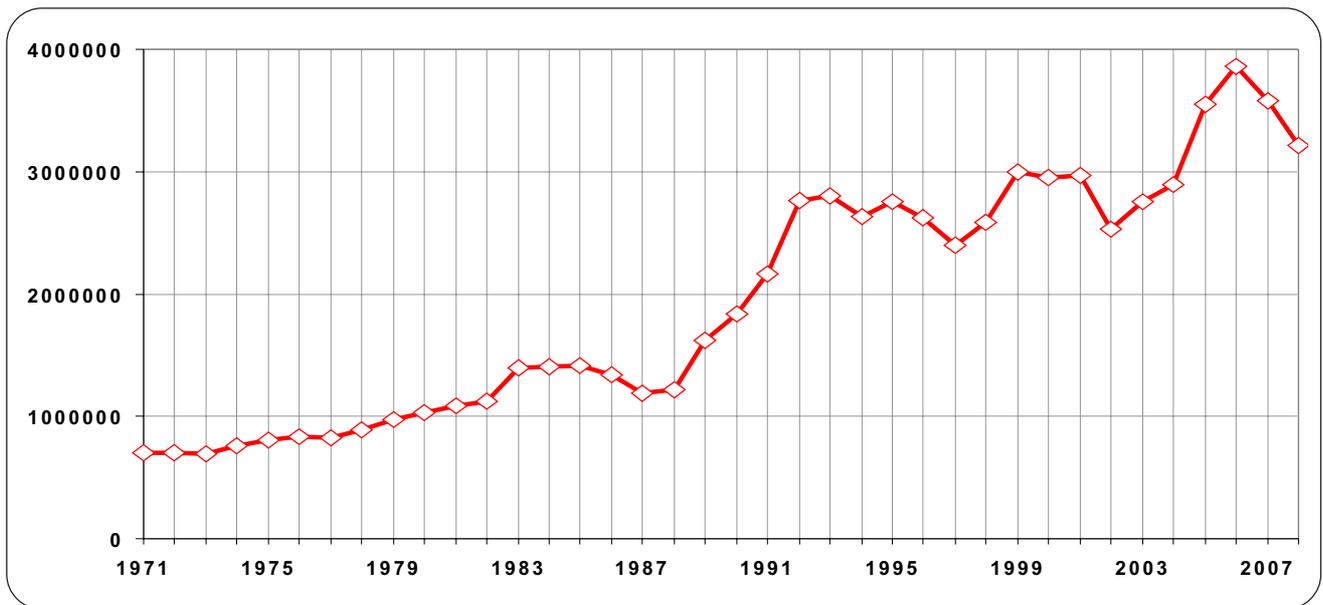

Fig. 1. Dynamics of crime rates registered on the Russian Federation territory during 1971-2008

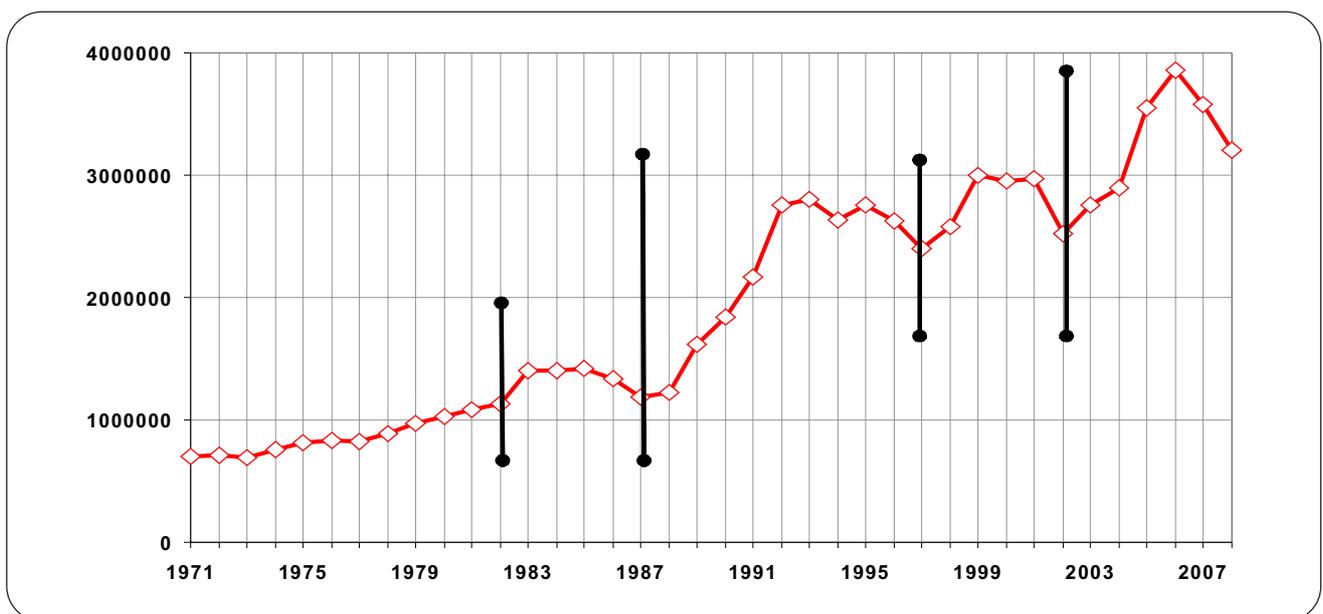

Fig. 2. Splitting of the curve of crime rates dynamics registered on the Russian Federation territory during 1971-2008

The presented graph allows to make several interesting conclusions, including those which make it possible to calculate the prognosis of the registered crime dynamics in the country.

1. The present reduction of the registered crime numbers should have some objective limit.

It is interesting that in 1997 and in 2002 the crime rates reduced up to the same figure (2.42 and 2.43 million crimes). Taking into account the trend rise (according to calculations it shows objective

growth of crime rate in the country by 5 thousand crimes a month), we can assume that in future the lower limit of the registered crime reduction will grow up to about 3 million crimes and will not go below that figure (Fig. 3).

2. Fluctuation process is attributable for crime, though its objective reasons are not yet clear.

Fluctuation amplitude of the registered crime number (Fig. 3) is quite vivid in relation to the trend

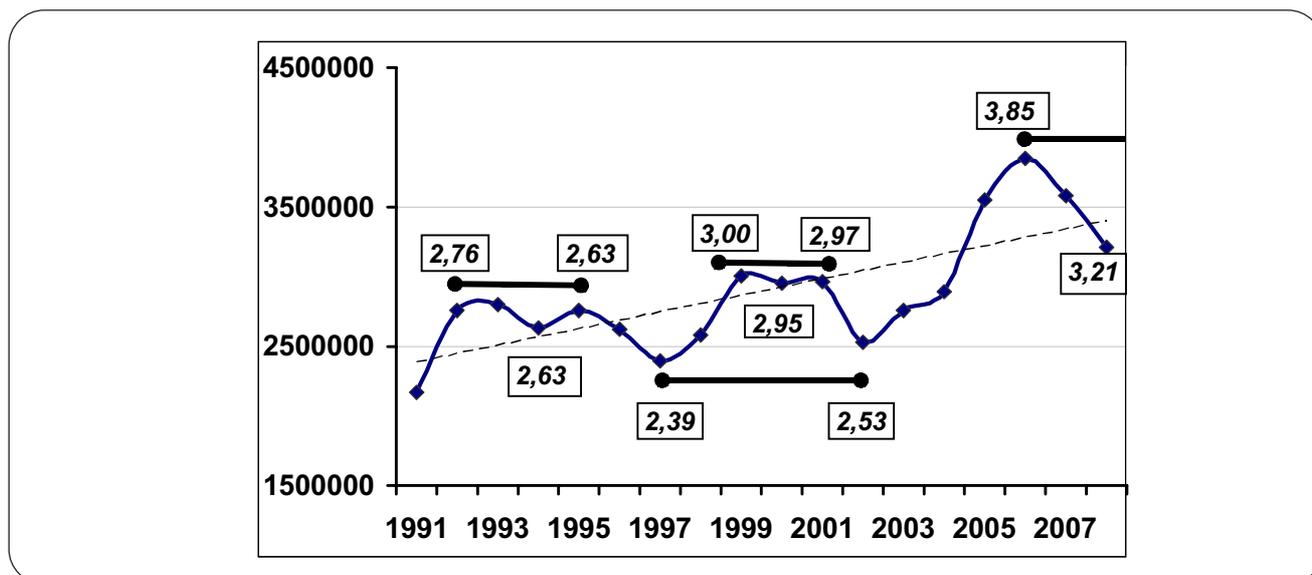

Fig. 3. Upper and lower limits of fluctuations in the dynamics of crime registered on the Russian Federation territory during 1971-2008*

* On the graph the figures in brackets indicate the number of crimes registered for the end of respective years (in millions crimes). The dotted line shows the trend line. Unlike other graphs, this one was drawn not by yearly points, but by monthly ones, which allowed to reflect the amplitude fluctuations in detail.

line, and the areas of the upper and lower half-waves should be balanced with each other. This rule gives additional proof to the possibility to predict the future criminal situation.

3. Like any social process, crime should undoubtedly have its own reasons and conditions, and the objective splashes and reductions should also have their own underlying objective reasons and conditions.

If the noted processes actually objective, this reason-consequence complex should significantly differ from the one we now deal with (alcoholism, drug addiction, etc., as they, in turn, should be a consequence of some deeper complex of factors). It is possible that such deeper regulators are some biological cyclic processes (for example, the rhythms of active sun). In the 90-s of the last century S.L. Kiselyov from All-Russia Scientific-research institute of the Ministry of Domestic Affairs successfully defended the doctoral thesis, in which he proved the correlation of violent and lucrative-violent crime and the 11-year cycle of the Sun.

4. Before the next growth of the registered crime rate there are certain "areas of acceleration".

Such areas (shown by arrows on Fig. 4) come before the next splash, thus reflecting the inertia of

the vector of crime dynamics from the fall to the rise, after which there is a rapid growth of the number of registered crimes. The presence of such "acceleration areas" in the graph line proves that the turn of the dynamics vector takes place under the influence of some counteraction, which bars the further reduction of the registered crime rates.

5. Each cycle graphically resembles the "two-humped camel", as there is not a peak, but a small dip in the middle of each cycle.

If we study the configuration of such splashes (Fig. 3), in their upper part we can see a small "statistical dip", repeating on every splash. Thus, the present crime reduction can be viewed as such short-term "statistical dip", which will be followed by the approximately equal period of crime growth. If it is true for the present cycle, only time will show.

This peculiarity is quite curious, though not yet explained. Why there should be such a dip, not a peak, and will such a dip exist in future – it is not yet clear.

6. Peculiarities of the general crime rates dynamics are to a certain extent attributable for certain types of crimes.

Larceny of all types is the most widely spread crime, and the fluctuation of the curve for registered larceny rates (Fig. 5) objectively corresponds to

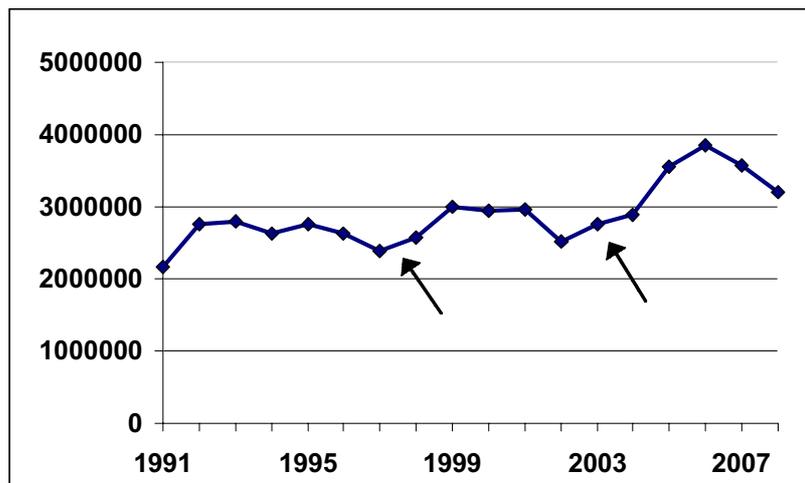

Fig. 4. "Acceleration areas" (shown by arrows)

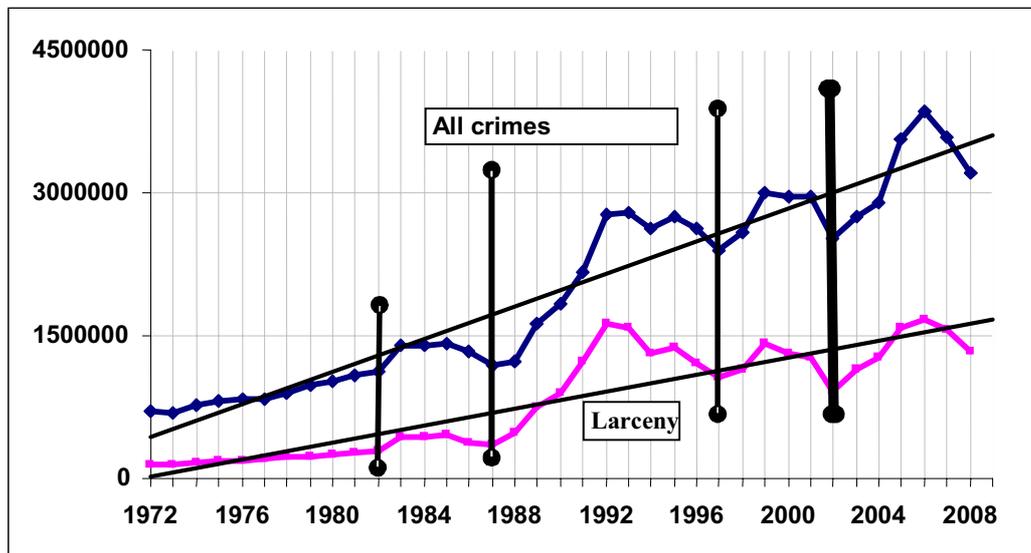

Fig. 5. Correlation between amplitude fluctuation of all registered crimes dynamics and larceny rates in 1971-2008*

* On the graph the figures in brackets show the number crimes registered by the end of corresponding year (in millions crimes). The straight line is the trend line.

the changes in the overall number of registered crimes.

An attempt to analyze the crime dynamics, if their number is significantly lower than that of all general crimes (for example, registered murders, the number of which is by a factor of a hundred less than the number of all registered crimes or a number of thefts) leads to smoothing of the curve (which can be clearly seen when comparing Fig. 5 and 6), which again confirms the law of large numbers stating that

the rules emerge only when a lot of material is analyzed.

6. In spite of the fluctuations of the resulting indicator of the annually registered crimes, the trend line shows steady growth since Soviet period.

Using the parabola for trend line of 1971-2008 period (Fig. 7) allows to obtain a more accurate characteristic of the average dynamics of registered crime rates in comparison with the linear trend in Fig. 3, as it reveals the tendency of the trend line change.

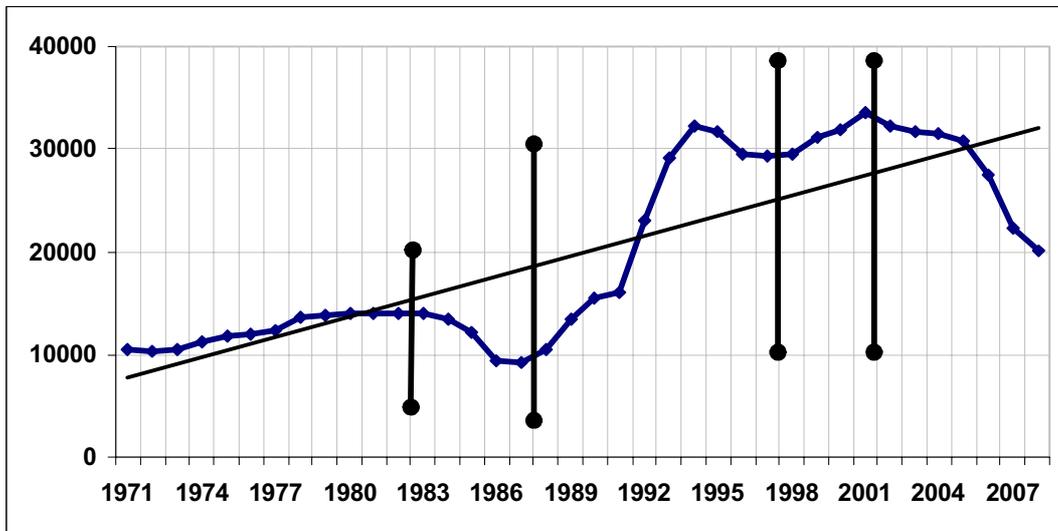

Fig. 6. Correlation between amplitude fluctuation of all registered crimes dynamics and murders rates in 1971-2008*

* On the graph the figures in brackets show the number crimes registered by the end of corresponding year (in millions crimes). The straight line is the trend line.

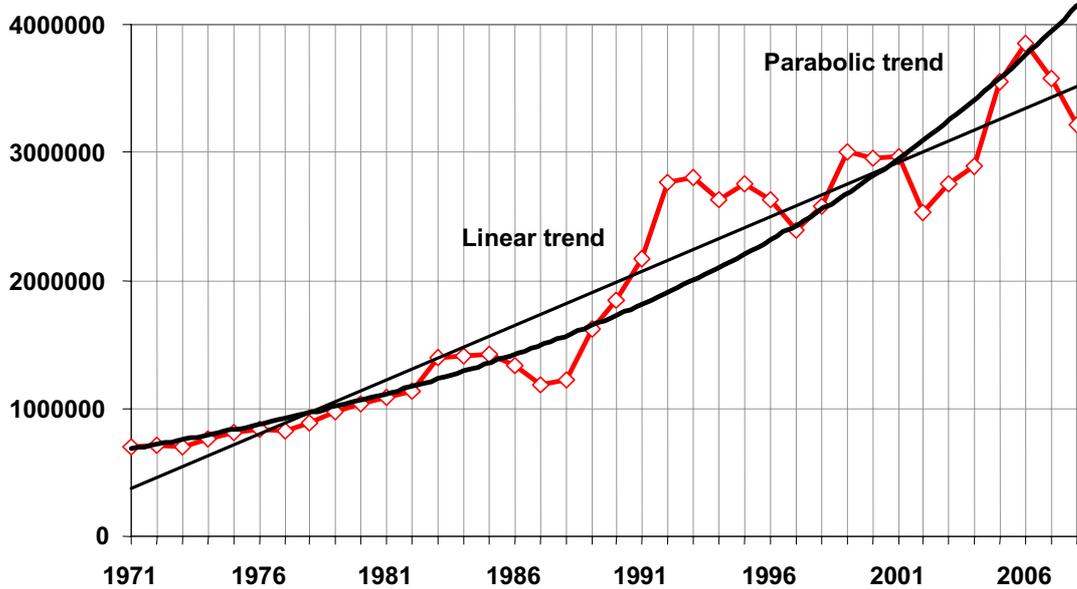

Fig. 7. Parabolic trend of crime dynamics registered during 1971-2008

In spite of the evident growth of the trend, its reasons are not clear, more by token, Russian has far less population than RSFSR. Though the tendency of the registered crime rates growth is marked not only in Russia – it a world-wide phenomenon, – but it demands special attention concerning Russia, if we analyze not only the recent period, but also the final stage of the Soviet period.

If we continue the trend parabola, which has the vivid tendency of steepness growth, we can assume that in the nearest future we will face the rapid growth of registered crime, and this assumption does not need the crisis factor – this conclusion comes from the presented graph.

If we ask about the reasons for such trend, the most probable answer is predictable – the growth

of criminal activity of the modern Russia population. However, in our opinion, there are other underlying factors influencing such dynamics, as the trend grew steadily even in the remote Soviet period when the number of registered crimes was almost officially reduced to minimum and actually coincided with the trend line. Anyway, the tendency could not been changed even by the orders from above.

Everything mentioned hereinabove gives ground to assume that the dynamics of economy development and changes in the crime dynamics are not only interconnected, but are also influenced by the same underlying regulators.

The presented data allows to state that the modern dynamics of the registered crime rate includes both subjective and objective factors determining its growth or reduction.

The article was received in the editorial board on 18.08.09.

Key words: crime, registered crimes, crime dynamics analysis.

УДК 343.37

М.М. ЮСУПОВ,
соискатель

Академия экономической безопасности МВД России, г. Москва

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТА НЕЗАКОННОГО ОТМЫВАНИЯ (ЛЕГАЛИЗАЦИИ) ПРЕСТУПНО НАЖИТЫХ СРЕДСТВ

Рассматриваются дискуссионные в научной литературе вопросы объектов составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ. На основе исследования различных точек зрения и анализа норм действующего законодательства автор обосновывает вывод о признании названных преступлений посягательствами на правосудие.

Объект преступления является необходимым элементом состава преступления. Четырехзвенная структура состава преступления, в которую входят объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона, в первую очередь требует при квалификации деяния определения объекта посягательства – того, чему этим деянием причинен или может быть причинен существенный вред. Видимо поэтому в науке уголовного права давно стало традиционным начинать анализ состава преступления с определения объекта преступления.

В научной литературе высказано немало суждений по поводу непосредственного объекта легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ), приобретенных лицом в результате совершения преступления (ст. 174.1 УК РФ). В основном дискуссии по этой проблеме связаны с тем, где должны находиться известные статьи, к какой группе преступлений следует относить названные выше деяния.

Наиболее распространенным и достаточно авторитетным в этом плане является традиционное представление о деяниях, ответственность за которые установлена в ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ, как о посягательствах в сфере экономической деятельности. Эта позиция находит широкую поддержку в научной среде, в частности

в работах Н.Н. Афанасьева [1], Э.А. Иванова [2], Ю.Г. Васина [3], А. Вершинина [4] и Н.И. Ветрова [5] и т.д.

Однако в последнее время в научной литературе все более популярным становится мнение, согласно которому преступления, заключающиеся в легализации преступных доходов, следует рассматривать не в рамках группы преступлений в сфере экономической деятельности, а в рамках группы преступлений против правосудия.

В частности, К.В. Тетюков полагает, что основным непосредственным объектом легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, являются интересы правосудия. Автор предлагает перенести уголовно-правовые нормы об ответственности за легализацию преступных доходов из гл. 22 "Преступления в сфере экономической деятельности" в гл. 31 "Преступления против правосудия" УК РФ [6]. Данной позиции придерживается и ряд других авторов [7].

Таким образом, мы наблюдаем две взаимоисключающие позиции. По мнению одних, основным непосредственным объектом легализации являются блага и интересы в сфере распределения материальных благ или основанный на законе порядок ведения экономической деятельности, а, по мнению других ученых – интересы правосудия. Надо сказать, что обе позиции имеют достаточно солидную аргументацию, одна-

ко, на наш взгляд, более предпочтительной представляется вторая. Следует также отметить, что из года в год она приобретает все больше сторонников.

Действительно, отмывание денег является фактором несправедливого социально-экономического расслоения общества. "Грязные" деньги и имущество, попадающие в гражданский оборот, нарушают принципы добросовестной конкуренции, честного бизнеса [8], то есть принципы экономики (экономической деятельности). Как следствие такие деньги и имущество используются в официальном хозяйственном обороте, приравниваются к законно полученным. Это порождает у виновных ощущение безнаказанности, неприкасаемости, влечет за собой порочный круг: лицо вновь идет на совершение экономически выгодных преступлений (наркобизнес, порнобизнес, торговля оружием и др.), надеясь, что сможет в дальнейшем пользоваться все новым имуществом, добытым преступным путем.

Наконец, как справедливо было замечено И.А. Киселевым, возможность легализовать результаты преступной деятельности способствует формированию извращенного представления о таких социально-экономических ценностях, как труд, талант, физические, интеллектуальные и предпринимательские способности. Она воздействует на критерии достижения успеха в обществе, включает в их число навыки преступной наживы.

Таким образом, отмывание преступных доходов происходит в сфере экономической деятельности. Однако причинение этим преступлением вреда жизненно важным интересам указанной сферы как основному объекту преступного посягательства вызывает определенные сомнения. Утверждение об опасности отмывания "грязных" доходов для экономики представляет собой, скорее, идеологическое, а не научное знание, а господствующая в современной российской науке уголовного права точка зрения на основной непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ, как на общественные отношения в сфере экономики, представляется недостаточно аргументированной. Обладающие финансовой

мощью преступные группировки ставят под свой контроль наиболее прибыльные виды бизнеса, создают непреодолимые препятствия для конкуренции, подкупают чиновников, следователей, судей. В этом смысле криминальные деньги оказывают разрушающее и разлагающее воздействие на основы рыночной экономики. Опасное воздействие отмывания денег на экономику часто осуществляется не прямо, а косвенно, преломляясь через призму социального и политического вреда.

Если проанализировать рассматриваемые составы преступлений, мотивацию совершения соответствующих деяний, то можно сделать вывод, что первичным в преступных действиях, связанных с отмыванием преступных доходов, является сокрытие криминальной деятельности, а получение возможности свободно распоряжаться имущественными результатами этой деятельности – вторичным, поскольку они причиняют вред рыночной экономической деятельности как системе отношений участников гражданского оборота. Как известно, активы, получаемые преступным путем имеют преимущества перед активами, полученными легальным путем, ибо требуют меньше издержек на их получение.

Общественная опасность, противоправность деяния, а в конечном счете объект преступления, должны определяться тем вредом или угрозой причинения вреда, который заключается в конкретных действиях (бездействии), запрещенных уголовным законом. Из этого следует, что отношения в сфере экономической деятельности не вполне обосновано, с точки зрения правовой логики, определяются в качестве основного непосредственного объекта отмывания преступных доходов. По мнению И.А. Киселева, с которым мы солидаризируемся, деятельность преступников по отмыванию денег преследует цель сокрытия криминальной природы происхождения противоправных доходов и, как следствие, препятствует выявлению, предупреждению и пресечению преступной деятельности, то есть напрямую способствует утаиванию преступлений, являющихся источниками материальных благ для виновного. В результате преступники уклоняются от уголовного на-

казания, продолжая владеть ценностями, добытыми преступным путем. В этом прямом нарушении интересов правосудия заключается сущность уголовно-противоправного отмывания. Отмывание преступных доходов препятствует обнаружению, изъятию из незаконного владения и возвращению законным собственникам преступно приобретенного имущества, которое является вещественным доказательством по уголовному делу (ст. 81 УПК РФ), подлежит имущественному взысканию или конфискации, либо является средством возмещения вреда, причиненного преступлением (ст. ст. 115-116 УПК РФ), а также препятствует принятию законных мер по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества (ст. 230 УПК РФ).

В данном вопросе есть и международно-правовой аспект. В 2001 г. Россия ратифицировала Страсбургскую конвенцию и тем самым обязалась предусмотреть в качестве преступления конверсию или передачу имущества, если известно, что такое имущество является доходом, полученным преступным путем, с целью скрыть незаконное происхождение такого имущества или помочь любому лицу, замешанному в совершении основного преступления, избежать правовых последствий своих деяний [9]. Кроме того, преамбула Страсбургской конвенции устанавливает, что государства, подписавшие конвенцию, считают, что борьба против опасных форм преступности, во все большей степени приобретающих международный характер, требует использования эффективных и современных методов в международном масштабе, а также полагают, что один из этих методов заключается в лишении преступника доходов от преступной деятельности. Тем самым целью признания отмывания преступных доходов преступлением является лишение преступника доходов от преступной деятельности. При этом необходимо помнить, что, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и что если международным договором Российской Федерации установлены иные прави-

ла, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Более того, во многих правовых системах зарубежных европейских государств отмывание преступных доходов как состав преступления размещен среди преступлений против интересов правосудия. Так, ст. 305 Уголовного кодекса Швейцарии, предусматривающая ответственность за отмывание денег, помещена в раздел 17 "Преступления против правосудия" [10].

Таким образом, считаем, что по своей сути и природе предусмотренные ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ деяния являются преступлениями против правосудия. На вопрос, страдают ли интересы экономической деятельности в связи с отмыванием, нельзя ответить однозначно. Вред таким интересам может быть причинен, а может быть создана опасность причинения им вреда либо вред может быть причинен иным объектам. Например, если речь идет об отмывании средств, полученных от незаконного оборота наркотиков и потраченных на "красивую жизнь". Поэтому у нас нет оснований обозначать интересы экономической деятельности даже как дополнительный объект. Это существенно сузило бы возможности борьбы уголовного закона с рассматриваемыми видами преступного поведения.

Далее следует отметить, что в рамках исследуемых составов преступлений возможно выделение факультативных объектов.

Так, в научной доктрине в качестве факультативного объекта вполне обоснованно называют международный авторитет страны, который существенным образом страдает от широкомасштабной деятельности по отмыванию доходов от преступной деятельности, и соответствующее состояние которого является поводом к внешнему давлению на государство в сфере определения внутриэкономической политики (примеры: Австрия, Россия Швейцария, Каймановы о-ва, Сейшельские о-ва и др.) [11].

По мнению О.Ю. Якимова, отнесение легализации только к "внутренним" экономическим преступлениям, как это имеет место сегодня, не отражает в должной степени ее повышенную общественную опасность. Разумеется, национальная экономика терпит ущерб при использо-

вании ее субъектами заведомо криминальных форм поведения в экономической деятельности, однако в связи с глобализацией мировой экономики вред причиняется также и международной экономической деятельности вообще и ее финансовой составляющей в частности [12].

А.А. Шебунов отмечает, что если предметом преступления выступают оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества, наркотические и психотропные средства, сильнодействующие и ядовитые вещества, то данное преступление посягает не только на те или иные экономические отношения и интересы правосудия, но и на общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, здоровье населения, общественную нравственность [13]. И.А. Киселев обосновывает факультативность этих объектов. По его мнению, включение интересов общественной безопасности, а также здоровья и нравственности населения в перечень объектов отмывания возможно лишь в качестве факультативных.

Заслуживает внимания также предложение В.М. Алиева в качестве факультативного объекта связанных с отмыванием преступлений рассматривать интересы потерпевших (физических лиц) и гражданских истцов (граждан, предприятий, учреждений или организаций) [14, 15].

Поэтому можно сделать вывод, что в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, в первую очередь причиняется вред отношениям, возникающим в процессе регламентированной деятельности определенных органов государственной власти (судебных, прокуратуры, предварительного следствия) по осуществлению задач правосудия. Законные права и интересы предпринимателей, инвесторов и иных лиц, занятых на рынке товаров, работ и услуг, а также интересы государства следует рассматривать в качестве факультативных объектов исследуемых деяний.

Список литературы

1. Афанасьев Н.И. Глава IX. Преступления в сфере экономической деятельности // Уголовное право, Особенная часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1998. – С. 309.
2. Иванов Э.А. Отмывание денег и правовое регулирование борьбы с ним. – М., 1999. – С. 57.
3. Васин Ю.Г. Алгоритмы 121-122 // Уголовное право: Общая и Особенная части. Интенсивный полный курс. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Л.Д. Гаухмана, А.А. Энгельгардта. – М., 2002. – С. 72.
4. Вершинин А. Легализация средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем // Уголовное право. – 1998. – № 3. – С. 3.
5. Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник. – М., 2002. – С. 179.
6. Тетюков К.В. Легализация преступных доходов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2003. – С. 8.
7. Горелик А.С., Шишко К.В., Хлупина Г.Н. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. – Красноярск, 1998. – С. 34.
8. Крепышева С.К. Формирование прогностической методики расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001. – С. 120.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 3. – Ст. 203.
10. Уголовный кодекс Швейцарии. – М., 2000. – С. 99.
11. Киселев И.А. Актуальные вопросы определения объекта борьбы и предмета отмывания доходов, полученных преступным путем // Следователь. – 2004. – № 1. – С. 4.
12. Якимов О.Ю. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и уголовно-политические проблемы / под общ. ред. Н.А. Лопашенко. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – С. 62.
13. Шебунов А.А. Легализация денежных средств и иного имущества, приобретенных незаконным путем: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – С. 195.
14. Алиев В.М. Легализация (отмывание) доходов, полученных незаконным путем. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. – М., 2001. – С. 60.
15. Алиев В.М. Теоретические основы и прикладные проблемы борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – С. 128.

В редакцию материал поступил 07.07.09.

Ключевые слова: факультативные признаки преступления, предмет преступления, объект незаконного отмывания преступно нажитых средств.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341

М.В. СКИРДА,

кандидат юридических наук, начальник отдела

Управление Минюста России по Республике Татарстан

К ВОПРОСУ О РОЛИ СТАНДАРТОВ ООН ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ И УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ

В статье рассматриваются документы, разработанные конгрессами ООН, по широкому кругу вопросов в сфере уголовного правосудия; выявлены направления в их правоприменительной практике.

Со времени своего основания ООН является главным общемировым координатором по разработке и применению принципов и стандартов в сфере уголовного правосудия [1]. За прошедшие годы создан обширный массив стандартов ООН в рассматриваемой сфере [2], которые охватывают широкий диапазон таких вопросов, как правосудие в отношении несовершеннолетних, обращение с правонарушителями, международное сотрудничество, надлежащее управление, защита жертв и насилие в отношении женщин. Важнейшим источником и импульсом этого процесса являются проводимые на пятилетней основе с 1955 г. конгрессы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (конгрессы ООН), в рамках которых разработаны применимые ко всем без исключения государствам уникальные стандарты.

Существенно, что разработанные конгрессами ООН документы основываются на Уставе Организации как фундаментальном источнике международного права и являются важнейшим результатом реализации уставной деятельности ООН по содействию условиям социального прогресса и развития, по содействию всеобщему ува-

жению и соблюдению прав человека. В статье 55 Устава ООН, в частности, содержится призыв содействовать повышению уровня жизни, условиям социального прогресса и развития; разрешению международных проблем в социальной области и подобных проблем; всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех. В этих положениях выражены главные концепции, на которых в основном базируется деятельность ООН в области уголовного правосудия. Каждое положение статьи 55 отражено в той или иной форме в документах, разработанных конгрессами ООН.

В рамках конгрессов ООН удалось разработать акты, которые содержат стандарты, применимые ко всем государствам. Большинство материалов одобрены в резолюциях главных органов ООН и носят рекомендательный характер. Вместе с тем отдельные формулировки материалов конгрессов ООН включаются в международные договоры.

Не возлагая на государства обеспеченных правовой санкцией обязательств, документы конгрессов ООН воплощают общую идею о том, как странам нужно формировать системы уголовного правосудия, как следует разрабатывать

направления политики в отношении преступности и как надлежит обеспечивать предупреждение преступности и уголовное правосудие. Большинство стандартов конгрессов ООН приняты впоследствии Генеральной Ассамблеей (далее – ГА) или ЭКОСОС¹ путем консенсуса² и, следовательно, относятся к "мягкому праву", являются для государств практическим руководством нормативного обеспечения борьбы с преступностью, а также отражают цели, практические методы и стратегии, получившие широкое признание в международном сообществе.

В этой связи, обращаясь к вопросу о применении стандартов, разработанных конгрессами ООН, нами выявлены следующие направления в их правоприменительной практике:

А. Воздействие стандартов конгрессов ООН на формирование национальной политики и внутригосударственного законодательства.

В. Воздействие стандартов конгрессов ООН на международном уровне, в том числе:

1) на процесс заключения многосторонних договоров;

2) на деятельность других органов ООН по борьбе с преступностью;

3) на региональном уровне;

4) на международном уровне (в качестве значительных международных политических документов).

А. *Рассматривая аспект воздействия документов конгрессов ООН на национальном уровне*, полагаем существенным, что ГА неизменно подтверждает важность всестороннего и эффективного осуществления стандартов ООН в области прав человека при отправлении правосудия, разработанных конгрессами ООН. В Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века (резолюция 55/59 ГА,

приложение) и в планах действий по ее осуществлению (резолюция 56/261 ГА, приложение) содержится ряд положений, касающихся использования и применения стандартов конгрессов ООН во внутригосударственном праве и внутригосударственной практике (см., в частности, разделы IX, X и XII-XV планов действий). В вопросах, рассматриваемых в этих планах действий, отражены конкретные желательные меры, которые рекомендуется принять государствам на национальном уровне в следующих областях: предупреждение преступности, защита свидетелей и жертв преступлений, переполненность тюрем и альтернативы тюремному заключению, правосудие в отношении несовершеннолетних, особые потребности женщин в системе уголовного правосудия и реституционное правосудие. При поддержке со стороны сети учреждений Программы ООН Секретариат Организации, продолжая активно распространять стандарты конгрессов ООН среди государств, разработал целый ряд справочников, руководств и пособий, которые издаются с целью содействия осуществлению стандартов конгрессов ООН специалистами-практиками. Правительства многих стран включили различные стандарты и нормы в свои национальные системы уголовного правосудия и продолжают делать это в рамках законодательной, судебной и институциональной реформ. Например, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными были использованы при разработке "проекта руководящих принципов в отношении обращения с заключенными в Соединенном Королевстве" [3], Стандартных руководящих принципах работы исправительных учреждений в Австралии³. Международные стандарты по ювенальному праву и реституционному правосудию послужили основой для ревизии соответствующих норм германского права [4]. С этой целью государства используют собственные ресурсы, а также полагаются на помощь, оказываемую ООН другими международными

¹ Экономический и социальный совет ООН.

² См., в частности: принятые ГА по правам человека и отправлению правосудия (3144 (XXVIII), 39/118, 40/146, 42/143, 44/162, 46/120, 48/137, 50/181, 52/124, 54/163, 56/161, 58/183), а также принятые ЭКОСОС резолюции по стандартам ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия (1994/18, 1995/13, 1996/16, 1997/32, 1998/21, 2002/15, 2003/30, 2004/28).

³ См.: Conference of Correctional Administrators, Standard Guidelines for Corrections in Australia (1989).

организациями [5, 6]. Стандарты конгрессов ООН применяются при реформировании внутригосударственного уголовного правосудия, например, с помощью справочников ООН (например, "Права человека и предварительное заключение: сборник международных стандартов, касающихся предварительного заключения" [7, 8, 9], "Справочник по вопросам правосудия в отношении жертв" [10, 11]), в которых разъясняется, как можно применять документы конгрессов ООН при реформировании уголовного правосудия, а также путем наблюдения за воздействием отдельных стандартов. В частности, стандарты конгрессов ООН могут оказывать воздействие на внутригосударственное право посредством их применения при толковании более общих норм, которые имеют обязательную силу на международном уровне.

Несмотря на трудности в точной оценке степени применения стандартов конгрессов ООН в отдельных государствах, в различных докладах Генерального секретаря ООН и в информации, представляемой государствами, указывается, что эти документы оказывают влияние на национальную политику и внутреннее законодательство. Об этом свидетельствует деятельность правительственных и неправительственных организаций, касающаяся, например, правосудия в отношении несовершеннолетних, жертв преступлений и злоупотребления властью [12] и обращения с заключенными [13]. При всей сложности в определении того, какой стандарт конгрессов ООН оказал наибольшее воздействие на международное и национальное право, можно констатировать, что чаще всего ссылки делаются на Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [14]. Отметим, что в новых сводах стандартов ООН отражается оптимальная практика в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, что усиливает их потенциальное влияние. Например, Типовые стратегии и практические меры по искоренению насилия в отношении женщин в области предупреждения преступности и уголовного правосудия подтвердили свою эффективность, что подтверждается свидетельствами, полученными ООН от

государств и различных организаций, и объясняется политической направленностью и практическим характером данного документа (E/CN.15/2001/9, пункт 38).

В1. *Обращаясь к теме воздействия документов конгрессов ООН на международном уровне*, на наш взгляд, первоначально следует выделить направление реализации стандартов конгрессов ООН в процессе заключения многосторонних договоров. По мере активизации разработки документов в области международного уголовного права, принципы, воплощенные в существующих стандартах конгрессов ООН, постепенно интегрировались в юридически обязательные документы, как, например, при принятии ГА Международного пакта о гражданских и политических правах (резолюция ГА 2200 А (XXI), приложение). В статье 10 Пакта, касающейся гуманного обращения со всеми лицами и уважения их достоинства, имеются конкретные положения, способствующие достижению этой цели: требование об отдельном содержании мужчин и женщин, несовершеннолетних и совершеннолетних, еще не осужденных и осужденных лиц. Эти положения были взяты непосредственно из Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и включены в Пакт.

Прямая ссылка на Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания была сделана в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (резолюция ГА 39/46, приложение). Ряд принципов, сформулированных в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, были включены в нормы, регулирующие деятельность международных уголовных трибуналов (например, статья 68 Римского статута Международного уголовного суда). Убедительным примером влияния международных стандартов в области предупреждения преступности и уголовного правосудия на процесс заключения многосторонних договоров является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступ-

ности (резолюция 55/25 ГА, приложение I). В основе пункта 1 статьи 25 этой конвенции, согласно которому государства-участники обязаны принимать, в рамках своих возможностей, надлежащие меры для предоставления помощи и защиты потерпевшим от незаконной торговли, особенно в случаях угрозы мести или запугивания, лежит пункт 6d) Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, касающийся защиты от запугивания и угрозы мести. Пункт 3 статьи 25 Конвенции ТОП⁴ основывается на пункте 6b) Декларации, в котором предусматривается, что государства-участники обеспечивают возможность изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах уголовного судопроизводства в отношении правонарушителей без ущерба для права на защиту. Влияние Декларации проявляется также в общем подходе в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющем Конвенцию ТОП (резолюция ГА 55/25, приложение II), в частности в его статьях 6-8. Принципы, воплощенные в Типовом законе о выдаче и Типовом законе о взаимной помощи в области уголовного правосудия, способствовали международному консенсусу при разработке имеющих обязательную силу положений по этим вопросам в Конвенции против организованной преступности (статьи 16 и 18) и Конвенции ООН против коррупции (резолюция ГА 58/4, приложение) (статьи 44 и 46). В статье 8 Конвенции ООН против коррупции содержится требование к государствам-участникам применять, в рамках своих институциональных и правовых систем, кодексы или стандарты поведения для правильного, добросовестного и надлежащего выполнения государственных функций, учитывая с этой целью Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (пункт 3). Декларация ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в меж-

дународных коммерческих операциях сыграла роль первоосновы в принятии законов и положений против взяточничества в международных операциях, указав, в частности, направление для заключения Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития о борьбе с подкупом иностранных государственных должностных лиц в международных коммерческих сделках [15].

В2. Влияние стандартов конгрессов ООН можно также отметить в деятельности других органов Организации по координации деятельности государств в области борьбы с преступностью. Документы конгрессов ООН часто являются базисными в деятельности подразделений системы ООН (например, Международная организация труда⁵), а также неправительственных организаций (например, "Международная уголовная реформа" [16], "Международная амнистия" [17]).

Выявляется устойчивая практика использования стандартов, разработанных в рамках конгрессов ООН органами, предусмотренными в международных договорах о правах человека. Так, Комитет по правам человека выпустил замечания, в которых заявил (HRI/GEN/1/Rev.3, пункт 5), что "Государствам-участникам следует указывать в своих докладах, в какой степени они применяют стандарты по обращению с заключенными, установленные ООН в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными (1957 год), Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1988 год), Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1978 год) и Принципах медицинской этики, относящихся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц

⁵ См., к примеру: доклад Комиссии, учрежденной в соответствии со статьей 26 Устава Международной организации труда с целью рассмотрения жалоб относительно соблюдения Польшей Конвенции 1948 года о свободе ассоциации и защите права на создание организаций (№ 87), а также Конвенции 1949 года о праве на создание организаций и коллективный договор № 98 // Official Bulletin, Special Supplement, Series B, vol. LXVII, 1984. – P. 479.

⁴ Транснациональная организованная преступность.

от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания". Некоторые документы конгрессов ООН принимались во внимание при разработке Конвенции о правах ребенка (резолюция ГА 44/25, приложение), а Комитет по правам ребенка, учрежденный на основании статьи 43 этой конвенции, использует существующие международные стандарты в области правосудия в отношении несовершеннолетних, разработанные конгрессами ООН, в своих мандатах [18]. Различные специальные докладчики Комиссии по правам человека используют эти стандарты и нормы в своих исследованиях и докладах, касающихся, например, независимости судебных органов, пыток, произвольных казней и казней без судебного разбирательства, жертв злоупотреблений правами человека и торговли людьми, особенно женщинами и детьми.

В3. Об интеграции стандартов конгрессов ООН на региональном уровне убедительно свидетельствует европейская практика реализации стандартов ООН. Например, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными послужили основой для разработки Европейских тюремных правил⁶, которые, в свою очередь, использовались Европейским судом по правам человека в его судебной практике.

В4. Влияние актов конгрессов ООН в качестве значительных международных политических документов, на наш взгляд, существенно, но не всегда заметно. Например, типовые договоры о выдаче и взаимной помощи в области уголовного правосудия используются в качестве надлежащей руководящей основы для заключения многосторонних и двусторонних соглашений или договоренностей, направленных на повышение эффективности механизмов выдачи и взаимной правовой помощи и оказывающих фактическое влияние на соответствующее

положения Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (статьи 6 и 7 соответственно), Конвенции ТОП (статьи 16 и 18) и Конвенции ООН против коррупции (статьи 44 и 46). То же касается и Международного кодекса поведения государственных должностных лиц, который служит основой для формулирования и применения национальных кодексов или стандартов поведения государственных должностных лиц в качестве одной из основных мер по предупреждению коррупции, реализуя, таким образом, положения статьи 8 Конвенции ООН против коррупции. Стандарты конгрессов ООН отражают определенные ценности и цели независимо от их связи с каким-либо конкретным договором. В докладе Генерального секретаря ООН Совету Безопасности о принципе верховенства права и о правосудии в переходный период в странах, находящихся в конфликтных и постконфликтных ситуациях (S/2004/616, пункт 10), подчеркивается: "Эти стандарты устанавливают также нормативные границы деятельности ООН, заключающиеся, например, в том, что трибуналы ООН не могут допустить смертную казнь, что одобренные ООН мирные соглашения не могут предусматривать амнистию за геноцид, военные преступления, преступления против человечности или грубые нарушения прав человека, и в тех случаях, когда мы уполномочены исполнять функции исполнительной или судебной власти, органы, находящиеся под управлением ООН, при отправлении правосудия должны тщательно соблюдать международные стандарты в области прав человека".

Особо отметим, что на основе принятых конгрессами ООН стандартов Управления ООН по наркотикам и преступности (ЮНОДК) в качестве помощи государствам разработало ряд рабочих документов и типовых законов, в том числе об экстрадиции и взаимной помощи в области уголовного правосудия [19]. Большинство типовых законов снабжены комментариями по вопросам практического применения.

Воздействие стандартов конгрессов ООН как на международном, так и на национальном

⁶ См., в частности: Recommendation №. R (87) 3, adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 12 February 1987.

уровнях становится более очевидным, если рассматривать его в контексте различных видов деятельности и проектов по оказанию технической помощи государствам, осуществляемых Организацией. Практическое применение стандартов способствует повышению эффективности этих проектов, в частности, посредством усовершенствования защиты прав человека и деятельности национальных систем уголовного правосудия. Использование актов конгрессов ООН способствует выявлению сфер правового регулирования, требующих гармонизации, обеспечивает при этом основу для разработки критериев оценки эффективности действия национальных систем уголовного правосудия.

В последние годы государствами все больше признается важность того, чтобы в процессе планирования и учреждения миссий по поддержанию и установлению мира и постконфликтного восстановления центральное место отводилось принципу верховенства права посредством, в частности, реформы системы уголовного правосудия⁷. С учетом изложенного, стандарты конгрессов ООН образуют прочную руководящую основу для действующих миссий по поддержанию мира и постконфликтного восстановления, предлагая ориентир, основу для создания, восстановления и укрепления систем уголовного правосудия. В этом контексте в рамках эффективной стратегии реализации по созданию национальных систем уголовного правосудия следует уделить внимание законам, процедурам (как официальным, так и неофициальным). Приоритет имеет законодательство, соответствующее нормам международного права в области прав человека и отвечающее насущным потребностям и реальным условиям государства. Помимо сферы уголовного права, стратегии должны также обеспечивать эффективные

правовые механизмы удовлетворения гражданских исков и разрешения связанных с этим споров, включая имущественные споры, споры по вопросам административного права, иски о государственной принадлежности и гражданстве и другие ключевые правовые вопросы, возникающие в постконфликтных условиях. Государства должны создать эффективные системы правосудия по отношению к несовершеннолетним в соответствии с признанными стандартами конгрессов ООН, разработанными в этой области.

Существенный аспект, связанный с операциями по миростроительству и постконфликтным восстановлением, относится к использованию стандартов конгрессов ООН при разработке типовых временных уголовных кодексов, как это происходило в деятельности Временного органа ООН в Камбодже, или кодексов и стандартов в области правоохранительной деятельности по примеру издания "Стандарты ООН в области уголовного правосудия для полицейских сил по поддержанию мира" ("Синяя книга") [20]. В связи с этим следует упомянуть технические комментарии к судебным экспертизам жертв преступлений, сделанные на основании Принципов эффективного предупреждения и расследования не предусмотренных законом и произвольных казней и казней без судебного разбирательства (резолюция 1989/65 ЭКОСОС, приложение), а также "Руководство по эффективному предупреждению и расследованию не предусмотренных законом и произвольных казней и казней без судебного разбирательства"⁸ и "Руководящие принципы проведения расследований ООН в случаях сообщений о массовых убийствах"⁹, которые использовались в целом ряде операций по миростроительству и поддержанию мира во многих странах мира. На основе стандартов конгрессов

⁷ См.: Рекомендации Африканского регионального подготовительного совещания в связи с XI Конгрессом ООН // Документ ООН A/CONF.203/RPM.3/1 и Согг.1 от 16 февраля 2005 г., пункт 48; Рекомендации Азиатско-Тихоокеанского регионального подготовительного совещания в связи с XI Конгрессом ООН // Документ ООН A/CONF.203/RPM.1/1 от 15 марта 2005 г., пункт 36.

⁸ Руководство по эффективному предупреждению и расследованию не предусмотренных законом и произвольных казней и казней без судебного разбирательства // Издание ООН, в продаже под № R.91.IV.I.

⁹ Руководящие принципы проведения расследований ООН в случаях сообщений о массовых убийствах // Издание ООН, в продаже под № R.97.I.21.

ООН ЮНОДК подготовило сборник проектов типовых кодексов по уголовному правосудию в постконфликтный период, известных как временные кодексы. Этот документ включает временный уголовный кодекс, временный уголовно-процессуальный кодекс, временный закон о заключении под стражу и типовую временную директиву для полиции.

Обращаясь к вопросу о перспективах реализации актов конгрессов ООН, мы полагаем, что, несмотря на значительный прогресс в деятельности по применению указанных материалов, ситуация далека от совершенства. Мы предлагаем, чтобы в течение определенного периода времени (не менее 10 лет) основное внимание в политике Организации в сфере уголовного правосудия уделялось всесторонним стратегическим системам, направленным на содействие соблюдению стандартов конгрессов ООН. Например, что касается правосудия в отношении несовершеннолетних и мер по обеспечению справедливого обращения с детьми, вступившими в конфликт с законом, в частности с детьми, лишеными свободы, отметим, что во многих странах условия, в которых находятся дети, вступившие в конфликт с законом, не соответствуют стандартам ООН, что часто отмечается Комитетом по правам ребенка при рассмотрении докладов государств. Государствам необходимо стремиться использовать лишение свободы лишь в качестве крайней меры в чрезвычайных случаях и лишь в течение как можно более короткого соответствующего периода времени. В связи с этим следует особо отметить изучение возможности разработки плана действий в области правосудия в отношении несовершеннолетних, который был бы направлен на реализацию конкретных мер по предупреждению преступности среди несовершеннолетних, включая более широкое использование альтернативных мер наказания.

Кроме того, следует уделять особое внимание обеспечению эффективной защиты жертв преступлений, в частности жертв организованной преступности и терроризма, в том числе путем создания и использования правовой структуры и планов или фондов финансовой

помощи для оказания поддержки жертвам, согласно Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, соответствующей положениям Протокола о торговле людьми, дополняющего Конвенцию ТОП.

В результате проведенного анализа представляется, что эффективное применение стандартов конгрессов ООН может быть достигнуто лишь путем их широкого распространения и популяризации на международном, региональном и национальном уровнях.

Не подлежит сомнению положительное влияние актов конгрессов ООН на развитие уголовного правосудия, укрепление принципа верховенства права. Стандарты в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, разработанные конгрессами ООН, оказали значительное воздействие на разработку национальных, региональных и международных документов как обязательного, так и рекомендательного характера.

К примеру, вопрос о применении насилия в семье, который впервые был рассмотрен в рамках международной повестки дня на VII Конгрессе ООН в 1985 г., привлек огромное внимание не только органов по защите прав человека, но и четвертой Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 4-15 сентября 1995 г.), а также Комиссии по положению женщин¹⁰.

Характерной особенностью разработки отдельных стандартов ООН в области уголовного правосудия, в частности, в сфере обеспечения прав человека, явилось то, что обязательные для исполнения акты полностью включили в себя соответствующие рекомендательные материалы, а не их отдельные положения. К примеру, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания была основана главным образом на Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бес-

¹⁰ См.: Доклад о работе XI Конгресса ООН // Документ ООН A/CONF.203/18. – С.6.

человечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята на VIII Конгрессе ООН, 1975 год). Обычно в отношении документов по уголовному правосудию такого прогресса не наблюдалось, использовались лишь отдельные фрагменты рекомендаций ООН.

Отдельные положения стандартов ООН в сфере уголовного правосудия были использованы при разработке Римского статута Международного уголовного суда. В частности, пункт 3 статьи 68 Статута содержит важные положения о роли потерпевших в ходе проведения расследования в Суде, которые соответствуют по духу принятой на VII Конгрессе в 1985 году Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (резолюция 40/34 ГА, приложение). Типовые международные договоры о сотрудничестве в уголовных делах – такие как Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия (резолюция 45/117 ГА, приложение) и Типовой договор о передаче уголовного судопроизводства (резолюция 45/118 ГА, приложение) – также были использованы в проекте Римского статута. Так, в Римском статуте положения статьи 89 ("Передача лиц Суду") и статьи 93 ("Другие формы сотрудничества") представляют собой существенную адаптацию этих документов в соответствии с контекстом, в котором объектом является сотрудничество между государством и международной организацией, а не сотрудничество между двумя государствами.

Рассматривая перспективу правотворчества конгрессов ООН, на наш взгляд, следует дать объективную оценку состоянию международного правового регулирования в сфере предупреждения преступности и уголовного правосудия. В своей резолюции 46/152 от 18 декабря 1991 г. ГА утвердила Декларацию принципов и Программу действий программы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, которые получили политическую поддержку Сопредседателя на уровне министров в Париже 21-23 ноября 1991 г. (A/46/703 и Corr. 1). В пункте 7 Декларации принципов признается, что демократия и повышение качества жизни

могут получить развитие лишь в условиях мира и безопасности для всех. Преступность несет в себе угрозу стабильности, а также безопасности окружающей среды. Противодействие преступности и уголовное правосудие, при должном соблюдении прав человека, вносят, таким образом, непосредственный вклад в дело поддержания мира и безопасности. После успешного заключения Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней, а также Конвенции ООН против коррупции ситуация внушает оптимизм. Актуальная проблема, стоящая перед международным сообществом, заключается, на наш взгляд, в том, как обеспечить неуклонность политического курса по реализации этих документов наряду с существующим сводом стандартов и норм в области предупреждения преступности и уголовного правосудия как важнейших элементов, обеспечивающих верховенство права.

Список литературы

1. Clark R.S. The United Nations Crime Prevention and Criminal Justice Program: Formulation of Standards and Efforts at Their Implementation (Procedural Aspects of International Law Series). – University of Pennsylvania Press, 1995. – P. 6.
2. United Nations Office on Drugs and Crime. Compendium of United Nations Standards and Norms in Crime Prevention and Criminal Justice // United Nations. – 2007. – 396 p.
3. Communique dated 19 November 1993, presented to the Meeting of Commonwealth Law Ministers, Grand Baie, Mauritius, 15-19 November 1993. – P. 49-50.
4. Bonke O. Criminal policy in the process of reform: review of juvenile and restorative justice as examples of the application of United Nations and European standards and norms in Germany // Expert Group Meeting: the Application of the United Nations Standards and Norms in Crime Prevention and Criminal Justice, Stadtschlaining, Austria, 10-12 February 2003 (United Nations Office on Drugs and Crime, 2003). – P. 49-58.
5. Fair Trials Manual. – London: Amnesty International, 1998.
6. Myjer E., Hancock B., Cowdery N., eds. Human Rights Manual for Prosecutors. – International Association of Prosecutors, 2003.
7. Human Rights and Pretrial Detention: a Handbook of International Standards relating to Pretrial Detention, Professional Training Series № 3 // United Nations publication, Sales No. E.94.XIV.6.

8. Human Rights and Law Enforcement: a Manual on Human Rights Training for the Police, Professional Training Series № 5 // United Nations publication, Sales No. E.96.XIV.5.
9. Human Rights in the Administration of Justice: a Manual on Human Rights for Judges, Prosecutors and Lawyers, Professional Training Series № 9 // United Nations publication, Sales №. E.02.XIV.3.
10. Handbook on Justice for Victims: on the Use and Application of the Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power // United Nations, Office for Drug Control and Crime Prevention. – New York, 1999.
11. Guide for Policy Makers on the Implementation of the United Nations Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power // United Nations, Office for Drug Control and Crime Prevention. – New York, 1999.
12. Victimas Derechos y Justicia. № 3 // Oficina de Derechos, Humanos y Justicia. Cordoba. Argentina. 2001.
13. Coyle A. A Human Rights Approach to Prison Management: Handbook for Prison Staff // International Centre for Prison Studies. – London, 2002.
14. Joutsen M. The application of United Nations standards and norms in crime prevention and criminal justice // Expert Group Meeting: Applications of the United Nations Standards and Norms in Crime Prevention and Criminal Justice, Stadschlaining, Austria, 10-12 February 2003. United Nations Office on Drugs and Crime. – 2003. – P. 19.
15. Corruption and Integrity Improvement Initiatives in Developing Countries // United Nations publication, Sales No. E.98.III.B.18.
16. Making Standards Work: an International Handbook on Good Prison Practice, 2nd. ed. // Penal Reform International, 2001.
17. Amnesty International "The role of United Nations standards and norms in the fight for human rights", Expert Group Meeting: Applications of the United Nations Standards and Norms in Crime Prevention and Criminal Justice, Stadschlaining, Austria, 10-12 February 2003. United Nations Office on Drugs and Crime. 2003. – P. 231-232.
18. Bueren G. The International Law on the Rights of the Child. – Dordrecht: Kluwer Law International, 1998.
19. URL: http://www.unodc.org/unodc/en/legal_advisory_tools.html
20. United Nations Criminal Justice Standards for Peacekeeping Police ("Blue Book"). – United Nations. Vienna, 1994.

В редакцию материал поступил 07.07.09.

Ключевые слова: стандарты ООН, уголовное правосудие, права человека, защита жертв преступлений.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 17:61

Г.А. МУСТАФИНА,

кандидат педагогических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

В статье рассматриваются традиционные и современные этические принципы и критерии, которые необходимо соблюдать врачу при оказании медицинской помощи пациенту и их государственная регламентация в российском законодательстве. Анализируются юридические документы, регламентирующие права и обязанности медицинского персонала и пациентов.

Современные успехи в области науки и техники, перенесение их результатов в медицинскую практику, определили актуальность отношений между врачом и пациентом с позиции права, морали и религиозных убеждений. Данная проблемная область составляет предмет *биомедицинской этики*, задача которой – решать этические проблемы, тесно связанные с врачебной практикой и проведением биомедицинского исследования.

Биомедицинская этика как исследовательское направление междисциплинарного характера сформировалась в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого столетия.

Некоторые исследователи (В.Р. Поттер, П.Д. Тищенко, А.П. Огурцов и др.) отождествляют термин "биомедицинская этика" с такими терминами, как "биоэтика", "традиционная медицинская этика", "современная медицинская этика", просто "медицинская (врачебная) этика", имея в виду ее современный этап. Так, В.Р. Поттер в 1969 г. впервые ввел в научный оборот понятие "биоэтики" и рассматривает ее как "мост в будущее", который должен опираться

на синтез естественнонаучного и гуманитарного знания. Биоэтика, по его мнению, разбивается по двум направлениям: 1) осмыслению и этической оценке медицинской лечебной практики; 2) обоснованию и установлению этической экспертизы и контроля над поведением биомедицинских исследований [1, с. 73]. П.Д. Тищенко отмечает, что "термин "биоэтика", как он сформировался в современной культуре, имеет лишь косвенную в некоторых частных разделах принадлежность к проблемам этического отношения к животным, растениям и вообще живой природе. Скорее всего он обозначает пространство проблем, которое ранее входило в компетенцию медицинской профессиональной этики" [2, с. 91-94]. Биоэтику характеризуют также как важную составляющую философского знания, формирование и развитие которой связано с процессом трансформации традиционной этики вообще и медицинской этики в частности. "Оно обусловлено, прежде всего, резко усиливающимся вниманием к правам человека (в медицине – это права, испытуемого и т.д.) и созданием новых

медицинских технологий, порождающих множество острейших проблем, требующих юридического и морального регулирования" [3]. А.П. Огурцов связывает формирование биоэтики с грандиозными изменениями, которые произошли в технологическом перевооружении современной медицины, кардинальными сдвигами в медикоклинической практике, которые нашли свое выражение в успехах генной инженерии, трансплантации органов, биотехнологии, поддержании жизни пациента. "Все эти процессы невиданным образом обострили моральные проблемы, встающие перед врачом, перед родственниками больных, перед медицинским персоналом" [4, с. 49-62].

Ряд авторов дают неодинаковые толкования указанных терминов (Т.И. Леонтьева, Н.И. Исланова, Р.Г. Вагизов и др.). Биомедицинская этика определяется как "этико-прикладная дисциплина, предметом которой выступает нравственное отношение общества в целом и профессионалов-медиков и биологов, в особенности – к человеку, его жизни, здоровью, смерти, и которая ставит перед собой задачу сделать их охрану приоритетным правом каждого. Если "биоэтика" акцентирует свое внимание на проблемах жизни любого живого, то "биомедицинская этика" конкретизирует принципы биоэтики применительно к человеку. В отличие от "традиционной медицинской этики", "биомедицинская этика" носит интегративный характер, объединяя и концентрируя в себе общие биоэтические проблемы и требования; она опирается на так называемые медицинские казусы – конкретные ситуации, превращая их в прецеденты, становящиеся основанием для этических обобщений, выводов и последующих рекомендаций. В этом проявляется ситуативный характер "современной медицинской этики" [1, с. 72]. "Современная медицинская этика является составной и регулирующей "человеческие отношения" в медицине "по вертикали" (врач-больной) и "по горизонтали" (врач-врач) на основе установок *медицинской деонтологии* (здесь и далее выделено автором). Преобладающее внимание уделяет правам и обязанностям врача по отношению к пациентам, а также нормативному

регулированию взаимоотношений "внутри" медицинской профессии" [1, с. 84].

Сегодня биомедицинская этика включает в себя следующие основные проблемы: установление статуса и роли моральных ценностей в профессиональной деятельности медиков и биологов; разрешение нравственных коллизий в конкретных ситуациях, возникающих в процессе биомедицинских исследований и лечение больных; этическая регуляция межличностных отношений в системе вертикальных и горизонтальных связей в сфере медицины. Свои проблемы биомедицинская этика решает не на профессионально-корпоративной основе, а с привлечением представителей других профессий и широкой общественности.

Кроме вышеуказанных терминов употребляется также понятие "медицинская (врачебная) деонтология" (от греч. *deon* – должное, надлежащее и *logos* – учение) – учение о долге, обязанностях и нормах поведения медицинского персонала, обеспечивающих оптимальное качество и результативность его работы по восстановлению и сохранению здоровья людей. Деонтология предполагает *долг* врача перед обществом и пациентами, *право* медиков на профессиональное достоинство и честь, включает *нормативные принципы поведения*, определяющие характер отношений между врачом и пациентом, вписывается в структуру медицинской этики, воплощается в *деонтологических кодексах*¹.

На протяжении многих веков медицинское сообщество выработало ряд этических принципов и критериев, которые необходимо соблюдать врачу при оказании медицинской помощи пациенту.

¹ Кодекс – (от лат. *codex* – книга) – свод нравственных норм, предписываемых к исполнению: Клятва Гипократа; Этический кодекс врачей Древнего Тибета; Восточно-Галицинский деонтологический кодекс (XIX в.) Международный кодекс медицинской этики (1983 г.); Клятва Флоренс Найтингейл (клятва медицинской сестры) (1983 г.); Нравственно-этический кодекс специалиста, работающего в психиатрии (1992 г.); Кодекс профессиональной этики психиатра (1994 г.); Кодекс врачебной этики (1997 г.); Этический кодекс российского врача; Клятва врача Республики Беларусь и др.

Принципы биоэтики – наиболее фундаментальные понятия биомедицинской этики, на базе которых вырабатываются конкретные моральные нормы поведения врача и медика исследователя [1, с. 91]. Основными принципами биоэтики признаются: *принцип автономности личности* (ее право на самоопределение) и *стремление к обеспечению блага пациента*, базирующееся на фундаментальных демократических ценностях, которыми выступают, в частности, солидарность, соучастие, сострадание (Б. Дженнингс). "Классическими" принципами биоэтики являются: *принцип справедливости; принцип непричинения зла (nonmalificence); принцип уважения автономии личности; принцип благотворительности* (делай добро) (Т. Бичамп, Дж. Чилдрес). Женевская декларация всемирной медицинской ассоциации (1948-1994) включает в число основных принципов биоэтики: *принцип уважения автономии личности; принцип информированного согласия пациента; принцип конфиденциальности* [5]. Западноевропейский подход – "принципы Кемпа" – выдвигает в качестве основополагающих принципов: *принцип автономии личности; принцип уважения человеческого достоинства; принцип целостности и уязвимости человека* и др. Кроме обозначенных принципов биоэтики в современной медицине признаются и пропагандируются такие принципы биоэтики, как *принцип правдивости, принцип доверия, принцип благоразумия* [1, с. 70-91].

При изучении и анализе отечественной и зарубежной литературы в области медицины нельзя не отметить тот факт, что с самого начала существования медицинской деятельности различные государства, опираясь на этические принципы, стремились разработать юридические документы, регламентирующие права и обязанности не только медицинского персонала, но и пациентов.

Государственная регламентация вышеуказанных принципов биоэтики присутствует и в российском законодательстве.

Так, *принцип справедливости* достаточно полно и в то же время сжато раскрывается в Клятве Российского врача. В соответствии со

ст. 60 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан № 5487-1 от 22 июля 1993 г. (в ред. от 02.02.06) (далее – Основы) врач клянется "...внимательно и заботливо относиться к больному, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств" [6].

В данной редакции ст. 60 появилась после принятия Федерального закона от 20.12.99 № 214-ФЗ. До этого в Российской Федерации текст Клятвы врача не имел законодательного (юридического) закрепления.

Изучение и анализ памятников истории медицины свидетельствует о том, что отношения между врачом и пациентом были предметом нравственного и законодательного регулирования с древнейших времен.

Например, следует особо выделить главный научный труд Гиппократов – "Клятву врача" в Древней Греции, в которой были сконцентрированы основные принципы медицинской этики. В работах Гиппократов значительное внимание уделялось нормам взаимоотношений врача и пациента, где приоритет отдавался интересам пациента [7, с. 10].

Во времена Гиппократов клялись перед богами: "Клянусь Аполлоном врачом, Асклепием, Гигией и Панакеей и всеми богами и богинями, призывая их в свидетели..." [8].

В более поздние времена при получении диплома врач давал обещание – "Клятву Гиппократов" – придерживаться в своей врачебной деятельности определенных правил. "Клятва Гиппократов" – моральное обязательство, принимаемое перед государством. "Однако никаких правовых последствий за ее нарушение данная клятва не предусматривала" [9].

"Клятва Гиппократов" сохранила свое значение до настоящего времени, трансформируясь в кодекс медицинской этики, регулирующий остающиеся за пределами законодательной регламентации взаимоотношения врачей между собой и с пациентами.

Сегодня "Клятва Гиппократата" является сводом морально-этических норм поведения врача по отношению к больным и коллегам, предусматривающим уважительное отношение к учителям, обучивших искусству врачевания; соблюдение принципа "Не навреди"; признание святости жизни; готовность воздерживаться от злодеяний и коррупции; сохранять врачебную тайну; отдать все силы и знания укреплению здоровья больных; делиться знаниями с коллегами [1, с. 83].

При изучении истории медицины зарубежных государств нельзя не обратить внимание на тот факт, что уже с момента начала существования больниц их владельцы стремились разработать юридические документы, регламентирующие права и обязанности не только медицинского персонала, но и пациентов. Так, в Англии в XVIII в. в палатах больниц вывешивали правила поведения пациентов, с которыми сестры милосердия были обязаны знакомить больных каждое утро. В частности, там говорилось, что "больным обеспечиваются величайшая вежливость и внимание со стороны врачей, хирургов, сестры-хозяйки, сестер милосердия и любого служащего больницы, а также регулярное посещение врачами и хирургами утром и вечером" [10, с. 166]. Медицинским работникам предписывалось "не проявлять пренебрежения, не оскорблять и не вступать в спор с больными ни по каким поводам" [10, с. 13]. За соблюдением прав пациента следили инспектора больничных советов, которые регулярно посещали больницы и выслушивали жалобы больных.

Принцип правдивости заключается в предоставлении информации о реальном состоянии здоровья пациента, который является непременным условием получения согласия пациента на медицинское вмешательство. Право граждан на информацию о состоянии здоровья провозглашается в ст. 31 Основ: "Каждый гражданин имеет право в доступной для него форме получить имеющуюся информацию о состоянии своего здоровья, включая сведения о результатах обследования, наличии заболевания, его диагнозе и прогнозе, методах лечения, связанном с ними риске, возможных вариантах меди-

цинского вмешательства, их последствиях и результатах проведенного лечения".

В прошлом господствовал подход скрывать чаще правду о неизлечимом заболевании, в особенности большого раком. В настоящее время все больше врачей признают пациента равноправным партнером и говорят правду. Споры и дискуссии ведутся по вопросу "о праве пациента на правду о последнем диагнозе". Атмосфера лжи, которая складывается вокруг больного, на наш взгляд, негативно влияет на состояние пациента. Правда остается основным условием, при соблюдении которого моральный акт может считаться объективно позитивным, поэтому следует избегать лжи, часто возводимой в систематический принцип родственниками и медицинским персоналом.

Анализ литературы показал, что, когда больному в нужный момент открывают правду и он принимает ее, она оказывает положительное психологическое и духовное воздействие как на самого больного, так и на его близких" [11, с. 362-363]. Несомненно врачу необходимо учиться тому, как говорить правду, как подготовиться к этому больному, с тем чтобы не причинить ему вреда. "Хотя ложь нельзя принимать в качестве линии поведения и сообщение правды остается целью, к которой надо стремиться, следует, однако, помнить, что эта правда должна быть соразмерна способности человека, чтобы надлежащим образом принять ее. ... Никогда не следует полностью отказывать больному в надежде, поскольку в медицине и на самом деле не существует абсолютно точных предсказаний" [11, с. 362-363].

Принцип правдивости тесно связан с проблемой конфиденциальности. *Принцип конфиденциальности* заключается в запрете передачи медицинской информации третьим лицам без согласия пациента.

Еще со времен глубокой древности обычным было неразглашение врачом сведений о заболеваниях пациента, и во многом это обстоятельство способствовало доверительному отношению людей к медикам. Так, в древнейших памятниках индийской культуры довольно подробно регламентировалась обязанность меди-

цинских работников по сохранению врачебной (медицинской) тайны, полученной при исполнении профессиональных функций. К примеру, в "Яджурведе" говорится, что "О происшествиях в доме не следует болтать, не позволительно также сообщать что-либо относительно угрожающей преждевременной смерти больного, где это может повредить ему или кому-либо" [12, с. 112].

Основоположник отечественной терапии М.Я. Мурадов (1776-1831 гг.) в работе "Слово о способе учить и учиться медицине практической или деятельному врачебному искусству при постелях больных", затрагивая вопросы о праве больного на информацию, врачебную тайну, писал: "Хранение тайны и скрытность при болезнях предосудительных; молчание о виденных или слышанных семейных беспорядках... Язык твой, сей малый, но дерзкий уд, обуздай на глаголы неподобные и на словеса лукавствия" [13, с. 78-103].

Неоднократно свое отношение к проблемам врачебной тайны высказывали в научных работах известные российские юристы и медики: Н.С. Таганцев, А.Ф. Кони, С.П. Мокринский, В.Н. Ширяев, И.Г. Щегловитов, Н.Н. Розин, В.В. Вересаев, В.А. Манассеин, С.П. Боткин и др. [7, с. 20].

Гарантия конфиденциальности установлена в ст. 61 Основ, в которой говорится о том, что информация о факте обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья гражданина, диагнозе его заболевания и иные сведения, полученные при его обследовании и лечении, составляют врачебную тайну. Гражданину должна быть подтверждена гарантия конфиденциальности передаваемых им сведений. Не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении профессиональных, служебных и иных обязанностей.

Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается:

1) в целях обследования и лечения гражданина, не способного из-за своего состояния выразить свою волю;

2) при угрозе распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений;

3) по запросу органов дознания и следствия, прокурора и суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством;

4) в случае оказания помощи несовершеннолетнему в возрасте до 15 лет для информирования его родителей или законных представителей;

5) при наличии оснований, позволяющих полагать, что вред здоровью гражданина причинен в результате противоправных действий.

6) в целях проведения военно-врачебной экспертизы в порядке, установленном положением о военно-врачебной экспертизе, утвержденным Правительством Российской Федерации (ст. 61 Основ).

Первые шаги по сближению врачебной этики и правовых предписаний были предприняты в советский период. В ст. 16 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении 1969 г. была установлена обязанность врачей и других медицинских работников не разглашать ставшие им известными в силу исполнения профессиональных обязанностей сведения о болезни, интимной и семейной сторонах жизни больного. В "Присяге врача Советского Союза" также предусматривалось требование о сохранении врачебной тайны [9].

В законодательстве Российской Федерации предусмотрены различные меры ответственности за отдельные нарушения в деятельности медицинских работников. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации от 1996 г. в ч. 2 ст. 109, ч. 2 и 4 ст. 118, ч. 4 ст. 122 устанавливается ответственность за общественно опасные деяния и вредные последствия, вызванные ненадлежащим исполнением лицом своих профессиональных обязанностей, в том числе и медицинским персоналом [14].

Защита прав пациентов при обращении в медицинские учреждения за соответствующими услугами основывается также и на *принципе добровольного информированного согласия пациента*.

Данный принцип тесно взаимосвязан с принципом автономности личности (от греч.

autonomia: autos – сам, *nomos* – закон), основанном на единстве прав врача и пациента и предполагающем их взаимный *диалог*, при котором право выбора и ответственность не сосредотачиваются всецело в руках врача, а распределяются между ним и пациентом. "Согласно принципу автономности пациент самостоятельно принимает решение в отношении лечения после того, как был проинформирован врачом о состоянии его здоровья. Сложные медицинские вмешательства проводятся с письменного согласия пациента, ознакомленного с их целью и возможными результатами. Этическим основанием принципа автономности выступает понятие *автономия личности* – ее независимость и право на самоопределение" [1, с. 70].

Принцип добровольного информированного согласия пациента состоит из двух составляющих: *добровольное согласие и информированное согласие*.

Принцип *добровольного согласия* предполагает автономию пациента, его добровольное (самостоятельное) решение или согласие на медицинские манипуляции или исследования при условии его информированности [1, с. 79]. То есть он предусматривает, что не только врач, но и пациент является равноправным и вполне самостоятельным субъектом медицинских правоотношений, решение вопроса о его жизни и здоровье в большинстве случаев зависит от него самого. С этой целью любое медицинское вмешательство предваряет процедура получения добровольного согласия [9].

Принцип *информированного согласия* основывается на соблюдении права пациента знать правду о состоянии своего здоровья, о существующих способах лечения его заболевания и риске, связанном с каждым из них [1, с. 81]. Информированное согласие – это коммуникативный диалог врача и пациента, который не ставится в зависимость от доброй воли и желания врача, а выступает как его *обязанность*.

Информированное согласие предполагает соблюдение ряда этических и процессуальных норм: учет психического состояния, уровня культуры, национальных и религиозных особенностей пациента, тактичность врача или исследо-

вателя, его моральные качества, способность обеспечить понимание информации пациентом. Правильное информирование о состоянии здоровья и его прогнозе дает пациенту возможность самостоятельно и достойно распорядиться своим правом на жизнь, обеспечивая ему *свободу выбора* [1, с. 81-82].

Это должно быть не интуитивное решение, а вывод, полученный на основе предоставленной объективной информации о целях предполагаемого вмешательства, ожидаемых результатах, продолжительности вмешательства, риске для жизни и возможных неблагоприятных последствиях, о наличии альтернативных методов лечения и их эффективности, а также о своих правах в данном лечебном учреждении и способах их защиты. Естественно, что информация должна быть подана в доступном виде, исключая возможность скрыть истинный риск за сухими медицинскими терминами. Современный уровень грамотности дееспособного населения, в том числе медицинской и юридической, делает это возможным [9].

В соответствии с принципом добровольного информированного согласия, любое вмешательство, в том числе при проведении экспериментов на человеке, должно включать добровольное согласие пациента. В свою очередь, врач должен информировать пациента о целях, методах, побочных эффектах, возможном риске, продолжительности и ожидаемых результатах исследования.

Принцип добровольного информированного согласия в медицине большинства стран сегодня занимает важнейшее место. Впервые принцип добровольного согласия был сформулирован в Нюрнбергском Кодексе 1947 г. – первом "Своде правил о проведении экспериментов на людях". Затем он стал применяться в США при разбирательстве судебных дел о возмещении вреда при небрежном лечении. Принцип информированного согласия был закреплен в Европе спустя 10 лет.

На практике между врачом и пациентом складывается ситуация естественного неравенства. В подобных взаимоотношениях одна из сторон подвергается значительной опасности и

может понести реальный ущерб из-за неправомерных действий другой стороны. Это связано с тем, что, не будучи, как правило, специалистом в области медицины, пациент вынужден всецело полагаться на профессионализм врача,веряя ему свое здоровье и жизнь. Но и сам врач не застрахован от медицинских ошибок.

В тоталитарном государстве, каковым считался Советский Союз, в связи с пренебрежительным отношением к концепции прав человека, в должном объеме не были обеспечены права пациента. Характерный для советской системы командно-административный стиль управления в политике и экономике распространялся и на здравоохранение. Это выражалось в игнорировании прав пациента во всех его взаимоотношениях с системой здравоохранения и, в частности, в *патерналистской модели*² взаимоотношения между пациентом и медицинским работником прямо противоположной модели, основанной на принципе добровольного информированного согласия.

Патерналистский подход к больному являлся отражением отношений, существовавших между человеком и государством в социалистической системе. Такая форма взаимоотношений врача и пациента, по мнению А.Г. Блинова, наиболее примитивна и наименее эффективна. Поэтому сегодня взаимоотношения между пациентом и медицинскими работниками должны складываться по-новому: следует исходить из интересов пациента, уважая его честь и достоинство [7, с. 26].

Развитие данной тенденции должно привести к смене традиционной патерналистской модели отношений между указанными субъектами на взаимоотношения, основанные на признании принципов суверенитета личности пациента, самоопределения, непосредственного участия его в принятии решений при получении

медицинской услуги. Отказ от патерналистской модели, развитие правовой грамотности населения и правовых отношений в системе здравоохранения определяют необходимость признания пациента равноправным партнером во взаимоотношениях с медицинскими работниками.

Таким образом, возникает необходимость правового регулирования тех взаимоотношений, в которых существует фактическое неравенство. В связи с этим необходим особый подход к проблемам правовой охраны прав и свобод пациента, для осуществления которых государство располагает различными правовыми средствами, которые должны нивелировать это неравенство.

Так, в российском законодательстве принцип добровольного информированного согласия нашел отражение в ст. 21 Конституции РФ 1993 г., в которой указывается, что никто не может без добровольного согласия быть подвергнут медицинским, научным или другим испытаниям [15], а также в ст. ст. 31, 32 и 43 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан [6].

В статье 32 Основ устанавливается: "необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является информированное добровольное согласие гражданина".

К сожалению, в медицинской практике этот принцип наиболее часто действует либо в тех случаях, когда пациент выступает в роли потребителя, оплачивая медицинские услуги, либо при проведении сложных, сопряженных с риском для жизни вмешательств. Очередной приход к стоматологу или проведение необходимых процедур (например, прививки), как правило, не сопровождаются объяснениями того, что намеревается сделать врач и с какой целью.

Принцип информированного согласия важен для развития медицинской этики, для защиты не только прав пациентов, но и прав врачей.

Статья 31 Основ устанавливает, что "каждый гражданин имеет право в доступной для него форме получить имеющуюся информацию о состоянии своего здоровья...". Под определением "доступной для него форме" следует, преж-

² Патерналистская (от лат. *paternus* – отцовский, зависимый от отца) модель взаимоотношений между медицинским персоналом и пациентом предполагает, что человек, обратившийся за медицинской услугой, абсолютно некомпетентен в области медицины и поэтому должен беспрекословно выполнять все указания врача, всецело полагаясь на его авторитет.

де всего, понимать, что информация предоставляется на языке, понятном для пациента [9]. Согласно ст. 15 Закона РСФСР от 25.10.1991 № 1807-1 (в ред. от 24.07.1998 № 126-ФЗ; от 11.12.2002) "О языках народов Российской Федерации" в деятельности государственных органов, организаций, предприятий и учреждений РФ используются государственный язык РФ, государственные языки республик и иные языки народов РФ [16].

В российском государстве на протяжении долгих лет существовал юридический вакуум в регулировании деятельности учреждений здравоохранения, что существенно осложняло обеспечение граждан услугами медицинского характера. Имевшиеся в наличии отдельные правовые акты об охране здоровья граждан нередко носили декларативный характер, а правила оказания пациентам медицинской помощи содержались в многочисленных ведомственных актах, издаваемых для служебного пользования. Несмотря на принятие в последние годы отдельных законодательных актов, направленных на регулирование медицинской деятельности, охрану здоровья человека и защиту интересов пациента, тем не менее, не устранены некоторые противоречия между интересами потребителей услуг медицинского характера и органов здравоохранения. В связи с этим требуется координация усилий органов здравоохранения и совершенствование правовой системы регулирования медицинской деятельности и защиты пациентов.

Список литературы

1. Вагизов Р.Г., Исланова Н.И., Леонтьева Т.И. Рабочая программа учебного курса "Право и медицина" (правовые основы биомедицинской этики). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2007.
2. Тищенко П.Д. К началам биоэтики // Вопросы философии. – 1994. – № 3.
3. Биоэтика: проблемы и перспективы // Вопросы философии. – 1994. – № 3.
4. Огурцов А.П. Этика жизни или биоэтика: аксиологические альтернативы // Вопросы философии. – 1994. – № 3.
5. Женевская декларация: Международный кодекс медицинской этики // Здоровье. – 1979. – № 7.
6. Ведомости СНД и ВС РФ. 19.08.1993. – № 33. – Ст. 1318.
7. Блинов А.Г. Уголовно-правовая охрана прав пациента: учеб. пособие / под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО "Саратовская государственная академия права", 2004.
8. Гиппократ. Избранные книги: пер. с греч. – М., 1936.
9. Путило Н.В. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. – М., 1993.
10. Яровинский М.Я. Лекции по курсу "Медицинская этика (биоэтика)". – М., 1999.
11. Сгречча Э., Тамбоне В. Биоэтика: учебник. – М., 2002.
12. Таджиев К.Т., Приписнов В.И. Об основах медицинской деонтологии. – Душанбе, 1981.
13. Хрестоматия по истории медицины. – М., 1968.
14. Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
15. Российская газета. – 1993. – № 237.
16. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 12.12.1991. – № 50. – Ст. 1740.

В редакцию материал поступил 05.06.09.

Ключевые слова: биомедицинская этика, биоэтика, медицинская (врачебная) этика, медицинская деонтология, деонтологические кодексы, принципы биоэтики, принцип справедливости, принцип непричинения зла, принцип благотворительности, принцип информированного согласия пациента, принцип автономии личности, принцип уважения человеческого достоинства, принцип правдивости, принцип доверия, принцип благоразумия.

УДК 347.73:336.14

Н.А. САТТАРОВА,
доктор юридических наук

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: satarova@ieml.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АУДИТА БЮДЖЕТА

В статье дана краткая характеристика финансового контроля как неотъемлемой части финансовой деятельности государства. Рассмотрены некоторые особенности аудита бюджета и его виды, а также проблема эффективности.

Имеющиеся на сегодняшний день фундаментальные исследования по изучению различных аспектов финансовой деятельности государства и муниципальных образований убеждают нас в том, что важную роль в процессе аккумулирования, распределения и использования денежных фондов государства играет государственный финансовый контроль представительных (законодательных) и исполнительных органов государственной власти.

Анализ действующего законодательства и основных вопросов финансового контроля позволяет отметить, что повышение роли государственного финансового контроля на этапе формирования правового государства, укрепления рыночных отношений в современных условиях обусловлено следующими факторами: необходимостью динамичного развития страны на базе совершенствования бюджетно-налогового и социально-экономического федерализма; необходимостью эффективного контроля за рациональным и эффективным использованием государственных и муниципальных финансовых и материальных ресурсов; децентрализацией управления формированием органов государственного финансового контроля нового качества на всех уровнях властной иерархии, определением и законодательным закреплением их места и роли в системе единого государственного финансового контроля; необходимостью совершенствования действующего финансового законодательства.

Обязательным условием устойчивого развития и упорядоченного функционирования современной системы финансового контроля выступает адекватная правовая база. При этом, несмотря на интенсивное развитие законодательства в области финансового контроля, можно констатировать, что четкости правового регулирования отношений в области финансового контроля с участием представительных (законодательных) и исполнительных органов государственной власти в настоящее время не достигнуто, что обуславливает теоретический и практический интерес к содержанию финансового контроля. Так, например, Бюджетный кодекс (далее – БК) по-прежнему не содержит определения государственного и муниципального финансового контроля. Законодатель в главе 26 БК РФ, указывая на формы финансового контроля, не раскрывает их содержания, что также не позволяет определить границы процессуально-правового механизма в процессе осуществления контрольных мероприятий органами законодательной (представительной) и исполнительной власти. Следует отметить, что в вопросах правового регулирования государственного финансового контроля практически "выпали" процессуальные аспекты.

Кратко охарактеризовав финансовый контроль как неотъемлемую часть финансовой деятельности государства, следует заметить, что контролю в сфере публичных финансов присущи те же принципы, на которых строится осуществление финансовой деятельности государ-

ства и которые законодательно закреплены в Конституции РФ и нормативно-правовых актах. Особенностью осуществления финансового контроля является то, что наряду с общими принципами вся контрольная деятельность строится на соответствующих специфических принципах, нашедших отражение в Лимской декларации руководящих принципов организации контрольных органов (ИНТОСАИ).

Следует согласиться с мнением специалистов, что главной целью финансового контроля как важнейшего элемента государственного управления и контроля, без которого немислимы эффективное образование, распределение и использование всех финансовых ресурсов, так необходимых для финансирования социально-экономических программ, улучшения экологической ситуации в России и т.п., является влияние на обеспечение проведения единой финансово-правовой политики государства как разновидности правовой политики государства [1, 2].

Финансовый контроль принято рассматривать в двух аспектах: а) строго регламентированная деятельность специально созданных контролирующих органов за соблюдением финансового законодательства и финансовой дисциплины всех экономических субъектов; б) неотъемлемый элемент управления финансами и денежными потоками на макро- и микроуровне с целью обеспечения целесообразности и эффективности финансовых операций.

Вместе с тем, в науке финансового права по-прежнему остается дискуссионным вопрос о соотношении понятий "вид", "форма" и "метод" финансового контроля, поскольку указанные понятия в научных работах представлены либо как равнозначные смысловые сочетания [3], либо как разные смысловые сочетания, используемые при этом фактически одинаково. Различие в подходах к указанным понятиям обусловлено недостаточным нормативно-правовым регулированием. Например, в ст. 15 Федерального закона от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ "О Счетной палате Российской Федерации" закреплены такие контрольные процедуры, как ревизии и проверки. К сожалению, в упомянутом законе не указано, относятся ли ревизии и проверки к

определенным видам, формам и методам финансового контроля.

Рассмотрим некоторые особенности аудита бюджета как метода государственного финансового контроля, широко используемого контрольными органами законодательной (представительной) и исполнительной власти.

Действующее законодательство не дает определения понятию аудит бюджета. Следует указать, что в соответствии с российским законодательством под аудитом понимается предпринимательская деятельность аудиторов (аудиторских фирм) по осуществлению независимых вневедомственных проверок бухгалтерско-финансовой отчетности, платежно-расчетной документации, налоговых деклараций и других финансовых обязательств и требований экономических субъектов (предприятий, организаций, предпринимателей и т.д.), а также оказанию иных аудиторских услуг.

В статье 270.1 БК РФ указывается на внутренний финансовый аудит. По смыслу указанной статьи под внутренним финансовым аудитом понимается осуществление разработки и контроль за соблюдением внутренних стандартов и процедур составления и исполнения бюджета, составление бюджетной отчетности и ведение бюджетного учета, а также подготовка и организация осуществления мер, направленных на повышение результативности (эффективности и экономности) использования бюджетных средств. Внутренний финансовый аудит осуществляют подразделения внутреннего финансового аудита (внутреннего контроля), создаваемые органами исполнительной власти (органами местной администрации).

Относительно аудита бюджета укажем, что различают внешний аудит бюджета (данный метод используется при проведении внешнего финансового контроля) и внутренний аудит бюджета (как метод внутреннего финансового контроля). При этом следует отметить, что внешний аудит бюджета проводится извне и позволяет законодательной (представительной) власти определить степень достоверности информации исполнительной власти об исполнении бюджета за отчетный финансовый год или о прогнозируемых параметрах социально-экономического раз-

вития страны и показателях бюджетных проектировок на предстоящий финансовый год (или годы) [4, с. 159]. Внутренний аудит бюджета проводится органами исполнительной власти в процессе формирования проекта бюджета, исполнения утвержденного бюджета и составления отчета об исполненном бюджете.

Вместе с тем, внешний аудит включает в себя: аудит отчетности, аудит соответствия и аудит эффективности использования государственных (муниципальных) финансовых ресурсов и государственной (муниципальной) собственности.

Внешний аудит бюджета представляет собой ежегодную обязательную проверку органом внешнего государственного финансового контроля отчета исполнительной власти об исполнении бюджета (бюджета внебюджетного фонда) за прошедший финансовый год. Данная проверка осуществляется в виде контрольно-ревизионных и экспертно-аналитических мероприятий, проводимых органом внешнего государственного финансового контроля во всех субъектах ведомственной структуры расходов бюджета с целью установления степени достоверности финансовой отчетности, представляемой исполнительной властью представительной власти в форме проекта закона (решения) об исполнении бюджета за отчетный финансовый год, и подготовки заключения органа внешнего государственного финансового контроля по этому законопроекту (проекту решения).

На основании норм БК РФ (ст. ст. 157, 265) с целью проведения внешнего аудита бюджета, в ходе которого осуществляется контроль за исполнением местных бюджетов, проводится экспертиза проектов местных бюджетов, актов органов местного самоуправления, представительным органом местного самоуправления создается контрольный орган местного самоуправления.

Безусловно, внешний аудит бюджета должен проводиться профессионально, объективно и независимо как от исполнительной, так и от законодательной власти. Главная задача этого метода – определение достоверности и правдивости финансовой отчетности исполнительной власти, реальности показателей бюджета.

Вместе с тем, специалисты, занимающиеся проблемами правового регулирования финансо-

вого контроля, его методов и форм, отмечают, что в Российской Федерации действует более 250 нормативных правовых актов – законов, указов и постановлений, в которых затрагиваются вопросы государственного контроля и надзора. В соответствии с этими документами функции государственного финансового контроля в той или иной степени присущи подавляющему большинству федеральных органов исполнительной власти. Однако при этом в нормативных правовых актах отсутствует четкая регламентация их функций и полномочий. Иными словами, в стране к настоящему времени сложилась, с одной стороны, излишне разветвленная, а с другой – недостаточно мобильная и эффективная, дееспособная [4, с. 57] система органов государственного финансового контроля.

Как указывают специалисты, среди всех проблем, связанных с государственным бюджетно-финансовым контролем, центральное место занимает проблема эффективности.

При этом важно помнить, что одной из задач правовой науки является установление того, насколько эффективна действующая правовая система в целом и отдельные ее институты. Взгляды большинства авторов совпадают в том, что под эффективностью следует понимать наиболее высокую степень достижения поставленных целей, задач и результатов.

Отметим, что в философское понятие эффективности входит обобщенное выражение проблемы рациональных способов достижения цели [5]. "Эффективный (лат. *effectivus*) – дающий определенный эффект, действенный", – гласит Словарь иностранных слов [6]. Слово "эффективный" в толковом словаре русского языка трактуется как "дающий эффект, действенный способ" [7].

В теории права "степень эффективности тех или иных правовых мер определяется с учетом, во-первых, оценки результата, полученного при регулировании общественных отношений; во-вторых, на основе сопоставления результата и той цели, которую ставил создатель данного нормативного установления" [8, с. 28].

Категория эффективности в сфере бюджетно-финансового контроля имеет двойное толкование: эффективность использования бюджет-

ных средств и эффективность самого государственного финансового контроля [9]. Безусловно, важная роль в осуществлении бюджетно-финансового контроля отводится эффективности законодательства, поскольку "степень эффективности тех или иных правовых мер определяется с учетом, во-первых, оценки результата, полученного при регулировании общественных отношений; во-вторых, на основе сопоставления результата и той цели, которую ставил создатель данного нормативного установления" [8]. Совершенствование и эффективность законодательства, регулирующего финансово-бюджетный контроль, должно служить интересам всего государства, отражать интересы общества в целом и обеспечить такое состояние финансовой дисциплины, которое минимизировало бы правонарушения в бюджетной сфере.

Следует отметить, что в последнее время появляются интересные исследования, посвященные категории "аудит эффективности", под которым понимают средства оценки социально-экономического эффекта финансово-хозяйственной деятельности государства.

Аудит эффективности, отражая внутреннее содержание государственного финансового контроля, позволяет в полной степени достичь основной цели последнего: повышения результативности использования государственных финансовых и материальных ресурсов и, как следствие этого, – обеспечения эффективности государственного управления, что, в свою очередь, играет немаловажную роль в предотвращении кризисных явлений в экономической системе, прежде всего в денежно-кредитной и бюджетно-налоговой сферах.

Вместе с тем, определяя аудит бюджета как метод государственного финансового контроля, необходимо отметить, что категории "аудит бюджета" и "аудит эффективности" – понятия разноплановые, отражающие внутреннюю и внешнюю стороны финансового контроля.

Рамки данной статьи не позволяют охватить весь круг вопросов правового регулирования аудита бюджета. В качестве одного из выводов по рассматриваемой проблематике следует указать на то, что законодатель должен четко определить как понятие аудита бюджета, так и его содержание, что также позволит определить и процессуально-правовой механизм соответствующего метода государственного финансового контроля. Думается, что данное обстоятельство принимает особую значимость в современный период развития экономики России как федеративного государства. Создание эффективной системы государственного финансового контроля позволит уменьшить негативные моменты, связанные с функционированием теневой экономики, нецелевым использованием бюджетных средств, уменьшением сбора налогов и ростом экономических преступлений.

Список литературы

1. Покачалова Е.В. Публичный долг в российской Федерации: вопросы финансового права. – Саратов, 2007.
2. Грачева Е.Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль в системе социального управления // Финансовое право. – 2003. – № 2. – С. 11.
3. Бюджетное право России: конспект лекций / сост. Л.Ю. Грудцына и М.А. Родионова. – М., 2006.
4. Воронин Ю.М. Государственный финансовый контроль. Вопросы теории и практики. – М., 2005.
5. Андриющенко М.Н. Понятие эффективности и его философский смысл // Ученые записки общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия. Вып. XII. – Л., 1971. – С. 48.
6. Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. – М., 1988. – С. 595.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1995. – С. 902.
8. Терявский С.А. Основные пути повышения эффективности методов правового регулирования // Актуальные проблемы правоповедения. – 2004. – № 2.
9. Родионова В.М., Шлейников В.И. Финансовый контроль: учебник. – М., 2002. – С.243.

В редакцию материал поступил 30.07.09.

Ключевые слова: аудит бюджета, финансовый контроль, правовое регулирование, проблема эффективности.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 343.91

А.Ю. ЕПИХИН,

доктор юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: epihin@ieml.ru

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию А.А. Сычева
"Дифференциация уголовно-процессуальной формы производства
по делам несовершеннолетних", представленную на соискание
ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 –
уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза;
оперативно-розыскная деятельность**

Актуальность темы диссертационного исследования не вызывает сомнений. Автор сумел найти свою оригинальную нишу в тематике производства по уголовным делам несовершеннолетних, что в настоящее время достаточно непросто, поскольку научных работ, посвященных данной проблеме, много. Причем следует отдать должное А.А. Сычеву: он выявил пробелы в научном знании, которые касаются не второстепенных и частных вещей, а важнейших методологических моментов. Именно таковой является проблема дифференциации уголовно-процессуальной формы производства по уголовным делам несовершеннолетних. От правильного понимания этой проблемы во многом зависит успешное разрешение основных сложностей расследования и рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Следует заметить, что диссертационное исследование актуально и применительно к общим проблемам дифференциации и унификации процессуальной формы. А последние, как изве-

стно, единодушно относятся к проблемам малоисследованным.

Научная обоснованность и достоверность выводов и рекомендаций, положений и выводов, сформулированных в диссертации, обусловлена аргументированными авторскими выводами, положениями, выносимыми на защиту, а также эмпирическими данными, полученными соискателем в результате изучения опубликованной судебной практики и судебной статистики; публикаций в средствах массовой информации; данных мониторинга применения УПК РФ; материалов эмпирических исследований, проведенных учеными-процессуалистами; данных собственных исследований (анкетирование и интервьюирование 162 работников органов предварительного расследования, 84 судей, а также изучение 256 уголовных дел). По теме работы опубликовано 4 научные статьи, в том числе одна – в издании, рекомендованном ВАК.

Кроме этого, материалы диссертационного исследования применяются при подготовке лек-

ций, письменных консультаций, а также при проведении семинарских и практических занятий по уголовному процессу в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского и Нижегородской академии МВД России, используются в практической деятельности федеральных судов и мировых судей г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, а также в деятельности органов предварительного расследования.

Тем самым, автором получены новые фактические (эмпирические) данные, которые подтверждают и аргументируют выносимые на защиту теоретические положения.

Научная новизна положений диссертации определяется, прежде всего, тем, что соискателю удалось обосновать собственную позицию в отношении сущности уголовно-процессуальной формы по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, которую соискатель определяет как систему "предусмотренных уголовно-процессуальным законом общих и специальных условий, требований, гарантий, правил и процедур, обеспечивающую особый порядок производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, и позволяющую наряду с общими задачами судопроизводства решать специфические ювенальные задачи". Полагаем, что и общие выводы, сделанные автором относительно дифференциации и унификации уголовно-процессуальной формы, заслуживают научного внимания. Примененный диссертантом методологический подход, заключающийся в выделении "вторичной" и первичной" дифференциации, сможет найти дальнейшее применение в уголовно-процессуальной науке.

Несмотря на теоретический уклон исследования, в работе содержатся ценные практические выводы, которые могут внести вклад в улучшение борьбы с преступностью несовершеннолетних. Новая редакция ст. 151, возвращающая прежний (присущий УПК РСФСР) порядок распределения подследственности, способна принести ощутимый практический эффект. Причем данное предложение автор хорошо обосновал с помощью самых разных аргументов, включая нормативные и эмпирические.

Предложения автора, направленные на совершенствование дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, отличается от прежде известных научных результатов комплексностью, системностью и логической последовательностью. Диссертант обосновал выводы, внес предложения, сформулировал дефиниции и рекомендации, реализация которых, несомненно, будет способствовать не только активизации теоретической и правотворческой деятельности, но и совершенствованию правоприменительной практики.

Теоретическая и практическая значимость. По нашему глубокому убеждению, диссертанту удалось решить ряд теоретических и прикладных задач, обосновать выводы, внести предложения, направленные на активизацию научных исследований, посвященных совершенствованию уголовно-процессуальной формы по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Разработанные диссертантом положения обогащают теорию уголовного процесса, в частности, разделы, посвященные унификации и дифференциации уголовно-процессуальной формы в целом, формы особых производств, а также формы производства по делам несовершеннолетних.

Как справедливо указано в автореферате и следует из содержания текста диссертации, теоретические выводы могут быть использованы не только в научных исследованиях, направленных на развитие и углубление общей теории уголовного процесса, но и при разработке и решении проблем, связанных с производством в судебных стадиях. Перечисленные и иные положения указывают на то, что научное исследование А.А. Сычева вносит достойный вклад в повышение эффективности уголовного судопроизводства.

Практическая значимость выражается в возможности применения обоснованных в работе предложений в законодательной и правоприменительной деятельности; повышении эффективности применения процессуальной формы по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними; оптимизации судебной деятельности по уголовным делам; возможности

использования в учебной и научной деятельности юридических факультетов и вузов.

Обращает на себя внимание научная смелость диссертанта в предлагаемых решениях, последовательность в отстаивании занятой позиции, обоснованность выносимых на защиту тезисов, подборе аргументов и логике выстраивания аргументации.

Заслуживают поддержки последовательно реализованные в диссертации следующие идеи и предложения: разработка и исследование уголовно-процессуальных принципов унификации и дифференциации, их соотношение, взаимосвязь и взаимовлияние, развитие и изменение; глубокое изучение, выявление и введение в научный оборот понятий вторичной и первичной дифференциации уголовно-процессуальной формы; рассмотрение дифференциации как результата действия диалектического закона перехода количественных изменений в качественные, появление особого производства в уголовном процессе. Нельзя не отметить также и иные, без сомнения, теоретически интересные и практически значимые идеи, выводы, наблюдения, раскрывающие различные аспекты исследуемой темы.

Среди позитивных моментов работы следует отметить использование опыта стран так называемого ближнего зарубежья. Уголовный процесс на постсоветском пространстве является в настоящее время хорошей базой для объективного анализа отдельных элементов уголовно-процессуальной формы.

Заслуживает одобрения и логика работы. Автор умело применяет индуктивный и дедуктивный методы познания. Это очень хорошо видно и по структуре положений, выносимых на защиту. Все они обладают системным единством: общие идеи, касающиеся дифференциации и унификации уголовно-процессуальной формы, существуют не сами по себе, а в тесной взаимосвязи с позициями, касающимися непосредственно предмета исследования.

Автор не переписывает заново известные моменты, в частности, не останавливается на описании уголовно-процессуальной формы производства по делам несовершеннолетних, а акцентирует внимание на неизвестных сторо-

нах, связанных с ее дифференциацией. Подобный подход позволяет легко установить личный вклад диссертанта в науку.

На наш взгляд, удачно определен объект научного исследования как "объективные закономерности, социальные, правовые факторы и иные детерминанты, влияющие на возникновение, юридическое оформление, устойчивость и трансформацию специфических уголовно-процессуальных средств, используемых при производстве по делам о преступлениях несовершеннолетних". В качестве предмета исследования автор выделил дифференциацию уголовно-процессуальной формы производства по делам несовершеннолетних в отечественном уголовном процессе как средство ее (формы) оптимизации. Автореферат соответствует тексту работы, а избранная структура исследования – объекту, предмету, цели и задачам научного поиска.

Диссертация в достаточной мере раскрывает все параметры исследования, включая методологические, теоретические и правовые основы, а также выносимые на защиту положения. Текст написан грамотно, хорошим и свободным научным стилем. Автор демонстрирует обширную эрудицию, в полемике корректен.

Признавая достаточно высокий уровень исполнения диссертационного исследования, следует отметить, что не все рассуждения и выводы диссертанта представляется возможным разделить.

1. Автор часто использует фразу "по делам несовершеннолетних" как в тексте работы, так и в названии параграфа 1 главы 1. Такое указание содержит не совсем точное определение данной категории уголовных дел, поскольку сам используемый в работе термин "по делам несовершеннолетних" включает, как не достигших 18 лет подсудимых, так и иных участников уголовного судопроизводства: потерпевших, гражданских истцов, ответчиков. На наш взгляд, это сделано не совсем корректно с точки зрения стилистики. Очевидно, что речь идет о расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Именно эта формулировка и должна присутствовать в научном тексте.

2. Как это следует из текста автореферата, в частности положений, выносимых на защиту, и содержания диссертации, соискатель, по нашему мнению, уделяет чрезмерное внимание собственно уголовно-процессуальной форме, ее дифференциации. Подтверждением является отведение этим понятиям почти половины из 12 пунктов выносимых на защиту положений. Нам понятен интерес диссертанта к изучению дифференциации, но было бы предпочтительнее рассматривать ее в русле производства по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними.

3. В качестве одного из отстаиваемых положений автор утверждает, что "несовершеннолетний возраст лица является главной (необходимой и достаточной) предпосылкой для установления особой процессуальной формы. Все остальное вторично, в том числе и практические выгоды, связанные с ускорением производства по уголовному делу" (п. 8). Представляется, что это не совсем так. Несовершеннолетний возраст является одним из трех общих признаков субъекта преступления (возраст, физическая природа и вменяемость). Кроме этого, на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ, если несовершеннолетний достиг возраста привлечения к уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности. По этим причинам мы считаем необходимым уточнить утверждение соискателя о несовершеннолетнем возрасте как главной (необходимой и достаточной) предпосылке установления особой процессуальной формы. На наш взгляд, возраст не является достаточной предпосылкой, поскольку необходимы и другие признаки субъекта преступления.

4. Отдельные положения, по нашему мнению, не несут особой научной ценности по причине лишь констатации очевидных явлений. Так, например, в п. 7 автор утверждает, что "в последние годы не появилось и новых существенных оснований для дифференциации формы предварительного расследования по делам несовершеннолетних". Или в п. 10: "в истории особого производства по делам несовершеннолетних четко прослеживается тенденция "отеческого" подхода к несовершеннолетним субъектам уголовного процесса". Хотелось бы услышать при публичной защите причину именованного такого подхода именно "отеческим", а не, например, "материнским".

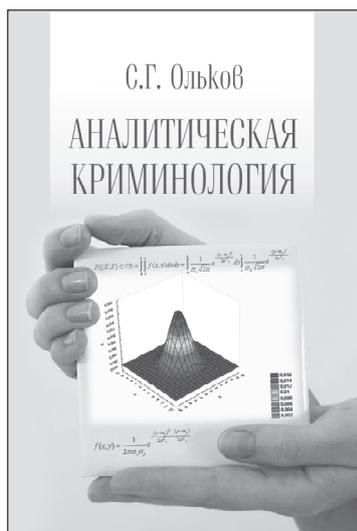
Высказанные нами замечания носят частный характер и не влияют на общее положительное впечатление о научной работе.

Оценивая в целом проведенное А.А. Сычевым исследование, следует признать, что оно представляет собой актуальную, самостоятельную, монографическую работу теоретического и прикладного характера, посвященную одной из важных проблем теории уголовного процесса. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что диссертантом решены задачи, имеющие существенное значение для повышения эффективности российского уголовного судопроизводства.

Вывод: диссертационное исследование "Дифференциация уголовно-процессуальной формы производства по делам несовершеннолетних" полностью отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям и соответствует п. 8 Положения "О порядке присуждения ученых степеней", утвержденному постановлением Правительства РФ от 30.01.2002, а его автор А.А. Сычев заслуживает присуждения ученой степени "кандидат юридических наук" по специальности 12.00.09. – уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

В редакцию материал поступил 07.07.09.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма производства по уголовным делам несовершеннолетних, первичная и вторичная дифференциации.

УДК 343.9

И.С. СКИФСКИЙ,*кандидат юридических наук, доцент**Тюменский государственный нефтегазовый университет***РЕЦЕНЗИЯ****на учебное пособие доктора юридических наук,
профессора С.Г. Олькова****"Аналитическая криминология": курс лекций. –
2-е изд., доп. и испр. – Казань: Познание, 2008. – 460 с.**

История науки имеет достаточно примеров, когда гениальный ученый находит оригинальный метод, открывает ранее неизвестный закон, вскрывающий новые грани исследования, и множество специалистов начинают предпринимать попытки его применения в различных сферах научной деятельности. Сказанное, в первую очередь, относится к достижениям физики (открытие закона всемирного тяготения И. Ньютоном), химии (открытие закона сохранения массы М.В. Ломоносовым), медицины (открытие X-лучей В.К. Рентгеном), астрономии (открытие закона движения планет И. Кеплером), биологии (открытие клеточного и волокнистого строения растений Р. Гуком) и других естественных наук. Блестящими результатами таких устремлений выступают долгожданные открытия, поскольку метод, заимствованный из одной области знания и грамотно привнесенный в другую, зачастую приносит поразительный эффект¹.

Основная задача криминологии – получение объективной информации о динамике, тенденциях и закономерностях преступности. Ее конкретные прикладные решения зависят от целого ряда факторов (уровня подготовки спе-

циалистов, качества исходных данных, сроков проведения исследования и др.), определяющим среди которых является использование надлежащих методов научного поиска. Анализ российской и зарубежной юридической литературы позволяет выделить два основных подхода к изучению отклоняющегося поведения – качественный (дескриптивный, качественный) и количественный (квантитативный).

Первый подход предполагает описание базовых индикаторов преступности (общественно опасного характера, состояния, динамики, структуры), классификацию, интуитивное ранжирование криминогенных причин и условий, наполнение личности преступника широким набором признаков (социальных, демографических, нравственных, психологических, уголовно-правовых), конструирование типологии правонарушителей, жертв противоправных посягательств, определение субъектов профилактической работы и мер по пресечению девиантных проявлений.

Второй подход основан на применении в криминологических целях современных математических и статистических методов, позволяющих вскрывать определяющие факторы общественной патологии, измерять, количественно выражать силу связей между социальными, экономическими, правовыми явлениями, строить прогнозные модели с различными доверительными интервалами, принимать адекватные

¹ Карпов М.М. Взаимодействие наук // Наукоеведение. Прогнозирование. Информатика. – Киев: Наукова Думка, 1970. – С. 127.

управленческие решения, направленные на предупреждение различных форм криминального поведения, а также решать иные исследовательские задачи. Не принижая роль качественных научных изысканий в криминологии, следует признать перспективность математического и статистического моделирования в познании феномена преступности, ее структурных составляющих в конкретном пространственно-временном континууме.

Новая книга профессора Сергея Геннадьевича Олькова, крупного специалиста в области количественного анализа девиантности, разработавшего точные теории многомерных оценочных пространств, политических режимов, юридической ответственности, под названием "Аналитическая криминология", второе издание которой увидело свет в 2008 году, представляет собой академический курс лекций, основанный на результатах, полученных автором в ходе долгосрочных исследований социальных отклонений². Уникальность работы состоит в том, что она является первым учебным пособием, в котором материал, характерный для классического университетского учебника, раскрывается с широким использованием точной методологии. По вполне обоснованному мнению профессора С.Г. Олькова, традиционное деление на "гуманитариев" и "технарей" "тормозит развитие общественно-гуманитарной науки, но никак не способствует ее прогрессивному развитию"³. В этой связи автор, приводя аргументированные доводы, в предисловии справедливо указывает, что "как и всякая наука, криминология призвана *объяснять (1), прогнозировать (2)* изучаемые криминологические явления и процессы, обеспе-

чивать *управление (3)* ими в силу полученных знаний" (выделено – С.О.) (с. 5).

Формулируя постулат всеобщего детерминизма, С.Г. Ольков не только разрешает известный криминологический диспут о соотношении биологического и социального в преступном поведении, но и вводит новый структурный компонент. В частности, автор предлагает оригинальную модель поведения

$$\vec{Y} = f(\vec{F}_a, \vec{F}_b, \vec{F}_c),$$

где \vec{Y} – вектор поведения индивида, группы или всего человечества; $\vec{F}_a = \{\vec{a}_1, \vec{a}_2, \vec{a}_3 \dots \vec{a}_n\}$ – совокупность сил космо-теллурической среды; $\vec{F}_b = \{\vec{b}_1, \vec{b}_2, \vec{b}_3 \dots \vec{b}_n\}$ – совокупность безусловных биологических сил; $\vec{F}_c = \{\vec{c}_1, \vec{c}_2, \vec{c}_3 \dots \vec{c}_n\}$ – совокупность социальных факторов (с. 31, 210). Определяющая роль в данной модели принадлежит социальной составляющей, выражаемой различными независимыми переменными – влиянием культур, моральными и правовыми нормами, неравенством в распределении доходов населения, потреблением психоактивных веществ, интенсивностью миграционных процессов, изменением численности осужденных и др.

В классической криминологии под "криминогенными детерминантами" понимается совокупность причин, условий и факторов, совместное действие которых вызывает совершение преступлений. Традиционно рассмотрение причинного комплекса асоциального поведения заключается в перечислении, интуитивном ранжировании и обобщающей оценке отдельных детерминант. К таковым, в частности, относятся: резкое расслоение общества, недостаточное развитие экономики, низкое качество жизни, утеря государственного патронажа, безынициативность населения, депрессия и тревожность, этнорелигиозные конфликты, негативные последствия глобализации, безработица и др. Указанный подход к изучению ключевых факторов преступности представляется некорректным, поскольку, во-первых, не отражает реального "веса" каждого детерминирующего фактора в формировании данного социального феномена и, во-вторых,

² См.: Ольков С.Г. Биосоциальная механика, общественная патология и точная юриспруденция. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999; Ольков С.Г. Юридический анализ (исследовательская юриспруденция): в 2-х т. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2003; Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. – Тюмень: НИИ АМЮ ТГНГУ-ТНЦ СО РАН, 2006.

³ Подробнее см.: Ольков С.Г. Откровенный разговор о юридической науке: значение и недостатки отрасли // Российский криминологический взгляд. – 2007. – № 2. – С. 117-126.

не учитывает изменений пространственно-временного континуума.

Научные изыскания последних лет свидетельствуют о том, что ученые различных специальностей отказываются от самого термина "причина", отдавая предпочтение выявлению факторов, воздействующих на анализируемый объект⁴. Количественная оценка влияния каждого фактора на частоту совершения уголовно-наказуемых деяний, предложенная профессором С.Г. Ольковым, выполняется путем установления связей вида

$$y = f(x_1, x_2, x_3 \dots x_n),$$

где y – соответствующий уровень общественной патологии, включая зарегистрированные и латентные преступления (управляемая, зависимая переменная); $x_1, x_2, x_3 \dots x_n$ – детерминирующие факторы, объясняющие девиантное поведение (управляющие, независимые переменные) (с. 35, 211). Переменные x – это разнообразные биологические, космо-теллурические и социальные феномены.

Обратившись к учебному пособию, заинтересованный читатель получит исчерпывающее представление о связях криминологических явлений и процессов, узнает, что вскрытие определяющих факторов наиболее деструктивного типа отрицательной девиантности становится частной криминологической задачей, успешно решаемой посредством выполнения парного, множественного регрессионно-корреляционного анализа (с. 220-229). Коэффициент эластичности, грамотно заимствованный автором из экономической теории, используется для количественного выражения, на сколько процентов изменится уровень социальных отклонений (y) при изменении факторного признака (x) на один процент (с. 226-227). В учебном пособии подробно на частных примерах описывается техника построения соответствующих математических моделей, которые позволили профессо-

ру С.Г. Олькову установить, что наиболее значимым криминогенным феноменом в нашей стране является неравенство в распределении доходов населения, измеряемое коэффициентом Джини⁵. Принимая во внимание роль сил космо-теллурической (внешней, физической) среды в детерминации социально-патологического поведения, широкую сферу применения имеет разработанная автором методика выявления сезонной компоненты во временных рядах преступности, основанная на многомерной регрессии с введением фиктивных или искусственных переменных (с. 197-202).

Для криминологического осмысления тенденций преступности, получения математических уравнений, описывающих временные ряды ее структурных составляющих, профессор С.Г. Ольков предлагает использовать метод наименьших квадратов. Рассматривая различные типы трендов, автор акцентирует внимание на построении кусочно-линейных моделей (с. 165). Их криминологическое значение чрезвычайно велико, поскольку разделение общего ряда динамики на несколько фрагментов обуславливает подбор для каждого из них подходящих функций с высокими коэффициентами аппроксимации.

Современные российские исследования⁶ отклоняющегося поведения свидетельствуют о том, что при разработке прогнозных моделей предпочтение отдается, как правило, интуитивным средствам познания, экстраполированию. Качество значений прогноза в таких случаях обосновывается характеристикой отдельных детерминант конкретной группы посягательств и полученными индивидуальными и коллективными экспертными оценками. Несмотря на тот факт, что указанные способы научного поиска

⁵ Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. – 2004. – № 8. – С. 73-78; см. также: Ольков С.Г. Структурная модель преступности России девяностых годов XX столетия // Научный вестник ТЮИ МВД России: сб. науч. тр. – Тюмень: ТЮИ МВД России, 2002. – С. 61-64.

⁶ См., например: Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. – М.: Логос, 2004. – С. 170-172; Мышляев Н.П. Проблемы прогнозирования административной деликтности // Российский следователь. – 2004. – № 4. – С. 42.

⁴ Гишинский Я.И. Объяснение преступности // Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 240.

используются при среднесрочном и долгосрочном прогнозировании, их практическая применимость весьма ограничена. Тем не менее, все чаще прогнозирование в криминологии осуществляется при помощи математических и статистических методов – скользящего среднего, экспоненциального сглаживания, метода Бокса-Дженкинса, нейронных сетей и др.⁷

Профессор С.Г. Ольков делает принципиальный вывод о том, что надежность криминологического прогноза в решающей мере зависит от "степени устойчивости той социальной среды, в которой осуществляется прогнозирование. Если социально-экономические, социально-политические, демографические, религиозные и другие образующие социум факторы будут стабильны, то даже простая механическая экстраполяция по линейному тренду будет давать достаточно точный прогноз" (с. 169). Принимая во внимание, что в условиях переходного периода, характерного для современной России, прогностическое изучение девиантности является весьма сложной криминологической задачей, автор обращается к прогнозированию преступности с учетом объясняющих факторов, по переменным, зависящим от сходных факторов (с. 175-177). Безусловный интерес представляет предложенная профессором С.Г. Ольковым техника исследования ожидаемого уровня общественной патологии по полиномиальным моделям с невысокими степенями, рядом Фурье, а также с учетом сезонной компоненты (с. 180-185).

⁷ См.: Безруков С.И. Фундаментальное и прикладное криминологическое исследование преступности и управление органами внутренних дел / С.И. Безруков, О.А. Денисенко, С.Г. Ольков, Э.Г. Юзиханова; под общ. ред. С.Г. Олькова. – Тюмень: Вектор Бук, 2004 – С. 120-135; Петровский А.В. Криминологическое прогнозирование преступного поведения молодежи; под науч. ред. С.Ф. Милюкова. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 152-168; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. – Тюмень: Вектор Бук, 2005. – С. 141-261; Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – С. 132-164.

Для измерения реальных масштабов преступности автор использует статистико-вероятностный метод определения коэффициента латентности, выполняет поиск среднего или доли неучтенных посягательств с соответствующими доверительными интервалами (с. 65-71). Для компаративного исследования социальных девиаций в различном пространственно-временном континууме профессор С.Г. Ольков вводит в научный оборот понятие крайм-риска преступности, под которым понимается сравнительный показатель риска преступности (ее структурных компонентов) на объекте S (страна, субъект РФ, конкретный населенный пункт) за период T к среднему риску по всем рассматриваемым объектам G (с. 86-91). Важным методологическим инструментом при характеристике криминологических явлений и процессов в междисциплинарном разрезе является кластерный анализ, позволяющий наглядно выражать динамику преступности в различных странах.

В современной криминологии актуализируются проблемы, связанные с экономической оценкой последствий социальной патологии⁸. В этой связи, примечательно, что профессор С.Г. Ольков обосновывает целесообразность использования дифференциальных, интегральных функций для измерения вредности противоправных посягательств, издержек социума на противодействие криминальному поведению, дохода общества от совершения преступлений, выявленных и осужденных правонарушителей (с. 279-295). В учебном пособии автор впервые с математической точки зрения рассматривает вопрос о влиянии государственного принуждения на уровень преступности, формулирует и верифицирует гипотезу о том, что уголовные наказания усиливают девиантные проявления (с. 374-406). Совершенно очевидно, что назна-

⁸ См.: Лунеев В.В. Сколько стоит преступность? // Российский криминологический взгляд. – 2008. – № 4. – С. 107-127; Кондратюк Л.В. Криминологическое измерение / Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский; под ред. К.К. Горяинова. – М.: Норма, 2008. – С. 228-256; Квашиш В.Е. Уголовно-правовые и криминологические перспективы борьбы с преступностью // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 133.

чение строгого наказания по своему содержанию отрицает функцию индивидуальной социальной коррекции. Попадая в места заключения на длительные сроки, человек становится участником микросреды – пенитенциарной субкультуры, препятствующей его ресоциализации, существенным образом деформирующей шкалу идеалов и ценностей законопослушного гражданина. По этой причине, индивид, оказавшись на свободе, побуждаемый совокупностью биологических, природных и общественных факторов, в максимальной степени ощущающий неравенство в распределении материальных благ среди населения, пытается преодолеть его любым доступным способом. Применение же к осужденному наказания, явно не соответствующего совершенному деянию вследствие мягкости, может оказаться недостаточным для реализации частной превенции и при определенных условиях приведет к рецидиву преступлений.

Профессор С.Г. Ольков вводит понятие ожидаемого наказания (Ξ), рассчитываемого как произведение его строгости (Θ) на вероятность поимки и осуждения преступника (P), то есть $\Xi = \Theta \cdot P$. Строгость наказания – величина, устанавливаемая уголовным законом, соответствующая максимальному размеру санкции охранительной нормы, предусматривающей конкретный состав преступления. Статистическая вероятность поимки и осуждения правонарушителя рассчитывается по формуле $P = m / N$, где m – число осужденных за совершение преступлений данного вида; N – число совершенных преступлений данного вида. Для расчета суммы ожидаемого наказания в рублях обычно используется понятие альтернативной стоимости (альтернативные издержки преступного поведения), то есть рассчитывается сумма доходов, которую мог бы получить осужденный, находясь на свободе (с. 310-311). Результаты оценивания преступником вероятности поимки и наказания будут существенным образом отличаться от выводов лица, не имеющего криминального опыта, поскольку его представления о негативных последствиях неоконченного посягательства носят более реалистичный характер.

В классической учебной литературе при раскрытии вопросов профилактики отклоняющегося поведения обычно используется традиционный способ перечисления допустимых мер воздействия на проявления отрицательной девиантности. При таких обстоятельствах количественный подход к данной проблеме является несомненным достоинством рецензируемой работы. Речь идет об управлении криминологическими процессами, представляющими собой зависимые переменные y в уравнении $y = f(x_1, x_2, x_3 \dots x_n)$, которое состоит "в целенаправленном воздействии на них с помощью научно-обоснованных средств для получения определяемых целью результатов". В качестве управляющих переменных x с соответствующими индексами выступают различные детерминанты исследуемого феномена. Первоочередной целью управления выступает минимизация масштабов преступности, уменьшение численности, находящихся в местах лишения свободы, снижение материального ущерба, причиняемого совершением уголовно-наказуемых деяний (с. 350). Профессор С.Г. Ольков выделяет три группы средств достижения названной цели:

1) уровень применения мер государственного принуждения или состояние политического режима (деятельность правоохранительных органов, направленная на сдерживание криминальной активности, реализация мер пресечения и наказания);

2) уровень применения государственного убеждения, ориентированного на предотвращение преступных посягательств, в том числе, нормы российского законодательства, содержащие потенциальные меры юридической ответственности, меры пресечения, обеспечивающие реализацию общей превенции;

3) уровень законного общественного противодействия противоправной деятельности, включая применение общественного насилия (с. 351-352).

Индикатором эффективности государственной политики в указанных сферах является снижение числа зарегистрированных преступлений в стране. Наблюдаемая в России динамика отдельных структурных составляющих девиан-

тности свидетельствует о том, что действующая система профилактики отклоняющегося поведения нуждается в реформировании. Принципиальную роль в управлении социально-патологическими явлениями и процессами играет организация деятельности по формированию массива достоверной статистической информации. Следует отметить, что профессор С.Г. Ольков оперирует надежными статистическими данными, характеризующими преступность не только в России и ее субъектах, но также в ряде зарубежных государств – Украине, Казахстане и других странах. В "Аналитической криминологии" представлено множество вариантов конструирования соответствующих моделей, начиная от простейших линейчатых и точечных диаграмм и заканчивая трехмерными графическими изображениями.

Новая книга профессора С.Г. Олькова – учебное пособие с выраженной научной компонентой, что в настоящее время является редкостью. Можно без сомнения утверждать, что "Аналитическая криминология" не имеет аналогов по широте изучаемых социальных, экономических, политических, правовых феноме-

нов с использованием математического моделирования. В контексте рассматриваемых проблем статистические и математические методы исследования криминологических явлений и процессов впервые применяются в юридической науке, в связи с чем, автор вносит значительный вклад в интеграцию различных научных направлений для решения важной задачи противодействия деструктивным формам человеческого поведения. Несмотря на тот факт, что учебное пособие адресовано в первую очередь студентам, аспирантам, докторантам высших учебных заведений юридического профиля, "Аналитическая криминология" заинтересует и более подготовленных читателей, уже знакомых с основами "точной юриспруденции". Вместе с тем, профессор С.Г. Ольков, не вступая в открытую полемику с оппонентами, опровергает распространённое мнение о весьма ограниченном применении математических методов в юриспруденции, поскольку все количественные результаты автором грамотно интерпретируются, что делает книгу поистине настоящей находкой для современного криминолога.

В редакцию материал поступил 12.05.09.

Ключевые слова: исследование социальных отклонений, модель поведения, криминологический прогноз, ожидаемое наказание.

ANNOTATIONS OF THE ARTICLES OF THE ISSUE

ECONOMICS

E.S. ALPATOVA,

*Doctor of Science (Economics), Assistant Professor
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)*

FROM CRISIS TO CRISIS: GROWTH WITHOUT DEVELOPMENT

The article views the Russia's position in the world market from 1997 till present. It shows the difference between the Russia's reproduction situation and that of the majority of well-developed countries.

Key words: economic policy, crisis, macro-economical indicator, GDP, social development index.

V.A. MAL'GIN,

Doctor of Science (Economics), Professor,

L.R. KAMENSKIKH,

Post-graduate student

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

INSTITUTIONS' TRANSFORMATIONS UNDER THE MODERN CONDITIONS

The article shows the role of institutionalism in explaining the peculiarities of the modern economical development, analyzes the formal and informal institutions forming in Russia. The authors reveal the main features of an institution and prove the necessity to strengthen the institutions' stability under the economic crisis conditions. Special stress is put on the strengthening of the legal state and property rights institutions.

Key words: institutionalism, institution, formal and informal institutions, institutional transformations.

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

K.A. GRIGORYAN,

PhD (Economics), Assistant Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

THE TATARSTAN ECONOMY ADAPTATION TO THE CHANGES IN EXTERNAL TRADE AND ECONOMIC LINKS

The article views the issues of stable regional development by Tatarstan Republic example with a view of peculiarities of the regional industrial complex. It is stressed that Tatarstan Republic has a great potential of increasing the regional economy resistance to the changes in external trade and economic links, which depends to a large extent on the regional policy executed by the bodies of executive and legislative power.

Key words: adaptation potential, regional development, regional industrial complex, creation of new working places.

S.G. DEMCHENKO,
Doctor of Science (Economics), Professor
Institute of Economics, Management and Law (Kazan),

G.R. SIBAYEVA,
Senior Lecturer
Kama State Academy of Engineering and Economics (Naberezhniye Chelny)

INNOVATIVE BASIS OF ENTREPRENEURSHIP

The article views the interconnection between entrepreneurship and innovations. It is shown that innovations are an organic essence of businesses which adhere to entrepreneurship style of activity. The authors analyze innovative activity of the Russian industrial enterprises and note the necessity for the Russian business to overcome its lagging behind western countries in the sphere of innovative activity.

Key words: innovations, technological innovations, marketing innovations, entrepreneurship, business.

R.Z. ZAKIROV,
Marketing Director

Tatarstan branch of "Mobilniye telesistemy" Public Corporation

PRICE-FORMING TOOLS OF A CELLULAR COMMUNICATION OPERATOR

While forming the price of services a cellular communication operator uses a number of tools, including a subscriber's profile and an average price for a minute's talk. The article describes these tools and suggests the mechanism of their application. The peculiarities of their application in the telecommunication services market are analyzed.

Key words: price formation, telecommunication, marketing activity, tools, subscriber's profile, average price for a minute's talk, tariff plan.

A.R. IDRISOVA,
PhD (Sociology), Deputy Chief
Office of the Republic of Tatarstan Ministry of Justice

INNOVATION OF STATE GOVERNMENT: CLIENT-ORIENTED TECHNOLOGIES

The article views the aims of introducing innovations into state organizations under the conditions of limited state resources and constant deficit of state budget. The objectives, connected with client-oriented technologies' introduction, are pointed out.

Key words: client-oriented technologies, state government, innovation, state power bodies, bureaucracy.

I.S. KABIROV,
Senior Lecturer
Chistopol branch of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

STATISTICAL RECORD KEEPING IN TOURISM

The article views theoretical aspects of satellite accounts application in the system of statistical record keeping of tourist activity in the Republic of Tatarstan.

Key words: tourism, statistical record keeping, tourist market, satellite account in tourism, system of national accounts.

K.S. LISENKOVA,
Post-graduate student
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL MANAGEMENT IN THE FUNCTIONING OF AN ENTERPRISE

The article discusses the essence, key characteristics and structure of a company's human capital in the overall system of the company management under the modern conditions. The comparative characteristic of the existing human capital models is given.

Key words: human capital, system approach, indicators of human capital, labour activity, enterprise.

D.V. MANUSHIN,
PhD (Economics), Assistant Professor
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

**FORMING OF PRINCIPLES, FUNCTIONS AND STAGES
OF ORGANIZATIONS FINANCIAL CONDITION ANALYSIS**

The work summarizes the opinions of researches studying the principles, stages and functions of organizations financial condition analysis. Their critical assessment is given. The author presents both the formed and detailed principles, stages and functions of organizations financial condition analysis.

Key words: analysis, financial condition, organization, principles, functions, stages.

A.V. MIKHALITSIN,
PhD (Engineering), Assistant Professor,
M.Yu. SHABANOV,
Post-graduate student
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

**PREDICTING OF THE LEASING COMPANIES SALES IN THE TRUCKS MARKET
IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT OF RUSSIAN FEDERATION**

The article proposes the technique of predicting leasing companies sales of "KamAZ" trucks in the Volga Federal district of Russian Federation on the basis of single-factor and multi-factor models constructed with the use of correlation-regression analysis.

Key words: sales figures, leasing companies, correlation-regression analysis, trucks, economic prediction.

A.F. NABIULLIN,
PhD (Economics), Assistant Professor,
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
S.Kh. FAIZULLINA,
Financial Director
KMP "Promzheldortrans" Public Corporation

STRATEGY OF RAILWAY TRANSPORT DEVELOPMENT UNDER THE ECONOMIC REFORMS

The article is devoted to the issues of long-term development of the Russian railway transportation sphere. The main directions of such development are viewed according to the federal national program "Development of the Russian transport system (2010-2015)" and the Strategy of the Russian Federation railway transport development up to 2030. The authors define the prerequisites for the long-term planning of the country's transport infrastructure functioning, as well as the risk factors, which mainly refer to financing of the planned projects.

Key words: railway transport, branch development, cargo transportation, economic factors, strategies of the railway sphere development, Federal task program, financial sources, federal railways.

E.A. PETROVA,
Applicant
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

**ESSENTIAL CHARACTERISTIC OF A CORPORATION AND CORPORAL MANAGEMENT
IN POST-INDUSTRIAL ECONOMY**

The article suggests the essential characteristic of a corporation and corporal management under the modern conditions. The necessity to use the systematic, pricing and institutional approaches in corporal management is proved.

Key words: corporation, corporal management, institutional approach, pricing approach.

D.A. SERGEYEV,
PhD (Economics), Assistant Professor
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

**THE MAIN DIRECTIONS OF STATE SUPPORT FOR NANO-INDUSTRY
UNDER THE MODERN CONDITIONS**

In the recent years the role of state in innovation process has greatly increased. The main risks at the initial stages of innovative process, up to producing experimental items, are more and more often taken by the state. This is completely true for the nano-industry. The article views the main ways of state support for nano-industry under the modern conditions.

Key words: nano-industry, nano-technology, "ROSNANO" corporation, ways of state support.

FINANCES, CURRENCY, CREDIT

I.M. ABDULMANOV,
PhD (Economics), Assistant Professor
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

**SIGNIFICANCE AND PROSPECTS OF INCREASING THE EFFICIENCY
OF THE TREASURY SYSTEM OF BUDGET EXECUTION**

The article views the problems development of the treasury system of budget execution as the most important element of the whole country's financial stability. The author stresses the significance of the persistent improvement and modernization of the treasury bodies functioning, which can dramatically decrease the transaction costs in the budget sphere and correspondingly increase the efficiency level of budget execution in the Russian budget system.

Key words: treasury, Federal Treasury bodies, state budget, managerial control system.

**THE THEORY AND THE HISTORY
OF LAW AND STATE**

A.V. SKOROBOGATOV,
Doctor of Science (History), Professor
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

POLITICAL THEORY IN THE RUSSIAN LEGISLATION ON THE VERGE OF 18TH-19TH CC

The article is devoted to the analysis of political-legal bases of the Russian legislation. Analyzing the political-legal doctrine of Emperor Paul I elaborated before his accession to the throne, normative legal acts of 1796-1801, and a number of non-verbal sources, the author reveals the main political ideas underlying the Russian legislation on the verge of the 18th and 19th cc. The author comes to the conclusion that the legislation of that period contained theoretical notions of an ideal state construction, in which all authority is concentrated in the institution of absolute hereditary monarch who obtained his power from God and reports only to Him for his actions.

Key words: political-legal doctrine of Paul I, ideal state construction, monarchical authority.

A.A. YUSUPOV,

PhD (Law)

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

**ISSUES OF UNITED INTERPRETATION OF THE JURIDICAL PROCESS
AND JURIDICAL PROCEDURE**

The article analyzes various approaches to defining the juridical process and juridical procedure. The existing scientific opinions on the problem of correlation between "juridical process" and "juridical procedure" are viewed. The author proves the necessity to widely interpret juridical process as all possible procedural revelations of law.

Key words: juridical procedure, juridical process, juridical activity, procedural-legal regulation.

**CONSTITUTIONAL LAW;
MUNICIPAL LAW**

V.M. ZAKHAROV,

Head of Legal Expertise Department

Legal Office of Naberezhniye Chelny Executive Committee

**ON THE ISSUE OF "REPRESENTATIVE" AND "DIRECT" AUTHORITY
OF THE LOCAL SELF-GOVERNMENT**

The article views the normative-legal acts regulating the activity of the local self-government bodies, the issues of dividing power between federal government, subject of Federation authorities and municipal bodies.

Key words: local self-government, population, state concept of local self-government, public character of local self-government, territorial public self-government, public hearing.

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

A.R. ZARTDINOVA,

Leading Ecologist

"Nizhnekamskshina" Public Corporation

**PECULIARITIES OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE VIOLATION
OF ENVIRONMENTAL PROTECTION RULES DEPENDING ON THE TYPE OF EXECUTED WORKS**

The article investigates the ways of enhancing crimes specified in Article 246 of the Russian Criminal Code. The author describes the ways listed in the article and justifies the necessity to widen their list.

Key words: violation of the environment protection rules, criminal liability, estimation of the impact on environment, ecological safety.

P.A. KABANOV,

Doctor of Science (Law), Assistant Professor

Naberezhniye Chelny branch of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

M.M. SADEYEV,

Applicant

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

VICTIMS OF CORRUPTION IN TATARSTAN REPUBLIC: ANALYSES OF VICTIMOLOGICAL STATISTICS OF 2008

The article views the Tatarstan Republic statistical data of 2008, characterizing victims of corruption (physical and legal persons) and the material trespass of victims depending on their status and legal position. Classification of corruption victims is given and the material trespass amount for each of them is defined.

Key words: victim, corruption, victimology, victimization, victimity, corruption victims, offering to corruption, material trespass from corruption.

V.A. KONDRASHINA,

PhD (Law), Assistant Professor

Naberezhniye Chelny branch of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

REITERATION AS A FEATURE OF CORPUS DELICTI SPECIFIED IN ARTICLE 180 OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE

The article views various interpretations of the feature of reiteration concerning corpus delicti. The author's definition of reiteration is given.

Key words: reiteration, corpus delicti, qualifying feature, crime.

U.T. SAIGITOV,

PhD (Law), Assistant Professor

Dagestan State University (Makhachkala)

E.K. TATAYEV,

Post-graduate student

Academy of Economical Safety of the Russian Ministry of Home Affairs (Moscow)

THE SUBJECT OF ILLEGAL CREDIT TAKING

On the basis of a wide range of works by specialists in criminal law, as well as the critical analysis of the criminal law norms, the authors suggest to change the legislative interpretation of credit as a subject of the crime specified in Article 176 of the Russian Criminal Code, excluding the preferential crediting terms out of the subjects of that crime. Also, the authors ground the suggestion to view state goal-oriented credit not as the subject of Article 176, Part 2, but of Article 285.1 of the Russian Criminal Code.

Key words: object of crime, credit, concessionary terms of crediting, state purpose credit, illegal obtaining of credit.

E.K. TATAYEV,

post-graduate student

Academy of Economical Safety of the Russian Ministry of Home Affairs (Moscow)

ON THE ISSUE OF THE SUBJECT OF ILLEGAL CREDIT TAKING

On the basis of legislation norms investigation and specialists' views in the sphere of criminal law, the author formulates definitions of the main objects of various types of illegal credit taking, and states the additional object of this publicly dangerous deed.

Key words: credit, crime object, danger, order of crediting, fiscal relations, budget crimes sphere.

V.N. TISHCHENKO,

PhD (Law), Head of Department

Scientific-research Institute of the Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation

SIGNS OF THE OBJECTIVE IN THE DYNAMIC OF MODERN CRIME IN RUSSIAN FEDERATION

The article views the interconnection between economic development and crime change. The dynamics of registered crime on the territory of the Russian Federation is shown, the rules of its rises and falls are defined.

Key words: crime, registered crimes, crime dynamics analysis.

M.M. YUSUPOV,

Applicant

Academy of Economical Safety of the Russian Ministry of Home Affairs (Moscow)

ON THE ISSUE OF DEFINING THE OBJECT OF ILLEGAL LAUNDERING OF CRIMINALLY OBTAINED ASSETS

The author views the disputable questions of corpus delicti of crimes specified in Articles 174 and 174.1 of the Russian Criminal Code. Analyzing the various opinions and norms of present-day legislation, the author prove the conclusion that the mentioned crimes should be considered encroachment upon justice.

Key words: optional signs of crime, object of crime, object of illegal laundering of criminally obtained assets.

INTERNATIONAL LAW

M.V. SKIRDA,

PhD (Law), Head of Department

Office of the Russian Federation Ministry of Justice in the Republic of Tatarstan

TO THE ISSUE OF THE ROLE OF UNO STANDARDS IN CRIME PREVENTION AND CRIMINAL JUSTICE

The article views documents worked out by the UNO congresses on the wide range of issues in the sphere of criminal justice; the directions of their application are revealed.

Key words: UNO standards, criminal justice, human rights, protection of crime victims.

ADMINISTRATIVE LAW, FINANCE LAW

G.A. MUSTAFINA,

PhD (Pedagogics), Assistant Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

ETHIC PRINCIPLES AND LEGAL ISSUES OF INTERACTION BETWEEN A DOCTOR AND A PATIENT

The article views the traditional and modern ethic principles and criteria which a doctor should observe when giving medical aid for the patient, and their state regulation in the Russian legislation. The juridical documents regulating the rights and responsibilities of medical staff and patients are analyzed.

Key words: biomedical ethics, bioethics, medical (doctoral) ethics, medical deontology, deontology codes, bioethical principles, principle of fairness, principle of doing no harm, principle of charity, principle of patient's informed agreement, principle of a personality autonomy, principle of respecting a human dignity, principle of truth, principle of trust, principle of discretion.

N.A. SATTAROVA,
Doctor of Science (Law)

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

SOME LEGAL ASPECTS OF BUDGET AUDIT

The article gives a short characteristic of financial control as an inseparable part of the state's financial activity. Some features of budget audit and its types are viewed, as well as efficiency problem.

Key words: budget audit, financial control, legal regulation, efficiency problem.

REVIEWS AND RECENSIONS

A.Yu. EPIKHIN

Doctor of Science (Law), Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

REVIEW

of an official opponent to candidate's thesis by A.A. Sychyov

"Differentiation of the criminal-procedural form of process in cases of juvenile delinquency",

submitted for candidate's degree in Law, speciality 12.00.09 –

criminal process, criminology and legal expertise; investigation and search activity

Key words: criminal-procedural form of process for cases of juvenile criminals, primary and secondary differentiation.

I.S. SKIFSKIY,

PhD (Law), Assistant Professor

Tyumen' State University of Oil and Gas

REVIEW

of a textbook by doctor of science (law), professor S.G. Ol'kov

"Analytical criminology: a course of lecturers." – Issue 2, reviewed. – Kazan, Poznaniye publishers, 2008. – 460 p.

Key words: investigation of social deviations, behavior model, criminological prediction, expected punishment.

**УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
"АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА"
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2009 ГОДА**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Burganov R.A. Economics and law: together or separately? (пер. с рус.).....	№ 2(10), с. 12
Багаутдинов Р.А. Сговор как стратегия минимизации риска неопределенности.....	№ 1(9), с. 5
Бурганов Р.А. Экономика и право: вместе или раздельно?.....	№ 2(10), с. 5
Замалетдинова Э.Н. Проблема воспроизводства человеческого капитала в России.....	№ 2(10), с. 18
Ильенкова С.Д. Управление знаниями как фактор перехода экономики на инновационный путь развития.....	№ 1(9), с. 11
Исаева С.С. Развитие интеллектуального капитала – стратегическая задача при переходе к "экономике знаний" в России.....	№ 2(10), с. 22
Мальгин В.А. Государственное регулирование инновационной деятельности в современных условиях.....	№ 1(9), с. 16
Рахманкулова Г.И. Анализ экономических процессов: прогнозирование развития.....	№ 2(10), с. 28
Саматова Л.Н. Функции интеллектуальной собственности и проблемы ее коммерциализации в процессе инновационного развития экономики России.....	№ 2(10), с. 32
Сергеев М.П., Гафуров Ш.И., Гурьянова Л.И. Воспроизводство человеческого капитала: теоретические аспекты.....	№ 2(10), с. 41
Хабриева М.Н. Вопросы функционирования и развития социально-экономической системы.....	№ 1(9), с. 22

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Timur V. Kramin, Stephen D. Young. Share returns distribution: empirical observations and implications for options pricing.....	№ 1(9), с. 48
Алпатов Э.С., Назмутдинова М.М. Назначение бюджетирования и его функции: теоретические аспекты.....	№ 1(9), с. 27
Биксина Н.А. Проблемы становления и развития системы регулирования рынка труда в России.....	№ 1(9), с. 32
Галеева Е.И. Оценка имиджа Нижнекамского муниципального района с помощью синергетической модели.....	№ 2(10), с. 46
Горностаева А.В. Кадры для инновационной деятельности.....	№ 2(10), с. 52
Демченко С.Г., Сибяева Г.Р. Место предпринимательства в системе государственной промышленной политики.....	№ 2(10), с. 56
Илларионов М.Г. Применение метода анализа иерархий в принятии управленческих решений.....	№ 1(9), с. 37
Кабиров И.С. Влияние туризма на экономику страны.....	№ 2(10), с. 64
Кадысева О.А. О некоторых проблемах инвестиционной деятельности.....	№ 1(9), с. 43
Крамин Т.В., Петрова Е.А. Формирование принципов корпоративного управления в России.....	№ 2(10), с. 68
Краснова О.М. Структура занятости и ее особенности в Татарстане (продолжение).....	№ 1(9), с. 61
Манушин Д.В. Совершенствование сущности, видов и других аспектов анализа финансового состояния организаций.....	№ 1(9), с. 70
Миргалеева И.В. Внебюджетные источники финансирования деятельности автономных учреждений.....	№ 1(9), с. 76
Набиуллин А.Ф. Направления антикризисных мероприятий в процессе управления организацией.....	№ 2(10), с. 76
Нурыйахметова С.М. Государственное регулирование риэлторской деятельности на рынке недвижимости.....	№ 2(10), с. 82

Садыкова Р.Ш. Проблемы корпоративного управления нефтяной промышленности.....	№ 2(10), с. 86
Трофимов А.М., Рубцов В.А., Рожко М.В. Позиционирование регионов Российской Федерации на примере Приволжского федерального округа.....	№ 2(10), с. 92
Федоров О.В. Ресурсы инновационной деятельности.....	№ 2(10), с. 97
Хамидуллина Г.Р. Роль и актуальные проблемы развития некоммерческих организаций в системе экономической безопасности региона.....	№ 1(9), с. 80
Шарифуллина Т.А. Миграция населения как фактор стабилизации рынка труда (продолжение).....	№ 1(9), с. 84

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Габсатарова И.Д. Актуальные проблемы формирования бюджетов субъектов Российской Федерации в современных условиях.....	№ 1(9), с. 94
Давыдова И.Ш. Расходы федерального бюджета РФ на социальную политику государства: тенденции и особенности решения проблем в современных условиях.....	№ 2(10), с. 101
Жилина Н.Н. Нормативное подушевое финансирование образования: модели и механизмы.....	№ 1(9), с. 99
Федулов В.Г. Налоговое регулирование как фактор воздействия на рост производства в условиях финансового и экономического кризиса.....	№ 2(10), с. 105

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА

Гусарова Л.В. Вопросы организации бухгалтерского учета бюджетных учреждений при переводе в автономное.....	№ 1(9), с. 103
Ерина Т.В. Экономико-правовой анализ практики применения агентского договора по приобретению материально-производственных запасов.....	№ 1(9), с. 110
Нагуманова Р.В. "Обычные виды деятельности" экономических субъектов.....	№ 2(10), с. 110

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Воронцова Л.В., Малюшкин П.Н. Генезис глобального экономического кризиса.....	№ 1(9), с. 116
Хикматов Р.И., Гараев А.А. Международный опыт развития кластеров.....	№ 1(9), с. 125

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Муртазина Г.М. Порядок введения в действие нормативных правовых актов и иных правовых актов органов местного самоуправления как актов публичной власти.....	№ 1(9), с. 137
Скоробогатов А.В., Куанчалева Л.Ш. Дворцовый переворот 11 марта 1801 года (историко-правовое исследование).....	№ 2(10), с. 113

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Гатауллин А.Г. Правовые средства охраны Конституции.....	№ 1(9), с. 143
Насыбуллин А.А. Проблемы электронного голосования.....	№ 1(9), с. 147
Сидоров В.В. Коалиции в парламенте и правительстве Бельгии: конституционный процесс и факторы формирования.....	№ 1(9), с. 152

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Болонин С.Ю. Толкование условий договора и правовых норм, регулирующих договорные отношения.....	№ 1(9), с. 158
Панова А.С. Техническое регулирование – правовое регулирование отношений в сфере предпринимательской деятельности.....	№ 2(10), с. 120

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Ахметгареев Р.Н.** Мотивационная сфера личности мошенника..... № 2(10), с. 129
- Ахметгареев Р.Н.** Установки и убеждения в структуре личности потерпевшего как виктимизирующий фактор при совершении мошенничества..... № 1(9), с. 165
- Зартдинова А.Р.** Субъективная сторона нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ..... № 2(10), с. 134
- Кобец П.Н.** О необходимости использования в отечественном законодательстве международного опыта предупреждения и пресечения коррупции в государственном аппарате..... № 1(9), с. 169
- Кураков А.В.** К вопросу о криминологическом изучении преступлений против правосудия..... № 1(9), с. 176
- Марьина Е.В.** Некоторые вопросы противодействия коррупции (правовой аспект)..... № 2(10), с. 137
- Нагаева Т.И.** Осознанность и волимость как признаки деяния в объективной стороне состава преступления..... № 2(10), с. 142
- Номоконов В.А., Гилевская М.А.** Коррупция в России и перспективы борьбы с ней..... № 1(9), с. 181
- Панченко П.Н.** Противодействие преступности как борьба за права человека..... № 2(10), с. 146
- Сафин Р.Ш.** Исламистский религиозный экстремизм в Российской Федерации: уголовно-правовой и криминологический аспекты..... № 2(10), с. 155
- Семьинин А.С.** Правовое регулирование финансирования политических партий в Финляндии: современное состояние и перспективы заимствования в российскую правовую систему..... № 1(9), с. 187

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Алпатов Д.С.** Использование высоких технологий при совершении отдельных категорий преступлений..... № 2(10), с. 162
- Быков В.М., Терегулова А.А.** Совершенствование оснований признания лица подозреваемым в совершении преступления..... № 1(9), с. 194
- Ермакова И.В.** Процедура вынесения вердикта присяжными заседателями: единогласное решение или голосование?..... № 2(10), с. 166
- Шайкенова С.Т.** Суд с участием присяжных заседателей в Республике Казахстан..... № 2(10), с. 170

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ; ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР; ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ; АДВОКАТУРА

- Савина Т.А.** Сущность, специфика и престиж мировой юстиции за рубежом..... № 1(9), с. 205

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

- Клёмин А.В.** Европейский энергетический рынок (старые цели и уже не новые методы)..... № 2(10), с. 178

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- Егоров В.А.** Ретроспективный взгляд на появление и виды налогов..... № 2(10), с. 192
- Исманжанов А.А.** Концепция правовой регламентации охраноспособной информации и проблематика ее эволюции..... № 2(10), с. 197

ИНФОРМАЦИЯ

- Чумаков В.А., Миронов Р.В.** Выбор сценария развития национальной инновационной системы современной России и его профессиональная база..... № 2(10), с. 201

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Агапов П.В. Отзыв официального оппонента о диссертации С.В. Алексева
«Проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в группе»..... № 2(10), с. 208

ДИСКУССИИ

Панченко П.Н. Улучшение окружающей человека обстановки как фактор повышения
эффективности противодействия преступлениям и укрепления правопорядка..... № 1(9), с. 210

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем и издателем журнала является частное образовательное учреждение «Институт экономики, управления и права (г. Казань)».

Рецензирование и редактирование рукописей (научное и стилистическое) осуществляет редакционная коллегия журнала в соответствии с требованиями к изданию научной литературы.

Тематика журнала представлена в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников: «Экономическая теория», «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятием, отраслями и комплексами)», «Экономика и управление народным хозяйством (маркетинг)», «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», «Трудовое право; право социального обеспечения», «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность», «Международное право. Европейское право», «Административное право, финансовое право, информационное право» и др.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

1. Статья передается в редакцию журнала «Актуальные проблемы экономики и права» ответственному секретарю (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Объем статьи не должен превышать 0,5 авторских листов (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами).

Материалы принимаются в распечатанном и электронном виде (на любых носителях и могут быть направлены на e-mail: apel@ieml.ru).

2. К статье в виде отдельной справки необходимо приложить:

- список авторов на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках (ученая степень, звание, место работы (полное название организации и занимаемая должность), домашний и рабочий адреса и телефоны, электронный адрес, также необходимо указать, с кем вести переговоры);
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и английском языках (не более 10 строк по ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования»);
- список литературы;
- ключевые слова на русском и английском языках;
- подписи автора(ов) (с надписью «Статья публикуется впервые и не направлена в другое издание») и дата;
- рекомендацию о публикации статьи, данную кафедрой или специалистом в соответствующей области, как правило, доктором наук (для статей, авторами которых являются лица без ученой степени или звания).

Автор, направляющий статью в журнал «Актуальные проблемы экономики и права», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, на ее размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т.д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), а также периодическом справочнике «Система ГАРАНТ» в информационном блоке «Законодательство Республики Татарстан».

Поступающие статьи проходят рецензирование, затем рассматриваются редакционной коллегией. На основании рецензии редколлегия может рекомендовать автору доработать статью. Принятые в печать статьи с замечаниями рецензента и редколлегии направляются автору. После внесения исправлений автор представляет в редакцию журнала 1 экземпляр статьи с электронным вариантом.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах ф.А4 с одной стороны. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полусторонний. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...
2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков на отдельном листе с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – не более 10 строк. Печатается в начале статьи под заголовком. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения журнала в редакции достаточно передать в редакцию письмо-заявку о желании получать журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглитмат» 250 руб. за один экземпляр журнала, с пометкой «Журнал «Актуальные проблемы экономики и права».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40 702 810 300 000 001 556, КПП 165501001, БИК 049205798, К/с 30 101 810 900 000 000 798 АКБ «БТА-Казань» ОАО г. Казань. (за журнал)

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию журнала.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции журнала:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

e-mail: apel@ieml.ru.

Ответственный секретарь редакции: Гульназ Язкарровна Дарчинова

GENERAL INFORMATION

about the Journal "Actual Problems of Economics and Law"

The Journal "Actual Problems of Economics and Law" is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. Its founder and publisher is a private educational establishment "Institute of Economics, Management and Law" (Kazan).

The reviewing and editing of the typescripts (both scientific and stylistic) are carried out by the Journal editorial board in accordance with requirements for scientific literature publishing.

The Journal's themes correspond to the nomenclature of the research worker specialties: "Economics Theory", "Economics and Economy Management (Economics, Organization and Management of an Enterprise, Branches and Complexes)", "Economics and Economy Management (Marketing)", "Civil Law; Enterprise Law; Family Law; International Private Law", "Labour Law; Social Provision Law", "Criminal Law and Criminology; Criminal-Executive Law", "Criminal Process; Criminalistics and Court Expertise; Investigation and Search Operations", "International Law. European Law", "Administrative Law, Financial Law, Informational Law", etc.

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal "Actual Problems of Economics and Law"

1. The article is submitted to the Executive secretary of the Journal "Actual Problems of Economics and Law" editorial board (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The volume of the article should not exceed 0.5 author's sheets (20 000 characters, including word spaces).

The materials are accepted in print and as electronic documents (on any medium, and can be sent to e-mail: apel@ieml.ru).

2. The article should be accompanied by the following:

- the list of authors;
- information about the authors (scientific degree, titles, place of work (full title of organization and position), home and office addresses and telephone numbers, electronic address, contact person);
- the article title in Russian and English;
- the article summary in Russian (not more than 10 lines by ГОСТ 7.9-95 "Abstract and Summary. General Requirements");
- bibliography;
- the authors' signatures (with an inscription "The article is published for the first time and has not been forwarded to another publication") and a date;
- recommendation for the article publication given by a department or a specialist in an appropriate field, as a rule, a Doctor of Science (for the articles written by persons without scientific degree or title).

Thus the author submitting an article to the Journal "Actual Problems of Economics and Law" expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The submitted articles are reviewed and examined by the editorial board. On the basis of the review the board can recommend the author to work further on the article. The article accepted for publication, together with the reviewer's and the editorial board's notes are transferred to the author. After making the amendments, the author submits 1 copy of the article with its electronic variant to the Journal's editorial board.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

The editorial board has no obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY (according to GOST 7.5-98 "Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials")

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format and printed on standard A4 sheets, on one side. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indentation – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indentation with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...

2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. The pictures can be placed in the text only with the help of editors reliably compatible with Word editor. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The summary volume is not more than 10 lines. It is published at the beginning of the article under the heading. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION to the Journal "Actual problems of Economics and Law"

The Journal "Actual Problems of Economics and Law" is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue "Press of Russia". The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 250 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of "Tatar Educational Centre "Taglimat" Ltd, with a mark "The Journal "Actual Problems of Economics and Law"".

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40 702 810 300 000 001 556, KPP 165501001, RCBIC 049205798, Corr Acc 30 101 810 900 000 000 798 JSCB "BTA-Kazan" (OJSC), Kazan (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent "collect on delivery".

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer's address or to any other address per procurationem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal "Actual Problems of Economics and Law" editorial board

Fax (843) 293-38-08

Tel. (843) 231-92-90

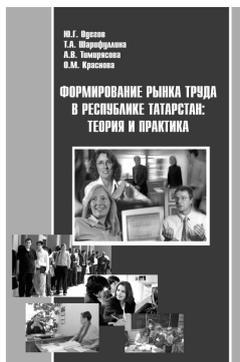
e-mail: apel@ieml.ru.

Vice Chief Editor: Igor I. Bikeev

Executive secretary: Gulnaz Ja. Darchinova

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОЗНАНИЕ» ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА (г. КАЗАНЬ)

Формирование рынка труда в Республике Татарстан: теория и практика / Ю.Г. Одегов, Т.А. Шарифуллина, А.В. Тимирясова, О.М. Краснова. – Казань: Познание, 2008. – 272 с.

Формирование современного цивилизованного рынка труда потребовало целого комплекса взаимосвязанных действий в области инвестиционной и технико-технологической политики, использования финансово-кредитных рычагов воздействия на занятость. Государство не должно было оставлять без внимания динамику взаимодействия основных составляющих рынка труда – спрос на труд, предложение труда, стоимость и цену рабочей силы. В монографии представлены результаты исследования методологических основ формирования рынка труда в Республике Татарстан, выявлены особенности его функционирования. Раскрыты внешние факторы воздействия на функционирование рынка труда, определены перспективы его развития.

Для специалистов, занимающихся проблемами рынка труда, а также преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов экономических вузов.

Нанотехнологии: новый этап в развитии человечества / под ред. В.Г. Тимирясова. – Казань: Познание, 2009. – 193 с.

Данная монография – одна из первых в России попыток восполнить пробел по социогуманитарным аспектам исследований в области нанотехнологий: в работе рассмотрены экономические, юридические и социально-психологические проблемы внедрения и использования нанотехнологий.

Предназначена для специалистов, преподавателей и студентов, занимающихся исследованиями в области нанотехнологий, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами развития современной науки.

Свободные экономические зоны / под ред. Э.С. Алпатовой. – Казань: Познание, 2008. – 208 с.

В книге рассмотрены теоретические и практические аспекты деятельности свободных экономических зон в России и за рубежом: сущность и свойства свободной экономической зоны как комплексной воспроизводственной системы, правовое регулирование экономических зон; проанализированы проблемы создания и функционирования свободных экономических зон, дана оценка эффективности деятельности свободных экономических зон (на примере ОЭЗ "Алабуга").

Монография предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей, а также всех интересующихся вопросами предпринимательской деятельности в рамках СЭЗ.

Автономные учреждения: особенности функционирования и финансирования / Г.Р. Хамидуллина, А.В. Тимирясова, И.В. Миргалеева, Л.В. Гусарова, Г.Г. Ягудина; под науч. ред. Г.Р. Хамидуллиной. – Казань: Познание, 2008. – 148 с.

В монографии исследуются методологические аспекты организации функционирования и финансирования деятельности автономных учреждений. Проводится обзор действующих норм законодательства, регулирующего деятельность автономных учреждений. Авторами четко изложены общие положения функционирования и финансирования автономных учреждений, предложены модели финансового обеспечения автономных учреждений и автономных некоммерческих организаций; методические рекомендации по использованию различных механизмов финансового обеспечения учреждений социальной сферы, в частности образовательных учреждений, в условиях введения новых организационно-правовых форм; рекомендации по внедрению в механизм функционирования автономных учреждений принципов корпоративного управления и стратегического планирования; задачи и источники финансирования. Уделяется внимание вопросам бухгалтерского учета, аудита и анализа в условиях реструктуризации бюджетных организаций и перевода в новые организационно-правовые формы.